

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 5101169 9

НИЖЕ КОСИНСКИ *СтупеНи*

Амфора

ЕЖИ
КОСИНСКИ

ступени
садовник
чертово древо

[САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

АМФОРА

2004

УДК 82/89
ББК 84 (7 Сое)
К 71

JERZY KOSINSKI
Steps
Being There
The Devil Tree

Перевод с английского И. В. Кормильцева

Произведения печатаются по изданию:
Косинский Е. Садовник. Ступени.
Чертово дерево. М.: В.С.Г.-Пресс, 2001.

*Издательство выражает благодарность госпоже
Katherina von Fraunhofer-Kosinski за предоставление прав.*

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и партнеры»*

Косинский Е.

К 71 Ступени. Садовник. Чертово дерево / Пер.
с англ., вступ. ст. И. Кормильцева. — СПб.: Ам-
фора, 2004. — 523 с.

ISBN 5-94278-424-8

Ежи Косински (1933–1991) — писатель, познавший шумную славу и скандальные разоблачения. Он сотворил из своей биографии миф и сам стал жертвой этого мифа. В сборник вошли лучшие произведения писателя: повесть «Садовник» и романы «Ступени» и «Чертово дерево».

© Steps: 1968 by Jerzy Kosinski
© Being There: 1970 by Jerzy Kosinski
© The Devil Tree: 1973 by Jerzy Kosinski
© И. Кормильцев, перевод,
вступ. ст., 2004
© «Амфора», оформление, 2004

ISBN 5-94278-424-8

СКАЗКА О МАЛЬЧИКЕ, КОТОРОМУ ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ ВЕЗЛО

Судьба Ежи Никодема Косинского

1. Миф о Косинском

В старомодном и провинциальном городе Восточной Европы в интеллигентной еврейской семье на свет появляется Мальчик. С самого начала он окружен заботой и лаской: Мамочка — пианистка-виртуоз, карьера которой не сложилась исключительно из-за того, что природа оделила ее непомерно большим бюстом, отвлекавшим внимание провинциальной публики от ноктюрнов Шопена и рапсодий Листа, — и Папочка — шахматный гроссмейстер и профессор лингвистики — души не чают в своем отпрыске. Но не за горами война. Предчувствуя наступление страшных времен, Папочка и Мамочка отправляют Мальчика в далекую, дикую деревню на краю света. Там Мальчику и суждено пробыть всю оккупацию.

Он оказывается среди невежественных и жестоких крестьян, ведущих почти животное, первобытное существование, верящих с одинаковой истовостью и ксендзу, и деревенской колдунье. Крестьяне издеваются над мальчиком, подвергают его разнообразным унижениям и не выдают его, так подозрительно смахивающего на цыгана или еврея, немцам, возможно, только потому, что хотят

всегда иметь под рукой своего собственного козла отпущения. Мальчик становится свидетелем сцен жестокости, насилия, сексуальных извращений, знакомится со всей темной изнанкой человеческой души. От этих ужасов он ищет спасения в вере, но напрасно: вот он стал уже почти своим, ему доверили прислуживать в костеле, и тут, оступившись, он роняет тяжелый тревник. Бог не протягивает руку помощи — толпа разгневанных прихожан избивает его и швыряет в выгребную яму.

Чудом спасшись из зловонной бездны, Мальчик обнаруживает, что лишился дара речи. Отныне он — немой, но немота оборачивается для него благом, ибо дураков и убогих дикари не трогают. Тем временем Мальчик замечает, что кроме его темных суеверных мучителей в мире есть и другие люди, которые живут настоящей, увлекательной жизнью. Сперва его герои — блистательные эсэсовцы в великолепных черных мундирах, но затем их побеждают и прогоняют прочь еще более яркие и сильные люди, знающие, зачем и ради чего они живут и воюют, — красноармейцы. Он становится сыном полка.

Война кончается, красноармейцы возвращаются на родину, приходит пора и Мальчику вернуться в свой Город. Некоторое время он живет жизнью беспризорника и воришки, общается с отбросами общества. Затем Папочка и Мамочка находят свое потерянное дитя. Но блудный сын оказывается чужим в отчем доме: он не может простить родителям своей оставленности, пережитых мук и страданий, через которые ему пришлось в одиночку пройти.

Он уезжает в горы, увлекается лыжным спортом и зарабатывает на жизнь тем, что становится лыжным инструктором. В один прекрасный зимний день случается чудо: Мальчик падает с высокой скалы, и к нему возвращается голос. Перед ним снова отворяются закрытые прежде двери: он может учиться, общаться с людьми, делать карьеру.

И вот Мальчик уже Студент, блестящий студент-социолог. Но он по-прежнему не в ладах с окружающим его обществом, — только дело теперь не в цвете волос или форме носа, а в убеждениях. Студент-социолог видит, что окружающее его общество больно, что идеи социализма внутренне лживы. Ему не всегда удастся скрыть свои взгляды, на него косо смотрят, пытаются даже преследовать, но обожающие Студента профессора покрывают его и отводят от него беду. Благодаря своим академическим успехам Студент получает направление на стажировку в Советский Союз, где еще более убеждается в том, что с коммунизмом ему не по пути.

Отныне он — юный Диссидент, неустанно мечтающий вырваться из советского лагеря в свободный мир, где он сможет беспрепятственно работать и творить. Однако сбежать не так-то просто: чтобы получить доступное обычно только детям партийных боссов направление на учебу в США, необходимо согласие органов, рекомендации академиков... И вот Диссидент решается на отчаянный шаг. Зная, что его благонадежность под сомнением и нужные бумаги вряд ли могут быть получены официальным путем, он фабрикует характеристики от несуществующих академиков и профессоров и от их имени

вступает в оживленную переписку с госбезопасностью. Каждую секунду возможны разоблачение и арест: Диссидент носит зашитую в воротник пальто ампулу с цианистым калием. Но фортуна снова улыбается ему: бюрократическая машина равнодушно проглатывает подsunутую ей липу. Вскоре он держит в руках паспорт с визой и билет на ту сторону океана.

Диссидент ступает на американскую землю, как ступали многие до него: с 2.80 \$ в кармане и облаченный в не менее дикую для Нью-Йорка, чем боевое одеяние самурая, ондатровую шубу. Впрочем, он уже не Диссидент, он — молодой Иммигрант. Ибо возвращаться на родину не намерен.

Сперва Иммигрант делает то, ради чего он, собственно, в Америку и приехал: посещает лекции в одном Американском Университете и готовится к докторату. Правда, на деньги, которые выдают ему разные фонды, концы с концами вряд ли сведешь. Приходится пройти всю положенную молодому Иммигранту житейскую школу: он работает сторожем в паркинге, моет машины, разносит пакеты и даже служит личным шофером у чернокожего криминального босса из Гарлема. Попутно он мечтает о богатстве, о славе, о всем том, о чем положено мечтать молодому Иммигранту в Америке.

И тут приходит Любовь. Любовь старше Иммигранта, это уверенная в себе Американская Женщина. Она долго скрывает, кто она такая и чем занимается, но, убедившись в искренности чувств юноши и в серьезности завязавшихся отношений, признается: она — вдова Американско-

го Миллионера и, следовательно, сама — Американская Миллионерша!

Отныне у Иммигранта есть всё, ему больше не приходится заботиться не только о хлебе насущном, но даже о насущной черной икре. Он летает на личном самолете, плавает на личной яхте, демонстративно паркует свой личный лимузин там, где он сторожил чужие. У него есть Любовь и деньги, он вращается в блестящем международном обществе среди тех, у кого нет Великой Американской Мечты, потому что они сами — Великая Американская Мечта.

У бывшего Иммигранта есть всё, но ему хочется не только иметь всё, но и стать Кем-то. К диссертации возвращаться, правда, он уже не торопится — не те амбиции. Но и быть просто молодым мужем Американской Миллионерши — тоже не вполне прилично. И вот однажды Любовь говорит ему: «Ты столько испытал, столько пережил, твоя жизнь полна чудес и невероятных приключений. Опиши ее, и ты станешь великим Американским Писателем». Он пишет свою первую книгу, книгу публикуют, писатели и критики в восторге. Он стал Американским Писателем, возможно и не великим, но очень известным.

Он пишет еще книги — все они встречают восторженный отклик. Правда, Любовь его тем временем тяжело заболевает: у нее опухоль мозга. Из-за болезни она не всегда контролирует свое поведение, и ей приходится проводить все больше и больше времени в закрытых клиниках. Врачи не обещают улучшения; в конце концов она сама уговаривает Писателя развестись с ней, чтобы он не связывал свою судьбу с инвалидом.

Но нет худа без добра: теперь он свободен и богат (естественно, Любовь завещала ему все свое состояние), возвращается в высшем свете, он знаменит — он становится еще и Американским Плейбоем.

Влиятельные друзья хлопают его по плечу, дают ему советы, дают рекомендации Кому Следует: Американского Писателя избирают главой престижной Организации Американских Писателей. На этом посту он борется за свободу слова, за права творческой личности, вытаскивает других писателей из тюрем в странах, таких же несвободных, как его родина, первым пожимает им руку на американской земле, гуляет по Нью-Йорку с другим бывшим мальчиком и церковным служкой Каролеком Войтылой и спрашивает, не случилось ли тому хоть однажды уронить требник.

Тем временем готовится внезапная перемена декораций: Враги не дремлют, они выводят из тени Свидетелей, которые прежде были немые. (О эта немота, она играет роковую роль в его жизни!) Свидетели начинают говорить и обвинять. Они утверждают: «Он никогда не был тем Мальчиком, о котором написано в его книге. Он никогда не был немым лыжным инструктором. Он никогда не был юным Диссидентом».

В мифе все звенья взаимосвязаны, отрицание одного звена ставит под сомнение весь миф. Если Христос не был Сыном Божиим, то Евангелия лишены всякого смысла. Если Геракл не совершал первого подвига, мы не обязаны верить и в остальные одиннадцать.

Когда опровергнуто неочевидное, люди начинают сомневаться и в очевидном: если он не тот,

за кого себя выдавал, может, он и не Американский Писатель? А может, его не было вовсе? Если люди начинают во что-то верить, оно рано или поздно случается. Одним нью-йоркским вечером его не стало. Он сыграл свою последнюю роль — роль Самоубийцы. Впрочем, у этой роли было одно очевидное достоинство: тело, лежащее в ванне с пластиковым мешком на голове и с барбитуратом в желудке, — это такой факт, который не взялись оспорить даже самые закоренелые скептики.

2. Факты о Косинском

Ежи Никодем Левинкопф родился в Лодзи 14 июня 1933 года в семье текстильного коммерсанта и домохозяйки. Перед самым началом войны предусмотрительный глава семейства перевез своих домочадцев в тихий провинциальный Сандомир. Там, благодаря связям и изворотливости, он выправил обеспечивающие относительную безопасность документы на польскую фамилию Косински. Затем, заметая следы, отправился еще дальше — в маленькую деревушку Дамброва-Жечицки. В ней семья Левинкопфов и провела военные годы.

Благодаря своим талантам и относительной обрцованности отец легко вписался в местное общество. Немцев в Дамброве не было, и жизни членов семьи реально ни разу ничего не угрожало, хотя скользкие ситуации, когда конспирация трещала по швам, возникали неоднократно. Маленький Ежи дружил со своими деревенскими сверстниками и не испытал ничего и отдаленно похожего на

те круги ада, которые он описал позднее в своей первой книге «Раскрашенная птица». Но это, конечно, только поверхность событий: трудно предположить, что думал и ощущал мальчик, которому приходилось постоянно помнить, что он должен скрывать свою настоящую фамилию, прошлое своей семьи, называть братом чужого ребенка, которого семья Левинкопф прихватила с собой. А такие вроде бы мелочи, как необходимость скрывать от других мальчишек явный физический признак своего еврейства... Игры в шпионов нравятся детям, но шесть лет, прожитые в режиме нелегала, не могли не наложить некоторый отпечаток на психику ребенка. Может быть, именно в этом корень потребности взрослого Косинского в постоянном мифологизировании своей биографии, в безудержном фантазировании...

Война кончается, и семья возвращается в разоренную Лодзь, где в живых не осталось практически никого из друзей и родственников. Ежи заканчивает школу, поступает в университет на отделение социологии, увлекается фотографией. Он на хорошем счету у преподавателей, пользуется успехом у женщин, действительно занимается лыжным спортом, хотя и не в такой степени, чтобы работать инструктором. И конечно же, как вы уже догадались, о немоте нет и речи. Напротив, слава удивительного рассказчика и неутомимого шутника (правда, подчас патологически жестокого) бежит за ним по пятам.

Да, у него бывают конфликты с политическими организациями, но вызваны они скорее его чрезмерно острым языком и обычной юношеской фрондой, чем принципиальными расхождениями

с существующим режимом. Не раз он оказывается на грани конфликта с университетским истеблишментом, но на шалунишку смотрят сквозь пальцы и не задумываясь посылают на стажировку в Москву — поучиться марксистской науке у Большого Брата.

Однако амбиции юноши не удовлетворяются научной карьерой: он признается ближайшему другу в мечте жизни — уехать в Америку и стать там страшно богатым. Например, женившись на вдове миллионера. Но наиболее легкий путь за океан лежит все-таки через университет. Получить направление оказывается делом относительно несложным — никаких подложных характеристик или игр с госбезопасностью, не говоря уже об ампуле с ядом в воротнике пальто. Значительно более трудным делом оказывается убедить американских социологов в том, что он — именно тот студент, который им нужен. Вот тут приходится идти на некоторый подлог и передергивание карт. Но в конце концов задуманная комбинация удаётся — 20 декабря 1957 года Косински высаживается в аэропорту Айдлуайд.

Не с 2.80 \$ в кармане, а с пятьюстами, полученными в помощь от дяди, бывшего моряка американского торгового флота. Впрочем, с началом учебы в Колумбийском университете денег действительно начинает постоянно не хватать. Приходится подрабатывать. Что из «университетов» Косинского было правдой, а что — вымыслом, разобраться до сих пор не удалось. Как всякий истинный Мюнхаузен, Косински обладал удивительным свойством — он умел доказывать правдивость своих рассказов, когда до этого доходило дело. Очевидно,

стигматы способен обрести не только истинно верующий, но и талантливый враль. Так, Ежи рассказывал, что, скрываясь от врагов в детстве, он научился идеально прятаться в любом незнакомом помещении, — и действительно, в искусстве этом он достигал практически высот Гудини. Он рассказывал затаившим дыхание слушателям, как крестьянин-садист день изо дня подвешивал его за руки к потолку на кожаных ремнях, — и даже врачи подтверждали в один голос, что плечевые суставы его неестественно вывернуты и носят явные следы хронической травмы. Он утверждал, что, работая шофером у черного гангстера в Гарлеме, достиг виртуозности в управлении автомобилем, — и не раз на глазах у восхищенных друзей на полной скорости сдирал бортом машины тонкие книжки, прикрепленные скотчем к борту другой машины, не царапав обшивки.

В кругу новых людей, имеющих самое приблизительное представление о Европе во времена гитлеровской оккупации, да и о Польше вообще, потрясающие воображение, почти нереальные рассказы Косинского о событиях его детства и юности моментально стали пользоваться успехом. Можно сказать, что миф о Косинском утвердился и стал его официальной биографией в первые три года жизни в Америке. Проверить рассказчика было трудно: обмен информацией с оставшимися за железным занавесом был скудным, а среди польской эмиграции Косински тщательно обеспечивал себя соответствующей легендой и старательно уклонялся от контактов с людьми, которые потенциально могли опровергнуть его рассказы.

А друзей он завоевывал себе все больше и больше (и женщин, в обольщении которых он и в Америке не знал себе равных) и быстро стал таким же центром внимания в американской застольной беседе, каким был в беседе польской. С разговорным английским все было в полном прорядке, хуже дела обстояли с английским письменным: Косински не смог повторить подвига своего соотечественника Джозефа Конрада. Слог его навсегда остался слогом иностранца.

Поэтому, когда в 1958 году он начал писать свою первую (пока еще эссеистическую) книгу «Будущее за нами, товарищи!», он вынужден был нанять литобработчика. Значительное участие обработчиков и консультантов, которые придавали окончательную форму произведениям Косинского на протяжении всей его писательской карьеры, сыграло впоследствии (когда разразился скандал) роковую роль. Впрочем, роль не менее роковую сыграла и предыстория первых двух книг писателя — уже упомянутой «Будущее за нами, товарищи!» и ее продолжения «Третьего пути нет» (1962). Эти произведения, изданные под псевдонимом Джозеф Новак, представляют собой воспоминания о поездках Косинского в СССР — в меру забавные, в меру едкие, с недвусмысленным идеологическим подтекстом. Книги создавались по косвенному заказу ЮСИА, под вывеской которого, как выяснилось позднее, скрывалось ЦРУ, спонсировавшее серию «страноведческих» воспоминаний выходцев из стран коммунистического блока. Интеллектуальная Америка, та значительная ее часть, которая грешила левыми симпатиями, и это припомнила Косинскому в должный момент.

Книги Джозефа Новака принесли Косинскому умеренный успех в интересующихся Восточной Европой кругах, но не принесли больших денег. К тому же не складывалась академическая карьера: вовлеченный во все более и более разрастающийся круг светского общения, Косински быстро терял интерес к социологическим штудиям, пока полностью не забросил их. Деньги от фондов и гранты он, впрочем, не забывал систематически получать. И тем не менее, несмотря на все, положение его оставалось довольно шатким.

И тут внезапно давняя юношеская мечта была преподнесена ему судьбой, что называется, на блюдечке. В 1961-м Косински знакомится с Мэри Уэйр, вдовой сталелитейного магната из Питсбурга. Вспыхивает бурный роман (на фоне, правда, пары других, не менее бурных), быстро завершающийся браком. С этого момента миф и факт в судьбе Косинского еще плотнее сплетаются друг с другом, хотя он остается верным себе: фантазия его продолжает приукрашивать не только прошлое, но и настоящее. И Мэри оказалась не так богата, как хотелось бы (о личных самолетах уж точно речи не шло), и любовь не столь большой, как она предстала позднее в романах «Смотровой фонарь» и «Свидание вслепую». И знаменитая «опухоль мозга» была заурядным алкоголизмом, который и вынудил Косинских развестись через пять лет. Впрочем, Косински умел пускать пыль в глаза до такой степени, что даже этот период его биографии, протекавший, в отличие от детских странствий по припятским болотам, у всех на глазах, утвердился в сознании даже ближайших друзей именно в той форме, какую Косински пожелал придать ему!

Впрочем, главное было достигнуто: Косински получил американское гражданство, познакомился с кругом сильных мира сего, достиг относительной финансовой независимости. И, что важнее всего, за время жизни с Мэри Уэйр он создает (и в 1964 году публикует) свой первый роман «Раскрашенная птица».

Идея придать художественную форму устным рассказам Косинского о пережитом в детстве действительно исходила от женщины, но это была не Уэйр, а приятельница Ежи польская эмигрантка Мира Михайловска, и случилось это за шесть лет до написания «Раскрашенной птицы», но верный своим принципам Косински позднее включил историю появления замысла книги в канву своей жизни в том виде, в которой она более соответствовала творимому мифу. Нельзя сказать, чтобы Косински пошел на этот шаг без колебаний (шесть лет выжидания говорят сами за себя). Соблазн был очень велик, но и риск — тоже. Одно дело байки, рассказанные за коктейлем на вечеринке, другое — письменный текст, по которому будут судить об авторе, в том числе у него на родине. До самого момента публикации Косински предпринимал осторожные попытки настроить мнение хотя бы критиков таким образом, чтобы роман не был воспринят в автобиографическом ключе. Но делал он это нехотя, с такой уклончивостью и двусмысленностью, что становится очевидным — Косински прекрасно понимал, что именно автобиографическая подоплека романа сделает его сенсационным.

Одним из свидетельств этих, не до конца искренних, усилий служит текст своеобразной самоцензии, озаглавленной «По поводу „Раскрашен-

ной птицы“: заметки автора». Этот текст Косински напечатал за свой счет в виде брошюры, которую рассылал литературной публике. Все оказалось напрасным. Америка хотела мученика, пострадавшего от обоих великих тоталитарных режимов XX века, — и она его нашла. «Раскрашенная птица» становится бестселлером, ее сравнивают с «Дневником Анны Франк», автора ставят рядом с Камю и Сартром. Мнение о книге единодушно, ее документальная основа не вызывает ни у кого ни малейших сомнений. Да и какие могут быть сомнения, если даже мать писателя пишет восторженное письмо, из которого следует, что судьба маленького Ежи была именно такой, как судьба героя «Раскрашенной птицы»! (Был тут сговор или снова сработала магическая способность Косинского делать небывшее бывшим, так и осталось неизвестным.)

С первого же романа Косински оказывается в рядах литературной элиты США. Второй его роман, «Ступени» (1968), получает награду как лучшая книга года, и каждое последующее произведение — «Садовник» (1970), «Чертово дерево» (1973), «Смотровой фонарь» (1975), «Свидание вслепую» (1977), «Мистерия» (1979) — пользуется восторженным приемом критики и (что еще важнее) любовью читателей.

После развода с Мэри Уэйр в 1966 году, Косински женится на Кики фон Фраунхофер (которая, естественно, в дальнейших текстах Косинского оказывается не меньше чем «баварской баронессой») и продолжает вести вполне благополучную жизнь известного писателя, не переставая, впрочем, ни на миг развивать и обогащать свою мифологию.

В качестве наглядного примера приведем только один нашумевший случай: Косински возвращается из путешествия по Европе вместе со своим приятелем еще с лодзинских времен — знаменитым кинорежиссером Романом Полански и группой его друзей. Из Нью-Йорка Полански отправляется в Лондон, а остальные должны пересечь на рейс до Лос-Анджелеса, чтобы провести уикенд на вилле Полански. Авиакомпания теряет багаж Косинского, и он вынужден заночевать у себя дома, чтобы присоединиться к своим спутникам на следующий день. Остальные улетают в Лос-Анджелес, где их уже поджидает Чарли Мэнсон со своей бандой. Итог: знаменитая кровавая резня. Рука судьбы в очередной раз спасает вечного мученика. Впрочем — как это характерно для нашего мифа! — до сих пор нет убедительных доказательств, действительно ли Косински собирался в Лос-Анджелес... И к кому...)

В 1973 году Косински становится президентом Американского ПЕН-клуба и остается на этом посту два полных срока. Здесь его деятельность, впрочем, свободна от всякой мифологии: он действительно добивается больших успехов в поддержке писателей, страдающих от авторитарных режимов, в повышении значимости и престижа ПЕНа.

Карьера Косинского идет по нарастающей: в 1979 году он совершает успешный прорыв на территорию кинематографа. Хол Эшби экранизирует «Садовника», Косински сам пишет сценарий. Блестящий фильм с Питером Селлерсом в главной роли восторженно принимается всеми, и Ежи становится окончательно своим не только среди нью-

йоркской богемы, но и в Голливуде. Вскоре самого Косинского приглашают играть роль Григория Зиновьева в историческом полотне Уоррена Битти «Красные», и Косински неплохо играет — так, что роль его чуть ли не спасает этот тяжеловесный и чересчур идеологически ангажированный опус. Косинского номинируют на «Оскара» за лучшую роль второго плана; он проигрывает в голосовании не кому-нибудь, а самому Джеку Николсону... Тем временем выходит его (оказавшийся предпоследним) роман «Китайский бильярд» (1982). Критика впервые встречает в штыки что-то, вышедшее из-под пера Косинского: роман многим кажется слишком, выражаясь отечественным сленгом, «попсовым», но он открывает перед Косинским перспективы еще в одной области: ряд известных бродвейских продюсеров усматривают в романе материал для сногшибательного мюзикла; начинают готовиться к постановке, которой, однако, не суждено было осуществиться.

Колокол пробил именно тогда, когда, казалось, ничего уже не могло угрожать столь прочной карьере: в конце концов, так ли уж важно, что на самом деле было двадцать и тем более сорок лет назад. (Не о преступлениях же против человечности идет речь!) 22 июня 1982 года журнал «Виллиджвойс» напечатал пространную статью, озаглавленную в духе правдинского фельетона: «Ежи Косински: слова с гнильцой». Косински знал о готовящейся публикации, он встречался с авторами, которые пытались добиться от него правды (или того, что они считали правдой), — Косински остался верен своей политике двусмысленностей и недомолвок.

Непосредственным поводом к написанию статьи было сиюминутное политиканство: Косински занял в тот момент откровенно прорейгановскую, неоконсервативную позицию (в отличие от большинства пишущей братии) и участвовал в работе нескольких ассоциаций и комитетов подобного толка, но истинные причины, как обычно, лежали глубже: в течение многих лет армия филологов зарабатывала ученые степени на прозе Косинского, все глубже и глубже вгрызаясь в факты времен оккупации Польши, и в ходе исследований задавалась все более и более обоснованными сомнениями по поводу аутентичности описанного в «Раскрашенной птице». (Впрочем, в Польше в это никто не верил с самого начала, но кто будет прислушиваться к красной пропаганде, травящей талантливого инакомыслящего?) Работы, содержащие выводы в этом духе, уже за несколько лет до скандала появлялись в университетских изданиях, но читала их явно не та публика, которая посещала приемы ПЕН-клуба и церемонии вручения «Оскара». Другое дело «Виллидж войс»...

Авторы статьи, Стоунз и Фермонт-Смит, упомянули Косинскому всё: и военное детство (как же, пил молочко и ел яички, пока другие в Освенциме мерли), и деньги из кассы заведения в Лэнгли, и роман малоизвестного прозаика Тадеуша Доленги-Мостовича «Карьера Никодема Дызмы», сюжет которого оказался подозрительно близок к сюжету «Садовника», ну и конечно же армию литературных негров, поработавших над рукописями Косинского. Скандал всегда скандал, особенно если речь идет о знаменитости. Разоблачения посыпались лави-

ной, и под сомнение было поставлено все — каждая строчка, каждая деталь биографии.

Возможно, Косинскому и удалось бы выплыть из поднявшейся бури, если бы ему хватило сил сохранять невозмутимость и отмахиваться от нападок с чувством оскорбленного достоинства — Америка знавала и не такие скандалы. Сил ему не хватило. Скорее всего потому, что он всегда интуитивно боялся чего-то в этом роде, — намеки на этот, граничивший с паранойей, страх щедро рассыпаны по страницам его романов. Может быть, маленький мальчик из Лодзи так и не отучился пугаться пристальных взглядов и каверзных вопросов незнакомых людей, честный ответ на которые иногда означает разоблачение и смерть...

Последовала затянувшаяся агония, в ходе которой Косински все больше и больше погрязал в разного рода сомнительных предприятиях и — как это бывает почти всегда — в дрызгах личной жизни. 2 мая 1991 года он окончательно разрешил для себя противоречие между правдой и вымыслом в своей жизни, предоставив остальным разбираться в этом.

Повторим слова самого Косинского: «Совершая самоубийство, человек становится частью истории (в том смысле, что люди могут и даже обязаны говорить о нем „он был“). Он перекладывает ношу своего прошлого на плечи мира, на плечи истории. Но даже в случае саморазрушения тень переживает тело. Актом самоубийства человек обязывает других вспоминать его и судить о нем, обсуждать, каким он был. Это способ жить после смерти. («А ргорос романа „Ступени“»).

Познакомившись с двойной историей жизни Ежи Косинского, нельзя не заметить, что миф и реальность находятся в ней в хорошо знакомых каждому со школьной скамьи отношениях — отношениях между лирическим героем и автором. Вся особенность состоит в том, что общество (не без откровенного подыгрывания со стороны автора) однозначно отождествило автора с его героем, придав тем самым вымыслу статус документа. В этом смысле, в отличие от многочисленных литературных мифов нового времени, протагонисты которых предпринимали немалые и вполне сознательные усилия, чтобы натянуть на себя придуманные ими за рабочим столом или рюмкой абсента личины, в случае Косинского миф родился по взаимному согласию. Общество хотело этого мифа даже едва ли не больше, чем сам мифотворец. Впрочем, подобные случаи — не редкость в истории литературы: достаточно вспомнить хрестоматийные свидетельства образованных (по стандартам своего времени) современников Алигьери, которые вполне серьезно утверждали, что от того постоянно пахло адской серой.

Поневоле напрашивается параллель с известным происшествием в уездном городе N, если бы не одна немаловажная деталь — своего «Юрия Мирославского» Косински все-таки написал. С помощью или без помощи «литературных негров» (а таковая помощь в иную историческую эпоху не бросила особой тени на талант ни Бальзака, ни Дюма-отца) он создал около десятка романов,

многие из которых стали бестселлерами. Романов, в которых отразилась его буйная, порою несколько извращенная фантазия и талант прирожденного рассказчика. Романов, которыми зачитывался в свое время американский миддл-класс. Романов, литературные достоинства которых и сейчас трудно полностью отрицать.

И (в отличие опять-таки от легкомысленного голевеского персонажа) Косински прекрасно понимал, чем чревата его игра, тяготился этим, но не мог отказать себе в удовольствии быть захваченным потоком событий. Свидетельства этого столь щедро рассыпаны на страницах его прозы, что теперь, задним числом, просто трудно понять, как никто не смог (не захотел?) вычитать между строк правду об авторе.

Самое показательное произведение в этом смысле — «Садовник»: умственно неполноценный Шанс является в вашингтонский высший свет из абсолютного небытия — всю свою бессознательную жизнь он провел в заточении в особняке деда, скрывшего таким образом плод незаконной связи своей дочери. Он не умеет почти ничего, не знает о жизни почти ничего, он как попугай повторяет банальные фразы повседневного этикета, выученные с экрана телевизора. И этого достаточно — люди не ждут от ближнего откровений, они хотят всего лишь, чтобы тот соответствовал модели, которая сделает его понятным. В глазах бизнесменов Шанс оказывается бизнесменом, благородной жертвой финансовой депрессии, в глазах политиков — подающим надежды политиком, в глазах шпионов — шпионом, а в женских глазах — неотразимым любовником.

В некоторых сценах «Садовника» Косински совмещает себя со своим героем до такой степени, что это граничит с саморазоблачением или эксгибиционизмом:

Низенький, лысый человечек припер его к какому-то шкафу, очень колючему и неудобному.

— Я — Рональд Стиглер, издательство «Эйдолон букс». Рад познакомиться с вами, сэр.

<...>

— Мне пришла в голову мысль, — сказал Стиглер, прислоняясь к стене, — которую разделяют мои коллеги: а неплохо было бы вам написать для нас книгу! Что-нибудь по вашему профилю. Ведь из Белого дома взгляд на вещи совсем другой. И читать вас будут с большим интересом, чем рассуждения какого-нибудь яйцеголового или твердолобого субъекта. Что вы на это скажете?

Ожидая ответа, Стиглер в несколько приемов осушил свой мартини и схватил с подноса у пробежавшего официанта еще один.

— Выпьете со мной? — предложил он Шансу и подмигнул.

— Нет, спасибо. Я не пью.

— Скажу вам честно, я полагаю, что ваша философия может принести стране большую пользу. «Эйдолон букс», со своей стороны, готово взяться за ее пропаганду. Я могу немедленно предложить вам шестизначный аванс в счет авторских, а после его погашения — высокий процент от продаж и отличные условия в случае повторных изданий. Мы можем подписать контракт в течение двух дней и готовы ждать от вас рукописи целый год или даже два.

— Я не умею писать, — сказал Шанс.

Стиглер понимающе улыбнулся:

— *Естественно! Кто в наши дни умеет писать?! Никаких проблем! Мы дадим вам в помощь лучших редакторов и литературных секретарей. Я сам не смог бы написать даже открытки своим детям. Ну и что?*

— *Я и читать не умею, — прибавил Шанс.*

— *Конечно не умеете! — воскликнул Стиглер. — У кого есть время на книги? Никто не читает — все говорят, слушают, смотрят, глазают.*

Словно ходячее зеркало, Шанс движется по светским салонам, телевизионным студиям и дипломатическим приемам, и каждый находит в нем то, что хотел найти. Косински бесспорно чувствовал и понимал, в чем состоит один из секретов его успеха, и это придало ту особенность его мифу, которой начисто лишены его предшественники, в том числе Никодем Дызма из романа Доленги-Мостовича, плагиатом с которого пытались объявить «Садовника».

Будучи писателем, Косински отражал созданную легенду о себе в своих же произведениях под видом повествования о третьих лицах, которые более (как в «Садовнике») или менее (как в «Раскрашенной птице» или «Ступенях») дистанцированы от автора. Если вспомнить, что при этом многие ситуации, осуществленные (или придуманные) Косинским в жизни, изначально были почерпнуты из литературы (тот же роман о Никодеме Дызме был прочитан Косинским в юности, и очевидцы вспоминают, что Ежи был заморожен совпадением имени главного героя и своего второго имени Никодем, редкого в Польше, и часто говорил об истории Дызмы как об идеальной модели карьеры,

которую он хотел бы осуществить), то круг замыкается. Литературный вымысел, разыгранный на подмостках жизни, возвращается на бумагу, становясь вымыслом о вымысле. Игра зеркальных отражений и двойников доводится до абсурда и превращается в дурную бесконечность, как на знаменитом рисунке Эшера, где рука рисовальщика рисует рисунок руки, рисующей, в свою очередь, рисующую ее руку...

Отправляясь от факта, Косински приукрашивает его, делая происшедшим то, что могло бы произойти. Фантазии и страхи мальчика, вынужденного скрывать, кто он такой, в окружении потенциальных врагов, становятся реальными пытками и страданиями героя «Раскрашенной птицы»; надежды и мечты безденежного молодого человека — похождениями богатого бездельника Уэйлена из «Чертова дерева». Впрочем, ничего особенно необычного в этом нет — ясно до банальности, что на подобной эмоциональной эмпатии держится все здание литературы. И все же никто не предал остракизму Гёте за то, что он не пустил себе пулю в лоб. Впрочем, никто и не считал его Вертером.

Миф художественной литературы, укорененный в неполном отождествлении автора и его многочисленных alter ego (если отождествление полное, то литература уже не художественная), является общим местом языка культуры. Риск конфликта возникает только при столкновении литературного мифа с мифом иной (социальной, религиозной или исторической) природы. Именно такая коллизия оказалась роковой для Ежи Косинского, но она же и доказала значимость созданной им

Истории Себя («Искусство Себя» — так был озаглавлен в рукописи роман «Ступени»).

Несмотря на то что обвинения в адрес писателя в момент скандала 1982 года были разнообразны и разнородны, только одно из них могло рассчитывать на то, чтобы вызвать подлинное праведное негодование. Косински не был Мальчиком из «Раскрашенной птицы», а следовательно — не был жертвой холокоста и не имел права говорить от лица настоящих жертв, претендовать в какой-то степени на роль их символа. Миф литературный столкнулся с великим мифом иной природы — мифом о природе нацизма, и дал трещину. Айсберг в который раз оказался прочнее «Титаника».

Надо отметить, что взгляды самого Косинского на этот вопрос никогда не отличались ортодоксальностью: вспоминают, как однажды кто-то еще в начале 60-х в присутствии Косинского взялся попрекать членством в гитлерюгенде корреспондента «Тайм» Фриделя Унгехейера. «Заткнитесь все! — неожиданно взорвался Косински. — Что вы об этом знаете? Мы оба жертвы».

Образы эсэсовцев и красноармейцев в «Раскрашенной птице» сливаются в глазах Мальчика в почти неразделимое целое, в героическую, квази-эротическую модель для подражания; стоящие же за ними фигуры диктаторов — в тот столь излюбленный Косинским образ «человека без свойств», в которого люди сами вкладывают свои ожидания, в то, что заменяет Бога в мире умершего Бога. И действительно, если присмотреться, то (сколь кощунственным на первый взгляд ни покажется подобное утверждение) между Гитлером или Сталиным

и Шэнси Сэдовником нет непреодолимой пропасти. Личности весьма средних интеллектуальных способностей, не высказавшие никаких особенно оригинальных идей, они вместили в себе чаяния «взбунтовавшихся масс», повторили слова, которые эти массы сами страстно желали услышать. В понимании этой диалектики (так же, как и сексуальной подоплеку фашизма) Косински оказался одним из пионеров, предвосхитив и фроммовскую концепцию «бегства от свободы», и его же знаменитую сентенцию о том, что фашизм оказался самой яркой и своевременной демонстрацией правоты психоанализа. Эти (и многие другие) отклонения от ортодоксии расхожего мнения можно было, однако, простить чудом уцелевшей жертве фашизма или попросту постараться не обращать на них внимания. Их нельзя было простить (и очень не хотелось прощать) закоренелому сочинителю, особенно в Америке.

Особенно — потому что только там, в отличие от Старого Света, человеку толпы волею исторических обстоятельств оказалось легко занять позицию постороннего по отношению к бурям, терзавшим Евразию. (Впрочем, как показывает наш недавний опыт, абстрагироваться от своей вины можно легко и быстро, не отделяя себя океаном от театра действий.)

Уходящий XX век создал еще одну возможность во взаимоотношениях между зеркалом и Калибаном, не предусмотренную автором метафоры. Довольный Калибан смотрится в электронное зеркало, сжимая в лапе пульт дистанционного управления, и гыкает на свое отражение: «Экий урод! Как

хорошо, что это не я!» Это уже не реализм и не романтизм, это — массовая культура. Косински одним из первых в литературе уловил эти свойства телевидения, «самого опасного и распространенного наркотика современности», по словам Теренса Маккенны. В телевидении он увидел новое воплощение волновавшей его с детства темы масок и зеркал.

Подражая людям, которых он видел в телевизоре, Шанс пододвинул к столу свободное кресло и сел. Операторы с камерами неслышно кружили вокруг столика. Ведущий наклонился к Шансу.

Завороженный пристальным вниманием камер и едва различимых зрителей, Шанс решил: будь что будет. В голове его было пусто, он был весь напряжен и в то же время безразличен к происходящему. Камеры втягивали в себя изображение его тела, фиксировали каждое его движение и бесшумно рассылали сигнал по миллионам телеприемников, рассеянных по всему миру — по комнатам, салонам автомобилей и самолетов, каютам кораблей и номерам отелей. На Шанса смотрело сейчас больше людей, чем он встречал за всю свою жизнь, — людей, которые не были с ним даже знакомы. Люди, которые видели изображение Шанса на экране, не знали о нем ничего; откуда они могли знать, если он с ними никогда не встречался? В телевизоре отражалась только поверхность, камеры снимали изображение с владельца, как кожуру, а затем оно падало в бездну глаз телезрителя и безвозвратно исчезало. Объективы камер уставились на Шанса, как свиные рыла, равнодушно превращая его в картинку, доступную миллионам. Эти миллионы никогда не узнают, что Шанс — живой и настоящий, потому что телевизор не пере-

дает его мыслей. А он сам никогда не увидит своих зрителей и не узнает, о чем они думают, — они навсегда останутся для него только мыслью в голове.

Наблюдательность и проницательность вообще присущи Косинскому в его лучших работах, как и умение увидеть несколько вперед своего времени. Можно достаточно долго перечислять, в чем и как он оказался внимательным и безжалостным аналитиком современного человеческого существования.

От многих страниц Косинского становится неуютно, словно кто-то говорит тебе: «И ты сам такой же, и твоя жизнь и дела наполовину выдуманы, ты видишь отражение собственного отвратительного лица в том, кого тебе удобно называть Другим». Впрочем, вряд ли именно это выделило Косинского на фоне современного ему литературного пейзажа — он, очевидно, не самый жестокий и, возможно, не самый одаренный из числа подобных аналитиков. Особое положение Косинского было достигнуто способом, выходящим за рамки текста: превратив свою биографию в определенного рода вымысел, Косински обеспечил себе удобную платформу для бичевания социума (человек, столько выстрадавший, имеет право бичевать), но одновременно подставил себя самого под удар, оказал неоценимую услугу своим будущим ниспровергателям (ибо выстрадал не настолько уж больше многих и многих своих современников). Как только вымысел был разоблачен, перестали прощать и то, что прощали раньше.

С позиции повседневного опыта взлет Косинского и последовавшее за ним трагическое падение

понять нетрудно, но это не закрывает главного вопроса: является ли способ, который использовал Косински, чтобы придать своим текстам особый смысл и звучание, допустимым с позиций литературы, или он автоматически переводит его деятельность в другие области — этические или даже юридические. Является ли мистификация подобного размаха если не оправданной, то хотя бы допустимой?

Ответить на этот вопрос не так-то легко, хотя бы потому, что слово «вымысел» катастрофически меняет свои коннотации, переходя из области литературоведения в область социального поведения. Это не случайно: можно сказать, что литература (и художественное творчество вообще) — это последнее прибежище, законное «игровое поле» вымысла, признанного социально неприемлемым конвенциональной этикой. Но ограды этой резервации постоянно трещат по швам.

Особенно это заметно в области массовой культуры: родители подростков, регулярно подающие в суд на авторов определенных кинокартин или музыкальных произведений как на соблазнительей, сподвигнувших их чад на суицид или криминальное поведение (и суды, принимающие решения в пользу истцов), вряд ли знакомы с теорией все того же Уайльда, согласно которой литературный герой, подобно Платоновой идее, предшествует своему воплощению в конкретные человеческие типажки. Однако ведут они себя в полном соответствии с этой теорией.

Литература, как один из родов художественного творчества, конечно, вымысел, но вымысел

определенного сорта, вымысел правдоподобный. О том, что слова открывают больше истины, чем мнения о словах, было известно еще Конфуцию. Не случайно факт не может быть правдоподобным (или это уже не факт): язык магическим образом приоткрывает нам то, что «факт» не имеет вообще никакого отношения к «правде» — их семантические поля не перекрываются. Маркируя себя словом «вымысел», литература добровольно погружается в такие бездны, где сливается в радостных объятиях с «фактом» массовой культуры. Тогда лишенное смысла шевеление интеллекта признает свою духовную родню в лишенном смысла шевелении протоплазмы.

В случае Косинского прототип, персонаж и тот, кто этому персонажу подражает, объединились в одном лице — коллизия, которая бы не показалась нетипичной в романтическую эпоху. Но в современном обществе подобное тождество нарушает негласное табу. Хотя мифология — политическая ли, телевизионная ли — является основным способом бытования общественного сознания, индивиду (даже писателю) вменяется в обязанность относиться к фактам своей жизни так, будто он дает показания под присягой. Конечно же за тем исключением, когда вымысел надежно обернут в переплет книжного издания.

Пример Косинского убедительно показывает, что за иной, излишне правдоподобный вымысел, пропущенный через собственную жизнь, можно дорого заплатить в наше время. Для этого достаточно, чтобы миф был похож на действительность больше, чем сама действительность.

В компании тех, кто примеривал на себя свое собственное слово, в нашу эпоху Косински не одинок: здесь можно помянуть хотя бы Мисиму или Лимонова (тоже, впрочем, не пользующихся нежной любовью институциональной литературы). Особенность Косинского в том, что, уйдя в игру между текстом и жизнью, вымыслом и фактом, он не сделал эту игру публичной и не принял подобающей героической позы. Это неизбежно бросило тень и на саму игру — ведь известно, как мала дистанция между вымыслом и обманом. Но не стоит забывать: всю жизнь Косински чувствовал себя именно жертвой, а не героем.

Любимым латинским изречением Косинского было *Prodeo larvatus* (Иду вперед, прикрывшись маской). Его он вынес на свой экслибрис. В принципе это мог бы сказать о себе любой настоящий художник. Но часто надетую маску оказывается не так-то просто носить: она отнимает лицо у надевшего ее, соблазняет сорвать ее и наказать самозванца. Вознаграждением оказывается сотворенный миф, который мстит реальности тем, что надолго переживает ее.

Илья Кормильцев

СТУПЕНИ

Роман

Моему отцу, славному человеку

Тот, кто не владеет собой, — не мудр и не способен к сосредоточению, а тот, кто не способен к сосредоточению, не может обрести покоя. А разве без покоя возможно счастье?

Бхагавадгита

Я путешествовал по югу одной страны. Деревушки здесь были крохотными и бедными. Каждый раз, когда я останавливался в какой-нибудь из них, толпа собиралась вокруг моего автомобиля, а дети ходили за мной буквально по пятам.

Я решил провести пару дней в одной из таких пустынных деревушек, где дома выбелены известью. Я собирался отдохнуть, а заодно привести в порядок одежду. Женщина, взявшаяся обслужить меня, сказала, что справится с работой очень быстро, потому что у нее есть помощница — юная сиротка, которая зарабатывает себе на хлеб. Она показала на молоденькую девушку, смотревшую на нас из окна.

Придя на следующий день забрать постиранные вещи, я застал девушку в передней. Она мельком глянула на меня и, чтобы скрыть свой интерес, тут же снова углубилась в штопку.

Перекладывая документы в карман свежеотутюженного пиджака, я заметил, с каким любопытством она посматривает на пластиковые кредитные карточки, которые я выложил на стол. Я спросил, известно ли ей, что это такое;

она ответила, что никогда прежде не видела ничего подобного. Я объяснил, что при помощи такой карточки можно купить мебель, постельное белье, посуду, еду, одежду, чулки, обувь, сумочку, духи и вообще все что угодно, не платя наличными.

Я добавил небрежно, что могу пользоваться моими карточками в самых дорогих магазинах соседнего города, что достаточно только показать их, чтобы меня тут же обслужили в любом ресторане или предоставили номер в лучшем отеле. При этом не имеет значения, за кого я плачу: за себя или за любого другого человека по моему усмотрению. Потом я еще сказал, что поскольку она очень хорошенькая девушка и нравится мне, а здесь с ней, по-видимому, не очень хорошо обращаются, то я готов взять ее с собой в путешествие. Если ей захочется, она может оставаться со мной сколько пожелает.

По-прежнему не глядя на меня, она спросила, словно для того, чтобы окончательно убедиться в услышанном, нужно ли ей брать с собой деньги. Я снова повторил, что ни ей, ни мне деньги не потребуются, пока у нас есть при себе кредитные карточки и мы намерены ими пользоваться. Я пообещал ей, что мы посетим различные города и даже различные страны и что ей нигде не придется работать. Я куплю ей все, что она захочет; она будет хорошо одеваться, чтобы радовать меня, и делать новую прическу и даже красить волосы как угодно часто.

Для этого нужно только, сказал я, выйти сегодня из дома поздно вечером, а я встречу ее у дорожного знака на выезде из деревни. Я завел ее, что, как только мы доберемся до первого большого города, я отправлю отсюда письмо ее хозяйке. В письме будет написано, что, как и многие другие девушки до нее, она отправилась на заработки в город.

Кредитные карточки лежали на столе. Она встала и посмотрела на них. В ее взгляде почтение было смешано с недоверием. Она протянула к карточкам правую руку, но тотчас же отдернула. Тогда я сам взял карточку и протянул ей. Она робко взяла ее двумя пальцами, словно облатку причастия, и поднесла к свету, чтобы рассмотреть напечатанные на ней буквы и цифры.

Тем вечером я припарковал автомобиль в кустах в нескольких метрах от дорожного знака. До наступления темноты мимо меня проехала не одна телега, возвращавшаяся с рынка в деревню, но машины никто не заметил.

Девушка появилась внезапно. Она запыхалась и явно была испугана. В руках она сжимала узел с пожитками. Я открыл дверцу автомобиля и, не говоря ни слова, пригласил ее на заднее сиденье. Быстро завел мотор и только после того, как мы выехали из деревни, сбросил скорость и сказал ей, что теперь она свободна и что дни ее бедности миновали. Она довольно долго сидела и молчала, а потом неуверенно спросила, по-прежнему ли при мне мои карточки.

Я извлек их из кармана и передал ей. Не прошло и нескольких минут, как голова девушки исчезла из зеркала заднего вида: она уснула.

Мы добрались до города поздним утром на следующий день. Моя спутница проснулась и прилипла лицом к стеклу, рассматривая улицы. Внезапно она тронула меня за руку и показала на большой универсальный магазин за окном. Ей хотелось поскорее узнать, действительно ли мои карточки могущественнее, чем деньги. Я припарковал машину.

В магазине она вцепилась в мою руку. Ее ладошка была влажной от возбуждения. Она призналась, что никогда прежде не бывала в городе, даже в маленьком, и ей было трудно поверить, что после стольких людей, делающих покупки, в магазине еще остаются товары. Она показала мне понравившееся платье. Я дал несколько советов по поводу того, что ей больше пойдет, и она согласилась со мной. При помощи двух продавщиц, которые смотрели на мою спутницу с нескрываемой завистью, мы выбрали несколько пар обуви, перчаток, чулок, кое-что из нижнего белья, несколько сумочек, платьев и, наконец, пальто.

Теперь она выглядела еще более испуганной, чем вначале. Когда я спросил, не боится ли она, что мои карточки не смогут заплатить за все, что мы выбрали, она сперва принялась отрицать мое предположение, но потом призналась, что дело именно в этом. Почему, спросила она меня, многие из ее односельчан должны

были бы трудиться всю жизнь, чтобы заработать столько денег, в то время как я — не кинозвезда, не футболист и даже не прелат. — Кажется, не имею никакой нужды в деньгах и трачу их, как мне заблагорассудится?

Когда служащие упаковали все наши приобретения, я вручил кассирше одну из моих карточек. Кассирша вежливо поблагодарила меня, ненадолго исчезла и вернулась с карточкой и чеком. Моя подруга стояла рядом со мной, сгорая от желания схватить коробку с покупками, но не решаясь это сделать.

Мы вышли из магазина. Когда мы сели в машину, девушка разорвала упаковку и стала перебирать свои вещи, разглядывая, нюхая и ощупывая их, беспрестанно открывая и закрывая коробку. Когда я завел мотор, она стала примерять перчатки и туфли. Мы остановились перед небольшой гостиницей и вошли в нее. Не обращая внимания на понимающий взгляд гостиничного служащего, я потребовал номер с двумя спальнями. Мой багаж отнесли наверх, но девушка настояла на том, что она будет сама нести коробку с покупками, как будто боялась, что ее кто-нибудь отберет.

В номере она зашла в свою комнату переодеться и вернулась, облаченная в новое длинное платье. Она прошла передо мной, неуклюже вышагивая в новых туфлях на высоком каблуке и рассматривая себя в зеркале. Затем она вернулась к себе в комнату, чтобы примерить все остальное.

Новая партия пакетов, в основном с нижним бельем, была доставлена из магазина уже после полудня. К этому времени девушка уже слегка захмелела от выпитого за обедом вина. Она стояла передо мной, положив руки на бедра, словно пытаюсь произвести впечатление новоприобретенным светским шиком, почерпнутым из кинофильмов и глянцевого журналов. Кончиком языка она облизывала пересохшие губы, а ее глаза призывно смотрели на меня.

* * *

Нас было несколько человек — рабочих археологической экспедиции. Мы работали под руководством профессора на одном острове, где за пятнадцать веков до нашей эры существовала процветающая цивилизация.

По словам профессора, цивилизация эта достигла высокого уровня развития, но была полностью уничтожена в результате какой-то внезапной катастрофы. Сам профессор придерживался общепринятой теории, что это было разрушительное землетрясение, после которого на остров обрушилось цунами. Мы собирали осколки керамических изделий, просеивали пепел в поисках украшений, откапывали остатки построек. Все наши находки профессор заносил в каталог, на основе которого он намеревался впоследствии написать монографию.

Проработав месяц, я решил покончить с раскопками и посетить соседний остров. Стремясь

успеть на паром, я не получил в экспедиции расчет, но мне пообещали, что отправят чек ближайшим же почтовым катером. С собою у меня было денег не больше чем на день.

Прибыв на место, я провел целый день, наслаждаясь видами. В центре острова возвышался спящий вулкан, пологие склоны которого были покрыты натеками пористой лавы. Эрозия превратила верхний слой лавы в бедную, но все же пригодную для земледелия почву.

Я спустился к гавани. За час до заката, когда наступает прохлада, рыбаки выходят на ночной лов. Я стоял и наблюдал, как их низкие, длинные баркасы скользят по спокойным, почти неподвижным водам и исчезают вдаль. Отблеск солнца на скалистых вершинах внезапно погас, и острова сразу приобрели суровый и мрачный вид. А затем начали исчезать один за другим, словно поглощенные пучиной вод.

Утром на второй день я отправился на пристань встречать почтовый катер. К моему ужасу, чека не было. Я стоял на пирсе, гадая, как мне жить дальше и каким образом выбраться с острова. Несколько рыбаков сидели возле вывешенных на просушку сетей. Они догадались, что у меня что-то не так. Трое из них подошли и заговорили со мной. Я не понял их и ответил на двух известных мне языках. Тогда лица рыбаков сразу стали враждебными. Они повернулись и быстро ушли. Вечером того дня я расстелил свой спальник на песке пляжа и спал под открытым небом.

Утром я потратил последние деньги на чашечку кофе. Побродив по узким улочкам портового района, я отправился через скудные поля в ближайшую деревню. Деревенские жители сидели под навесами и украдкой разглядывали меня. Голодный и измученный жаждой, я поплелся под палящим солнцем обратно на пляж. У меня не было ничего, что можно было бы продать или обменять на еду: ни часов, ни вечного пера, ни запонок, ни камеры, ни бумажника. В полдень, когда солнце стояло в зените и деревенские жители скрывались от зноя в своих домишках, я отправился в полицейский участок. Единственный на острове полицейский дремал возле телефона. Я разбудил его, но он сделал вид, что не понимает моих простейших жестов. Я показывал на телефон, а затем выворачивал пустые карманы, делал знаки и рисовал картинки, показывал, что голоден и хочу пить. Все это не произвело на полицейского никакого впечатления: он сделал вид, что не понимает меня, и мне так и не удалось воспользоваться телефоном. Другого телефона на острове не было; этот факт был специально отмечен даже в моем путеводителе.

Во второй половине дня я снова бродил по деревне, улыбался жителям, надеясь, что кто-нибудь предложит мне попить или пригласит перекусить. Но улыбки остались без ответа: деревенские жители отворачивались, завидев меня, а лавочники просто делали вид, что не

замечают. Церковь была только на самом большом из островов, так что я не мог рассчитывать получить пищу и кров там. Я вернулся на пляж и сидел, глядя на море, словно ожидая, что помощь явится оттуда. Я был голоден и измучен. От солнца разболелась голова, к тому же время от времени она начинала кружиться. Неожиданно до меня донеслись звуки незнакомой речи. Обернувшись, я увидел двух женщин, сидевших около самой воды. Жирные складки серой, пронизанной синими венами плоти свисали у них с ляжек и плеч, огромные груди колыхались, сдавленные тесными лифчиками.

Женщины загорали, подстелив под себя купальные полотенца. Рядом стояли принадлежности для пикника: корзины с едой, термосы, солнечные зонтики и сетки с фруктами. Там же лежала стопка книг, на которых я разглядел библиотечные штампы. Судя по всему, женщины были туристками, снимавшими комнату в деревне. Я подошел к ним неторопливо, чтобы не напугать. Они замолчали, и я, улыбнувшись приветственно, обратился к ним на моем языке. Они ответили мне на своем. Беседа была невозможна, однако от близости пищи я сделался изобретательным и сел рядом с ними, сделав вид, что расценил их слова как приглашение. Когда они принялись за еду, я следил за каждым куском, но они то ли не поняли меня, то ли предпочли проигнорировать мои взгляды. Прошло достаточно много

времени, прежде чем одна из женщин — та, что была постарше, — наконец предложила мне яблоко. Я медленно съел яблоко, тщательно скрывая голод и рассчитывая все же поживиться чем-нибудь более существенным. Женщины пристально разглядывали меня.

На пляже было очень жарко, и меня сморило. Но когда женщины встали, я сразу проснулся. Плечи и спины их обгорели на солнце, ручейки пота струились по дряблым ляжкам, смешиваясь с прилипшим песком, пока они бродили, собирая свои пожитки. Я принялся помогать. Затем они пошли вдоль берега, игривыми знаками предложив мне следовать за ними.

Мы пришли к дому, в котором они жили. Уже на крыльце у меня снова закружилась голова, я поскользнулся на ступеньке и упал в обморок. Смеясь и непрерывно болтая, женщины раздели меня и перенесли на низкую широкую кровать. Я был все еще в полуобморочном состоянии, но все же нашел силы показать пальцем на свой живот. На этот раз они поняли меня сразу: откуда-то появилось молоко, мясо и фрукты. Не успел я покончить с едой, как женщины задернули шторы и сняли купальники. Потом они навалились на меня. Погребенный под их большими животами и широкими спинами, я не мог и рукой пошевелить, пока меня тискали, вертели, трепали и ласкали.

На следующее утро я снова пришел на пристань. Появился почтовый катер, но он не при-

вез мне ни чека, ни письма. Я стоял и смотрел, как он уплывает обратно. Горячие лучи солнца разгоняли утренний туман, и далекие острова один за другим появлялись в море.

* * *

Я работал лыжным инструктором и жил на горном курорте, где находился туберкулезный санаторий. Из моей комнаты санаторий был хорошо виден; очень быстро я научился отличать бледные лица новых пациентов от бронзовых лиц старожилов, загоревших на террасе под горным солнцем.

В конце дня мои усталые лыжники возвращались в свои номера, а я ужинал в одиночестве. Я вообще проводил большую часть времени один. После ужина приглушенные звуки гонга, доносившиеся из санатория, возвещали наступление ночи. Через несколько минут после этого окна в здании, словно сговорившись, начинали гаснуть одно за другим.

В одном из домиков высоко на склоне горы завывала собака. Потом где-то хлопнула дверь. В ночной темноте по глубокому снегу крались одинокие фигуры: это лыжные инструкторы из соседних пансионатов отправлялись на поиски ночных развлечений. Из темного здания санатория выскальзывали пациентки санатория: они шли на тайные свидания со своими любовниками, ждавшими их за оградой. Силуэты в темноте сливались друг с другом и расходились, словно лоскуты порвавшейся тени,

каждая пара в свою сторону. В лунном свете парочки казались карликовыми горными соснами, которые спускались по склонам вниз, чтобы попытаться счастья в полях, где ветры дуют не так сильно. Вскоре все они исчезали вдаль.

Проработав еще несколько недель, я узнал, что тем из пациентов, кто покрепче, врачи позволяют проводить большую часть дня за пределами санатория. Они обычно собираются в кафе у нижнего конца горнолыжного спуска, где заводят знакомства с туристами и курортной службой. Довольно часто, укрывшись за большой елью, я наблюдал, как они флиртуют. Я отмечал про себя, кто поменял партнера, кто пользуется особой популярностью, а кого все сторонятся. И только когда гас последний отблеск дня, холод проникал в мое еловое убежище и гнал меня домой.

Одной пациентке я стал уделять особое внимание. Ее случай не был серьезным, и поговаривали, что она выздоравливает на глазах и что ее выпишут в конце месяца. За ней ухаживали сразу двое: молодой лыжный инструктор из соседнего отеля и один турист. Последний часто говорил, что не уедет с курорта, пока не выпишут эту женщину.

Пациентка флиртовала и с тем и с другим. Каждый день турист приходил из своего отеля в кафе, и туда же, закончив занятия, приезжал на лыжах инструктор. Женщина сидела за столиком и наблюдала, как ее ухажеры стремятся превзойти друг друга.

Инструктор напирал на свое мастерство. Он проходил трассу на предельной скорости и в последнее мгновение, когда казалось, что уже поздно, тормозил разворотом перед самой террасой кафе, едва не врезавшись в перила и поднимая целую тучу снежных брызг. Его соперник, обыкновенный любитель, ограничивался тем, что болтался в нижней части спуска, создавая инструктору помехи и заставляя того волей-неволей снижать скорость и совершать обходной маневр, жертвуя красотой стиля.

Как-то я пришел в кафе до окончания лыжных занятий. Турист уже сидел за столиком и явно не собирался возвращаться к своим неуклюжим пируэтам. Инструктор занимался со своими подопечными на трассе для начинающих, расположенной с другой стороны от кафе. Когда солнце начало садиться, он распустил свою группу, но вместо того чтобы, как обычно, съехать по трассе прямо к кафе, стал подниматься к заснеженному гребню горы. На гребне всегда стояли предупредительные флажки, и спускаться оттуда разрешалось только призерам чемпионата страны. Посетители встали из-за столиков и столпились у перил террасы, наблюдая, как инструктор медленно поднимается к гребню. Девушка выбежала наружу и стала ждать у конца трассы. Турист последовал за ней.

Инструктор начал спуск. Вначале он двигался, выписывая длинные изящные кривые, обходя острые выступы скал, которые торчали

из-под снега. Именно они создали этой трассе дурную славу. Инструктор все набирал и набирал скорость. Он шел с непринужденностью и точностью настоящего мастера. Мне было интересно, остановится ли он у флажка, отмечавшего конец спуска, или, как обычно, закончит спуск эффектным разворотом у самых ног девушки. Длинный, почти горизонтальный луч заходящего солнца коснулся туриста и девушки, стоявших рядом.

Инструктор вышел на финишную прямую на очень большой скорости. Тогда девушка стряхнула лежавшую у нее на плече руку туриста и побежала, размахивая руками и выкрикивая имя инструктора. Турист кинулся за ней и на бегу схватил ее за локоть. В это мгновение инструктор вылетел на последний отрезок трассы. Он сгруппировался, как будто намеревался совершить прыжок, но затем, вместо того чтобы распрямиться и направить лыжи вверх, резко и неестественно дернулся влево. Потеряв контроль над лыжами, он приподнялся в полупрыжке и со всей силой, накопленной за время долгого спуска, врезался плечом в незащищенную грудную клетку туриста. Два упавших тела заскользили рядом по склону, пока не остановились у самой террасы кафе. Толпа кинулась к ним. У туриста изо рта капала кровь, он был без сознания. Его подняли и на руках внесли в кафе. Инструктор несколько минут сидел на ступеньках лестницы у входа в кафе, обхватив руками голову. Девушка расте-

гивала на нем лыжную куртку. Пришла машина «скорой помощи», туриста положили на носилки и увезли. Я проводил его взглядом и снова посмотрел в сторону лестницы. Инструктор и девушки там уже не было.

Долгое время инструктор не попадался мне на глаза. И вот как-то вечером я увидел его вместе с той самой пациенткой.

В каменной кладке, ограждавшей отель, была маленькая ниша, и в ней они укрылись от сильного ветра, который поднял такие вихри снежной пыли, что издали поля казались штормовым морем. Клубящиеся снежные вихри с ревом проносились по склонам только для того, чтобы рассыпаться ворохом гусиных перьев над глубокими расселинами. Инструктор стоял спиной к стене, прижимая к себе девушку. Луч фонаря, качавшегося над шедшей вдоль стены дорожкой, время от времени выхватывал из темноты их фигуры. Голова девушки покорно и нежно лежала у мужчины на груди. Сильные руки мужчины крепко держали девушку за плечи. Порыв вьюги приподнял полы ее пальто, и на мгновение мне показалось, что у девушки выросли крылья, которые вот-вот поднимут ее в воздух и унесут — прочь от этих запорошенных полей, от этой каменной ограды, да и от меня тоже. В голове у меня созрело решение.

На следующий день я нашел повод для визита в санаторий. Пациенты в ярких пуловерах и брючках в обтяжку прогуливались по коридорам. Некоторые дремали, завернувшись

в одеяла, на террасе. Тонкие тени лежали на пустых шезлонгах, и порывы колючего ветра, прилетавшего с горных вершин, трепали обтягивавший их брезент.

В одном из шезлонгов я увидел ту самую девушку. Шаль, наброшенная на плечи, подчеркивала длину ее красивой загорелой шеи. Я застыл, глядя на девушку; она посмотрела задумчиво на меня в ответ и улыбнулась. Моя тень упала на нее, когда я подошел поближе, чтобы представиться.

Санаторные правила были очень строгими, и мне позволяли проводить в ее палате не более двух часов в день. Мне не удавалось подсесть к девушке поближе — она этого не позволяла. Она была очень больна и беспрестанно кашляла. Часто у нее горлом шла кровь. Тогда ее лихорадило, щеки покрывал нездоровый румянец, а руки и ноги сильно потели.

Но в один из моих визитов она вдруг попросила меня заняться с ней любовью. Я запер дверь. Когда я разделся, она велела мне посмотреть в большое зеркало, стоявшее в углу комнаты. Я увидел в зеркале ее отражение, и наши глаза встретились. Затем она встала с постели, скинула халат и подошла к зеркалу сама. Она стояла перед зеркалом и одной рукой трогала мое отражение в нем, а другой гладила свое тело. Мне хорошо были видны ее груди и бедра. Она ждала, пока мне вполне удастся представить, что это я стою в зеркале и что это мою плоть трогают ее руки и губы.

Но стоило мне сделать шаг к ней, как она останавливала меня тихим, но решительным голосом. Мы еще несколько раз занимались любовью подобным образом: она — стоя перед зеркалом, я — глядя на нее издалека.

Время оставшейся ей жизни постоянно уточнялось при помощи различных приборов, высвечивалось на рентгеновских снимках, вычислялось в таблицах и заносилось в историю болезни целой ордой врачей и медсестер. Ее существование поддерживалось при помощи иголок, воткнутых в вены и грудную клетку. Она вдыхала жизнь из кислородных баллонов и выдыхала в отводные трубки. Мои короткие визиты все чаще и чаще прерывались вторжением докторов, сестер и санитаров, которые являлись, чтобы сменить кислородный баллон или дать новое лекарство.

Как-то раз пожилая монахиня остановила меня в коридоре. Она спросила, знаю ли я, чем занимаюсь. Я ответил, что не понимаю, о чем она говорит. Тогда она сказала, что те, кто работает в больнице, называют типов вроде меня *hyenidae*. Я все равно не понял, и она перевела для меня: гиены. Гиены, разъяснила монашенка, крутятся возле умирающего тела; каждый раз, когда я питаюсь энергией этой женщины, я тем самым приближаю ее смерть.

Состояние больной на глазах ухудшалось. Я сидел в ее палате, вглядываясь в бледное лицо, на котором теперь лишь изредка появлялся

румянец. Тонкие руки, лежавшие на покры-
вале, пронизывала голубоватая сетка вен,
хрупкие плечи тяжело поднимались при каж-
дом вздохе. Она украдкой вытирала постоян-
но выступавшую на лбу испарину. Я непо-
движно сидел рядом и, пока больная спала,
разглядывал зеркало. В нем отражались толь-
ко холодные белые прямоугольники стен и по-
толка.

Монахини бесшумно входили и выходили
из комнаты, но я уже научился не встречаться
с ними взглядом. Они наклонялись над боль-
ной, вытирали ей лоб, смачивали губы ватны-
ми тампонами, шептали на ухо какие-то сло-
ва на тайном языке сиделок. Полы их нелепых
длинных одеяний развевались при каждом дви-
жении, напоминая крылья каких-то беспокой-
ных птиц.

В таких случаях я обычно удалялся на тер-
расу и прикрывал за собой дверь. Ветер без-
остановочно гнал снежную пыль над покры-
тыми настом полями, засыпая лыжные и че-
ловеческие следы, оставленные днем. Я брал
в ладонь горсть свежего пушистого снега с ме-
таллического ограждения. Снег сначала хрус-
тел в моей горячей руке, но затем быстро пре-
вращался в полурастаявшую жижу.

Все реже и реже мне разрешали навещать
больную, и тогда приходилось часами проси-
живать одному в номере. Перед тем как отпра-
виться спать, я доставал из ящичка письменного

стола несколько папок, в которых лежали ее фотографии большого формата, старательно наклеенные мной на листы плотного картона. Я расставлял фотографии в углу спальни и сидел перед ними, вспоминая все, что случилось между мной и девушкой в больничной палате, и ее отражение в зеркале. На некоторых снимках девушка была обнаженной. Я разглядывал их в одиночестве, и призрачное отражение моего лица скользило по глянцевой поверхности фотографий.

Затем я выходил на балкон. Свет из окон санатория падал на снег, который уже не казался таким свежим. Я смотрел на огни, пока они не начинали гаснуть. Тогда над долинами и лесистыми склонами холмов разливался лунный свет, выхватывая из темноты льдистые вершины гор и клубящиеся испарения, поднимавшиеся к небу из глубоких ущелий. Где-то захлопнулась дверь, вдалеке прозвучал клаксон автомобиля. Внезапно между сугробов я увидел чьи-то фигуры. Они пробирались через заснеженные поля вверх к санаторию, то появляясь, то исчезая, словно боролись с песчаной бурей на пустынной равнине.

* * *

Я сошел с поезда на маленькой станции. В станционном ресторане, куда я направился, чтобы перекусить, не было ни одного посетителя. Я спросил официанта, не происходит ли по соседству что-нибудь интересное.

Он посмотрел на меня и сказал, что неподалеку в деревне вечером дают частное представление.

Он также намекнул, что представление будет довольно необычным, и если я согласен заплатить, то он все организует. Я согласился, и мы отправились в путь. Через полчаса мы добрались до выгона, рядом с которым стоял большой каретный сарай. Около полусотни мужиков собралось под деревьями возле сарая. Они прохаживались взад-вперед, курили и болтали друг с другом.

Из сарая вышел мужчина, одетый по-городскому, и принялся собирать с нас деньги. Он просил столько, сколько крестьянину обычно удается заработать недели за две; тем не менее мужики охотно отдавали деньги.

Затем организатор скрылся в сарае, а мы стали кругом под деревьями. Крестьяне ждали, перешептываясь и посмеиваясь. Прошло несколько минут; из сарая вышли четыре женщины в цветастых одеждах и вошли в наш круг. Появился организатор, который вывел за собой на привязи большое животное. Мужики тут же замолчали. Женщины встали рядом и стали вертеться, показывая себя со всех сторон, в то время как организатор провел по кругу свою скотину. Все женщины сильно отличались друг от друга по типу. Одна была высокая, крепко сбитая, вторая — хрупкая и молодая: весь ее облик выдавал городское происхождение. Все четыре были сильно накрашены и одеты в обтя-

гивающие короткие платица. Крестьяне начали громко обсуждать женщин и возбужденно спорить. Вскоре организатор попросил тишины и объяснил, что надо проголосовать и выбрать одну из женщин. Женщины снова принялись ходить по импровизированной арене; при этом они изгибались, вертелись и поглаживали свои прелести. Толпа еще больше оживилась. Организатор попросил крестьян проголосовать по очереди за каждую из женщин.

Подсчет голосов показал, что избрали молодую хрупкую девушку. Три остальные женщины смешались со зрителями и принялись хихикать и перешептываться с ними.

Избранная девушка осталась сидеть в середине круга. Я изучал лица мужчин; видно было, что им очень интересно, выдержит ли столь хрупкая особа предстоящее испытание.

Организатор вывел животное в центр арены, понукая его ударами палки по кругу. Двое мужиков подбежали и крепко схватили животное, чтобы то стояло на месте. Тогда девушка подошла к зверю и начала обнимать и ласкать его и гладить его гениталии, при этом постепенно раздеваясь. Животное возбудилось: его с трудом удавалось удерживать на месте. Казалось маловероятным, что девушке удастся выдержать соитие со зверем.

Обезумевшие мужики кричали, требуя, чтобы девушка разделась полностью и приступила к совокуплению. Организатор повязал несколько ленточек разного цвета на член живот-

ного примерно через пару сантиметров одна от другой. Девушка натерла бедра и живот маслом и заставила животное лизать ее тело. Затем, под одобрительные крики зрителей, она легла на землю под брюхом зверя, обхватив его спину ногами. Приподняв низ живота, она ввела член в себя до первой ленточки. Организатор снова вышел вперед и потребовал, чтобы зрители платили дополнительно за каждый следующий дюйм, причем цена постоянно возрастала. Крестьяне, все еще не верящие, что девушка переживет эту пытку, охотно выкладывали деньги. Наконец девушка в первый раз застонала. Но я так и не понял до конца, действительно ли ей было больно или она просто работала на зрителей.

* * *

Я отправился в зоопарк, чтобы посмотреть на осьминога, о котором прочитал в газете. Осьминог жил в аквариуме. Его кормили живыми крабами, рыбой и мидиями. Но, несмотря на это, он предпочитал поедать собственное тело. Он откусывал свои щупальца одно за другим и пожирал их.

Было очевидно, что осьминог попросту совершает медленное самоубийство. Служитель объяснил мне, что в краях, где этот экземпляр был пойман, туземцы считают осьминога воплощением бога войны. Если осьминог уплывает в море, это предвещает победу, если плывет к суше — поражение. Этого осьминога, по-

шутил служитель, поймали, когда он направлялся к берегу; самоедством он занимается потому, что признал свое полное поражение.

Каждый раз, когда осьминог отрывал очередное щупальце, некоторые посетители, стоявшие возле аквариума, вздрагивали так, словно это была их собственная плоть. Другие же взирали на этот спектакль с полнейшим равнодушием. Я уже собрался уходить, когда заметил в толпе молодую женщину, смотревшую на осьминога, плотно сжав губы и ничем не провяляя своих чувств. Ее сдержанность была вызвана не безразличием, а чем-то совсем другим.

Я подошел к женщине и завязал с ней разговор. Оказалось, что она — жена одного государственного деятеля, чья семья живет в этом городе. Мы немного поговорили, и она пригласила меня на вечеринку, которая должна была состояться в ее доме тем же вечером.

Дом был богатый, и вечеринка была безупречно организована. Хозяйка вела себя естественно, уделяя равное внимание и своей семье и гостям, и все же иногда казалось, что мысли ее где-то далеко. Мне почудилось, что я прочитал в ее взгляде влечение ко мне, и я захотел немедленно получить подтверждение своей догадке. На следующее утро я уезжал из города: другого случая мне бы не представилось.

Хозяйка только что проводила очередных гостей и стояла с бокалом в руке у книжного шкафа. С деланной небрежностью я сказал, что хотел бы встретиться с ней наедине, поскольку

иначе мне не удастся освободиться от фантазий, которые она разбудила в моем воображении.

Я уезжал на следующий день в столицу соседнего государства; именно там я и назначил ей свидание. Она уже собиралась ответить, но нам помешали подошедшие гости. Она повернулась к ним, перед этим отдав мне бокал, словно он был мой, и назвала отель, где я должен буду ждать ее.

Несколько следующих дней я провел в мыслях об этой женщине. Я гадал, кто из мужчин, присутствовавших на вечеринке, мог быть ее любовником, и воображал, как она занималась с ним любовью. Чем больше я размышлял об этом, тем с большим нетерпением ожидал нашей первой встречи.

...Мы разделись. Больше всего на свете я хотел чувствовать себя рядом с ней непринужденно. Но сама мысль о том, что она, возможно, ждет от меня чего-то особенного, мешала мне возбудиться. Казалось, что эта мысль сковала мое тело.

Скрыть мою нерешительность было невозможно, потому что в глазах женщины степень моего желания выражалась исключительно размерами одной из частей моего тела, а именно эта часть внезапно начала уменьшаться. Она обвиняла во всем себя, считая, что испугала меня своей прямоотой и отсутствием деликатности. Она так расстроилась, что не могла скрыть своего разочарования. Тогда я оделся

и вышел на улицу. Гуляя, я пытался понять, что же произошло. Я думал, как объяснить ей мое состояние. Я боялся, что она даже не станет меня слушать, приняв мои слова за жалкое оправдание неспособности к физической близости.

На улице я повстречал одетую в мешковатое платье и сильно накрашенную женщину. Я заговорил с ней, и она согласилась пойти со мной.

В номере она помогла мне раздеться и, раздеваясь сама, принялась ласкать меня. Она прикасалась ко мне со знанием дела; ее руки скользили по моему телу так, словно их направляли какие-то незримые подкожные токи. Если бы я ласкал себя сам, я бы действовал точно так же.

Я задумался, почему она не раздевается, и внезапно осознал, что мой партнер — мужчина. Мое настроение резко изменилось. Я ощущал в себе желание забыться и получить наслаждение, но, с другой стороны, меня раздражало, с какой легкостью мне отдались. От этого все дальнейшее становилось слишком предсказуемым. Я и этот человек были друг для друга всего лишь символами самих себя.

* * *

Когда я служил в армии, среди солдат была очень распространена игра под названием «Рыцари Круглого стола». Игроки садились по двадцать-двадцать пять человек за большой стол,

и каждый привязывал к своему члену длинную леску. Один из игроков, которого называли Король Артур, брал в руку свободные концы всех лесок, не зная, какая из них к кому привязана.

Затем Король Артур наудачу брался за одну из лесок и вытягивал ее, дюйм за дюймом, отмеряя длину вытянутой лески при помощи нарисованной на столе линейки. Солдаты внимательно вглядывались друг другу в лица, пытаясь отыскать на них признаки испытываемой боли. Жертва же изо всех сил пыталась сохранить спокойствие и ничем себя не выдать. Существовало мнение, что обрезанные в этой игре находятся в невыгодном положении по отношению к необрезанным, потому что их нежные части не защищены кожей. Игроки делали ставки, стараясь угадать, на каком делении линейки жертва не выдержит и закричит. Некоторые солдаты изувечили себя на всю жизнь, норовя выиграть как можно больше денег.

Я помню, как однажды солдаты обнаружили, что Король Артур вступил в сговор с одним из игроков, и тот привязывал леску к ноге. Естественно, этот игрок мог терпеть очень долго и постоянно выигрывал. Выигрывш они с Королем Артуром делили между собой. Обманутые Рыцари Круглого стола долго придумывали подходящее наказание для шулеров. Наконец они схватили мошенников, завязали им глаза, отвели в лес и привязали к деревьям. Рыцари, один

за другим, взяв в руки по паре камней, под-
ходили и плющили гениталии обманщиков
между камнями, пока плоть не превратилась
в кровавое месиво.

* * *

Помню другой случай в армии. Нас было
двенадцать человек, и поздно ночью в палатке
мы разговаривали о женщинах. Один из нас
вдруг сказал, что ему никогда не удавалось, за-
нимаясь любовью с женщиной, проделывать
все, что ему хотелось бы, — или, точнее говоря,
проделывать это достаточно долго. Несколько
других солдат признались, что и у них похожая
проблема. Я не был уверен, что вполне их по-
нял, но меня, помню, поразила одна мысль: воз-
можно, медицина может помочь им справиться
с этим изъяном, тогда почему никто из них
не обратился к врачу? Солдаты в один голос на-
чали уверять меня, что такова природа и док-
тора ничем не могут помочь. Единственный
способ бороться с этим — пытаться не думать
о женщине, с которой занимаешься любовью,
не думать даже о том, чем ты с ней занимаешь-
ся, вообще ничего не чувствовать и не пытаться
почувствовать. Тогда можно сдерживаться
достаточно долго.

Еще они пожаловались мне, что женщи-
на редко или вообще никогда не говорит муж-
чине, как тот выглядит в сравнении с другими
мужчинами, с которыми она была близка. Она
боится откровенничать на эту тему. Таковы

женщины, утверждали солдаты. Из-за них мужчина никогда не знает, что он представляет собой как любовник.

Тогда я вспомнил одну девушку, с которой у меня был роман в старших классах школы. Мы занимались любовью у меня дома, когда мои родители куда-нибудь уходили. Как-то раз, когда мы были в кровати, зазвонил телефон. Он стоял рядом, на ночном столике, поэтому я снял трубку и ответил. Звонил мой друг. Я поговорил с ним, не прекращая заниматься любовью. Когда я повесил трубку, девушка сказала, что никогда больше не ляжет со мной в постель.

Это ужасно, сказала она, что я могу контролировать свою эрекцию усилием воли так же легко, как я сгибаю палец или поднимаю ногу. Она настаивала на том, что все должно происходить спонтанно, в результате вспышки страсти, приступа желания. Я сказал, что, с моей точки зрения, это не имеет значения, но она настаивала, что нет, имеет. По ее мнению, если я вызывал у себя эрекцию сознательно, это означало, что я отношусь к занятиям любовью как к какому-то заурядному и механическому процессу.

* * *

В начале месяца наш полк начал подготовку к параду по поводу Дня независимости. Отобрали несколько сотен солдат, предпочтительно тех, на ком хорошо сидела форма и кто

при этом был отличником строевой подготовки. И начались репетиции.

Нас собирали рано утром на плацу, окруженном со всех сторон лесом. Несмотря на летнюю жару, занятия продолжались весь день напролет. Мы маршировали по пропеченной солнцем и утоптанной сапогами земле колоннами по четыре, плечом к плечу, медленным парадным шагом. Дойдя до конца плаца, мы разворачивались и маршировали обратно. Шесть колонн солдат, пересекая плац из конца в конец, оставляли в пыли следы, похожие на переплетение путей на большой железнодорожной станции.

После месяца прилежных тренировок наше подразделение маршировало как один человек. Мы даже дышали в унисон и отдавали честь одновременно; винтовки, с которыми мы выполняли приемы, превратились в продолжение наших мышц и костей. Все эти дни мы выматывались так, что не могли думать ни о чем другом, кроме боли в распухших ногах и жжения там, где кожу натерла грубая и влажная от пота ткань солдатской формы. Целую вечность мы маршировали по направлению к неподвижному лесу, но так и не смогли дойти до спасительной тени деревьев. Ведь каждый раз на краю плаца мы поворачивали обратно.

В день праздника нас разбудили раньше обычного. Парад должен был проходить в другом месте, вдалеке от нашей части. И тут мне пришло в голову, что я могу избавить себя от

участия в этом утомительном мероприятии. Если я и трое моих соседей в ряду тихо исчезнем и проведем весь день в лесу, то крайне маловероятно, что взбудораженные парадом офицеры заметят наше отсутствие. Вечером мы могли бы легко войти обратно в казарму, смешавшись с толпой возвращающихся с парада солдат.

Я переговорил с товарищами. План им понравился, и мы приняли решение сбежать из части, прежде чем дадут сигнал к сбору. Вместо того чтобы отправиться в столовую на завтрак, мы прошли строем к выгребной яме, словно нас назначили в наряд чистить ее. Дальнейшее было лишь вопросом ловкости: оставалось только выбрать подходящий момент и под прикрытием подъезжающих и отъезжающих ассенизационных машин незаметно добежать до леса. Никто нас не окликнул; мы юркнули в кусты и помчались среди деревьев, волоча за собой винтовки. Над головой у нас верещали сойки и прыгали с ветки на ветку белки. Мы успели далеко зайти в лес, прежде чем остановились. Тогда мы разделись и легли на землю.

Солнце всходило, и от сырой лесной земли начинал подниматься пар. Вдалеке прозвучал сигнальный рожок, но звук его тут же стих, заглушенный многоголосым жужжанием и чирканьем, наполнявшим лес. Мы задремали.

Я проснулся с тяжелой головой и сухостью во рту. Слегка придя в себя, я встал и осмотрелся по сторонам. Солнце уже касалось верху-

шек деревьев, но внизу на опушке, где мы лежали, по-прежнему царил сумрак. Мои товарищи крепко спали, их форма была развешана на кустах. Какой-то шум приближался к нам из глубины леса; с каждой секундой он становился все громче и громче. Внезапно я понял, что это военный оркестр. Я всмотрелся в ту сторону, откуда доносилась музыка. То, что я увидел, потрясло меня: менее чем в двухстах метрах от нас через лес маршировал наш полковой оркестр. Позолоченный бунчук дирижера ярко взблескивал между деревьями, когда на него падал солнечный свет, а белые кожаные фартуки барабанщиков резко выделялись на фоне зеленой листвы.

Я кинулся к одежде, помышляя только о бегстве. Затем я метнулся к товарищам, распростертым на земле в ленивых позах, и начал трясти их, невзирая на проклятия в мой адрес, которые они бормотали сквозь сон. Когда до них наконец дошло, что сейчас произойдет, их охватила такая же паника, что и меня. Они схватили в охапку форму, сапоги и винтовки и нырнули в густой подлесок.

Инстинктивно я кинулся за ними следом, но тут мои ноги так свело судорогой от испуга, что я не смог сделать и шага. Судорога вскоре прошла, но я продолжал стоять как вкопанный. Я стоял на опушке голый, обмундирование и винтовка у ног, с таким видом, словно я нахожусь на посту и поджидаю приближающуюся колонну.

Передние ряды были уже в нескольких десятках метров от меня. Меня заметили: оркестр перестал играть, а несколько верховых офицеров поскакали по направлению к опушке. Колонну охватило ужасное смятение: кто-то что-то кричал, кто-то размахивал руками, подавая мне знаки. Увидев развевающееся полковое знамя, я непроизвольно схватил фуражку, нахлобучил ее на голову, встал по стойке смирно и приложил руку к козырьку. В передних рядах раздался хохот и улюлюканье. Сигнальщик поднял рожок и сыграл охотничий зов. Я опустил руку, посмотрел на себя и все понял. У меня была эрекция.

Прозвучала команда, и колонна остановилась. Сержанты с трудом пытались навести порядок в строю. Солдаты покатывались со смеху. Ко мне подъехал верховой офицер в сопровождении двух солдат. Другой офицер спешился и громко объявил, что я нахожусь под арестом. Снова прозвучали команды; колонна перестроилась и направилась к лагерю кратчайшим путем. Я оделся и был уведен под конвоем.

Меня обвинили в самовольной отлучке и невыполнении приказа. А также потребовали назвать имена моих сообщников, но я твердил, что покинул часть совершенно самостоятельно, а другие трое солдат пришли на опушку, когда я уже спал. Кроме того, я настаивал на том, что повинен только в заурядной самоволке, но не в невыполнении приказа, поскольку

я был освобожден от парада одним из офицеров еще во время репетиций. И хотя названный мной офицер не мог такого припомнить, я все же добился снятия этого пункта. Обвинение же в том, что отдача чести в голом виде была преднамеренным оскорблением знамени, я парировал, указав, что бывали случаи, когда солдаты, застигнутые врагом в таком виде, даже вступали в бой.

* * *

— Мне часто хотелось у тебя спросить, обрезан ли ты? Впрочем, это не имеет значения, не думаю, что я почувствовала бы разницу.

— Почему ты не спросила меня раньше?

— Ну, это не так уж и важно, и потом — я боялась задать тебе этот вопрос. Ты бы мог понять его в том смысле, что я жду от тебя чего-нибудь особенного или даже что я недовольна тобой. Мужчины ведь очень чувствительны к таким вещам, верно?

— Не знаю. Мужчины разные бывают.

— Есть ли какая-то необходимость в обрезании? Ну, вроде как в случае с аппендиксом...

— Да нет.

— В наше время это кажется большой жестокостью — отрезать у ребенка часть тела, не спросив, хочет ли он этого. А вдруг из-за этого, когда он станет мужчиной, у него понизится чувствительность? В конце

концов, природа не случайно прикрыла такой нежный орган кожей. А тут он становится таким же беззащитным, как колено или локоть, и хлопок, шерсть и лен одежды постоянно трутся об него...

* * *

Мне было приказано замаскироваться в глухом лесу на расстоянии нескольких километров от ближайшего жилья. Я выбрал дерево с густой кроной и приготовил себе удобный насест, чтобы провести на нем несколько часов, пока будут продолжаться учения. Осматривая окрестности в полевой бинокль, я обнаружил еще одного солдата из нашего полка, который устроился в километре от меня. Поскольку мне было приказано не выдавать своего расположения, я остался в укрытии, наблюдая время от времени в бинокль за соседом. Вдруг я заметил что-то подозрительное в его движениях; я проследил взглядом, куда направлен ствол его винтовки. По краю далекого поля, обозначавшему границу расположения нашего полка, медленно шли двое. Дважды щелкнула винтовка, и приглушенный звук выстрелов нарушил тишину леса. Когда я снова посмотрел в сторону той пары, то увидел, что они лежат ничком в колышущейся траве, как два серфингиста, сброшенные со своих досок внезапной волной.

Теперь я стал внимательнее следить за снайпером. Хотя лица его я рассмотреть не мог, мне

пришло в голову, что он, возможно, видел меня и запомнил. Сердце мое учащенно забилося от этой мысли. Но снайпер мирно сидел, покачиваясь на ветке в такт с убаюкивающим ритмом леса, и винтовка лежала, как младенец, у него на коленях. Тем не менее я из осторожности так и не сводил с него глаз, пока голубая дымка не поднялась над верхушками деревьев, а вслед за ней не пришла темнота, словно порожденная покрывшей землю росой.

На следующий день адъютант объявил, что два гражданских лица погибли от шальных пуль. Расследование не дало никаких результатов, поскольку все солдаты смогли отчитаться за полученные боеприпасы.

В другой раз два грузовика с полковой футбольной командой решили срезать дорогу через артиллерийское стрельбище. Стрельбище было огорожено предупредительными знаками, но то ли водители их не заметили, то ли кто-то их снял. До другого края стрельбища не доехал ни один грузовик. Они успели пересечь поле примерно наполовину, когда артиллерия открыла огонь. Все, что удалось найти поисковой группе, это пару удивительно чистых белых теннисных туфель.

— А что, если он когда-нибудь станет моим любовником? Чтобы избавиться от этой мысли, тебе пришлось бы убить его, верно?

— Не знаю. Не уверен.

— Однажды, когда мы покупали мне пальто, продавец подошел, чтобы помочь мне его надеть, и стал поправлять воротник. Ты схватил его руку и, не говоря ни слова, убрал ее с моей шеи, как будто это была вещь. При этом ты сжал руку бедняги так сильно, что он чуть не закричал от боли. У него даже лицо побазрело.

— Я убрал его руку с твоей шеи, потому что я не хотел, чтобы он прикасался к тебе.

— Но он ничего такого не имел в виду. Просто хотел мне помочь.

— Не знаю, что уж вы там имели в виду. Я просто подумал о том, что ты, возможно, чувствуешь, когда он прикасается к твоей шее.

— Чтобы перестать об этом думать, ты и убрал его руку?

— Да.

— А ты смог бы убить человека? Конечно, по серьезному поводу.

— Не знаю.

Во время войны работу было найти трудно. Я был слишком хилым для полевых работ, к тому же крестьяне предпочитали использовать на хуторах труд собственных детей или родственников. Поскольку я был беспризорником, меня мог обидеть кто угодно. Крестьянин, у которого я наконец нашел приют, хватал меня за грудки и бил, когда ему заблагорассудится, исключительно для собственного развлечения. Иногда, правда, он приглашал своего брата или же друзей, чтобы они вместе с ним поиграли в одну игру. Я должен был стоять на месте и не сметь ни закрывать глаза, ни отводить их в сторону. Крестьянин же и его гости, встав в нескольких шагах от меня, плевали мне в лицо, соревнуясь, кто метче попадет в глаз.

Вскоре эта игра стала популярна во всей деревне. Мальчишки и девчонки, крестьяне и их жены, пьяницы и трезвенники — все принимали в ней участие.

Однажды я побывал на похоронах мальчика, который отравился грибами. Поскольку речь шла о сыне одного из богатейших в деревне крестьян, все пришли одетые в лучшее воскресное платье и вели себя подобострастно.

Я смотрел на рыдающего отца, стоявшего у края выкопанной могилы. Лицо у него было желтым, как вынутая из могилы глина, а глаза — красными и опухшими. Он едва стоял на ногах, и жене приходилось поддерживать его.

Когда гроб положили на землю, он упал на него и принялся целовать и гладить полированную крышку так, словно это и был его ребенок. Он заплакал, и заплакала его жена. Плач их прозвучал в тишине, как плач хора в трагедии на пустой сцене.

Мне стало ясно, что любовь крестьян к своим детям так же непредсказуема, как морозная язва, время от времени поражающая деревенский скот. Часто мне доводилось видеть, как мать гладила свое дитя по шелковистым волосам, как отец подкидывал ребенка в воздух и ловил на лету крепкими руками. Нередко я наблюдал, как маленькие дети неуклюже ковыляли на пухленьких ножках, спотыкаясь, падая, снова вставая, движимые той же силой, которая заставляет подсолнухи, склоненные ветром, поднимать свои соцветия к солнцу.

В другой раз я видел, как овца билась в мучительной и долгой агонии. Ее отчаянное блеяние повергло в панику всю отару. Крестьяне говорили, что животное, должно быть, случайно проглотила вместе с травой рыболовный крючок или осколок стекла.

Шли месяцы. Как-то корова из стада, которое я стерег, забрела на соседнее поле и потравила посевы. Мой хозяин узнал об этом. Когда я пригнал домой стадо, он меня уже поджидал. Затащив в сарай, он принялся пороть меня и выпорол до крови. В конце он зарычал от злости и хлестнул меня по лицу кожаной плетью.

После этого я начал собирать выброшенные рыболовные крючки и прятать их за сараем. Когда крестьянин отправился с женой в церковь, я пробрался к моему тайнику и засунул пару крючков и щепотку толченого стекла в шарик, скатанный из теплого хлебного мякиша.

У крестьянина было трое детей. Я любил играть с младшей дочуркой. Мы часто встречались с ней во дворе, и я смешил ее, изображая лягушку или аиста.

Однажды вечером маленькая девочка нежно обняла меня. Я облизнул хлебный шарик и попросил ее проглотить угощение в один присест, не разжевывая. Она колебалась, и тогда я взял кусок яблока, положил его на корень языка и, подтолкнув указательным пальцем, проглотил разом. Девочка, подражая мне, проглотила шарики один за другим. Я старался не смотреть ей в глаза, заставляя себя вспоминать жгучую боль, которую причинила мне плетка ее отца.

С этого момента я смело глядел моим учителям прямо в лицо, провоцируя их каждый раз на новую порцию издевательств и глумлений. Мне больше не было больно. Я знал, что за каждый удар плети они поплатятся болью во сто крат большей, чем моя боль. Я уже не был безответной жертвой — я был их судьей и палачом.

В округе не было ни врачей, ни больниц. По железнодорожной ветке, проходившей рядом, курсировали только товарные поезда, и то

изредка. На заре заплаканные родители понесли свое чадо к священнику, чтобы тот окропил ребенка святой водой. К вечеру того же дня в полном отчаянии они отправились с умирающей девочкой на руках к жившей неподалеку знахарке, о которой люди говорили, что она — ведьма и колдунья.

Но смерть все продолжала свою жатву: дети умирали один за другим. Некоторые крестьяне начали тайком поносить Бога. Они говорили, что Он Сам предал Своего единственного сына на распятие, чтобы искупить собственную вину перед миром, который Он сотворил таким жестоким. Другие утверждали, что смерть поселилась в деревне, покинув разбомбленные города и лагерь, где дымились трубы крематориев.

* * *

В университете меня возненавидел один из студентов. Мне стало известно, что он — выходец из крестьян и поэтому пользуется особым покровительством партии, которая из политических соображений благоволила таким, как этот студент. Не в моих силах было изменить обстановку, благоприятствовавшую ему, а значит, надеяться на то, что он изменит свое враждебное отношение ко мне, было нечего. При этом я понимал, что обвинять во всем систему тоже бессмысленно, — это означало бы капитуляцию перед моим врагом.

В те годы нас заставляли вступать в воензированные студенческие отряды. Каждый

такой отряд поочередно охранял университетский арсенал, находившийся в ведении коменданта города. В соответствии с графиком мы заступали в двухдневный караул, организованный по всем правилам воинской службы. Казарма караульного отряда находилась в одном из корпусов университета. В обязанности старшего по караулу входило принимать по телефону приказы, вносить их в книгу и действовать в полном соответствии с уставом, поскольку нас предупредили, что комендант города может в любое мгновение объявить учебную тревогу, чтобы проверить боеготовность студенческих частей.

Как-то раз я увидел, как мой недруг выслушивает по телефону приказ от начальника городского арсенала. Он сжимал телефонную трубку в руке так сильно, что у него даже побелели костяшки пальцев. В моей голове созрел план.

Ко времени, когда снова настала его очередь дежурить (это была суббота), я, попрактиковавшись, научился говорить грубым командным голосом с характерными надменными нотками кадрового офицера. В первый же день его дежурства я позвонил в полночь и требовательным, не терпящим возражений тоном сообщил ему, что я дежурный по гарнизону и желаю немедленно говорить с начальником караула. Все тем же голосом я сообщил, что идут армейские учения. В соответствии с планом необходимо поднять по тревоге университет-

ское ополчение и двинуться с оружием через парк в направлении городского арсенала. Затем атаковать арсенал, обезоружить охрану, войти в здание и удерживать его, пока не окончатся учения. Я потребовал повторить приказ вслух; он с готовностью повиновался, так и не заметив, что я не назвал пароль, которого я, впрочем, и не мог знать.

Когда через полчаса я снова позвонил на пост, трубку никто не поднял: очевидно, дежурное подразделение отправилось брать штурмом арсенал.

В понедельник все уже были в курсе того, что произошло. В полном соответствии с моим замыслом университетское ополчение атаковало арсенал. Командир гарнизона объявил тревогу, поскольку было неясно, что происходит: вторжение вражеских войск, контрреволюция или секретные учения. Студентов окружили, обезоружили и арестовали, а старшего по караулу обвинили в организации вооруженного восстания.

Давая показания перед военным трибуналом, он заявил, что получил приказ от гарнизонного офицера, который сообщил ему правильный пароль. На последнем пункте он настаивал с особенным пылом.

* * *

Она рассказала мне, что, кроме нее, дочерей в семье больше не было, но был сын, ее старший брат. Они с братом любили друг друга так

сильно, сказала она, что даже почти никогда не ссорились. Вышло так, что брат дружил с мальчиками, которые ей совсем не нравились, а к тем мальчикам, к которым проявляла интерес она, брат жутко ревновал. Если она отправлялась на свидание, брат следовал за ней. Было ясно, что он не позволит ей остаться наедине ни с одним мужчиной. Он ввязывался в драки с молодыми людьми, приглашавшими ее на танец либо пыгавшимися обнять или поцеловать. Он вел себя так, словно сам ухаживал за ней. Но, сказала она, несмотря на все это, она очень гордилась своим братом. К тому же он был весьма хорош собой и превосходил способностями всех студентов своего курса. Понятно, что в него часто влюблялись девушки.

Как-то раз она познакомилась с парнем, который сказал, что, по его мнению, она и брат сделаны из одного теста и их личности настолько схожи, что влюбиться в нее означает, в какой-то степени, влюбиться и в ее брата. Ее брат, сказал парень, словно ее тень, а сама она — словно тень своего брата.

Тогда-то она и поняла, что если заключить союз с братом, то вдвоем они смогут выстоять против всего мира. Если они выберут друг друга в качестве партнеров, но не смогут сохранить верность друг другу, они всегда смогут объяснить и оправдать неудачу тем, что они — родные брат и сестра. Но в случае удачи такой союз может оказаться удобным и очень прочным. Она не видела в подобных отношениях ничего

противоестественного: в любом случае это было, с ее точки зрения, более нормально, чем две влюбленные женщины, вступившие между собой в физические отношения, а этого она немало насмотрелась в колледже. Таких глубоких отношений, как с братом, у нее все равно не могло быть ни с кем другим. Вдвоем они могли бы делать и говорить все что угодно, не стесняясь друг друга. Подобной свободой она не смогла бы наслаждаться ни с каким другим человеком на земле.

* * *

Я позвонил ей сразу же по возвращении, но дома никого не было. Наконец я разыскал ее и пригласил на завтрак. Она осыпала меня обычными вопросами: как прошла поездка? чем я занимался? где жил? с кем встречался? Я дал ей полный отчет, а затем спросил, в свою очередь, что она делала в городе в последние несколько дней.

Она сказала, что посетила водные процедуры, которые я заказал для нее. После ванны она ожидала, что ее обслужит массажистка, но ей сказали, что я пригласил для нее массажиста. Она почувствовала себя крайне неловко, но не хотела огорчать меня отказом.

— Но почему ты решил, что это должен быть обязательно мужчина? У тебя были какие-то особые причины?

— Да нет, я имел в виду именно массаж. Тебе понравилось?

— Очень умелый массажист. Отлично знает свое ремесло.

— Не на что пожаловаться?

— Не на что.

— Тогда почему ты почувствовала себя неловко?

— Он делал некоторые вещи... я не была уверена, стоит ли ему это позволять.

— Но ты позволила?

— У меня не было выбора. Иначе мне оставалось бы только встать и уйти.

— Но ты не ушла?

— Нет, я терпела до конца сеанса.

— Ты ему ничего не сказала? Да, вижу, что не сказала. Ты позволила ему делать с собой все что вздумается.

— Ты говоришь об этом так, что я начинаю подозревать — ты с самого начала знал, что этот массажист будет делать. Тогда почему ты выбрал именно его?

— Я хотел узнать, как будешь вести себя ты. Как ты поступишь в подобной ситуации.

— Как буду вести себя я? Не кажется ли тебе, что было бы гораздо умнее запретить ему вести себя так? Ты же меня знаешь...

— Я послал его к тебе нарочно, потому что я хорошо знаком с его руками. Скажи мне, тебе понравились его руки?

— Я быстро забыла о том, что это его руки. Каким-то образом во время массажа

мне вдруг пришла мысль, что это на самом деле твои руки. Мне сдается, именно этого ты и добивался.

За кофе я внезапно задал ей вопрос: не встречала ли она какого-нибудь интересного человека, пока я был в отъезде. Она молча посмотрела мне в глаза и только плотнее сжала губы. А затем, без малейшего смущения, призналась, что встречалась с одним мужчиной.

— Да? Ну и как он?

— Да ничего особенного. Я с ним и была-то совсем немного. Кстати, когда ты позвонил и не застал меня дома, я у него была.

— Понятно. Но ты мне написала, что заночевала в гостях у своих друзей.

— Я солгала.

— Значит, с мужчиной встречалась? Как долго?

— Две недели.

— Каждый день?

— Практически.

— А до моего отъезда?

— Нет. Я познакомилась с ним сразу после того, как ты позвонил в последний раз: ты еще мне сказал, что мы должны жить вместе. Я пошла на вечеринку. Кто-то представил его мне. На следующий вечер я снова с ним встретилась, и на следующий, и еще на следующий.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Мне неприятно что-то от тебя скрывать. Я не хочу, чтобы нас разделяло что-то, о чем ты не знаешь. Понимаешь, когда ты сказал мне, что хочешь жить вместе со мной, мне стало любопытно, сможет ли меня сейчас заинтересовать кто-нибудь другой и сможет ли кто-нибудь другой понять меня так, как понимаешь ты. Я чувствовала, что должна узнать себя получше и с этой стороны, а не только с той стороны, на которую ты открыл мне глаза. Я подумала, что моя привязанность к тебе объясняется исключительно твоим большим влиянием на меня. И когда ты уехал, я почувствовала себя так, как будто у меня внутри целый суд присяжных и я должна оправдаться перед ними и доказать, что ты — именно тот мужчина, с которым я хочу жить. И что я способна давать любовь и принимать ее.

— Получается, чтобы выяснить, любишь ли ты меня, тебе необходимо было переспать с другим мужчиной?

— Я не спала с ним.

— Но если ты и вправду хотела знать, каково тебе без меня, почему ты отказалась от главного испытания?

— Я не отказывалась; он меня об этом не просил. Он сказал, что любит меня и хочет на мне жениться. Возможно, он думал, что если потащит меня в постель, то я откажусь из-за тебя. Видишь, я рассказала ему и про тебя, и про наши отношения.

— Но вы столько времени провели вместе. Неужели он тебя даже не целовал? Не трогал?

— Ну разумеется, целовал и трогал.

— И его язык был у тебя во рту, и его руки ласкали твое тело? Скажи мне, а ты бы пошла с ним в постель, если бы он предложил?

— Я была к этому готова.

— Ну, и какой вердикт вынес твой суд присяжных?

— Что я способна на независимое суждение и что я хочу остаться с тобой.

— А он что?

— Я сказала ему, что не брошу тебя. Он мне нравился, он — славный, но с ним была бы совсем другая жизнь. А мне больше нравится та, что у нас с тобой. Я выбрала ту часть себя, которая хочет тебя, а не ту, которая могла бы развиться рядом с ним. А самое главное — я сделала этот выбор самостоятельно.

* * *

— Да, кстати, я кое-что скрыл от тебя.

— Что?

— Ну, это просто — хотя нет, не так уж и просто. Несколько дней назад я беседовал с менеджером детективного агентства. Оно охраняет клиентов фирмы, на которую я работаю, и следит за ними. Я расспрашивал его, какими методами они пользуются, когда следят за людьми. Действительно ли эффективна слежка или это просто дурацкая игра в рыцарей плаща и кинжала? Он предложил

мне проверить качество работы агентства, позволив его парням следить за мной. Это и ему будет полезно: он проконтролирует работу своих агентов, сравнив их отчеты с моими. Результаты удовлетворили нас обоих: они зафиксировали каждую встречу с тобой — время, место, продолжительность. А затем, когда я уехал, они продолжили с таким же рвением наблюдения за тобой как за моим основным контактом. Они зафиксировали все твои встречи с этим человеком. Вы проводили каждую ночь вместе, а ты пытаешься утверждать, что не спала с ним.

— Если я ночевала в его квартире, это все не значит, что я спала с ним.

— Но ты провела в его квартире не одну ночь, и очень трудно поверить, что он ни разу не занимался с тобой любовью, или, если это тебе больше нравится, что ты ни разу не отдалась ему.

— Ладно, я больше не буду отпираться, но акт совокупления сам по себе не означает любовных отношений, если не сопровождается соответствующими чувствами и настроением. К любви это не имело никакого отношения, но мне нужно было убедиться в том, что любви не возникнет и после этого.

— Ты говоришь о занятиях любовью с ним, как будто это какой-то пункт в продуманном плане.

— Не совсем так. Если бы он мне не нравился, я бы не стала этого делать.

— А из твоих слов я этого и не понял. Теперь все ясно. Вы оба желали друг друга, все происходило с положенной теплотой и нежностью, и каждый нетерпеливо предвкушал наслаждение другого.

— Да, но ведь именно этого-то и не запланируешь. Он мне понравился, но все произошло произвольно. И именно поэтому проверка удалась: она дала ответ на вопрос, который я задала сама себе.

Я победил в конкурсе фотографов, организованном обществом помощи старикам и инвалидам. Кроме приза я получил крупный заказ на создание галереи фотопортретов стариков и старух. По замыслу руководителей общества, галерея должна была демонстрировать безмятежность и спокойствие старости. Всего я должен был представить портфолио из шестидесяти портретов, но столкнулся с большими трудностями при подборе натурщиков. В городе почти не осталось стариков; правительство переселило их всех в дома престарелых, расположенные в сельской местности.

Для того чтобы добраться до ближайшего дома престарелых, мне пришлось проделать нелегкое путешествие, сгибаясь под тяжестью осветительных приборов, кабелей и трансформаторов, коробок с пленкой и экранов. Я даже прихватил с собой портативную проявочную, чтобы на месте контролировать отснятую пленку. Когда я приехал, директор дома престарелых показал мне свое хозяйство. Дом размещался в старинном загородном особняке, комнаты которого были превращены в палаты — по восемь кроватей в каждой. Все пациенты

достигли преклонного возраста, и большинство из них были немощными, впавшими в детство инвалидами. Я быстро понял, что предстоящая задача куда труднее, чем мне показалось вначале. Со всех сторон меня обступили старики, которые грубили мне, пихали меня, плевались, а некоторые даже пытались ударить. Общественные туалеты в заведении были темными и плохо вентилировались. Из-за этого повсюду царил гнетущий запах мочи и пота, с которым не могли справиться никакие дезинфицирующие средства.

На следующий день я явился в дом со всеми своими камерами и оборудованием. Некоторые из отобранных мной пациентов отказались позировать, заявив, что слепнут от вспышек; другие, трясущиеся и плюющиеся, столпились перед моей камерой, демонстрируя свои дряблые, сморщенные тела, обнажая в улыбках беззубые, слюнявые десны. Были и такие, что пытались перерезать кабель, шедший от розетки к осветительной аппаратуре, опрокинуть штатив или ухватиться за меня руками, выпачканными в экскрементах. Мне так и не удалось сделать ни одного удачного кадра, к тому же старики повредили одну из камер. Перед тем как удалиться восвояси, я зашел в кабинет директора.

Пока я сидел и ждал, когда директор освободится, в кабинет зашла одна из медсестер. Она выпила стакан воды и устало опустилась в кресло. Хотя я смотрел на нее в упор, она меня словно бы не замечала. Я чувствовал непреодоли-

мое желание погладить ее по лицу и волосам и ощутить запах ее кожи. Мне было безразлично, красива ли она: мне хватало того, что она была здоровой и чистой. Мне отчаянно хотелось увидеть самого себя, что между мной и существами, которых я пытался фотографировать, нет ничего общего. К тому же я понимал, что только с помощью кого-нибудь из сотрудников я смогу завершить свою работу.

Внезапно медсестра обратила на меня внимание и спросила, не навецаю ли я кого-нибудь из родственников. Когда я объяснил ей, в чем суть моего проекта, она неуверенно сказала, что могла бы поработать со мной, если позволит директор.

Директор позволил. Он предоставил медсестру в мое распоряжение на несколько ближайших дней. Мимоходом он также упомянул, что девушка изучает психологию. Проблемы психологии умственно отсталых и престарелых интересовали ее до такой степени, что она решила посвятить практике дополнительный год перед дипломом. С тех пор уже прошло три года, а она по-прежнему работала в доме престарелых в должности старшей медсестры. По словам директора, девушка в пациентах души не чаяла.

Мы приступили к фотографированию на следующее утро. Посещение палат, как и раньше, не обошлось без осложнений. Многие из пациентов-мужчин пытались привлечь внимание медсестры откровенными жестами; женщины,

напротив, пытались задеть ее оскорбительными замечаниями. Но она объяснила мне, что это неизбежно.

Когда из-за поведения пациентов работать становилось невозможно, я подходил к ней и клал руку ей на плечо или же, как бы случайно, задевал пальцами ее волосы, когда наклонялся к кейсу, чтобы взять нужный объектив. Она не выказывала ни малейшего смущения. Я продолжал прикасаться к ней при любой возможности, которую предоставляла наша совместная работа.

За стенами дома престарелых развлечься были негде: соседняя деревушка была совсем крохотной, а ближайший город находился на расстоянии сорока километров. Кино, театры, рестораны отсутствовали в принципе.

По всей видимости, у моей новой приятельницы друзей не было. Остальной персонал богадельни, всё люди среднего возраста, или имели семью, или просто были, с ее точки зрения, неинтересными. Она как-то обмолвилась, что у нее есть парень, который служит во флоте, и что она регулярно пишет ему письма.

Девушка она была скрытная: например, так мне и не объяснила, почему надолго задержалась на практике и почему не возвращается в университет, чтобы продолжить учебу. На мои расспросы она отвечала только, что ее жизнь — это ее личное дело. Меня начало раздражать то, что мое присутствие, по всей видимости, было ей безразлично, что она могла жить годами в

обстановке, от которой я уже через несколько дней полез на стенку. Может быть, для нее во мне вообще не было ничего необычного: пациент как пациент, только моложе и не такая развалина, как прочие.

Я начал улавливать определенное сходство между собой и обитателями дома престарелых. И, конечно, не мог избавиться от мысли, что однажды я стану таким же, как они, что сила, доведшая их до их нынешнего состояния, поработит в конце концов и меня. Я смотрел на бесконечную пытку увечных, ползавших по коридорам, словно раздавленные членистоногие. Работая в палатах, я видел пациентов, которые уже умирали. Глаза их слезились, лица были пусты, тела — истощены болезнью. Лежа на своих узких койках, они безразлично глядели на выцветшие изображения святых или на источенные короедом деревянные распятия. Некоторые сжимали в руках фотографии своих детей.

В такие минуты я отворачивался от умирающих и внимательно рассматривал мою помощницу. Несмотря на отвлекавшие меня повседневные мелочи, я научился вызывать в своем сознании такую мощную иллюзию обладания этой девушкой, что вспышка страсти могла охватить меня в любое мгновение.

День за днем проходили одинаково. Девушка помогала мне собрать оборудование и отнести его туда, где я его хранил. Затем мы расставались до следующего дня. Как-то раз под

вечер я, однако, решил спуститься в подвал. Я знал, что она должна быть там. В подвале было холодно, сыро и темно. Она позвала меня по имени; я пошел на голос.

Я нащупал в темноте ее тело и встал перед ней на колени. Накрахмаленная ткань затрещала в темноте, когда я приподнял край ее юбки. Под юбкой ничего не было. Я прижался лицом к ее лону. Тело мое дрожало от той силы, которая заставляет деревья выбрасывать ростки, а бутоны — распускаться. Я был молод.

Как-то вечером я решил наудачу навестить ее. Когда я пришел к ней в комнату, жившая с ней женщина сказала, что моя знакомая на четвертом этаже. Только отойдя от комнаты на несколько шагов, я вдруг вспомнил, что за все время ни разу не был на четвертом этаже, где в основном хранилось всякое барахло. Когда я подошел к лестнице, рядом никого не было. Оглядываясь по сторонам, я осторожно поднялся и очутился в зале, откуда приоткрытая железная дверь вела в узкий коридор без окон. Я вошел в коридор: внутри было темно. Я шел, ощупывая ладонями стены. По бокам коридора располагались комнатки, отгороженные решетками, прочно привинченными к стенам. Тут я увидел маленький лучик света, вырывающийся из-под двери в конце коридора. Я направился туда, но еще не дошел, как услышал ее голос. Я поспешил на него, но у самой двери споткнулся о мешок с песком и растянулся во

весь рост, вылетев при падении практически на середину комнаты.

Медсестра лежала голая на кровати, наполовину прикрытая мохнатым телом существа с головой человека, руками, больше похожими на лапы, и коротким, приземистым туловищем человекообразной обезьяны. Мое быстрое и шумное появление испугало парочку. Существо повернулось ко мне; его крошечные карие глазки злобно поблескивали. Одним прыжком оно метнулось к тому, что, очевидно, было его лежанкой, и, повизгивая и поскуливая, начало быстро зарываться в кучу тряпья.

Девушка подалась вперед, плотно сжав бедра и подтянув колени к лицу, словно для того, чтобы закрыться и защитить себя. Ее дрожащие руки беспомощно шарили вокруг, как крылышки умирающего цыпленка. Она нащупала свою одежду и попыталась ею прикрыться. На мгновение мне почудилось, что она вот-вот пройдет сквозь стену или втянется в щель между досками пола. Глаза у нее были словно у пьяной, и она не могла ни на чем сфокусировать взгляд. Какие-то слова готовы были сорваться с ее губ, но она не могла их произнести. Я снова посмотрел в сторону лежанки и понял, что тварь, которую я видел, была человеком. Я вышел из комнаты, погасив за собой свет.

Добежав до моего домика в деревне, я тотчас же наполнил ванну. Сидя в теплой воде, я не слышал ничего, кроме размеренно падающих из крана капель.

* * *

— Я не могу сейчас заниматься с тобой любовью. Почему ты продолжаешь настаивать?

— Потому что я хочу заниматься с тобой любовью именно сейчас, во время месячных. Тогда кровь, которая вытекает из тебя, будет вытекать словно из общей нашей с тобой вены. Что ты на это скажешь?

— Для меня это будет больше похоже на то, как если бы твоя твердая штукавина поранила меня. И кровь течет из раны, пачкая нас обоих. Мне будет казаться, что ты высасываешь из меня соки.

* * *

Я гулял, беседуя с девушкой, по темным аллеям парка, когда внезапно путь нам преградили четверо мужчин. Мы повернули назад, но услышали, как у нас за спиной через кусты ломаются другие. Они перекликались со стоявшими перед нами, и я понял, что это — одна компания и что они в сговоре. Я также понял, что на нас нападут или ограбят, если не помешают другие гуляющие или если мы не сумеем спрятаться. Я хорошо знал место, где мы находились: впереди журчал ручей, и я вспомнил, что за кустами, растущими вдоль его берега, есть заброшенная беседка, где раньше часто назначались любовные свидания. Мы побежали, раздвигая руками колючие ветви карликовых сосен и закрывая лица от их болезненных ударов. На какое-то мгновение мне показалось, что

нам удалось оторваться от преследователей, но тут мы снова услышали их голоса.

Мы добежали до беседки и заползли в узкую щель между полом и штабелем сложенных парковых скамеек. Но преследователи быстро нашли наше убежище. Дюжина сильных рук вцепилась в нас, выгатила наружу и поставила на ноги. Девушка отчаянно закричала, я повернулся, чтобы посмотреть, что с ней, но получил оглушающий удар в голову.

Когда я пришел в себя, то увидел, как падающие срывают с девушки одежду. Девушка отбивалась, кусалась и пиналась. Я собрался с силами и почти было встал, но меня снова заставили лечь на землю. Я посмотрел в сторону девушки: ее опрокинули на спину, и она брыкала ногами в воздухе. Мужчины схватили ее за ноги и развели их в стороны. Ноги висели над землей, как поднятые из воды лодочные весла.

Мужчины сняли пиджаки, повесили их на ветви кустов и, приспустив брюки до колен, приступили к делу. Те, чья очередь еще не настала, стояли рядом, освещая бьющееся тело лучами фонариков. Затем они усложнили свои действия: набрасывались на девушку сразу по несколько, впиваясь пальцами в ее плоть, зажимая ее голову у себя между ляжками. Девушка уже не кричала; было слышно только ее тяжелое дыхание и, время от времени, отдельные вскрипы. Потом ее стошнило, и она замолчала совсем.

Когда насильники покончили со своим делом, они отпустили меня и убежали. На бегу они перекликались, обмениваясь непристойностями, и вскоре их голоса затихли среди узких тропинок, темных аллей и старых деревьев парка. Я встал на ноги и убедился, что, если не считать кружившейся головы и затрудненного дыхания, мое здоровье ничуть не пострадало. Тогда я помог моей приятельнице сесть на скамейку, стоявшую на берегу ручья, и собрал с земли то, что осталось от ее одежды. Она сидела на скамейке и дрожала, дыхание ее было горячим и неровным. Руками она беспрестанно ощупывала себя, проводя пальцами по царапинам и ушибам, оставшимся на теле. Я зажег спичку и на мгновение увидел ее помятое лицо, черные отметины синяков на груди и струйки крови на бедрах и лодыжках.

Мы медленно шли вдоль берега ручья, пока не добрались до выхода из парка. Там мы свернули на тускло освещенную улицу. Полицейский на велосипеде остановился прямо перед нами. Девушка шепнула мне на ухо, чтобы я ничего ему не говорил, поправила на себе порванное платье и отскочила на обочину в тень деревьев. Полицейский предупредил нас, что парк закрывается для публики после захода солнца и мы нарушаем правила, задерживаясь в нем. И уехал.

Мы пошли дальше, и я начал ощущать все нарастающее волнение, поскольку понял, что девушка собирается провести эту ночь у меня.

Я размышлял, изменится ли ее поведение в постели после того, что произошло. Разумеется, мне было очень ее жалко, но одновременно с жалостью во мне все больше и больше укреплялось отвращение. Я все еще видел ее, распростертую на сырой земле с раздвинутыми ногами, видел, как ее тело оскверняют и терзают чужаки. Я не мог думать о ней иначе, чем об объекте для занятий сексом.

Рано утром она отправилась в больницу на обследование. Я надеялся, что она скоро поправится и мы сможем снова спать вместе. Постоянно я напоминал себе, что должен обращаться с ней ласково и нежно, но почему-то именно эта мысль меня особенно раздражала. Я вспомнил, как однажды смотрел выступление балерины, талантом которой я восхищался. Мне сказали, что она беременна, и я не смог удержаться, чтоб не представить себе, как болтается в животе при каждом ее прыжке еще не рожденное дитя.

Моя приятельница провела в больнице два дня. Когда ее выписали, она немедленно отправилась ко мне. Раздевшись, она показала мне, что синяки от ушибов почти сошли, а затем пошла в душ. Я принялся стелить постель.

Из боязни выдать мои сомнения я вошел в нее с такой стремительностью, что она даже не успела толком возбудиться. Сначала она застонала от боли, но потом овладела собой и стала просить меня ласкать ее так же, как это было принято у нас раньше. Но именно этого

я и не мог заставить себя сделать. Потом она спросила меня, почему я стал таким грубым. Я сказал ей правду. Наши отношения изменились.

У нее стали случаться резкие перепады настроения: она была то тихой и задумчивой, то говорливой и нервно-возбужденной. Она постоянно повторяла, что доктора заверили ее: она в полном порядке, «словно ничего и не случилось». На последнюю фразу она особенно напирала, как будто могла вычеркнуть из жизни факт изнасилования, как и то, что, по ее утверждению, она была в это время в беспмятстве и ничего не чувствовала.

Во снах я видел, как она вылезает из раковины и, извиваясь, ползет ко мне. Затем каждый из нас внезапно оказывался самцом и самкой одновременно. Мы пытались проникнуть в наши отверстия, но только наносили раны друг другу своими твердыми органами. Затем, повернувшись спинами, мы падали рядом на землю, истекая кровью, которая изливалась из нас короткими пульсирующими толчками.

Ее тело стало вызывать у меня большее любопытство, чем раньше. Незирая на мольбы и протесты и не останавливаясь перед насилием, я подверг ее ряду экспериментов. Я изучал ее реакцию на различные воздействия, исследовал ее и мучил; она превратилась для меня в объект, который я мог контролировать или воздействовать на него другими объектами. Я не останавливался перед тем, чтобы

использовать искусственные приспособления, возбуждая ее или продлевая ее возбуждение. Она приписывала перемены в моем поведении произошедшему изнасилованию и постоянно спрашивала, кого я наказываю — себя или ее — за то, что случилось. Она также спрашивала меня, не скрываю ли я под маской жестокости любовь к ней, которую стыжусь проявлять.

В одну из наших встреч моя приятельница сказала, что у нее есть соседка; девушка влюблена в нее и уже несколько раз пыталась добиться взаимности. Я сказал, чтобы она привела эту девушку, и мы займемся любовью втроем. Я объяснил ей, что соседка не интересуется меня как женщина: это просто еще один тип объекта, при помощи которого я могу возбуждать ее, а следовательно, и себя новыми способами. К моему удивлению, она не стала возражать и пригласила свою соседку.

Несколько дней спустя они появились вдвоем. Я заметил, что соседка принесла с собой вещи для ночевки. Я объяснил гостье, что разрешаю ей делать с моей подругой все что угодно, но сохраняю за собой право присоединиться к ним в любую минуту. Я подчеркнул, что именно мне она обязана возможностью испытать физическую близость с моей девушкой и, следовательно, должна во всем мне повиноваться. Она согласилась и провела с нами весь уикенд.

После этого происшествия моя приятельница начала часто выпивать. Я не запрещал — ведь алкоголь делал ее еще более податливым

материалом для моих экспериментов. К тому же мне начинала нравиться безучастность, с которой она воспринимала все происходящее.

Как раз в это время один из моих знакомых затеял мальчишник. В тот вечер моя приятельница опрокидывала рюмку за рюмкой, явно недовольная тем, что я собрался на вечеринку без нее. Тогда я предложил ей составить мне компанию.

Вечеринка была уже в полном разгаре, когда мы пришли. Моя приятельница без колебаний включилась в веселье и пила со всеми гостями подряд. Я заметил, с какой фамильярностью она обнимала моих друзей и какими провокационными, почти непристойными шуточками она с ними обменивалась. Я почувствовал себя в ловушке; было件нятно, что скоро она поставит меня в неловкое положение.

Тогда в течение следующей четверти часа я обошел всех мужчин и шепнул каждому на ухо, что эта девушка — подарок хозяину и его гостям. Если они правильно воспользуются ситуацией, то каждый сможет получить удовольствие.

Возбуждение нарастало: самые шумные и наглые из гостей постепенно собрались вокруг моей приятельницы. Я вдруг увидел ее где-то на высоте плеч. Юбка на ней задралась, ногами она обхватила голову одного из мужчин, а руками вцепилась в его шевелюру. Я продолжал наблюдать: под взрывы смеха десятков рук потянулись к девушке, чтобы потрогать ее

грудь или живот. Внезапно она вскрикнула. Жемчужное ожерелье, подаренное когда-то мной, порвалось, и крошечные переливчатые бусинки посыпались на пол, хрустя под ногами у толпы, которая тащила ее в спальню. Я отправился домой.

* * *

— Эти девушки, которые стоят в окнах первого этажа, они проститутки, верно?

— Да, разумеется.

— В других местах проститутки стоят на улице или ждут клиентов в гостиничных номерах. А здесь — у каждой своя квартира.

— Это не их квартиры, они их просто снимают. Часто вдвоем или втроем: тогда они работают посменно.

— Нравится им так работать?

— Конечно, ведь это импонирует мужчинам, которого пугает откровенность уличной проститутки, необходимость приблизиться к ней и следовать за ней в гостиницу у всех на виду. А эти женщины в окнах предлагают нечто совсем другое. Их квартиры подразумевают интимность и уют; можно запереть двери, опустить шторы. Мужчина волен представить себе, что он — просто в гостях, а девушка — просто хозяйка. Он пришел, чтобы расслабиться и отдохнуть, а не с какой-то конкретной целью. Тогда все дальнейшее кажется более естественным.

— Ты хоть раз ходил к проститутке?

— Да.

— До того, как ты встретил меня, или после?

— Какая разница?

— Но зачем тебе нужна проститутка? Что она такого может, чего не могу я? Или я не такая страстная, как проститутки?

— Я могу делать с ней то, на что ты никогда не согласишься.

— Откуда ты знаешь, что не соглашусь?

— Потому что ты знаешь меня только с одной стороны. И все наши отношения строятся на том, что эта сторона вполне тебя устраивает.

— Значит, то, что я считаю тобой, это всего лишь одна сторона?

— Но ты тоже повернута ко мне только одной стороной — той, которая, по твоему мнению, мне больше нравится. До сих пор ни один из нас не сделал ничего такого, что противоречило бы нашим представлениям друг о друге.

— Но когда ты с проституткой, все, что она говорит и делает, — фальшиво. Ей же нужны твои деньги, а не ты.

— Деньги просто расширяют мои возможности. Без них я не был бы тем, кем я являюсь. Я не смог бы встречаться с тобой там, где встречаюсь, и так, как мне этого хочется. Я не смог бы вести тот образ жизни, который я веду. Я не смог бы испытывать ощущения, в которых нуждаюсь.

— И все же, что бы проститутка ни сделала с тобой, она может делать это и с любым другим, верно? И ты не ревнуешь?

— Это меня не касается. В случае проститутки тот факт, что ею обладают и другие мужчины, не имеет значения. Когда у женщины столько мужчин, ты не можешь считать их всех своими соперниками. Напротив, начинаешь ощущать к ним даже нечто вроде симпатии, потому что они выбрали ее до тебя, и это как бы оправдывает твой выбор. Поскольку никто не лишен права на обладание проституткой, в глазах мужчин она является не столько женщиной, сколько воплощенным желанием, на которое все мужчины имеют право в равной степени.

— Но после того, как ты ушел, она даже и не вспомнит о тебе.

— Когда я ухожу от проститутки, я уношу с собой память о том, что случилось. Эта память принадлежит не ей, а мне.

— На мой взгляд, он милый и очень привлекательный. Говорит с сильным акцентом. Наверное, иностранец.

— Ты угадала. Он приехал в эту страну несколько лет назад. Но с тех пор он живет здесь постоянно.

— Ты хорошо с ним знаком?

— Да.

— Чем он занимается?

— Он — архитектор. Занимается проектированием функциональных зданий, где стиль не так уж и важен, — проектирует больницы, школы, тюрьмы, морги, ветеринарные лечебницы.

— Морги?

— Конечно. Ведь их тоже нужно строить, как и родильные дома.

— Довольно необычное занятие.

— Не столь уж и необычное. Однажды этот человек рассказал мне, что в конце тридцатых, сразу после окончания университета, он поступил на работу в архитектурную фирму. Первым же заказом, который он получил, оказался проект концентрационного лагеря.

— И он отказался.

— Нет, согласился. Хотя задание было непростое, прецедентов-то почти не имелось. Но от этого оно казалось ему только интереснее. Еще он сказал мне, что в то время архитекторы буквально бились между собой за правительственные заказы. Разумеется, если речь шла о больнице, школе или даже тюрьме, архитектор, работавший над проектом, мог вообразить себя внутри проектируемого здания без особого труда. Концентрационный лагерь — совсем другое дело. Тут требовалось особое воображение. Тем не менее нельзя сказать, чтобы концентрационный лагерь совсем не имел ничего общего ни со школой, ни с больницей, ни с вестибюлем в общественном здании, ни с моргом. Отличает его только большая пропускная способность. И конечно же в первую очередь он должен быть функциональным: это заложено в самой его идее. Мой друг тщательно учел возможные различия в типах ландшафта: он разработал один проект для пересеченной, холмистой местности и другой — для безлесной равнины типа степи. Поскольку ни в земле, ни в деньгах у заказчиков недостатка не было, проекты моего друга буквально оторвали с руками. И тем не менее это были всего лишь проекты, на которые можно смотреть с разных точек зрения: из родильного дома, например, выписывается больше людей, чем в него поступает, а в концентрационном лагере

дело обстоит совсем наоборот. И потом, лагерь — тоже гигиеническое заведение.

— Гигиеническое? В каком это смысле?

— Видела ли ты, как травят крыс? Или лучше скажи — любишь ли ты животных?

— Люблю, конечно.

— Ну вот, крысы ведь тоже животные.

— Ну, не совсем. Я в том смысле, что они же не домашние животные. Они дикие, опасные, и поэтому их нужно травить.

— Верно: их нужно травить в гигиенических целях. Крысы нам не нужны. Мы избавляемся от них, но это не мешает нам совсем иначе относиться к кошкам или, там, собакам. Мы не убиваем крыс, мы их выводим, или, уж если совсем по-научному, мы дератизируем помещение. Само это слово лишено всякого смысла, оно не имеет никакого отношения к убийству конкретной крысы; следовательно, и наше право заниматься дератизацией не может быть поставлено под сомнение. За этим словом не стоит никакой символики, никакого ритуала. Вот почему в концентрационных лагерях, которые проектировал мой друг, жертвы никогда не рассматривались как индивидуумы. Они были идентичны, как крысы. Они существовали только для того, чтобы умереть.

* * *

Я шел вдоль реки к тому месту, где поселился мой друг. Мы не виделись уже год, и я совершенно случайно узнал, что он живет в этом

городе. Я миновал некое подобие площади, на которой скучилось несколько домишек; остальные строения были разбросаны вдоль каналов и железнодорожных путей. Рядом с домом моего друга на берегу реки располагалось кладбище.

Я решил, поджидая друга, погулять по кладбищу. Когда он будет возвращаться домой, я его увижу, решил я и направился к могилам, среди которых царило запустение.

Не прошло и нескольких минут, как кто-то позвал меня по имени. Я обернулся и увидел моего друга, который спешил ко мне со стороны улицы. Он был удивлен тем, что я решил подождать его на кладбище, поскольку место это уже давно было заброшено и пришло в упадок. Надписи на надгробиях почти нельзя было прочесть, сами надгробия покосились, как пьяные, и глубоко ушли во влажную землю. Здесь хоронили, объяснил мой друг, представитель одного из религиозных меньшинств. В течение долгого времени этому меньшинству запрещали погребать своих покойников в пределах городских стен. Не разрешались даже похоронные процессии, потому что жители города могли напасть на шествующих. Поэтому покойники доставлялись на кладбище лодкою по реке.

Но, продолжал мой друг, самое интересное на этом кладбище — не могилы, а смотритель. Мой друг пытался неоднократно завести с ним беседу, но тот отделивался одно-

сложными ответами. Это возбудило любопытство моего друга, и он начал наводить в городе справки.

Ему рассказали, что во время войны этого зрителя интернировали в концентрационный лагерь. До войны он был боксером-тяжеловесом. В чемпионы он не выбился, но заслужил в боксерских кругах чудовищную репутацию. С ним не рисковал связываться ни один антрепренер, поскольку на его счету было несколько изувеченных и тяжело травмированных противников. Комендант концентрационного лагеря обратил внимание на зрителя, когда тот уже стоял в партии заключенных, выбранных для отправки в газовую камеру. Он сохранил ему жизнь и сделал спарринг-партнером для себя и для тех из лагерных охранников, кто занимался боксом.

Комендант пригласил в лагерь боксера-профессионала, чтобы тот вступил с заключенным в поединок. Условия были такими: бой должен был проходить по профессиональным правилам. Если побеждал лагерный боксер, то казнили вне очереди одного заключенного. Если же побеждал профи, одного заключенного, приговоренного к газовой камере, отпускали на свободу. Выбирал счастлиwickа лагерный боксер. А если возникало хоть какое-нибудь сомнение в честности боя, например, если создавалось ощущение, что лагерный боксер нарочно подставился под удар или притворился нокаутированным, то тогда казнить должны были его самого.

Комендант, который считал себя крупным специалистом в области психологии заключенных и инстинкта самосохранения, решил, очевидно, что при таких условиях боксер-заключенный будет боксировать хорошо, чтобы сохранить свою жизнь, но в то же время не будет чересчур стремиться к победе, чтобы не обречь на крематорий одного из своих братьев. Лишенный стимула к победе, он, однако, вынужден будет избегать проигрыша.

Приехал профессионал. Достаточно было бросить на него взгляд, чтобы понять — заключенный проиграет. К несчастью для коменданта, этот боксер, встав перед необходимостью или проиграть своему расовому врагу, или победить его ценой освобождения другого расового врага, отказался от поединка. Заключенный остался в живых, но не смог спасти никого из своих братьев.

Теперь он живет бобылем, охраняя постепенно погружающиеся в вонючую грязь надгробные памятники.

* * *

В те времена, когда я был студентом университета, мы были обязаны посещать собрания многочисленных студенческих политических организаций. Во время этих продолжительных мероприятий в соответствии с требованиями Партии студентам надлежало заниматься критикой и самокритикой. Собрания протекали напряженно и порой даже драматично: если

успеваемость и поведение студента признавали неудовлетворительным, и Партия могла исключить его из университета и отправить на работу куда-нибудь в деревенское захолустье. Мы чувствовали себя камнем в праше, который никогда не знает, кто его запустит и куда.

Перед одним из таких собраний я зашел в туалет. Там я наткнулся на другого студента, которого все звали Философ. Он выглядел очень жалко, и его безудержно и мучительно рвало. Увидев меня, он начал извиняться за свой вид и даже попытался выдавить из себя улыбку.

Для него подобные собрания были невыносимой нагрузкой: его слабые нервы не выдерживали напряжения. Он сказал мне, что даже вид комнаты, наполненной людьми, приводит его в такое паническое состояние, что ему порой приходится после этого часами прогуливаться в одиночестве по коридору, чтобы успокоиться перед возвращением в аудиторию.

Как-то раз я опоздал на встречу с Философом. Я извинился, объяснив, что задержался, поскольку мне нужно было зайти в здание нового филиала государственного банка, который недавно открыли в центре города. Между прочим, я упомянул о том, какой шикарный туалет я там видел на первом этаже — чистый и безлюдный. Я сказал Философу, что с удовольствием воспользовался этим туалетом.

Философ почему-то очень заинтересовался и уточнил у меня адрес этого филиала. Я назвал адрес. Тогда он достал из кармана маленький

план города и тщательно отметил на нем это место. Я заметил, что пометка на карте — не единственная, и спросил его, что все это значит. Философ объяснил, что отмечает на плане все «храмы». Я не понял, что он имеет в виду. Тогда он спросил меня, знаю ли я, почему ему дали такое прозвище? Я не знал. Он попросил меня следовать за ним.

Мы пришли к одному из городских этнографических музеев. Он завел меня внутрь и сразу же направился к туалету. В туалете никого не было в этот ранний утренний час; там царили чистота и порядок. Мой друг посмотрел на меня и с ноткой гордости в голосе сказал: «Если запереться в кабинке, то никто тебя не потревожит — сиди хоть несколько часов. Ты же знаешь, от собраний почти невозможно отвертеться. А здесь твоему уединению никто не помешает. Можешь предаваться размышлениям и самосозерцанию внутри своего частного владения». Он торжествующе развернул свой план: «Я нашел около тридцати общественных зданий в различных частях города, в каждом из которых есть такой храм, и он всегда к моим услугам».

Затем он погрузился в детальное описание «своих храмов». Некоторые из них, в особенности те, что построены недавно, поражали своей грандиозностью. Беломраморные стены в окантовке из меди и серебристого металла, мозаичные полы, хрустальные люстры, идеальная вентиляция. «Сидишь в кабинке в такой

обстановке, — объяснял Философ, — и мысли воспаряют над тобой, словно ожившие божества Древней Греции, слетевшие со страниц античной хрестоматии. И никто тебя не подслушивает. Что за радость — остаться наконец в полном одиночестве и больше не тревожиться, что скажут о тебе другие, как они на тебя посмотрят или что о тебе подумают. Ты один в четырех стенах своего личного святилища».

Какой-то старик зашел в туалет и скрылся в кабинке. Вскоре он вышел; мы внимательно послушали, как журчит вода в бачке унитаза. «Но если собираешься сидеть в кабинке действительно долго, — сказал мой друг, — то необходимо запастись вот этим». Он достал из кармана ватный тампон и пузырек с растворителем. «Чего только не пишут на стенах туалета, — объяснил он, — лозунги всякие, высказывания. Многие — явно контрреволюционного содержания. Храмы — это, пожалуй, единственное место, где можно выражать протест против режима, против коллективизации, чисток и зарубежной политики Партии и даже против культа личности нашего всесильного вождя». «Понимаешь, — продолжал он, — если я просижу в кабинке дольше обычного, меня могут обвинить в том, что я и есть автор всех этих еретических надписей. Поэтому я начинаю с того, что смываю их со стен. Если милиционер или стукач спросят меня, что я там так долго делал, я всегда смогу отделаться каким-нибудь невинным и убедительным объ-

яснением. В конце концов, какой-то философ однажды написал: „Сотворение богов и храмов — нелегкое дело, для этого потребен могучий интеллект“. Стоит немножко поработать ваткой, чтобы обзавестись собственным храмом, верно?»

Несмотря на свою болезненную чувствительность, Философ исправно посещал все митинги и семинары. Помню, как-то раз профессор спросил его мнение по поводу одной недавно провозглашенной Партией политической доктрины. Мой друг встал, бледный и потный, и, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид, сказал, что некоторые аспекты этой доктрины, как ему представляется, идеально соответствуют репрессивным задачам тоталитарного государства и поэтому противоречат гуманистическим ценностям. Воцарилось молчание. Не сказав ни слова, профессор жестом велел ему сесть. В аудитории послышался шум: присутствовавшие члены Партии встали и демонстративно покинули помещение. Всем стало ясно, что Философ обречен.

Мы доучились вместе до конца семестра, после чего я потерял Философа из виду. Его исключили из университета за антиобщественное поведение. Один из университетских чиновников позднее сообщил мне, что Философа больше нет в живых. Хихикая, он живописал мне гнусные подробности самоубийства, совершенного моим другом в кабинке общественного туалета. В ответ я промолчал.

Партийная организация давала торжественный прием в честь иностранной делегации. На встречу была отправлена тщательно отобранная группа местных политиков, научных работников и военных. Я удивился, увидев на приеме одного ученого, которого хорошо знал по университету. Он был единственным оставшимся в живых представителем почтенной семьи, полностью истребленной во время чисток. Много лет ему пришлось провести в лагерях, и лишь совсем недавно его реабилитировали.

Произнесли официальные речи, подняли положенные тосты, и атмосфера сразу же стала более непринужденной. Гости встали из-за банкетного стола. Официанты с трудом двигались в плотной толпе, разнося на подносах напитки. Фотографы окружили распорядителя банкета, который представлял друг другу наиболее важных гостей.

Остальные тем временем начали обмениваться значками с национальной и политической символикой. Этот ритуал, по мнению Партии, должен был символизировать дружбу и взаимопонимание.

Один из гостей подходил к другому, доставал из кармана значок и прищипливал его к лацкану пиджака нового знакомого. В толпе я увидел того самого ученого, который занимался тем, что прикреплял к пиджакам партийных функционеров прямо по соседству с высокими пра-

вительственными наградами круглые золотистые значки. Я уже собрался было уходить, когда увидел, как мой знакомый приобнял за плечи одного из самых прославленных в стране маршалов. Наклонившись к сверкающей орденноносной груди полководца, он прищипливал булавкой золотистый значок к его кителю.

Я подошел к маршалу, чтобы рассмотреть значок получше, и непроизвольно отшатнулся: это был не значок, а упаковка с презервативом иностранного производства. Кондом был обернут в золотистую фольгу, по краю которой шла надпись с названием фирмы-производителя.

По пути к выходу я обозревал результаты деятельности ученого: почти все партийные и государственные сановники прогуливались с презервативами на лацканах. Я сообразил, что только дома, снимая с пиджака значки, они обнаружат подмену. Оставалось только догадываться, вспомнят ли они, кто их так разукрасил, и какова будет их реакция.

* * *

Студенческий союз решил наказать меня за недостаток рвения. Партийная организация и университет одобрили решение союза. Мне предстояло провести четыре месяца в качестве лектора-ассистента в новом госхозе.

Ехать предстояло долго. В купе поезда я оказался еще с тремя попутчиками. Это были выпускники института планирования экономики, радостно ехавшие навстречу своим новым обя-

занностям: им предстояло руководить освоением целинных земель.

Госхоз состоял из нескольких коллективных хозяйств и двух экспериментальных откормочных комплексов, связанных недавно построенной дорогой. Всем этим заправляла местная парторганизация. Работники проводили шесть дней в полях, управляя современными сельскохозяйственными машинами, а по воскресеньям сидели в классах, слушая лекции по политическим и социальным предметам.

Я сразу понял, что своим здесь не стану. На меня смотрели с подозрением и часто пытались выяснить, на какую секретную службу я работаю. Мои лекции работники посещали, поскольку этого требовали правила, но слушали меня враждебно-вежливо, тщательно демонстрируя отсутствие всякого интереса. Когда я просил задавать вопросы, ответом мне было каменное молчание. Я знал, что занимаюсь абсолютно бессмысленным делом, но мне требовалось провести здесь четыре месяца, и другого выхода не было. Мне не удалось ни с кем подружиться или хотя бы просто завести приятельские отношения. Свободное время я посвящал подготовке к экзаменам и написанию отчета о прочитанных лекциях.

За все недели, которые я провел в госхозе, только одно событие вызвало, пожалуй, всеобщий интерес. К нам приехала труппа государственного цирка. Представления планировалось давать несколько дней подряд, чтобы их

смогли посетить работники даже с самых отдаленных участков. Программа была насыщенной: танцоры, клоуны, гимнасты на трапеции, наездники, жонглеры, канатоходцы и укротители диких животных. Зрители принимали цирк с восторгом: в зале постоянно аплодировали и бесконечно вызывали артистов на бис.

Один из номеров мне особенно понравился: молодая акробатка работала на трапеции с недюжинным мастерством и ловкостью. Девушка проделывала все обычные для этого жанра трюки, а в самом конце представления выполняла одно гимнастическое упражнение, в котором демонстрировала необыкновенную гибкость. Казалось, что все ее тело сделано из одного куска пластилина, — такой сложной была поза, которую принимала девушка. Каждая клеточка ее тела излучала при этом легкость и силу. Наблюдая за ней, я понимал, насколько я негибок и медлителен.

Выглядело это так: девушка стояла в ярких лучах прожектора, слегка раздвинув ноги и положив руки на бедра. Затем, под все убыстряющийся аккомпанемент оркестра, она становилась на цыпочки. Подняв руки вверх, девушка выгибалась, подобно пружине из закаленной стали. Луч прожектора следовал за ее головой, которая откидывалась все дальше и ниже. Вскоре голова показывалась у девушки между колен. Яркий луч прожектора играл на каштановых волосах, стянутых в тугий узел. Зрители замирали, затаив дыхание: они догадывались, какая

сила требуется для того, чтобы удержаться в этой позиции, и ждали, что девушка вскоре распрямится и вернется в исходную позицию. Но каким-то чудом она сгибалась еще сильнее, и вскоре прожектор уже выхватывал из темноты ее блестящие глаза и улыбающийся рот: девушка, просунув голову между ног, выгибалась так, что ее лицо появлялось перед зрителями на уровне низа живота. В этом положении она удерживалась какое-то время.

Оркестр тянул гипнотический, вибрирующий аккорд, усиливавший транс, в который погружалась оцепеневшая публика. Затем девушка слегка прогибалась ноги вперед, лицо ее внезапно исчезало, и, прежде чем кто-нибудь успевал сообразить, что произошло, гимнастка уже возвращалась в исходную позицию, раскинув руки так, словно раскрывала объятия навстречу сотрясавшим воздух аплодисментам. Она стояла, купаясь в порожденных ею же за минуту до того энергии и напряжении. Я почувствовал, как во мне растет неукротимое желание.

Я наблюдал это представление три вечера подряд. В программе я прочитал, что девушка провела в цирке всю свою жизнь и обучалась гимнастике и акробатике у своих родителей, которые также были талантливыми исполнителями.

Гастроли должны были продолжаться еще три дня. Я решил, что попытаюсь встретиться с этой девушкой. Я знал, что это будет не-

просто, поскольку циркачи держались особняком и у меня не было ни малейшего повода для того, чтобы напроситься к ним в гости. К тому же ни участники труппы, ни госхозное начальство не приветствовали подобные контакты.

На следующий день давали обед для артистов цирка и бригадиров госхоза, дабы те и другие смогли обменяться тостами и произнести речи, восхваляющие вклад, вносимый ими в жизнь народа под руководством Партии и правительства. Когда появились артисты, я ухитрился подойти к девушке и пригласить ее за стол на соседнее со мной место. Слева от нее была стена, а с другой стороны сидел я. Место справа от меня занял пожилой бригадир.

Гимнастка сидела рядом со мной с потупленными глазами, словно позабыв, где и почему находится. Руки ее лежали на коленях, и она беспрестанно ими двигала, сплетая и расплетая пальцы, словно паралитик, выполняющий специальные упражнения. Спустя какое-то время она все же расцепила пальцы, подняла руки к груди, провела по своему бюсту и, наконец, уперлась ими в бока, широко расставив в сторону локти и прогнувшись назад.

Я огляделся по сторонам. Артисты явно чувствовали себя не в своей тарелке и все время ерзали на жестких деревянных стульях. Представители коллектива госхоза, привычные к таким обедам, безразлично восседали за столом. Я осторожно повернулся к девушке.

Очевидно, и она подвинулась ко мне, потому что я почувствовал, как ее бедро прижалось к моему. Я посмотрел через стол на оратора и сделал вид, что внимательно слушаю речь. Тогда давление на бедро перешло в серию мягких толчков. Я покосился на девушку: она сидела прямо и все время то разводила колени, то сводила их вместе так сильно, что на них белела кожа.

Медленно я положил руку на спинку ее стула, согнув пальцы и упершись костяшками ей в спину. Я никак не мог понять, заметила она что-нибудь или нет. Правда, мне показалось, что ее движения приобрели новый смысл, словно она пыталась слиться с моими пальцами, чтобы укрепить это мимолетное прикосновение. Я снова бросил на девушку осторожный взгляд: губы ее напряглись, и легкий румянец заиграл на щеках.

Обед закончился ближе к вечеру. Гости направились в отведенное им жилье, расположенное у дороги, обсаженной высокими деревьями. Мы с гимнасткой сперва пошли вслед за ними, но потом быстро свернули в заросли.

Я рассказал, как мне понравилось ее выступление и как во время него у меня родилась фантазия: мне захотелось обладать ее телом в момент высочайшего напряжения всех ее сил, когда она просовывает голову между бедрами. Гимнастка выслушала меня, не перебивая, а когда я закончил, не произнесла ни слова. Мы пошли дальше.

Уже почти стемнело. Ветра не было, и листья на нижних ветвях берез тяжело висели, словно выкованные из свинца. Внезапно гимнастка повернулась ко мне лицом и стала раздеваться, складывая одежду на груди сухих листьев у наших ног.

Затем она нежно заставила меня лечь на спину. Наклонилась надо мной; снизу она показалась мне коренастой, почти коротконогой. Прикоснулась лбом к моей груди и уперла руки в землю у меня за плечами. Затем, одним неувлимым движением, подняла ноги в воздух. Когда ступни миновали самую верхнюю точку, спина девушки образовала гибкую дугу, напомилавшую молодую березовую ветвь, пригнутую выпавшим снегом. Медленно ее ступни опустились ниже головы, так что лицо очутилось между бедер; затем она согнула колени еще сильнее и прильнула к моему лицу одновременно губами и влажным лоном.

* * *

Никто не смог бы с полным правом назвать себя ее парнем: она ни с кем не завязывала постоянных отношений. Все восхищались ею, но никто не обладал.

В начале семестра я был избран редактором университетской газеты. Я предложил ей вести еженедельную театральную колонку и дал полную свободу писать о любом заинтересовавшем ее спектакле или литературном событии. На это место мечтали попасть многие студенты, так что она сразу же согласилась.

В качестве редактора я стал часто получать приглашения в разные места и при любой возможности старался сделать так, чтобы нас всюду приглашали вместе. Некоторые из коллег завидовали мне, поскольку никто не знал в точности, какие отношения нас связывают.

Время шло, и к концу семестра я заметил, как много внимания моя знакомая уделяет своему телу. Обычно перед тем, как куда-нибудь отправиться, мы встречались у нее на квартире. Из ее маленькой гостиной я часто наблюдал, как она рассматривает себя в трюмо, изучает свой профиль, выгибает шею, проводит руками по бедрам. На плечах у нее был небрежно накинутый халатик, далеко не всегда застегнутый на все пуговицы. Мне удавалось время от времени то сделать ей многозначительный намек, то случайно коснуться ее тела, передавая расческу. После того, как два или три раза она осадила меня, я вынужден был отступить.

Как-то раз она одевалась, собираясь на концерт, а я сидел в другой комнате, метрах в двух от ее секретера. Нижний ящик был выдвинут, и, украдкой заглянув в него, я увидел под старыми записными книжками и разбросанными заколками и брошками пачку фотографий, которая слегка высунулась из конверта. Я посмотрел в сторону спальни, но у туалетного столика моей приятельницы не было. Мгновением позже я услышал, как в ванной течет вода, и тогда я наклонился, схватил наудачу несколько карточек и засунул их во внутренний карман.

После концерта я проводил девушку до дома, а сам вернулся к себе, чтобы внимательно изучить добычу. На снимках она была полностью обнажена. Позы, освещение, плохая резкость — все говорило о том, что она снимала себя сама при помощи камеры с таймером. Снимки были сделаны совсем недавно — бумага еще не утратила свою эластичность. Я вспомнил несколько случаев, когда моя приятельница запиралась в маленькой редакционной фотолаборатории под предлогом проверки газетных пленок. Очевидно, именно тогда она проявляла и печатала эти фотографии.

Я ничего ей не сказал и не стал возвращать фотографии. Ее поведение оставалось таким же, как прежде, и я пришел к выводу, что она не заметила пропажи.

Если ко мне в гости приходили друзья, я раскидывал пару-другую фотографий у себя на рабочем столе среди бумаг и книг. Я не сомневался, что, пока я на кухне готовлю напитки или закуски, друзья наткнутся на фотографии и увидят, что на них изображено. Через пару недель я убедился, что все наши знакомые считали нас любовниками, а ближайшие друзья словно ненароком спрашивали, когда свадьба.

Перед самым концом семестра меня и мою приятельницу пригласили на вечеринку в отеле на одном из курортов по соседству. После вечеринки нам предложили остаться на ночь и поплавать в бассейне. У меня на следующее утро был экзамен, и я отказался. Приятельница же

моя осталась, поскольку ей нравилось ловить на себе восторженные взгляды поклонников.

На следующий день после экзамена я получил записку от декана, в которой меня просили зайти в его кабинет. Профессор встал, когда я вошел, предложил мне сигарету и довольно смущенно попросил приготовиться к удару. Труп студентки обнаружили в ванной занимаемого ею номера. Кран газового водонагревателя был открыт, но поджиг не горел.

Вскоре известие о ее смерти разнеслось по всему университету. Все смотрели на меня, а некоторые даже показывали пальцем. Два моих лучших друга сообщили мне, что, по общему мнению, она покончила жизнь самоубийством. Позже я пришел к выводу, что это умозаключение опирается в большей степени на фантазию, чем на факты. Когда я зашел в аудиторию на послеобеденную лекцию, я нашел на своей парте несколько анонимных записок. В каждой из них меня обвиняли в том, что я соблазнил девушку, заставил ее участвовать в оргиях, фотографировал в предосудительном виде и в конце концов бросил, когда она забеременела.

Я был предан остракизму. Ел один за столиком в кафетерии, и никто не садился со мною рядом на семинарах. На похороны отправились почти все мои сокурсники.

На кладбище все присутствующие стояли тесным крутом возле могилы, и только справа и слева от меня в этом круге образовались раз-

рывы. Я чувствовал полное отчуждение: даже ближайšie мои друзья, которые стояли напротив, бросали на меня осторожные косые взгляды. С одной стороны могилы высилась куча земли, с другой на голую почву поставили накрытый крышкой гроб. У изголовья гроба стоял университетский капеллан, а в ногах — родители девушки.

По виду они были из крестьян или из мелких торговцев, и я внезапно вспомнил, что она никогда не рассказывала мне о своем доме и семье. Я украдкой разглядывал поношенный костюм отца и его бледное, страдальческое лицо. Холодный ветер развеивал редкие седые волосы. У его жены были гротескно кривые ноги. Трудно было поверить, что она и этот измученный старик зачали ту девушку, которую я знал. Кто-то наклонился к родителям и шепнул им что-то на ухо. Они подняли головы и посмотрели на меня. И тут же все глаза, до того устремленные на них, обратились ко мне. Со всех сторон на меня пристально смотрели. Нечаянно мой взгляд встретился со взглядом ее отца.

Какой-то миг мы смотрели друг другу прямо в глаза, а затем он оттолкнул в сторону жену, которая пошатнулась и свалилась бы в могилу, если бы двое рабочих не подхватили ее. С безумным видом он направился ко мне, расталкивая толпу. Я знал, что сейчас случится что-то нехорошее: старик явно собирался ударить или оскорбить меня. У толпы тоже был зловещий вид, словно она готовилась набро-

ситься на меня при малейшем моем движении. Я не решался пошевелиться.

Толпа расступилась на пути у старика, который ковылял ко мне, пыхтя и побряхтывая. Его бледные губы искривила гримаса. Он остановился передо мной, с трудом поднял голову и плюнул мне в лицо.

Я молча ждал, что последует. Глаза старика словно втянулись в глазницы, руки бессильно опустились. Он повернулся и пошел назад, притихший, усталый и очень старый.

— Когда я была школьницей, родители, учителя и мой духовник говорили мне, что этого делать нельзя.

— То есть они учили тебя не делать этого?

— Мне говорили, что, если женщина сделает это, ее постигнет какое-нибудь ужасное наказание — дурная болезнь или уродство. А мои подруги утверждали, что это отвратительно на вкус, маслянистое такое, слизистое, жирное... и к тому же такое мерзкое ощущение — живая плоть у тебя во рту.

— Видно, ты на эту тему немало размышляла.

— Да. Но священник отпустил мне грехи.

— Ты ходила на исповедь?

— Да, я и сейчас хожу. Понимаешь, на исповеди не отделяешь намерение от действия: просто говоришь, в каких грехах повинен.

— И всегда получаешь отпущение?

— До сих пор всегда получала. Но речь шла только о грешных помыслах. Мне было бы неловко признаться в том, что я действительно... понимаешь, это такое странное ощущение, когда он во рту. Словно все мужское тело внезапно съжилось до размеров одного

органа, который растет и заполняет рот. В нем — большая сила, но в то же время он такой нежный и ранимый. С одной стороны, я могу задохнуться, а с другой — могу его откусить. И это я побуждаю его к жизни, заставляю расти. Мое дыхание согревает его, и он разворачивается, как огромный язык. Мне нравится то, что извергается из него: словно расплавленный воск внезапно начинает течь по шее, по груди, по животу. Я чувствую себя так, словно меня вновь крестили: такая чистая и белая эта жидкость.

* * *

Я изучил карту, но так и не понял, по какой дороге еду. Тогда я решил на первом же перекрестке свернуть вниз, в долину, где можно будет найти городок или хотя бы большую деревню.

Пять или шесть километров после поворота я ехал вдоль неогороженных полей, окружавших селение, в центре которого над пыльной и неухоженной площадью возвышалась церковная колокольня.

Дома и амбары стояли на плоской земле. Кругом царил тишина. Было воскресенье, и нигде не виднелось никаких признаков жизни, если не считать дымка, лениво курившегося над трубами некоторых домов. Я услышал, как где-то взвыл орган, и догадался, что, судя по времени, сейчас как раз должны служить утреннюю мессу. Я остановил машину и вышел.

Не прошло и минуты, как из каждой подворотни уже заливались лаем собаки. Я шел, а собачий хор становился все громче и громче. Вместо того чтобы направиться прямо к церкви, я пошел в другую сторону и вскоре уперся в одинокий сарай, стоявший в нескольких метрах от дороги. Я присел, разглядывая дымящуюся от палящего зноя почву, листья клевера и незнакомые полевые цветы, росшие возле изгороди. Собаки смолкли. Приглушенный голос церковного органа парил над домами и амбарами и затихал в полях.

И тут я услышал странные звуки, доносившиеся из сарая; они были похожи на плач младенца или поскуливание щенка. Я осторожно обошел строение вокруг и остановился перед дверями, запертыми на висячий замок. Я попытался сорвать замок, но, несмотря на свою древность, он не поддавался. Тогда я рванул сильнее — гнилое дерево треснуло и рассыпалось.

Открыв двери, я встал на пороге между светом и тьмой, вслушиваясь и вглядываясь в черное нутро сарая. Ни звука. Войдя внутрь, я почувствовал запахи сухого сена, глинобитного пола и плесневеющего дерева. Сперва я ничего не смог рассмотреть.

Постепенно мои глаза выхватили из тьмы два маленьких плута со сломанными лемехами, прислоненные к стене рядом со старой бороной и множеством погнутых вил, покореженных мотыг и граблей с выломанными зубьями. В углу я увидел груды ржавых, прогоревших печных

труб и сваленные в кучу железные крючья, лопаты и ломы. Вдоль другой стены стояли ведра, наполненные гвоздями разной длины и толщины, большими металлическими ключами, деталями от старых утюгов и сломанных жаровен, оконными петлями, дверными замками и ручками, кастрюлями, сковородами и битой посудой. Еще дальше на вбитых в стену гвоздях висели колеса без ободьев, связки подков, хлысты, поводья и ремни и стояла колода с оставленными в ней двумя топорами.

Я обернулся на шум. Испуганная курица метнулась из-под кучи сена. Хлопая крыльями и квохча, она выскочила через полуоткрытую дверь во двор. Снова наступила тишина, нарушаемая только жужжанием одинокой осы.

Я уже собирался уйти, как снова услышал плач, который словно раздавался откуда-то из-под крыши. За плачем последовал пронзительный визг.

Я сделал шаг назад, открыл дверь пошире и принялся вглядываться в нечеткие линии стропил. Но света было слишком мало. Я вернулся к машине, взял фонарик и снова зашел в сарай.

Затем я навел фонарик на источник звука. К стропилам была подвешена на толстом канате большая клетка из металлических прутьев. Конец каната, пропущенный через кольцо в балке, был привязан к стальному крюку.

Снова раздался этот странный плач; я обшарил клетку лучом фонарика. Белая рука про-

тянулась ко мне сквозь прутья клетки, затем я разглядел и голову, обрамленную слипшимися прядями светлых волос. Я стоял в нерешительности, ухватившись одной рукой за канат. Какое-то время я думал, не стоит ли мне пойти за подмогой, но потом любопытство взяло верх. Я стравливал канат сантиметр за сантиметром, пока клетка не закачалась над самым полом. Тогда я снова закрепил конец. За решеткой сидела обнаженная женщина, смотревшая на меня широко открытыми влажными глазами и бормотавшая бессмысленные слова.

Я подошел. Женщина зашевелилась, но не было ощущения, что она испугана. Она посмотрела на меня, а затем подползла поближе, поглаживая и почесывая тело, то и дело раздвигая бедра. Я разглядел лицо в оспинах, обгрызенные ногти на руках, исхудалые ляжки, испещренные свежими синяками. Я сообщил, что, кроме нас, в сарае никого нет и что женщина абсолютно беззащитна.

Я посмотрел на нее снова: женщина явно страдала слабоумием. Она сделала приглашающий жест и обнажила неровные зубы в кривой улыбке. Я подумал, что в самой этой ситуации есть нечто чрезвычайно соблазнительное, поскольку она представляет собой тот редкий случай, когда можно оставаться полностью самим собой перед другим человеческим существом. Но только при условии, что противоположная сторона осознает ситуацию, а женщина в клетке не осознавала ничего.

Я снова поднял к потолку клетку с пленницей, закрепил канат и вышел из амбара. Уже снаружи я решил, что говорить с деревенскими не имеет смысла. Через час я добрался до окружного отделения полиции.

Сержант подозрительно рассматривал меня, в то время как другой полицейский заносил в протокол мой рассказ про женщину в клетке. Вскоре я вернулся в деревню в сопровождении трех офицеров полиции.

Когда мы приехали, месса уже кончилась, и улицы стали заполняться людьми, шедшими из церкви. Взрослые были одеты по-праздничному, рядом с ними покорно шли дети. Мы остановились у сарая, возле которого сидел высокий крестьянин и стягивал с ног тесные сапоги. Один из полицейских задал ему несколько вопросов, а затем силой впихнул в сарай. Мы все ввалились следом за ним. Праздничная публика молча столпилась вокруг наших двух автомобилей. Затем, словно внезапно поняв, зачем мы явились, они рассыпались по домам.

Внутри сарая висела клетка, теперь ярко освещенная лучами нескольких фонариков. Крестьянин, потный и трясущийся от страха, медленно опускал клетку на глазах у ожидающих полицейских; женщина в клетке вцепилась руками в решетку.

Сержант приказал открыть замок. Пальцы крестьянина долго не могли совладать с ключом; при этом он старался не смотреть на женщину, которая скрючилась в углу.

Полицейские схватили ее за руки и за ноги и вытащили из клетки. Женщина сопротивлялась, но они все же связали ее, отнесли к машине и запихнули на заднее сиденье. На крестьянина надели наручники и бросили его рядом. Я обратил внимание на жену и дочерей крестьянина, которые стояли не шелохнувшись и провожали взглядами наши отъезжавшие автомобили.

Прошло несколько месяцев. После долгих раздумий я все-таки решил снова посетить эту деревню. Я выехал из города ночью, чтобы добраться туда рано утром. Я вел машину медленно, стараясь не угодить в глубокие колеи на дороге, петлявшей между домами. Утренний ветер рвал в клочья поднявшийся туман, открывая очертания домов и амбаров. Я остановился возле дома приходского священника, не вполне уверенный, что мне делать дальше. Дверь дома открылась, и оттуда вышел священник. Он прошел через кладбищенскую калитку и исчез в густой тени тисовых деревьев, окаймлявших короткую тропинку, которая вела к воротам церкви. Я вышел из машины и поспешил следом.

Священник остановился, склонившись над одним из надгробий с таким видом, словно он пытался прочитать полустертую ветром и дождем надпись. Мятая грязная сутана была заштопана и залатана во многих местах.

— Итак, вы проделали весь этот путь только для того, чтобы поговорить со мной... почему?

Не спуская с меня внимательного взгляда, он смахнул крошки коричневого мха со своей сутаны.

— Потому что я хочу кое-что с вами обсудить. Это важно, — сказал я.

— Чем вы занимаетесь? — спросил священник.

— Учусь в университете.

Священник стряхнул пыль с рукава сутаны и разгладил складки. Затем он повел меня к калитке, осторожно обходя могилы и уклоняясь от мокрых ветвей деревьев.

Во дворе нас на миг разделила перебежавшая дорогу вереница индюшек. Священник ожидал меня у двери дома.

— Вина не хотите? — спросил он.

— Спасибо.

Мы вошли. Он распоясал сутану, уселся и налил два стакана вина. Мы посмотрели друг на друга через стол.

— Ну и что же привело вас сюда, юноша?

— Я по поводу клетки.

Я внимательно наблюдал за священником: краска медленно заливала его пухлое лицо с влажными складками рта, щеки с ямочками. В глубоко посаженных глазах появилась напряженность.

— По поводу чего? — переспросил он.

— Клетки, — повторил я. — Клетки с женщиной.

— По этому поводу я ничего не могу сказать, — ответил он. — Я знаю только то, что написано в газетах, — ни больше ни меньше.

Он снова наполнил мой стакан.

— Но почему это вас так волнует?

— Сейчас уже не очень. Но когда-то я имел к этой истории самое прямое отношение. Это я нашел женщину. Я заблудился и наткнулся на сарай.

— Ах, так, значит, это вы! Конечно, конечно, в газетах-то вашего имени не назвали. Теперь я припоминаю: деревенские говорили что-то про приезжего, который привел полицию.

Священник сделал глоток из стакана.

— Трагическая история. Крестьянин и его семейство не хотели платить за уход в психиатрической лечебнице и поэтому держали сумасшедшую в клетке...

— Но наверняка были в деревне еще люди, которые знали эту женщину — и то, что с ней делают, отец.

Священник явно не слышал меня.

— Или за приют не хотели платить... Бедное создание не осознает, на каком свете находится.

Священник поставил стакан на стол.

— Но зачем возвращаться к этому делу? Был суд. Виновные наказаны. Женщину поместили в больницу. Вы что, приехали сюда, чтобы написать еще одну похабную статью об этом скандале? Разве их не достаточно было написано?

Из черных дыр рукавов показались морщинистые руки; они были похожи на два пучка вырванных из земли сорняков, лежащих на залитом солнечным светом деревянном столе.

— Я не собираюсь писать статью, отец. Я не репортер. Я пришел сюда по велению моей совести, по своему собственному желанию.

— И что же вам нужно?

— Я хотел увидеть вас, отец, и поговорить с вами.

— Ну что же, вы меня увидели, и мы поговорили. Что еще я могу сделать для вас?

— Я думал обо всех тех годах, что эта женщина провела в клетке, отец.

— Что же я могу сказать вам такого, чего вы сами не знаете?

— Всего лишь одну вещь, отец, одну-единственную вещь.

— Спрашивайте, и покончим с этим!

Я пил вино и смотрел, как дробятся лучи солнца на выпуклом доньшке стакана.

— Вы прожили в этой деревне больше тридцати лет, отец, включая последние пять лет, которые женщина провела в заточении. Вы же знаете: несмотря на то что крестьяне все отрицали, было доказано — деревенские мужики постоянно посещали амбар и там насиловали сумасшедшую и измывались над ней. Кто бы поверил в эту жалкую ложь: зашел, чтобы найти инструмент, починить механизм и тому подобное? А владелец сарая — он что, деньги заработал, торгуя капустой? Даже некоторые из женщин в приходе знали, что несчастная дважды была беременна и что в обоих случаях знахарки ходили к ней и вытравили плод. Такие вещи недолго остаются в тайне, отец.

— Зачем вы мне все это рассказываете? Я читал об этом в газете.

— Я просто рассуждаю вслух, чтобы вам было понятнее. Меня все это очень тревожит, отец. А вас?

— Что меня тревожит, а что — нет, это мое личное дело.

— Если за все эти годы ни один из верующих, посещавших сарай, не признался вам в этом на исповеди, тогда чего стоит ваше духовное наставничество? И чего стоит ваша религия, служителем которой в этой общине являетесь вы?

— У вас нет права, абсолютно никакого права, говорить на эти темы!

Голос священника чуть было не сорвался на проповеднические интонации, но он быстро овладел собой.

— Вы не имеете права говорить со мной об этом, — повторил он.

— Я-то имею право. Я открыл клетку. Я выпустил эту женщину на свободу. Откуда вы знаете, отец, не сам ли Всевышний привел меня к сараю в то воскресное утро? Что мы знаем о Боге? Я имею право задавать вам такие вопросы, отец, потому что не могу поверить, будто вы ничего не знали о женщине в клетке и о том, что с ней делали. Вы тридцать лет были для здешних жителей любимым священником, они говорили о вас с почтением и обожанием, говорили об исповеди, о Святом причастии, об отпущении грехов и крестном ходе, о литургии и праздниках святых, которые так нравятся всем!

На суде я видел их лица, отец, и видел, что они убеждены: на женщине в клетке лежало проклятье, поскольку она была незаконнорожденной, поскольку она родилась слабоумной и больной. Они полагали, что на нее не распространяются божеские законы: ведь она даже и крещеной-то не была! Я полагаю, отец, что вы знали про клетку задолго до того дня, когда я вошел в сарай. Почему вы не открыли клетку и не выпустили женщину на свободу? При этом вы не нарушили бы тайну исповеди, и вам не пришлось бы приглашать представителей власти. Почему вы не отправились к сараю как-нибудь ночью, пока ваши верные грешники спят, и не увели оттуда женщину?

Священник привстал и с угрожающим видом наклонился ко мне. Вены так вздулись у него на шее, что казалось, промокший от пота воротничок вот-вот лопнет.

— Я не хочу вас слушать! — закричал он. — Вы ничего не понимаете, ничего! Вы-то не прожили в этой деревне тридцать лет. Что вы знаете о крестьянах? Я знаю этих людей, всех до одного. Я знаю их — они хорошие отцы, кормильцы семейств. Иногда они впадают в грех и оступаются. Да, я принимаю у них исповеди, они приносят свои грехи мне как святую жертву, и я слышу, как они рыдают, исповедуясь. Они не просят о прощении, они молят меня так, как молили бы небеса о хорошем урожае. Они — мой народ, а вы приехали и оскорбляете мой слух своими скороспелыми суждениями!

Священник упал обратно в кресло, расстегнув наконец воротничок. Его трясло. Он с трудом пытался овладеть собой. Я налил второй стакан вина и подтолкнул его к священнику, который в это время смотрел на висевшее над столом огромное изображение святой, сидевшей под пальмой с ножницами в руках. Рядом на блюде лежала пара ее отрезанных грудей.

Священник неловко попытался отстранить стакан рукой. Стакан упал на пол, один раз подпрыгнул и покатился к стене. Темно-красное вино, растекаясь по столу, впитывалось в шероховатое дерево. Священник встал и быстрым шагом вышел из комнаты.

Вошла пожилая женщина. Она застенчиво поздоровалась со мной и начала вытирать стол тряпкой.

Я зашел в церковь и сел на скамью. Вскоре замшелый холод и запах старых камней окутали меня. Старухи в черном стояли и молились в погруженном во тьму приделе рядом с исповедальной. Вот одна из них подошла к кабинке и встала на колени, прикладывая попеременно то рот, то ухо к деревянной решетке. Когда она наконец встала, из-за шторки исповедальни показалась костлявая рука. Женщина склонилась к руке и поцеловала; рука перекрестила промозглый воздух и скрылась.

Лица выглядывали из окон домов, когда я, поднимая тучи пыли, промчался по деревне. Перепуганные куры бросались под колеса, собаки лаяли. Вскоре я выехал на шоссе.

* * *

Поведение подсудимого настроило присяжных против него. Он так и не признал, да, казалось, и не понимал, что совершил ужасное преступление. Он не пытался утверждать, что потерял над собой контроль или не сознавал, что делает, и не обещал, что не будет делать подобного впредь. Он просто добросовестно рассказал о своем столкновении с жертвой самыми заурядными словами и без эмоций.

Почти все из нас, сидевших на скамье присяжных, пустились в рассуждения. Мы пытались представить, как преступник совершал преступление и каковы были его мотивы. Для того чтобы прояснить определенные аспекты дела, некоторые присяжные выступали в роли обвиняемого, тем самым помогая нам понять его логику. После суда, однако, я осознал, что почти никто в комнате присяжных не говорил о жертве убийства. Многие из нас с легкостью могли представить себя в роли убийцы, но мало кто мог представить себя в роли убитого. Мы хотели постичь суть убийства и обнаружили, что в нас живет убийца, но не жертва.

* * *

После работы я выходил немного прогуляться в сквер по соседству. Несколько раз я замечал элегантно одетого человека, который сидел на скамейке и читал газету. Это был очень привлекательный, лет за сорок мужчина, и он явно пользовался популярностью у гулявших

в сквере женщин. Они часто бросали на него взгляды, а он легко завязывал с ними знакомство и играл с их детьми. Одежда на нем была дорогая. Иногда за ним заезжал автомобиль с шофером. Однажды, когда мужчина собирался выкинуть в урну прочтенный им иллюстрированный иностранный журнал, я подошел и спросил, могу ли я взять его почитать. Завязалась беседа.

После этого мы встречались несколько раз, все в том же сквере, где мы сидели в тени и наблюдали за прохожими. По тому, как он смотрел на женщин и как говорил о них, видно было, что они вызывают у него живейший интерес. Он поведал мне, что живет один и любит заводить знакомства с разными женщинами, в особенности с девушками из танцевальных шоу и ночных клубов. В течение последних двадцати лет, сказал он, доходы его были достаточны для того, чтобы он мог с легкостью позволить себе выполнять их прихоти и устраивать им карьеру.

Как-то раз он спросил меня, не хочу ли я познакомиться с его подружками. Я тотчас же согласился. Он сказал, что гостей у него в квартире соберется шестеро, причем из мужчин будем только я и он, остальные — девушки. Они не очень молодые, сказал он, но страстные и опытные. Разумеется, сказал он, они не будут развлекать нас за просто так. Заметив мое удивление, он сказал, что если хочешь реализовать свои фантазии, то приходится быть щедрым.

Этой философии он придерживается уже очень давно и суть жизни видит в том, чтобы потакать своим прихотям и желаниям. Он пригласил меня к себе через неделю.

Когда я пришел к нему, он провел меня длинным коридором мимо множества закрытых дверей. Мы выпили по стакану виски в уютной гостиной, украшенной дорогим антиквариатом. Почувствовав мое нетерпение, он объяснил, что гости уже пришли и находятся в комнатах за теми дверями в коридоре — в каждой комнате по одной женщине. Он описал каждую из них в немногих словах и посоветовал мне сперва навестить ту, которая занимала комнату сразу налево от гостиной. Выпив еще по порции виски, мы встали; он без промедления скрылся в комнате справа от гостиной, пока я стоял в задумчивости перед той дверью, на которую он мне указал.

Я два раза постучал; мне никто не ответил. Тогда я открыл дверь: постель была расправлена, ярко горевшая лампа на ночном столике освещала стены и потолок, оклеенные сотнями фотографий одной и той же женщины, сделанными на разных этапах ее сценической карьеры. Фотографии были расклеены вне всякой хронологии: некоторые демонстрировали ее молодое, гладкое тело во всей его чувственной наготе, на других она была грузной и морщинистой, а ее полуобнаженная плоть — губчатой и обмякшей. Достаточно было одного взгляда, чтобы увидеть ее сразу в сотне разных вариан-

тов: в сладострастной позе на сцене, в интимном полумраке гримерки — везде, где угодно. Куда бы я ни посмотрел, везде я встречал ее взгляд. Когда я повернулся, внимание мое привлек телевизор, который, выключенный, стоял на столе; пустой экран его выглядел странно рядом с десятками изображений.

Я вышел из квартиры, не попрощавшись с хозяином. Где-то в доме играли на скрипке. Я медленно спускался по лестнице, и музыка, казалось, гонялась за хлопьями пыли, которые летали в воздухе, освещенные тусклым серым светом, проникавшим сквозь окна подъезда.

Через несколько дней я снова встретил этого человека. Он спросил меня, получил ли я удовольствие, и пригласил поскорее приходиться снова, чтобы познакомиться с остальными его подружками.

* * *

Она так и не узнала, что я был ее любовником, хотя мы проработали долгое время в одной и той же конторе. Наши столы были в одной комнате, и часто в обеденный перерыв мы сидели рядом в кафетерии.

Прошел уже почти год с тех пор, как я оставил попытки пригласить ее на ужин, в театр или еще куда-нибудь, потому что она отказывалась от всех приглашений. Я попробовал выудить информацию о ней у коллег по работе, но они знали еще меньше, чем я. Она никогда не была на короткой ноге ни с кем в конторе.

Кто-то рассказал мне, что, по слухам, она развелась несколько лет назад и что ее единственный сын живет с отцом где-то на юге.

Я начал следить за ней. Однажды я всю субботу напролет вел наблюдение за ее дверями из дома напротив. В тот день она ушла в полдень и вернулась около семи. Ближе к восьми она снова вышла и направилась в сторону центра. Я следовал за ней до главной площади. Там она поймала такси.

Мне пришлось вернуться назад на мой наблюдательный пост.

Я стоял под козырьком подъезда дома напротив и ждал. Тем временем морось превратилась в настоящий дождь, и мое пальто промокло насквозь. Уже за полночь у подъезда остановилось такси, и из него вышла она. Одна.

Я посмеялся над наваждением, которое подвигло меня на эту нелепую слежку. Поскольку, судя по всему, не было никаких шансов добиться ее благосклонности, я решил разузнать о ней побольше каким-нибудь другим способом. Я, ничего не скрывая, поговорил с одним из моих друзей, который, как мне показалось, сможет завязать с ней знакомство. Мой друг заинтересовался, и мы немедленно занялись разработкой подходящего плана.

Начал мой друг с того, что установил деловые связи между нашим учреждением и своим. Затем он стал интересоваться определенной продукцией, которой занималось именно то подразделение, где работала эта женщина.

Через два дня он сообщил мне, что у него назначена на завтра деловая встреча и переговоры, скорее всего, придется вести непосредственно с ней.

Когда я увидел, как мой друг входит в контору, я весь напрягся. Не глядя на меня, он подошел к заведующему сектором. Затем я услышал, что он беседует с предметом моего интереса.

В конце дня он сообщил мне, что встреча прошла хорошо и на завтра назначена следующая. После второй встречи она приняла его приглашение поужинать вместе.

Через неделю она стала его любовницей. Он сказал, что она ему очень предана и ради него готова на все. Она в его руках — послушный инструмент, и он может делать с ней все что захочет. Он также сказал, что уже потребовал от нее отдаться незнакомому мужчине в доказательство своей любви и готовности выполнить любое его желание. Он заверил, что она никогда не узнает, кто был этот незнакомец, поскольку глаза ее будут завязаны черной повязкой. Вначале она негодовала, говоря, что все это оскорбительно и унижительно для нее. Затем, сказал мой друг, она согласилась.

На следующий вечер я вышел из дома, взял такси и поехал на квартиру моего друга. Я прибыл слишком рано, и мне пришлось некоторое время погулять по соседству. Наконец я подошел к двери и прислушался. Было тихо. Тогда я позвонил в звонок. Дверь открыл мой друг и жестом пригласил меня войти.

На полу спальни лежал круглый белый ковер. Лампа освещала лежавшую на ковре обнаженную женщину с широкой черной повязкой на лице. Мой друг встал рядом на колени, погладил ее, а потом кивнул мне. Я подошел. Меланхолическая баллада лилась из проигрывателя; девушка лежала неподвижно, явно не подозревая, что в комнате есть кто-то третий.

Я смотрел, как мой друг ласкает ее кожу. Она приподнялась и протянула руки вперед, пытаясь прикоснуться к нему. Но он что-то прошептал ей, и она покорно улеглась обратно на ковер, отвернула лицо в сторону и свернулась калачиком, словно пытаясь защититься от кого-то. Я стоял в нерешительности.

Он снова терпеливо погладил ее. Напряженные было жилы на шее девушки расслабились, она разжала кулаки, но не изменила позы. Мой друг встал, поднял с пола свой халат и вышел из комнаты. Я услышал, как он включил телевизор у себя в библиотеке.

Постоянно напоминая себе, что я должен молчать, я стоял и рассматривал растрепанные волосы девушки, прелестный изгиб ее бедер, ее красиво округленные плечи. Я понимал, что для нее я не больше чем каприз любимого человека, простое продолжение его тела, его прикосновений, его любви, его презрения. Стоя над ней, я чувствовал, как разгорается во мне страсть, но сознание отведенной мне роли подавляло всякое желание обладать этой женщиной. Чтобы преодолеть это препятствие, я стал вызывать у себя в памяти соблазнительные

образы, которые так часто возбуждали меня в середине рабочего дня: подмышка, случайно увиденная в вырезе блузки без рукавов, колыхание бедер под тканью юбки.

Я прижался к ней; она напряглась, но не оттолкнула меня. Я трогал ее губы, волосы, груди, живот, лаская ее, пока она не застонала и не протянула руки в жесте, который можно было понять и как протест и как призыв. Я закрыл глаза, чтобы не видеть ее наготы, и лег на нее. Лицо мое терлось о шершавую ткань повязки.

Я резко вошел в нее: она не сопротивлялась. Сначала робко, а затем почти страстно она обняла меня и прижала мое лицо к своей груди. Ее распущенные волосы разметались вокруг головы, тело выгнулось дугой, губы приоткрылись в безмолвном восторге. Наши тела пронзила судорога. Я сполз с ее тела и откатился в сторону.

Она лежала неподвижно, руки были благочестиво сложены на груди, как у средневековой святой. Холодная, неподвижная и спокойная, она не шевелилась, и только ее лицо еще хранило следы недавней страсти. Черная повязка была мокрой от пота.

Я отправился в ванную, дав по пути знать моему другу, что все закончилось. Затем я оделся и вышел из квартиры. Дома я лег на кровать и тут же понял, что в моем сознании независимо существуют два ее образа: женщина в конторе — одетая, индифферентная, передвигающаяся по комнате — и обнаженная девушка с черной повязкой на глазах, отдающаяся по

приказу своего мужчины. Каждый из этих образов в отдельности я мог представить четко и ясно, но они упрямо отказывались сливаться в один.

Ночью я просыпался несколько раз, оттого что не мог вспомнить, как выглядит ее тело, но при этом отчетливо помнил каждую деталь ее одежды. Я словно был обречен на то, чтобы вечно раздевать ее, вечно снимать с нее груды блузок, юбок, поясов, чулок, плащей и туфель.

* * *

Помню, сразу после войны я повадился ловить бабочек. Один из районов города разбомбили до основания, и его покинули все жители. В зловонных воронках, заполненных бесформенными предметами, некогда бывшими домашней утварью, стаи одичавших кошек вели войну не на жизнь, а на смерть с ордами голодных крыс. То там то сям посреди куч старых досок и камней, посреди усыпанных золой и пеплом пожарищ выбивался пучок зеленой травки или даже полевой цветок, которому удалось пробиться сквозь глину и битый кирпич. Бабочки порхали в воздухе стаями. На фоне почерневших стен они казались непокорными осколками радуги. Мы с друзьями ловили их десятками при помощи самодельных сачков. Ловить их было легче, чем бездомных кошек, птичек, не говоря уже о злобных, голодных крысах.

Как-то раз мы наловили бабочек в большую стеклянную банку, а затем перевернули банку

и поставили ее кверху дном на шаткий деревянный столик. Щель между досками и горловиной банки пропускала воздух, но была слишком узкой для бабочек. Мы тщательно протерли стекло и стали смотреть. Сперва бабочки не поняли, что попали в неволю, и пытались вылететь наружу прямо сквозь стекло банки. Сталкиваясь, они трепетали, как ожившие цветы, по мановению волшебной палочки покинувшие свои стебли и начавшие жить собственной жизнью. Но невидимая преграда, похожая на отвердевший воздух, не позволяла им выбраться на свободу.

Когда бабочек в банке набралось достаточно, мы стали подкладывать под край горловины горящие спички. Голубой дымок медленно окутывал порхающие живые цветы. Сначала казалось, что с каждой новой спичкой эта масса живых лепестков возбуждалась все больше, поскольку полет насекомых все убыстрялся и убыстрялся. Они сталкивались друг с другом и сбивали цветную пыльцу с пестрых крылышек. С каждой новой струей дыма бабочки вновь пускались в сумасшедший хоровод. Мы делали ставки, пытаясь угадать, какая продержится дольше всех, а какая умрет после очередной спички. Живые соцветия в банке тускнели у нас на глазах. Когда последняя летунья свалилась на кучку безжизненных трупиков, мы подняли банку и стали рассматривать мертвых мотыльков. Дым развеяло ветерком; некоторые из мертвых насекомых дрожали под его дуновением, словно снова собирались взлететь.

На окраине города находилась старая заброшенная фабрика. Она не работала уже долгие годы, и в окнах не было ни единого целого стекла. Оборудование тоже было растащено; даже электропроводку и ту всю срезали. Я ночевал на фабрике, и никто меня не тревожил. Ночью фабрику охранял старый сторож, который не подозревал о моем существовании. Он по привычке ходил всю ночь по фабричному двору и никогда не заходил в корпуса. Несмотря на то что сторожу не было ни до чего дела, его присутствие все же меня раздражало.

Отдыхал сторож обычно на крыльце, где он подремывал, развалившись в кресле-качалке. Я видел, что о фабрике он даже и не вспоминает. Вполне возможно, он приходил на работу просто потому, что ему нечего было больше делать.

Однажды ночью, мучаясь бессонницей, я наблюдал, как старик вышагивает по двору, время от времени останавливаясь, чтобы разжечь трубку. Я задумался, приходило ли ему хоть раз в голову, что он может быть здесь не один.

На полу и лестничной площадке валялось много пустых пивных бутылок. Я взял несколько бутылок и выстроил их в ряд под окном, продолжая наблюдать за сторожем.

Первая бутылка разбилась в нескольких шагах слева от него; сторож подпрыгнул и с криком скрылся под козырьком подъезда. Перепуганные кошки повыскакивали из-под груды пустых бочек.

Что он предпримет дальше? Останется ли в подъезде до утра, скрытый от меня козырьком и готовый отражать дальнейшие атаки? Или покинет фабрику сломя голову? Но сторож появился снова и стал пересекать двор перебежками, чтобы помешать мне вести прицельный огонь. Он добрался до разбитой бутылки и наклонился, изучая осколки. Затем стал всматриваться в темноту вокруг себя, возможно все еще слегка испуганный, все еще в ожидании нового нападения. Он так и не смог сообразить, откуда прилетела бутылка. Затем к старику вернулось самообладание. Он разжег трубку и снова принялся ходить по двору кругами.

Я тщательно прицелился и запустил вторую бутылку прямо под ноги сторожу. На этот раз он был так перепуган, что даже не закричал. Он опять спрятался под козырьком подъезда, но на этот раз ненадолго. Спустя совсем немного времени он высунул голову и стал нервно вертеть ею по сторонам.

Видимо, на этот раз сторож решил не прятаться, хотя и понимал, что, стоя посреди двора, представляет собой идеальную мишень. Когда еще одна бутылка разбилась в нескольких метрах от него, он отпрыгнул в сторону, но я изловчился и попал следующей прямо ему под ноги. Старик метнулся в спасительную тень подъезда. Там, надежно спрятавшись, он стал ожидать, что я предприму дальше. Видна была только мерцавшая в темноте трубка.

Что знал старик о своем враге? Он, конечно, понимал, что жизнь его в опасности и что

его мучитель следит за ним откуда-то из высокого окна, чернеющего в стене фабричного корпуса. Он знал, что бутылка, пущенная оттуда, может и убить.

Долгое время ничего не было видно, затем вспыхнула спичка. Медленно, крадучись, старик стал пробираться вдоль стены к центру замусоренного двора.

Я прицелился и запустил сразу три бутылки подряд. Одна из них, должно быть, попала сторожу в спину, потому что старик громко выругался и отступил в арку, которая находилась вне моей досягаемости. Я слышал, как он ходил там, сердито постукивая по земле тростью. Неожиданно он снова оказался у меня на виду. Я не спешил. Старик раскидал осколки бутылки своей тростью и беззаботно стал их пинать, насвистывая старый кавалерийский марш.

Я швырнул еще две бутылки. На этот раз старик не убежал: он просто отпрыгнул в сторону легким движением фехтовальщика. Следующие бутылки легли совсем в стороне от цели. Сторож отдал мне насмешливый салют тростью. Я лучше прицелился, но кинул свой снаряд слишком сильно. К этому времени сторож уже совершенно перестал обращать на меня внимание. Его местонахождение выдавал только тлевший в трубке уголек. Я расставил вокруг себя оставшиеся бутылки, словно артиллерийские снаряды, и очень тщательно рассчитал расстояние до цели.

На следующий день газеты написали, что старик был убит пивной бутылкой, брошенной

ему в голову неизвестным. Он умер на месте. Он начал работать ночным сторожем, еще когда фабрика работала, а после закрытия отказался уходить на пенсию. До этого он отсидел большой срок в тюрьме за то, что дезертировал из армии во время войны.

* * *

Такси быстро промчалось по столичным улицам, мимо партийных комитетов, мимо университета с его историческими статуями, мимо музеев и современных небоскребов, по мосту, перекинутому через реку. Я ехал в аэропорт. Я знал, что вижу все это в последний раз.

Где-то между этими зданиями, между этими памятниками порхали, как стайка мотыльков, двадцать четыре года прожитой мною жизни. Это не вызывало у меня совсем никаких чувств: с тем же успехом это могли бы быть двадцать четыре часа или двадцать четыре столетия. Моя память, кривая и выщербленная, была подобна старой булыжной мостовой.

Аэропорт. Проверка паспортов. Плюшевое кресло в салоне самолета. Взлет. Я сидел и думал о том, что прожитая мною четверть столетия была лишь подготовкой к этому путешествию. Правда, паря в воздухе, я почувствовал себя неловко от сознания того, что за последние годы я не сделал практически ничего, чтобы приблизить мое неминуемое отбытие на другой континент. Но сам отъезд был реальностью. Я чувствовал себя обманутым и ограбленным:

столько лет потрачено только для того, чтобы занять место в этом самолете.

Если бы я мог остановить самолет в воздухе, невзирая на ветер и облака и все те силы, которые толкали его вверх и тянули к земле, я бы сделал это. Я сидел бы на своем месте, зажмурившись, бесстрастный, бессильный, словно шляпа, позабытая на полке над головой. Я бы оставался в этом состоянии бесконечно долго, никем не потревоженный и никому не мешающий, подвешенный навечно в точке между прошлым и будущим.

Самолет приземлился, прокатился по полюсе и замер у здания терминала. Я встал и надел свою меховую шубу. Хотя была зима, снаружи шел теплый дождь, похожий на весенний.

Шуба была дивная, из меха сибирского волка, мягкого и серебристого, с огромным воротником и бездонными рукавами. Я купил ее в маленьком городке посреди степи. Я помню, что продавец еще уверял меня, что в такой шубе можно отправиться даже на Северный полюс, что даже на богатом Западе мало у кого есть такая.

От самолета до терминала предстояло идти пешком; с каждым шагом моя шуба намокала все сильнее и весила все больше.

Я прошел по длинному коридору к таможенному контролю, оставляя за собой мокрый след. Остальные пассажиры с любопытством смотрели на меня. Больше ни на ком шубы не было, и я почувствовал, что степной продавец не зря был скромного мнения о богатствах Запада. Я получил свой набитый словарями чемодан и уже хотел было пересечь с ним в руках вестибюль аэровокзала, когда внезапно ручка оборвалась и он рухнул на пол, лопнув

при этом, словно гигантская раковина, и исторгнув из себя на пол все содержимое. Люди повернулись в мою сторону, дети засмеялись.

Молодежное общежитие было переполнено. Комендант, подкупленный несколькими катушками фотопленки, позволил мне переночевать в помещении без окон, расположенном по соседству с бойлерной. Вечером, когда бойлер автоматически включался, горячая вода устремлялась по трубам, наполняя воздух вокруг нестерпимым жаром. Моя шуба, все еще мокрая от дневного дождя, дымилась так, словно ее гладили утюгом. Сначала высох воротник, затем плечи, спина и, наконец, рукава и перед. Когда последняя капля влаги испарилась, шуба как-то съежилась и стала очень твердой, а мех сбился в колтун и слипся в пучки. При этом казалось, что шуба всосала в себя весь воздух, содержащийся в комнате. Едкий запах обжигал носоглотку, я кашлял и ворочался с боку на бок на раскладушке.

Каждое утро я надеялся, что станет холодно, что пойдет снег и спасет мою шубу от гибели, вдохнет новую жизнь в ее опустившиеся плечи, растянет рукава и наведет новый блеск на некогда лоснившуюся спину.

Когда я отправился искать работу, я надел шубу: ничего другого у меня просто не было. Дождь шел еще несколько дней подряд. Мех превратился в плотно сбитый войлок.

Я провел целый день, пытаюсь найти работу по соседству, но поскольку я едва владел

языком, мне ничего не предложили. Пришлось обменять на еду последнюю катушку пленки. Я бродил по улицам, все чаще и чаще застывая в трансе перед витринами продуктовых магазинов. Я был очень голоден.

Повсюду была еда, в магазинах, в супермаркетах, но в полупустых их залах вору в меховой шубе вряд ли удалось бы остаться незамеченным. Кроме бдительных очей продавцов там еще имелись и подвешенные под потолком в стратегических точках панорамные зеркала, в которых я видел себя или гротескно увеличенным на фоне гор экзотических фруктов, или расплюснутым как сковородка. Мне очень хотелось украсть яблоко или булку, но я так и не осмелился это сделать. Я уходил из магазинов ни с чем, провожаемый удивленными взглядами покупателей.

По вечерам в магазинах собиралось много народу. К этому времени мой голод усиливался, и я становился смелей. Я ходил по какому-нибудь большому супермаркету, нюхая воздух и стараясь не испачкать покупателей своей мокрой шубой. Я высматривал продукты в упаковке достаточно малого размера, чтобы съесть их прямо у стеллажа, и пришел к выводу, что маленькие баночки, стоявшие на полке передо мной, можно спрятать в ладонь, а затем незаметно опустить во внутренний карман шубы. Я подержал в руке холодную баночку, затем поднял руку к подбородку и позволил моим согнутым пальцам направить добычу прямо

в карман. Я вышел из магазина с чувством собственного достоинства. В последовавшие за этим дни я посетил немало магазинов. Зная о ценных питательных свойствах черной икры, я крал только ее.

* * *

Наконец меня взяли на работу — обдирать краску и ржавчину с судов, поставленных в док. Вербовщик сказал, что работать придется по ночам, поскольку днем в доках по закону могут работать только члены профсоюза. Он объяснил, что профсоюз доволен сложившимся положением вещей, так как более квалифицированная и лучше оплачиваемая работа по покраске полностью достается его членам. А покраска, понятное дело, не может быть начата, пока не удалена старая краска. Удалять же старую краску — работа грязная, и члены профсоюза считают ее ниже своего достоинства.

Ночью нас доставляли на судно. Все мы были свежее испеченные иммигранты, обычно бедные, а иногда и вообще без гроша в кармане. Многие из нас прибыли нелегально или имели иные веские причины для того, чтобы избегать представителей закона. Платили где-то около трети заработной платы чернорабочего, но я был рад любым деньгам, лишь бы их выплачивали регулярно.

Хотя судно и было пришвартовано в гавани, его все же качало на колючих волнах зимнего

океана. Нам не выдавали ни сапог, ни штормовок — только зубило и молоток. Ими мы должны были сбивать краску, стараясь, чтобы она не попала в лицо товарищам по работе. Но когда я работал, мне в лицо откуда-то постоянно летела старая краска.

Мы работали в люльках, раскачиваемых высоко над водой ледяными ветрами с океана. Темнели судовые иллюминаторы; глядя на них, я мечтал очутиться в каюте. Мне хотелось быть единственным пассажиром на этом безлюдном судне, спрятаться за его стальной обшивкой, заснуть и пробудиться где-нибудь в далеких морях, забыв свое имя и не зная, куда я держу путь.

Я работал в шубе, которая вскоре покрылась резиноподобными струпьями краски. С каждым часом шуба становилась все тяжелее и тверже. На заре я возвращался в свою раскаленную конуру. От жары и запаха краски меня тошнило, голова шла кругом. Перед сном я пытался отодрать от шубы струпья краски, прежде чем они затвердеют. Но у меня не было ни сил, ни времени.

Когда же я просыпался и собирался выйти из дома, шуба оказывала мне ожесточенное сопротивление. Рукава не пускали в себя руки, карманы казались заклеенными наглухо. Когда я пытался застегнуть пуговицы на груди, шуба трещала в знак протеста.

Как-то раз вербовщик попросил меня отнести конверт одному из моих товарищей по

работе. Имя и адрес были написаны на иностранном языке. Я не знал этого языка, но знал алфавит и мог прочесть отдельные слова. Я вышел на палубу и стал выкрикивать имя, стараясь произнести его по возможности правильно.

Подошел человек и хотел было взять у меня конверт, говоря что-то на своем языке. Я показал знаками, что не понял его. Он повторил снова, но я все равно не понял. Он ушел, но через несколько минут вернулся еще с тремя рабочими. Они окружили меня, что-то возбужденно талдыча. Я пытался объяснить им, что ничего не понимаю, но они не верили мне. Я понял, что они приняли меня за одного из своих, но решили, что я стыжусь в этом признаться.

Они меня побили. Я не чувствовал их ударов сквозь плотную шубу, но боялся, что они сбросят меня за борт и я утону, увлеченный ко дну весом моей одежды. Я уже представлял себя лежащим на океанском дне, завернутым в шубу, как в саван. Рабочие продолжали молотить меня кулаками. Пуговицы отлетели, и шуба разошлась по швам. В этот момент показался вербовщик, и мои обидчики разбежались. Я встал на четвереньки, собирая руками расползающиеся лоскуты меха. Вербовщик обвинил в драке меня. Он приказал мне немедленно покинуть судно и больше никогда не появляться в доках.

Я работал на автостоянке и жил на чаевые, которые мне давали клиенты. Как-то раз клиент пришел за своим шикарным автомобилем иностранного производства. Когда я пригнал машину к шлагбауму, он спросил, откуда я родом. Затем он пригласил меня в машину и спросил, не хочу ли я заработать немного денег. Он показал мне пачку банкнот, сказав, что если я проявлю смекалку, то смогу получить примерно столько. На эти деньги, сказал он, можно купить такую же машину, как у него, или же провести неделю с девушкой в лучшем отеле города.

Расспросив меня о том, как я живу, он сказал, что сам когда-то был новичком в этой стране. Большинство людей здесь знают, где взять деньги, сказал он, но не знают, как взять даже те, что принадлежат им. Немногие, вроде него, умеют взять больше, чем им положено. Он добавил также, что в современном мире трудно потратить много денег, если не сумеешь объяснить сборщику налогов, откуда ты их взял. Нужен законный бизнес, подчеркнул он, чтобы деньги, обернувшись в нем, отмылись.

Он достал банкноту из кармана: такой мне хватило бы на три месяца жизни. Порвал ее надвое и отдал мне половину. Если я передам сообщение одному человеку, сказал он, то получу и вторую. Затем он объяснил мне, что рядом со стоянкой есть ресторан, который принадлежит старику и двум его дочерям. Ресто-

ран довольно большой, но посетителей очень мало. Старику не раз предлагали купить у него ресторан или войти в долю. Но он отверг все предложения.

Поскольку старик приехал сюда из той же страны, что и я, это, по мнению заказчика, придало бы большую убедительность его предложению. По его мнению, я сумею убедить старика. Надо просто предложить ему войти в долю с двоюродным братом моего нового знакомого. Старик, если согласится, будет иметь солидную долю в прибылях. Ему достаточно позвонить по номеру, который передам я, и за него всё уладят. Если же старик откажется, я должен сказать ему, что если он любит своих дочерей, то у него нет другого выхода. Я сразу же понял, что цель такого партнерства — создать впечатление, будто ресторан приносит больше прибыли, чем на самом деле, и, пользуясь этим, проводить через бухгалтерскую отчетность грязные деньги.

Я отправился к старику. В ресторане не было никого, кроме мывшей пол уборщицы. Я сказал ей, что хочу поговорить с владельцем. Женщина позвала старика. Когда я поздоровался с ним, он немедленно опознал мой акцент и заметил, что мы, должно быть, родом из одних мест.

Первым делом я сказал, что у меня есть важное предложение от одного человека, который хочет ему помочь. Он ответил, что не нуждается в помощи незнакомых людей. В последнюю

войну добрые люди помогли его парализованной жене сесть в поезд, отправлявшийся в концентрационный лагерь. Это были молодые, воспитанные и глубоко заблуждавшиеся люди, сказал старик. В помощи незнакомых людей он не нуждается. Затем, как мы и уговорились с казачиком, я спросил старика про его дочерей. Губы у него побелели.

— Почему вы интересуетесь моими детьми? — спросил он. — Мои дети не имеют никакого отношения к моему бизнесу. Откуда вы про них знаете?

— Человек, пославший меня, — сказал я, — не делает никакого различия между вами и вашей семьей. Он рассказал мне про ваших дочерей. Младшая отправляется одна в школу каждое утро, а старшая переходит большую улицу, когда идет к учительнице музыки. Он знает всё, даже к какому дантисту вы ходите.

Старик встал, трясась от гнева.

— Я позвоню в полицию! — крикнул он, но не сделал и шагу из-за стола.

— Не позвоните, — сказал я. — В полиции работают молодые, воспитанные и глубоко заблуждающиеся люди. Неужели вы полагаете, что они будут провожать каждый день ваших дочерей в школу, к дантисту и на уроки музыки?

— Скажите что-нибудь, — сказал я.

Старик сидел, спрятав лицо в ладони.

— Человек, пославший меня, тоже любит музыку. Он сказал мне, что ему будет ужасно

жалко, если, потеряв пальцы, ваша дочь никогда не сможет стать концертирующей пианисткой. Человек, пославший меня, также сказал, что пожилой человек, у которого нет родственников, не должен ценить ресторан выше своих детей.

Старик молчал. Я ждал, слушая звуки пианино, доносившиеся сверху. Он заметил это.

— Она обязательно станет великой пианисткой, — сказал он. — Музыка для нее значит больше, чем слова.

Он задумался.

— Дайте мне номер телефона этого человека. Я позвоню ему. Пора мне обзавестись партером.

На следующее утро, как обычно, я пришел на автостоянку. В полдень приехал заказчик.

— Ты хорошо поработал, — сказал он. — В один прекрасный день ты сам станешь юристом или владельцем ресторана.

И протянул мне вторую половину банкноты.

Прошел примерно год. Я пришел к моему любимому парикмахеру. Он тоже недавно приехал в эту страну, приобрел маленькую парикмахерскую и открыл свой бизнес. Парикмахерская была чистая и светлая. Внутри можно было заглянуть прямо с улицы через окно-витрину на первом этаже. Парикмахер встретил меня; он был какой-то нервный и сильно расстроенный. Он отказался брить меня, сказав, что не рискует это делать в таком состоянии. Я понял: что-то не в порядке — и предложил ему пойти со мной в кафе, чтобы там поговорить.

За ланчем парикмахер поведал мне, что с ним случилось. Несколько дней назад к нему пришел посетитель и сообщил, что необходимо взять под охрану его витрину. Если он не будет платить за охрану, то местные хулиганы могут побить стекла. Парикмахер сказал, что работает здесь уже скоро год и до сих пор не имел никаких проблем. Почему бы им начать сейчас? В любом случае, витрина застрахована. Но посетитель настаивал: он знает молодых людей, которые ездят здесь по ночам на мотоциклах, швыряя кирпичи в окна некоторых заведений. Надо понимать, что даже самая расчудесная страховая компания не станет платить всякий раз за разбитую витрину, к тому же при каждой починке парикмахерская будет простаивать. Следовательно, сказал посетитель, надо воспользоваться услугами неофициальной охранной фирмы, которая обслуживает округу и уже хорошо известна многим местным мелким предпринимателям. Месячный взнос зависит от оборота. Обычно за охрану нужно платить немногим больше половины месячного дохода. На размышление дается неделя.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.

— Я не могу платить столько. У меня жена беременна. Я знаю, что полиция не сможет защищать меня долгое время. Я обречен. Придется продать парикмахерскую.

Я сразу понял, что мой приятель — не боец. Я сказал ему, что все улажу, если он возьмет

меня в партнеры. Сначала он не поверил мне, но я ему все разъяснил. Затем я отвел его в банк и к юристу, чтобы мы заключили соглашение о партнерстве. К концу дня я стал его компаньоном. В конце недели парикмахер переправил ракетира ко мне.

Он представился по телефону. Я спросил его, откуда он звонит, и он сказал, что звонит из машины, которая стоит напротив дома, где я живу. Я выглянул в окно: человек с телефонной трубкой в руке помахал мне из окна спортивного автомобиля. Я вернулся к аппарату и попросил визитера подняться. Он поднялся.

— Вам нравится моя тачка? — спросил он. — Правда, красавица?

Я согласился.

— С такой машиной чувствуешь себя сильнее, — сказал он. — Садись с красивой телкой, заводись движок и, когда отпускаешь сцепление, трогаешь с места так, что если твоя рука лежит у телки на колене, то в следующую секунду она уже у нее под юбкой.

Он огляделся, сел в кресло и отодвинул в сторону книги, лежавшие на столе.

— На хрена тебе все эти книги? — сказал он. — Я полагал, ты головы-то стрижешь только снаружи.

Я объяснил ему, что парикмахерское дело — такое же недавнее увлечение для меня, как, очевидно, спортивные автомобили для него. Я спросил его, что ему нужно, и услышал то же самое, что и парикмахер неделю назад.

На это я ответил ему, что не собираюсь пла-
тить за охрану и очень надеюсь, что с витри-
ной ничего не случится.

Тут же, в его присутствии, я позвонил че-
ловеку, которому помогал в истории с рестора-
ном. Я узнал его голос сразу, как только он снял
трубку, но мне пришлось напомнить ему, кто я
такой и где мы встречались. Я сказал ему, что
заялся бизнесом, но это не адвокатура и не ре-
сторан, как он предполагал, а пока всего лишь
маленькая парикмахерская, которой угрожа-
ют. Я попросил его помочь мне, как я некогда
помог ему. Я не знаю, сказал я, знаком ли он с
теми, кто занимается рэкетом парикмахерских,
но очень рассчитываю на его связи и влияние.
Если же он мне не поможет, продолжил я, и мне
все-таки разобьют витрину, то я сделаю с ним,
его двоюродным братом или членами их семей
то же самое, что он некогда собирался сделать
со стариком-ресторатором. У меня самого, про-
должал я, нет ни семьи, ни детей, но я служил в
армии снайпером. Город я знаю хорошо, поэто-
му, даже если я промажу, поймать меня обой-
дется недешево.

Я не стал даже ждать, что он ответит, а про-
сто передал трубку моему посетителю. Несколь-
ко замявшись, тот взял ее. Они коротко погово-
рили на иностранном языке. Я не знаю, о чем
они говорили, но мой посетитель покинул мой
дом через минуту, не сказав ни слова.

Я увидел моего партнера на следующий день
и рассказал ему, что случилось. Он все еще был

перепуган и расстроен. Прошло несколько недель. Кое-какие витрины по соседству разбились, но нашу никто так и не тронул. Спустя некоторое время мы мирно расторгли наше партнерство.

* * *

Он играл в ресторане по соседству на барабанах в маленьком оркестре. Я часто заходил туда, всегда в одиночку, и он, наверное, запомнил меня, потому что как-то раз, в перерыве между отделениями, он подошел ко мне и спросил, можно ли со мной поговорить. Он слышал, что я ищу работу, и хотел мне кое-что предложить. Игра на барабанах для него всего лишь хобби, объяснил он, а в дневное время он работает водителем грузовика. После целой ночи за барабанами у него уже не та реакция, чтобы водить грузовик. Хорошо оплачиваемую и надежную работу терять не хочется, но и из группы уходить ему обидно. Он спросил меня, не согласусь ли я иногда вести грузовик за него. За деньгами дело не станет.

На следующее утро он заехал за мной очень рано и повез учиться вождению грузовика. Это оказалась чудовищная машина, трехосный тягач, который волочил за собой трейлер с еще четырьмя колесными парами. Когда я пытался повернуть, трейлер оказывал сопротивление. Он продолжал двигаться по прямой, словно оконеченшее туловище огромного удава. На обучение у нас ушел весь уикенд.

В понедельник я вышел на работу. Гараж был на самой окраине города. Он был густо населен все время меняющейся популяцией водителей, механиков, грузчиков и диспетчеров. Я нашел свой грузовик, проверил шины и тормоза, прогрел двигатель, посмотрел путевой лист и выехал на улицы города.

Моя работа состояла в доставке готовых шляп с фабрики в магазины. Все приводило меня в ужас — не только размеры моего транспортного средства, но и авеню, которые внезапно оказывались закрытыми для грузовых перевозок, улицы, вдруг ставшие слишком узкими или слишком переполненными, временно перекрытые для проезда площади, стройплощадки, дети, короче говоря — буквально всё.

Каждый раз, когда я останавливался, чтобы свериться с картой или спросить дорогу у прохожих, все уличное движение за моей спиной тоже останавливалось. Любая попытка сдать назад приводила к тому, что возникали многокилометровые пробки и приезжала дорожная полиция.

Я вел грузовик по оживленным улицам, все время переключая внимание то на ситуацию впереди меня, то на зеркало заднего вида. Приходилось постоянно вычислять в уме расстояние, необходимое для поворота всей сцепки, и полагаться при этом только на самого себя. Верить нельзя было никому: ни зеркалам заднего вида, которые многое скрывали, а осталь-

ное искажали, ни проходим, то и дело норовившим прыгнуть под колеса моего тягача.

Мы с грузовиком слились воедино — у нас просто не было другого выбора. Я начал чувствовать телом расстояние между задней осью и кромкой тротуара, дистанцию между бортом прицепа и беззаботно брошенными на проезжей части велосипедами. Я знал, под каким колесом расплющится валяющаяся на асфальте пустая пивная банка, и мог остановиться так, чтобы между передним бампером и мундиром регулировщика уличного движения оставался ровно дюйм. Вскоре я понял, что между вождением грузовика и катанием на горных лыжах есть очень много общего. Я должен представлять, куда приведет мое тело движение, которое еще не началось, но было уже неизбежным и необратимым.

Как-то раз утром, проезжая через деловую часть города, я заметил у себя на хвосте легковую машину. Я испугался, подумав, что это может быть полиция или представители профсоюза. Когда я притормозил, машина обогнала меня. За рулем был негр, который помигал мне, чтобы я остановился. Я так и сделал. Негр подошел и сказал, что на него произвел большое впечатление мой стиль вождения. Если я соглашусь работать его личным водителем, сказал он, я буду получать ровно в два раза больше, чем мне платит сейчас мой друг-барabanщик. Я внимательно посмотрел на простодушное лицо чернокожего и на роскошную отделку его автомобиля.

Все, что от меня нужно, повторил негр, это водить автомобиль с той же ловкостью и скоростью, с какой я водил свою сцепку. Но это не единственная причина, почему ему хотелось бы взять на работу именно меня. Дело не в том, что он — черный, а я — белый, объяснил негр. Дело в том, что он часто проводит важные встречи в автомобиле. Во время этих встреч машина должна постоянно находиться в движении, чтобы его конкуренты, которых он обозначил термином «другие парни», не смогли ничего подслушать. Он объяснил также: природа его бизнеса такова, что посторонним туда лезть нечего. Поэтому во время этих встреч я не просто должен вести машину с максимальной скоростью, но и держаться как можно ближе к другим машинам, создавая у партнеров по переговорам впечатление, будто столкновение неизбежно. Возможно, что от испуга они будут не так внимательно вслушиваться в его слова, как обычно. Он уверен, что гордость не позволит им показать свой страх в присутствии белого человека.

Я принял предложение. Машина великолепно слушалась руля, и я очень быстро привык к мощному двигателю и комфортабельному салону. Когда я возил по городу моего нового работодателя, он постоянно просил меня ехать как можно быстрее и на минимальном расстоянии от других автомобилей.

После долгих часов тренировок я добился того, что стал водить машину в полном соответ-

ствии с требованиями моего хозяина. Несколько раз даже он сам не выдерживал и закрывался руками от неминуемого столкновения. Он не мог поверить своим глазам, когда машина выходила из переделки без единой царапинки.

Как-то раз утром в машину сели деловые партнеры хозяина. Едва они уселись на заднем сиденье, босс дал мне знак трогаться.

Я помчался на предельной скорости. Пассажиры вцепились руками в спинки передних сидений и с ужасом смотрели в окно. Мой хозяин спокойно сидел рядом со мной, небрежно облокотившись на переднюю панель и вполоборота обернувшись к партнерам. Он начал обсуждать с ними дела. Судя по длинным и внезапным паузам между фразами, партнеры были слишком взволнованы, чтобы толком сосредоточиться на деле. Я ожидал, что рано или поздно последует просьба вести помедленней или поосторожнее, но, глядя в зеркало, видел на лицах у себя за спиной исключительно выражение деланного спокойствия.

Когда переговоры закончились, хозяин велел мне остановиться. Я вышел и открыл заднюю дверцу. Наши пассажиры вышли, все трясущиеся и в поту, отводя глаза в сторону.

* * *

Он сказал, что уверен в моей победе, после чего принялся объяснять суть соревнования под названием «сбей книги». Она была проста: водители договаривались о месте. Обычно вы-

бирали улицу с односторонним движением, чтобы по одной или по обеим сторонам было запарковано побольше машин. Судьи приклеивали скотчем к бортам стоящих там машин на высоте бампера книги весом потяжелее и толщиной в три-четыре дюйма. Водителям не сообщали, к каким именно машинам приклеены книги. Затем водители, ожидавшие со своими машинами в паре кварталов от этого места, стартовали один за другим по команде судьи. Они должны были проехать через зону соревнований со скоростью не менее пятидесяти миль в час, стараясь сбить бампером своей машины как можно больше книг.

Помощник судьи засекал секундомером время, а сам судья подсчитывал сбитые книги. Победителем объявлялся водитель с лучшими показателями.

Владельцы соревнующихся машин вносили ставки наличными в призовой фонд. Туда же добавлялись ставки от тотализатора. В конце соревнований приз делился между водителем и владельцем победившей машины.

Мой хозяин сказал, что доверяет мне и выставит меня на гонки, предоставив свою самую новую и дорогую машину. Он был уверен, что против такой машины ставки будут делаться азартнее обычного, поскольку все посчитают, что шофер будет вести ее осторожно из страха повредить дорогую вещь. Хозяин пообещал мне треть выигрыша, но предупредил, что если я проиграю больше чем три раза подряд, то все убытки лягут на меня.

Соревнования эти были противозаконными из-за скорости, с которой двигались машины, и из-за большой опасности столкновений. Поэтому проводили их тайком, по ночам, на тускло освещенных улицах, куда редко заглядывал полицейский патруль.

Когда мы с хозяином прибыли к месту первого для меня соревнования, улица была заполнена зрителями. Судья и его помощники уже прикрепили книги к запаркованным вдоль улицы стык в стык машинам.

Собравшиеся водители пожимали руки друг другу и судьям. Зрители осматривали участвующие в гонке машины и делали ставки. Судья бросил монету, чтобы решить, кто из водителей поедет по какой стороне улицы. Мне выпало ехать по правой, неудобной стороне, поскольку правая сторона находится на большем расстоянии от глаз водителя.

Стартовал первый участник. Я слышал, как свистели покрышки и с глухим стуком падали на землю книги. Судья пересчитал сбитые книги, а его помощники снова прикрепили их к машинам. Подошла моя очередь.

Огни фар отражались в никелированных бамперах стоявших автомобилей. С водительского места я не мог видеть книг, но я знал, что они ждут где-то там, в темноте, когда их собьют, словно блюдечки, по которым стреляют стрелки, висят, стиснув покоробившиеся страницы кожаными переплетами со следами позолоты. Я вышел на финальный отрезок, взяв круто направо, пристально глядя туда, куда светила

правая фара, в надежде не столько заметить, сколько угадать, где расположены мои мишени. Я вслушивался, надеясь услышать глухой стук падения и страшась различить скрежет металла по металлу. Я доверился не столько глазам, сколько инстинкту. Завершив гонки, я поспешил к судье, чтобы узнать свой результат. Я прошел трассу с такой же скоростью, что и остальные, но сбил в два раза больше книг. Подбежал мой хозяин и кинулся меня обнимать. Мы получили призовые деньги; он сразу же отдал мне мою долю.

На трассу вышла вторая группа водителей. Я мог тоже ехать с ними, как победитель первого этапа гонок. Судья бросил монету: мне снова досталась правая сторона. Стартовала первая машина. Вскоре мы услышали резкий звук удара: водитель задел бампер стоявшего автомобиля, потерял скорость, а с нею — надежду выиграть. Снова настала моя очередь.

Я вспомнил одного моего знакомого, который лишился обеих рук во время войны. Этот человек заверял меня, что, несмотря ни на что, он продолжает чувствовать даже кончики пальцев. Это было ощущение, похожее на то, как если бы исчезнувшие органы ему заменило эхо, и с его помощью он мог дотянуться даже туда, куда его пальцы во плоти не дотягивались. Я тоже чувствовал нечто подобное.

Я вставил бобину в автомобильный стереомагнитофон и включил его на полную громкость. Музыка усиливала остроту, с которой я ощущал положение рулевого колеса, расстоя-

ние до предметов и скорость движения. Я прибавлял и прибавлял газу. Книжки падали на землю одна за другой. Я снова выиграл.

Прошло несколько недель. Соревнования проводились все время в разных районах города. Я приобрел известность, поскольку не уступил ни разу ни одному из водителей. Но однажды ночью нашим играм пришел конец.

В одной из запаркованных машин скрывалась парочка. Рев проезжающих автомобилей и выхлопы двигателей потревожили их; мужчина вышел посмотреть, что происходит, и встал за открытой дверью, вглядываясь в темноту. В этот момент одна из машин, участвовавших в гонках, врезалась в дверь и захлопнула ее. Тепло мужчины ударом отшвырнуло в салон, но голова осталась снаружи. Какое-то время она висела, покачиваясь, на верхней створке двери, а затем упала с глухим стуком, словно еще одна сбита книга, и покатила по асфальту.

Толпа и водители в панике бежали с места происшествия. В последующие дни нас всех по нескольку раз допрашивала полиция.

* * *

— Как ты с ней познакомился?

— Она жила со мной в одном доме.

— Вы познакомились случайно?

— Не совсем. В доме было несколько сотен жильцов — длинный такой дом, целый город, а не дом — ну, ты знаешь. Я подслушивал многих из них. В том числе и ее.

— В каком смысле «подслушивал»?

— Я вселился в квартиру, когда дом еще строился. Мне нравилось заглядывать в недостроенные квартиры. В то время я увлекался электроникой. Я установил по миниатюрному микрофону-передатчику во всех квартирах на своем этаже и на двух этажах подо мной. Устройство было размером с пуговицу, но оно было способно фиксировать каждый звук и передавать его на расстояние до четверти мили. Я установил специальный радиоприемник у себя дома и с его помощью мог слушать голоса жильцов, когда мне заблагорассудится.

— Не могу поверить. А где ты добыл все эти устройства?

— В этом нет ничего сложного. Есть журналы, где такую аппаратуру рекламируют. Ты можешь заказать ее по почте.

— Ну и сколько же времени ты подслушивал всех этих людей?

— Несколько месяцев. Конечно, сначала я с трудом отличал один голос от другого. Моя аппаратура позволяла прослушивать одновременно не более одного источника и не могла идентифицировать, из какой квартиры ведется передача. Приходилось соблюдать осторожность. Например, я не мог позволить себе слишком долго ходить по коридорам, ожидая, что кто-нибудь из жильцов выйдет из прослушиваемой квартиры. Нужно было пользоваться случайными встречами — в холле или в лифте, заводить с жильцами разговор

и пытаться запомнить их голоса. На то, чтобы установить, кто из жильцов каким голосом говорит, я потратил около трех месяцев.

— И тебе это удалось?

— Да. Я вычислил их всех. Но, разумеется, большинство из них были мне абсолютно неинтересны.

— А эта женщина?

— Она меня заинтересовала. Ее квартира была на одном этаже с моей. Я узнал ее голос, когда она с кем-то поздоровалась в холле. Ее квартира была среди тех, которые я прослушивал особенно часто.

— И что ты сделал потом?

— Я несколько дней просидел дома, прослушивая ее квартиру. Она жила одна и не ходила на работу. Я мог слушать даже по утрам, когда остальных все равно не было дома.

— Как ты ухитрился завести с ней знакомство?

— Я стал обходить жильцов, собирая подписи под жалобой на плохое состояние коридоров и вентиляции. Зашел и к ней. Потом назначил ей свидание.

— Это нечестно. Нечестно потому, что у тебя было перед ней преимущество.

— В определенном смысле, конечно, было. Но до того как я с ней стал встречаться, я очень многого не знал о ее жизни. Например, иногда в квартире подолгу царило молчание. Слышались какие-то шумы, которые мне не удавалось расшифровать. Иногда, даже когда

она говорила, я не сразу узнавал ее голос, потому что он был нарочно изменен. Случалось, я не мог расслышать, о чем и с кем она говорит, из-за включенного радио, телевизора или проигрывателя.

— А когда ты стал с ней встречаться, ты рассказал ей про прослушивание?

— Нет.

— И ты до сих пор прослушиваешь ее квартиру?

— Какое-то время я продолжал этим заниматься, но затем перестал. Я чувствовал себя как ученый, закончивший эксперимент. Образец, который я так долго наблюдал и исследовал, перестал быть для меня тайной, и я потерял к нему всякий интерес. Я мог теперь манипулировать им иначе. Ведь эта девушка влюбилась в меня.

* * *

Мне пришло в голову, что если я познакомлю ее с наркотиками определенного типа и она пристрастится к ним, то сможет измениться как личность. Она может превратиться в совсем другую женщину, и, хотя наши отношения сохранятся, я уже не буду понимать с такой ясностью, что она собой представляет. У нас могло бы начаться что-то совсем новое.

Наркомания могла бы усилить все, что умирало и ослабевало в ней, и надломить все то, что было жестким и однозначным. У нее могли бы появиться новые пристрастия и новые

привычки, она избавилась бы от своих мыслей обо мне, от тех чувств, которые она ко мне питала. Ее рост, словно рост полипа, мог бы пойти в самом причудливом и неожиданном направлении.

* * *

— Когда тыходишь в меня, почему ты заставляешь меня ласкать еще и саму себя? Мне достаточно тебя, зачем мне делать это?

— Ты же сама сказала, что, занимаясь любовью со мной, острее чувствуешь свое тело.

— Верно, но не до такой степени, чтобы желать саму себя. Это все же извращение.

— Но тебе хотя бы приятно? Это тебя возбуждает?

— Да.

— Тогда зачем же сдерживать себя? Наслаждайся. Мы же не улитки, чтобы выползать для совокупления из своих раковин и назначать свидание где-то на полпути.пусти меня в твою собственную раковину вместе с моей.

— Я об этом никогда не думала в таком смысле. Просто в голову не приходило. А ты-то что при этом чувствуешь?

— Я хочу тебя, тебя одну. Но, когда мы занимаемся любовью, я вижу не только нас вместе, но и себя отдельно. Именно это чувство мне хотелось бы упрочить и сделать более осознанным.

— Но ты ведь меня хочешь такой, какая я есть, вне всякой связи с тобой?

— Я не знаю, что это такое — «вне связи со мной». Когда я один и тебя нет со мной, тебя больше не существует нигде, кроме как в моем воображении.

— Получается, я тебе нужна всего лишь как сцена, на которой ты можешь выступить, и видеть себя, и экспериментировать со своими ощущениями? Я правильно угадала? Ты не хочешь, чтобы я тебя любила, ты хочешь, чтобы я предавалась мечтам и фантазиям, которые ты разбудишь во мне. Все, что тебе нужно, это чтобы такие моменты длились как можно дольше.

* * *

— Ты спала, ты не услышала, как позвонили в дверь.

— А кто приходил?

— Торговец наркотиками, принес товар.

— А... Богач, поди. Много наваривает?

— В последнее время да.

— Почему «в последнее время»?

— Ну, начинал-то он мальчишкой еще, разносчиком, работал в аптеке. Он брал рецепты у постоянных клиентов и доставлял им лекарства. Как-то раз к нему подошел взрослый, хорошо одетый мужчина, который спросил, не хочет ли он подзаработать немного денег. Раз так в три-четыре больше, чем ему платят

в аптеке. Мальчик согласился. Все, что нужно сделать, сказал мужчина, это записать имена тех клиентов, которые постоянно заказывают определенные лекарства и очень сердятся, если заказ прибывает с опозданием.

* * *

Я шел по той части города, где люди жили среди зловония и болезней. У них не было ни собственности, ни чего-либо другого, чем можно похвастаться. Их объединял только цвет кожи, и я завидовал им.

Я шел по знойным, душным летним улицам и заглядывал в комнаты, переполненные визжащими младенцами, лежащими на полу на полусгнивших матрацах. Больные и старики лежали в кроватях или сидели, сгорбившись, на стульях. В тупиках я видел стайки хихикающих девчонок. Я видел мальчишек, игравших в баскетбол на пустых автостоянках, видел паралитиков и наркоманов, которые валялись прямо на мостовой, и о них спотыкались слепые и выжившие из ума. Я видел замурзанных детишек, разбивающих бутылки о стенки мусорных ящиков, из которых никогда не вывозили мусор, и гоняющихся за кошками, собаками или друг за другом вокруг бесхозных машин; мелкие ворюжки сняли с них все, что было сделано из ткани, резины или пластмассы, все, что представляло хоть какую-нибудь ценность.

Я завидовал тем, кто жил здесь, потому что они были свободны, потому что им не о чем было жалеть и нечего ждать. В этом мире свидетельств о рождении, медосмотров, перфокарт и компьютеров, в мире телефонных справочников, паспортов, банковских счетов, страхования, завещаний, кредитных карточек, пенсий, ипотек и займов они жили, не скованные никакими обязательствами и отвечающие только за самих себя.

Если каким-нибудь чудом я бы поменял цвет кожи, форму черепа, фактуру волос и научился бы говорить на их языке, я бы превратился в одного из них. Тогда я потерял бы память о том, каким я был, и предчувствие того, каким стану. Тогда я потерял бы страх перед законом, отучился бояться жизненных неудач и алкать успеха, меня покинули бы мечты о собственности, желание потреблять и владеть. Я бы перестал ценить символы обладания — дипломы, дарственные, гарантийные письма. Переменившись таким образом, я бы снова захотел жить.

Со мной и во мне умрет и родится целая вселенная. Я увижу город как чудовище, трубы которого загрязняют воздух, а корни — отравляют почву. Щупальца его натравливают одного человека на другого, а затем умерщвляют их обоих, сцепившихся в безысходной борьбе. Я нанесу на карту все автострады, туннели и мосты города, его подземку и его каналы, его окрест-

ности с прекрасными особняками, украшенными бесценными произведениями искусства, нанесу на карту умную паутину труб, кабелей и проводов под его улицами, все полицейские участки и остановки транспорта, все больницы, церкви и храмы, все административные здания, переполненные гудящими компьютерами, звонящими телефонами и услужливыми клерками. А затем я вступлю в войну с живым телом города.

Я заключу союз с ночью, которая мне сестра, ибо у нас один цвет кожи, и попрошу ее укрыть меня и помочь мне в борьбе. Я сорву стальные крышки с канализационных люков и наполню взрывчаткой их темные провалы. А затем я убегу и спрячусь в ожидании грома, который заставит застрять в телефонных проводах миллионы несказанных слов, который повергнет во мрак комнаты, залитые ярким светом, и перепуганных людей в них.

Я дождусь полночной грозы, которая очистит улицы от толп и укроет город своей завесой. И тогда я приставлю свой нож к спине швейцара в ливрее с золотым галуном и заставлю его провести меня вверх по лестнице, а затем всажу нож ему в сердце. Я явлюсь в гости к богатым, беззаботным и расслабленным, и последний их стон будет заглушен роскошными портьерами, старыми гобеленами и бесценными коврами, украшающими их жилище. Потрескавшиеся семейные портреты будут взи-

рать со стен на трупы потомков, придавленные осколками разбитых статуй.

А затем я пробегусь по автострадам и шоссе, ведущим к центру города, рассыпая из мешка на асфальт погнутые гвозди. И я дождусь рассвета, чтобы увидеть, как легковые автомобили, грузовики и автобусы на большой скорости промчатся по ним и как лопнут их колеса, как завизжат ободья по асфальту, как с грохотом врежутся в стены их стальные туши, лопаясь и разбиваясь, словно бокалы, полетевшие на пол с опрокинутого стола.

А утром я отправлюсь отсыпаться в свое логово, улыбаясь в лицо белому дню, брату моих врагов.

Если бы я стал одним из них, я бы быстро свыкся с их языком, манерой поведения и средой обитания.

* * *

Я сидел в баре рядом с крытым вещевым рынком, расположенным в пришедшей в упадок части города. Решительным шагом я направился к бармену. Когда он наклонился ко мне, я стал жестами, как глухонемой, просить стакан воды. Бармен раздраженно отмахнулся, но я упрямо повторил пантомиму. Я чувствовал, что уже все посетители бара смотрят на меня. Я корчился, жестикулируя как припадочный, и поэтому многие из них заинтересовались, что же последует за этим. Я знал, что мне нужно быть осторожным с этими недоверчивыми людьми и ничем не выдать, кто я такой и откуда явился.

Двое мужчин и женщина подошли поближе и стали меня ощупывать. Сначала я сделал вид, что не замечаю их, но тогда женщина, которая была самой решительной и немногословной в этой компании, отпихнула своих приятелей в сторону.

Я продолжал просить воду. Один из мужчин хотел заказать мне спиртное. Я отказался, показывая гримасами и жестами, что терпеть не могу арака, и одновременно пытаюсь извиниться перед мужчиной за отказ. Остальные двое, мужчина и женщина, придвинулись еще ближе ко мне. Они стали упрасивать меня пойти куда-то вместе с ними. Я не понимал их языка и стал делать вид, что меня крайне привлекают их яркие украшения. Рассматривая украшения, я внимательно изучал их лица. Наши взгляды встретились.

На этой улице находилось заведение, которое я неоднократно посещал. Ничто не отличало его от других заведений по соседству. Большинство баров и лавок в этом районе так или иначе были связаны с преступным миром — контрабанда, торговля краденым, проституция. Часто я задерживался в лавках до самого закрытия и видел, как хозяин выходил с черного хода и направлялся к стоящему во дворе сараю. Глухонемой и увечный, я не был им опасен. Наоборот, иногда они давали мне какое-нибудь поручение или несколько монет. Но если я следовал за ними во двор, они тотчас же выпихивали меня в лавку, а из нее — на улицу. Как-то раз я подождал подольше и попытался проникнуть в сарай вместе с другими мужчинами. На этот раз никто не остановил меня, но уже у самых дверей женщина жестом попросила меня постоять на страже.

С порога мне было удобно наблюдать за тем, что происходило внутри. Я увидел множество

обнаженных мужчин, которые лежали на спине, образуя круг на полу, так, чтобы их ноги сходились в центре, словно спицы колеса. В центре стояла какая-то женщина и снимала с себя лохмотья. Женщина была толстая и крупная, ее влажную кожу во многих местах покрывали волосы. Женщина держала в руках деревянное ведро с водой, из которого она поливала себе живот и ноги. Она подмывалась, и вода бежала на землю. Мужчины ерзали беспокойно на спине, у большинства одна рука была заложена за голову, а второй они шевелили где-то возле паха. Создавалось такое ощущение, будто женщина — целительница этих сломанных жизнью людей. С каждым всплеском воды нервная дрожь пробегала по телам распростертых на земле мелких воришек и усталых сутенеров. Женщина повернулась к одному из них и уселась над ним на корточках. Мужчина застонал, потом хрипло вскрикнул, приподнялся и сразу же мешком упал обратно. Женщина поднялась и перешла к его соседу, переваливаясь с ноги на ногу, как раздутая жаба, переступающая через торчащий из ила камень. Так, одного за другим, она обслуживала мужчин; те, до кого она еще не дошла, корчились в попытках избавиться от энергии, которая переполняла их чресла. Один за другим мужчины откидывались назад, словно покойники, пытающиеся улечься в узкий гроб. Теперь сарай выглядел так, словно в него складывали погибших и изувеченных в железнодорожной катастрофе. Прохаживающаяся среди

тел женщина напоминала сиделку, обходящую больных. Она снова принялась поливать себя. На этот раз плеск падающей на пол воды не вызвал никакой реакции в ответ. Никто не стонал, никто не шевелился.

Иногда маска, под которой я скрывался, становилась опасной. Как-то раз, проблуждав по городу больше обычного, я решил подкрепиться перед тем, как отправиться искать ночлег. Я зашел в одно место, где всегда было полно народу, но в тот вечер бар оказался полупустым. Я заметил несколько знакомых лиц: пару карманных воришек возле входа да кучку местных боссов, шепчущихся за столиком в темном углу.

Угрюмый и пьяный крестьянин у стойки бормотал что-то себе под нос. У стены в тени сидел еще кто-то со стаканом в руке.

Внезапно входная дверь с грохотом отворилась и в помещение ворвалась дюжина полицейских. Несколько полицейских встали, загородив дверь, а остальные, следуя за кухонным мальчишкой, подошли к склонившемуся над стаканом человеку.

Полицейские подняли сидевшего за плечи, а затем стащили его со стула. Тогда я увидел нож, торчавший у мужчины между ребер. На стене темнело пятно крови. Посетители оживленно зашумели. Только в этот момент я понял, что подозрение неизбежно падет на меня. Мне придется объяснять, кто я такой, почему так одет и что здесь делаю.

Если я продолжу изображать из себя глухонемого, меня обвинят в этом преступлении, поскольку я ненормальный и могу убить человека безо всякого мотива. Моя маска заведет меня в ловушку. Но если я попытаюсь прорваться сквозь полицейский кордон, я рискую получить пулю. Я понял, что не пройдет и секунды, как меня выведут на улицу вместе со всеми остальными. Подойдя к стойке, я взял тряпку и поднос с грязными кофейными чашками и спокойной походкой направился на кухню.

* * *

Время от времени я пытался найти себе приработок. Как-то раз, когда я трудился подсобником в ресторане по соседству, я заметил, что хозяин сидит за столиком с последними посетителями — тремя мужчинами и одной женщиной — и беседует с ними.

В подвале случилось короткое замыкание; я подошел к столику и попытался знаками объяснить хозяину проблему. Мои глаза поймали взгляд женщины, внимательный и недоверчивый. Я решил сыграть свою роль до конца и ударил себя несколько раз ладонью по правому уху; мужчины, сидевшие за столом, громко захохотали. Женщина покраснела, словно стыдясь за поведение своих спутников, но продолжала за мной наблюдать.

Несколько дней спустя эта женщина вернулась в сопровождении человека, которого я раньше никогда не видел. Был поздний час, и

посетители почти все разошлись. Поскольку хозяина в ресторане не было, я подошел к паре сразу же, как только они уселись за стол. Женщина положила левую руку ладонью вниз на скатерть, пальцами правой она задумчиво обрывала заусенцы. Я убрал грязную пепельницу, поправил салфетки и столовые приборы. Мужчина попросил меня что-то принести, и я растерянно пожал плечами, женщина же принялась ему что-то объяснять: очевидно, то, что она видела меня здесь раньше и что я — глухонемой. Мужчина холодно оглядел меня с головы до ног, а потом, когда я стряхнул со скатерти невидимую крошку, успокоился. Женщина нервно комкала носовой платок, очевидно недовольная тем, что я продолжал стоять рядом. Тогда я ушел, на ходу снова похлопав себя ладонью по уху.

На следующий день хозяин подозвал меня и жестами объяснил, что отныне я перехожу на другую работу. Через час один из официантов отвел меня к многоэтажному жилому дому. Мы вошли в лифт и поднялись на последний этаж. Дверь квартиры открыла та самая женщина, которую я видел в ресторане.

Меня наняли, чтобы приводить в порядок квартиру после многолюдных вечеринок, которые регулярно устраивала хозяйка. Еду на эти вечеринки приносили из ресторана, где я служил, а сами вечеринки часто посещали деятели преступного мира. Поэтому я старался держаться подальше от комнат с закрытыми дверями.

Я знал слишком много людей, пропавших в этом районе города именно потому, что совали нос куда не следует. Через несколько дней хозяйка привыкла к моему присутствию и к гулу моего пылесоса и обращала на него не больше внимания, чем на скрип половиц или журчание воды в батареях.

Протирая мебель, я тайком наблюдал за отражением лица женщины в зеркале. Изображение разбивалось на части, когда женщина расчесывала перед зеркалом волосы. Когда мне случилось поймать ее вопросительный взгляд, я вежливо улыбался.

Никто меня не тревожил, поскольку работа моя была проста и указаний мне давать не требовалось. Когда моя новая хозяйка по рассеянности порывалась мне что-нибудь сказать, я начинал отчаянно хлопать себя ладонью по уху. Тогда она очень смущалась.

Несколько раз она пыталась подловить меня. Однажды, когда я вытирал пыль, она на цыпочках подошла к пианино и ударила по клавишам. В другой раз, когда я убирал в сервант бокалы, подошла сзади и внезапно крикнула. И в том и в другом случае я даже не вздрогнул. И вот как-то вечером, не глядя на меня, она сделала мне знак следовать за ней.

Придавленная весом моего тела, она впала в полное забытие; глаза ее закатились и глядели куда-то в сторону изголовья кровати. Все ее тело содрогалось от тяжелого дыхания, как будто внутри пробегали невидимые приливные

и отливные волны. Ее трясло, она вся колыхалась, как пучок морских водорослей на волнах, изо рта, словно пена, струился поток бессвязных слов. Я чувствовал себя властелином всей этой жидкой стихии, извергшим из нее потоки звуков.

Уже в самом конце она перешла на язык, который я понимал. Она говорила о себе как о фанатике, вошедшем под своды церкви, построенной за много лет до того на руинах языческого храма, как о послушнике, впервые вошедшем в церковное святилище, о том, что она не знает, у чьего алтаря становится на колени и какому богу молится.

Голос ее, пока она металась на кровати, становился все более хриплым и грубым. Я схватил ее за руки и держал, навалившись на нее всем весом своего тела. Она кричала без перерыва, как радостно ржущая в стойле кобылица, словно пытаюсь отделить речь от своей взволнованной плоти. Она шептала что-то насчет полета к солнцу, который расплавит ее крылья. Фразы лились и рвались, она бормотала, что солнце погасло и остался только звездный свет, который густеет на глазах. Вскоре ее пересохшие губы застыли на полуслове. Она спала.

* * *

Ходили слухи, что в соседней стране вскоре начнется революция. Правительство едва держалось. Страна разделилась на два лагеря: на одной стороне — фермеры и студенты, недо-

вольные президентом, на другой — рабочие, которые чувствовали, что для их партии настало время совершить переворот. Президент, опять-таки по слухам, примкнул к партии рабочих, убежденный, что ей окажет помощь соседняя держава, где такая же партия находилась у власти уже почти два десятилетия.

Мне представилась редкостная возможность: до этого мне не случалось быть ни свидетелем, ни участником революций. Я только читал о них в газетах или видел по телевизору.

Я уволился с работы и на следующий день уже садился в самолет. После посадки в окруженном рядами пальм аэропорту далекой страны я заехал в маленькую гостиницу, где оставил чемодан, а затем смешался с бродившими по городу толпами. Все чаще и чаще попадались вооруженные люди с флагами. Поскольку я не понимал местного языка, я изображал из себя глухонемого, и небезуспешно.

Каждая группа, к которой я примыкал, принимала меня за своего. Они вручали мне оружие и знамена, как будто считали, что для увечного нет более естественного дела, чем сражаться за будущее их страны.

Как-то раз ранним вечером столицу потрясла серия взрывов. Когда меня посадили в огромный грузовик с оружием, я понял, что переворот начался. Мы ехали по полутемному городу, выхватывая фарами из темноты другие вооруженные отряды, пересекавшие наш путь или скрывавшиеся за перевернутыми автобусами

и импровизированными баррикадами. Вскоре мы увидели трупы, которые лежали на тротуарах в лужах крови, словно оброненные кем-то мешки с зерном. Мы ехали за город, и к нам присоединялись все новые и новые группы вооруженных людей. Грузовик остановился, и мы спрыгнули на землю, сжимая в руках винтовки и длинные ножи. Вскоре мы окружили какое-то здания. Несколько человек вошли внутрь, прочие остались ждать снаружи.

Затем начали выводить арестованных. Многие из них были полураздеты. Они не понимали, что происходит. Некоторые пытались задавать вопросы или что-то сказать, но их заставили замолчать. Внутри зданий кричали женщины и плакали дети. Арестованных становилось все больше и больше, и вскоре их набралось уже несколько десятков.

Наш командир приказал арестованным встать лицом к стене. Я был уверен, что их сейчас расстреляют. Я не хотел участвовать в казни и жестами предложил соседу обменять мою винтовку на его длинный нож. Тот согласился. Я уже хотел было спрятаться за грузовиком, но меня грубо вытолкнули вперед другие люди, вооруженные, как и я, ножами. Каждому из нас приказали встать за спиной у одного из арестованных.

Я огляделся: вооруженные люди, возбужденные и готовые ко всему, стояли со всех сторон. Только тут я понял, что арестованных собираются обезглавить. Если я откажусь выпол-

нить приказ, меня постигнет участь тех, кто стоял передо мной. Я не мог видеть их лиц, но лезвие моего ножа теперь находилось в нескольких дюймах от их одежды.

Это невысказано, подумал я, мне придется полоснуть по горлу другого человека только потому, что цепь событий поставила меня у него за спиной. То, что мне предстояло совершить, было неизбежно, но в то же время настолько нереально, что лишалось всякого смысла. До какой-то степени я уже больше не был самим собой, и поэтому все происходящее становилось в некотором смысле воображаемым. Я представил, что я — это кто-то другой, спокойный и сосредоточенный, готовый в любой момент применить оружие, чтобы устранить препятствие у себя на пути. Я знал, что у меня хватит решимости. Я вспомнил, как мастерски в свое время валил молодые деревца. Я снова услышал, как они скрипят и стонут, падая на землю, почувствовал, как они дрожат перед падением, и вспомнил, что я всегда успевал отпрыгнуть в сторону от падающего ствола и только кончики веток задевали меня по ногам.

Когда я умру, я стану для тебя еще одним воспоминанием, которое порой без спросу навещает тебя, путая твои мысли и смущая твои чувства. А затем в этой женщине ты узнаешь себя.

* * *

Она заглянула в его спальню. Постель была заправлена, и шторы подняты. Она медленно спустилась по лестнице.

Портье сидел за своей стойкой. Смущенный ее визитом, он слегка кивнул ей головой. Она сделала вид, что рассматривает образцы открыток на вращающемся стенде, но на самом деле украдкой бросала взгляды на стойку. Там она заметила несколько писем, адрес на которых был написан рукою ее мужчины.

— На них написано «заказные», — сказал портье. — Поэтому их и не опустили в ящик. Мальчик сам отнесет их на почту.

Он посмотрел на нее, ожидая комментария. Она ничего не сказала, тогда он перетасовал письма, и она заметила, что некоторые адресованы банкам, другие — юридическим фирмам. Портье отложил письма в сторону.

— Джентльмен отбыл сегодня утром, — сказал портье. — Он оставил только эти письма, деньги и инструкции для меня. Он сказал, что не вернется.

Слегка поколебавшись, портье добавил:

— А вы сами остаетесь?

Она посмотрела на вспотевший лоб портье и сказала:

— Я не знаю. Еще не знаю.

Она разделась, вошла в океан и поплыла. Она чувствовала движения своего тела в холодной воде. Маленький истлевший коричневый листок задел ее за губу. Сделав глубокий вдох, она нырнула. Какая-то тень скользила по поросшему водорослями дну океана, оживляя его покой. Она посмотрела вверх сквозь толщу воды, пытаясь понять, что отбрасывает эту тень, и увидела тот самый листочек, который задел ее чуть раньше.

САДОВНИК

Повесть

*Посвящается Катерине фон Ф.,
которая научила меня тому,
что любовь — это больше,
чем просто желание быть вместе*

Было воскресенье. Шанс работал в саду. Он неторопливо волочил за собой между клумб зеленый поливочный шланг. Не отрывая взгляда от водяной струи, осторожно поливал каждое растение, каждый цветок и каждое дерево. Растения — они как люди, им нужен уход, чтобы они могли жить, бороться с болезнями и в конце концов тихо отойти в мир иной.

Однако и не совсем как люди. Они не сознают себя и не познают себя, не видят в зеркалах своих отражений, не совершают преднамеренных поступков: просто бесцельно растут, поскольку не умеют ни рассуждать, ни мечтать.

Покой и безмятежность царили в саду, отделенном от улицы высокой, увитой плющом стеной из красного кирпича, за которую не проникал даже шум пролетающих машин. Шанс не ведал о существовании улицы. Он ни разу в жизни не покидал дома и прилегавшего к нему сада: жизнь по другую сторону кирпичной стены не занимала его.

Фасад дома, куда выходили комнаты Старика, казался продолжением безжизненной

кирпичной стены. Никто бы и не подумал, что здесь живут. Комната прислуги на первом этаже была сзади, как и комната Шанса. В последней имелись ванная и отдельный выход в сад.

Самым приятным в саду было множество узких дорожек между кустами и деревьями, и Шанс мог подолгу бродить по ним, не думая о том, вперед или назад несут его ноги. Он прохаживался по саду, подчиняясь тому же внутреннему импульсу, что заставляет расти траву.

Иногда Шанс закрывал кран, садился на газон и думал. Ветерок время от времени бесцельно покачивал ветви кустов и деревьев. Городская пыль ровным слоем ложилась на цветы, а те терпеливо ждали, когда дождь умоет их, а солнце согреет. Но несмотря на всю эту жизнь и цветение, сад был чем-то похож на кладбище. Под каждым кустом, под каждым деревом лежали гнилые сучья и прелые корни. Трудно было решить, что здесь первично: зелень побегов или перегной, из которого эта зелень росла и в который она постоянно превращалась. Вот, скажем, некоторые кусты терновника у кирпичной стены ведут себя так, словно кроме них в саду ничего нет: очень быстро вырастают, подавляют мелкие растения и даже отвоевывают место у кустов терновника послабее.

Шанс вошел в дом и включил телевизор. На экране все было другим: краски, пространство и время. Там преодолевались законы земного притяжения, которое неумолимо пригибает ветки деревьев к земле. Все в телевизоре было сме-

шано, перепутано и размыто: ночь и день, большое и маленькое, прочное и хрупкое, мягкое и твердое, холодное и горячее, далекое и близкое. Не будь сада и работы в нем, Шанс заблудился бы в цветном мире телевидения, как слепой, потерявший свою палочку.

Переключая каналы, Шанс словно переключал что-то внутри себя. Он менялся, как меняются растения в саду со сменой времен года, но, в отличие от них, мог управлять скоростью этих изменений, просто нажимая на кнопки. Порой он даже оказывался внутри вместе со всеми этими телевизионными людьми. А иногда, переключая каналы, Шанс впускал телевизионных людей в свою голову. Так Шанс поверил, что именно он, Шанс, сам себя сотворил.

Фигурки в телевизоре были вроде его собственного отражения в зеркале. Хотя Шанс не умел ни читать, ни писать, сходства было больше, чем различий. Так, голос у него был очень похож на голоса телевизионных людей.

Шанс утонул в экране. Легко, как солнечный свет, или свежий воздух, или теплый летний дождь, лежавший за высокой кирпичной стеной мир наполнил Шанса, и Шанс воспарил над этим миром, как телевизионное изображение, несомый неведомой и невидимой силой.

Внезапно он услышал наверху стук оконной рамы, и голос толстой служанки выкрикнул его имя. С большой неохотой он встал, аккуратно выключил телевизор и вышел в сад. Толстая

служанка высовывалась из окна второго этажа и махала руками. Шанс не любил ее. Она появилась вскоре после того, как чернокожая Луиза заболела и уехала к себе домой на Ямайку. Она была толстая, она была иностранка и говорила с акцентом. Она как-то призналась, что не понимает, о чем говорят люди в телевизоре, который стоял у нее в комнате. Обычно Шанс слушал болтовню толстой служанки, только когда та приносила ему в комнату еду: о том, что сегодня ел Старик и что, по ее мнению, он сказал при этом. Сейчас она требовала, чтобы Шанс быстро поднялся наверх.

Шанс неторопливо преодолел три лестничных пролета. Лифту он не доверял с тех самых пор, как чернокожая Луиза просидела в нем несколько часов из-за того, что сломалась дверь. Он прошел по длинному коридору и очутился на парадной стороне дома.

В последний раз он приходил сюда, еще когда деревья в саду, ныне высокие и кряжистые, были малорослыми и неказистыми. В доме тогда не было телевизоров. Поймав уголок глаза свое отражение в зеркале на стене прихожей, Шанс представил себя маленьким мальчиком, а затем представил Старика, сидящего перед ним в огромном кресле. Волосы у Старика были седые, а руки морщинистые и скрюченные. Он тяжело дышал и делал большие паузы между словами.

Шанс шел через комнаты, казавшиеся пустыми: плотные гардины на окнах почти не про-

пускали солнечного света. Он с трудом различал в темноте тяжелую мебель, затянутую в ветхие льняные чехлы, и занавешенные зеркала. Слова, которые Старик сказал ему в тот раз, впервые ожили у Шанса в голове. Шанс был сиротой, и Старик ребенком приютил его у себя в доме. Мать Шанса умерла во время родов, а имени отца не знал никто, даже сам Старик. Некоторые люди умеют читать и писать, но Шансу этого не дано. Он даже не всегда может понять, что говорят ему другие. Его дело — работать в саду и ухаживать за растениями, травами и деревьями, мирно растущими там. В конце концов, сам Шанс чем-то похож на цветок: когда светит солнце, он простодушно весел, когда небо пасмурно — грустит. Шансом его называли потому, что он родился случайно. Он никогда не знал семьи. Хотя мать его была очень хороша собой, разума в ее голове было не больше, чем у сына: что-то испортилось у нее в мягкой грядке мозгов, из которой растут все мысли. Поэтому Шанс не может рассчитывать на место в жизни по другую сторону высокой кирпичной стены. Он не должен покидать пределов своей комнаты и сада, посещать без приглашения другие части дома или выходить на улицу. Еду ему будет приносить прямо в комнату Луиза, и кроме нее он не будет ни с кем общаться. Никому другому не будет позволено заходить к Шансу в комнату. И в саду гулять и сидеть имеет право только сам Старик. Шанс должен делать все,

что ему сказано, иначе, сказал Старик, Шанса придется отправить в специальную больницу для ненормальных, где его запрут в клетку и на- всегда о нем позабудут.

И Шанс делал все, что ему говорили. Как, впрочем, и чернокожая Луиза.

Потянув за ручку тяжелой двери, Шанс услышал визгливый голос служанки. Он во- шел и увидел комнату в два раза выше, чем все остальные в доме. На стенах висело много по- лок, а на них стояли толстые книги. На боль- шом столе были раскиданы папки в кожаных переплетах.

Служанка кричала что-то в трубку телефо- на. Заметив Шанса, она без слов показала ему на постель. Шанс подошел к постели. Старик сидел, откинувшись на жесткие подушки, в та- кой позе, словно внимательно прислушивался к какому-то шороху в водосточном желобе. Его плечи были странно перекошены, а голова све- шивалась с шеи, как переспелый плод. Шанс посмотрел на лицо Старика. Оно было белым, верхняя челюсть выступала вперед, наползая на нижнюю губу, и только один глаз был открыт, как у мертвых птиц, которых Шанс время от времени находил в саду. Служанка положила трубку и сказала, что вызвала доктора и тот скоро придет.

Шанс еще раз посмотрел на старика, про- бормотал «До свидания» и вышел из комнаты. Он вернулся к себе и включил телевизор.

Шанс все еще смотрел телевизор, когда наверху раздались звуки, напоминавшие шум борьбы. Он вышел из комнаты, спрятался за большой статуей в холле и стал смотреть, как незнакомые люди выносят тело Старика. Теперь, когда Старик ушел, кто-то должен был решить, что делать с домом, служанкой, да и с самим Шансом. В телевизоре, если кто-нибудь умирал, сразу начинались перемены — родственники, банковские клерки, адвокаты и бизнесмены принимались за дело.

Но этот день тем не менее прошел безо всяких перемен. Шанс съел свой немудреный ужин, посмотрел телевизионное шоу и отправился спать.

Рано утром он проснулся, взял завтрак, оставленный служанкой около двери, съел его и вышел в сад.

Там он осмотрел землю под деревьями, проверил цветы, сгреб в сторону опавшие листья и подрезал кусты. Теперь все в полном порядке. Ночью прошел дождь, и на ветвях набухло много свежих бутонов. Шанс присел и задремал под теплым солнцем.

Пока на людей не смотришь, они не существуют. Они начинают существовать, только если включишь глаза, как в телевизоре. Тогда они входят в голову и остаются там, пока их не сотрут новые изображения. То же самое и

в отношении Шанса. Когда другие смотрят на него, он становится ярким и контрастным, когда же зрителей нет — расплывается в серое пятно и гаснет. Может быть, он что-то упустил в жизни: сам-то он очень часто видел людей по телевизору, а его мало кто видел. Шанс был очень доволен, что теперь, когда Старик умер, встретится с людьми, которые его еще не видели.

Когда в комнате зазвонил телефон, Шанс бегом кинулся к нему. Мужской голос попросил его пройти в кабинет Старика.

Шанс быстро переоделся в один из своих лучших костюмов, подровнял и расчесал волосы, надел солнечные очки, в которых обычно работал в саду, и отправился наверх. В узкой, заставленной книгами комнате его ждали мужчина и женщина. Оба сидели за широким столом, покрытым множеством бумаг. Шанс остановился посреди комнаты, не зная, что делать дальше. Мужчина шагнул ему навстречу и протянул руку:

— Меня зовут Томас Франклин, я работаю в «Хэнкок, Адамс и Колби». Нам поручено заниматься наследством покойного. А это, — сказал он, повернувшись к женщине, — моя помощница, мисс Хэйс.

Шанс пожал мужчине руку и посмотрел на женщину. Та улыбнулась.

— Служанка сказала нам, что в этом доме есть садовник, — Франклин кивнул головой в сторону Шанса. — Однако мы не обнаружили

никаких бумаг, где бы говорилось, что покойный кого-либо нанимал или предоставлял жилье в течение последних сорока лет. Могу ли я спросить вас, сколько дней вы находитесь здесь?

Шанс был удивлен, что ни в одной из многочисленных бумаг, лежавших на столе, ни разу не упоминалось его имя. Он подумал, что, может быть, в них не было ни слова о саде. Он сказал нерешительно:

— Я жил в этом доме, сколько себя помню, даже когда я был еще маленьким. Еще когда Старик не сломал бедро и не стал лежать подолгу в постели. И до того, как выросли большие кусты и появились дождевальные установки. Еще до телевизоров.

— Что? — удивился Франклин. — Вы жили здесь — в этом доме — с самого детства? Могу ли я поинтересоваться, как вас зовут?

Шанс почувствовал себя неловко. Он знал, что имя имеет очень важное значение в жизни человека. Вот почему у телевизионных людей всегда два имени: одно — вне телевизора, а другое — внутри.

— Меня зовут Шанс, — сказал он.

— Мистер Шанс? — переспросил юрист.

Шанс кивнул.

— Посмотрим, что скажут нам бумаги, — сказал мистер Франклин и взял со стола какие-то документы. — Я располагаю полной информацией обо всех, кто был когда-либо нанят покойным для работы в его владениях. Хотя предполагалось, что покойный оставил завещание,

нам не удалось его обнаружить. Надо сказать, покойный оставил после себя очень мало документов личного характера. Однако список наемных работников все же имеется.

На последних словах мистер Франклин сделал ударение и посмотрел на бумагу, которую держал в руках.

Шанс стоял молча и ждал.

— Сядьте, пожалуйста, мистер Шанс, — сказала женщина.

Шанс пододвинул стул поближе к столу и сел.

Мистер Франклин потер в задумчивости лоб.

— Я очень удивлен, мистер Шанс, — сказал он, продолжая изучать документы, — но ваше имя нигде не упоминается. Ни одно лицо по имени Шанс не имело никаких юридических отношений с покойным. Уверены ли вы, мистер Шанс... действительно ли вы уверены, что служили в этом доме?

Шанс ответил очень уклончиво:

— Я всегда был здесь садовником. Я работал в саду за домом всю жизнь. Сколько я себя помню. Я был еще маленьким мальчиком, когда начинал. И деревья были совсем маленькими, а колючей изгороди еще не было. Посмотрите на этот сад сейчас.

Мистер Франклин поспешно перебил его:

— Мы не располагаем никакими данными, что в этом доме когда-либо жил или работал садовник. Мы, то есть я и мисс Хэйс, назначены нашей фирмой поверенными в деле о наследстве покойного. Мы просмотрели все контрак-

ты, заключенные им. Смеею заверить, ни в одной бумаге не упоминается о вашем приеме на работу. Более того, судя по записям, в течение последних сорока лет в этом доме вообще не служила ни одна особа мужского пола. Вы профессиональный садовник?

— Я — садовник, — сказал Шанс. — Никто не знает этот сад лучше меня. Я с малых лет один в этом саду. До меня здесь работал высокий человек с черной кожей. Он мне все объяснил и показал, что нужно делать. После этого он ушел, и я все делал сам. Я посадил несколько деревьев и цветы, и я полыл дорожки и поливал клумбы. Старик спускался в сад отдохнуть, он сидел и читал книгу. Но потом перестал.

Мистер Франклин вернулся от окна к столу.

— Хотелось бы верить, мистер Шанс, — сказал он, — но, видите ли, если дело обстоит именно так, как вы утверждаете, это означает, что — по какой-то непостижимой причине — ваше проживание в этом доме и факт найма не отражены ни в одном из существующих документов. Действительно, — сказал он, обращаясь к своей помощнице, — здесь мало кого брали на работу с тех пор, как покойный уволился из нашей фирмы в возрасте семидесяти двух лет, после того как перелом бедра приковал его к постели. Это было двадцать пять лет назад. И все же, — продолжил мистер Франклин, — несмотря на почтенный возраст, покойный всегда аккуратно вел свои дела и регистрировал в нашей фирме все контракты, заключенные

с третьими лицами, — выплата жалованья, страховка и прочее. Все, чем мы располагаем, — это контракт, заключенный со служанкой иностранного происхождения после ухода с работы мисс Луизы...

— Я знал старую Луизу, она может сказать вам, что я здесь жил и работал. Она была здесь с тех пор, как я себя помню, когда я был еще ребенком. Она приносила мне еду в комнату каждый день, а иногда сидела вместе со мной в саду.

— Луиза скончалась, мистер Шанс, — перебил его Франклин.

— Она уехала на Ямайку, — сказал Шанс.

— Да, но потом она заболела и недавно умерла, — объяснила мисс Хэйс.

— Я не знал, что она умерла, — невозмутимо сказал Шанс.

— Так или иначе, — продолжил мистер Франклин, — все лица, нанятые покойным, регулярно получали жалованье через нашу фирму, вот почему мы располагаем всеми необходимыми документами.

— Я ничего не знаю о других людях, которые работали в доме. Я всегда жил в своей комнате и работал в саду.

— Хотелось бы верить. Однако нет никаких следов, свидетельствующих о вашем пребывании в этом доме до настоящего момента. Новая служанка не имеет представления о том, как долго вы здесь проживаете. Повторяю, наша фирма располагает всеми актами,

платежными документами и страховыми полисами, относящимися к данному владению, за последние пятьдесят лет. — Тут мистер Франклин улыбнулся. — В те времена, когда покойный был партнером в нашей фирме, многие из нас еще не родились на свет или были очень, очень молоды.

Мисс Хэйс рассмеялась при этих словах, но Шанс не понял почему.

Мистер Франклин снова вернулся к документам:

— Случалось ли вам подписывать какие-нибудь бумаги во время вашего проживания здесь, мистер Шанс?

— Нет, сэр.

— Тогда каким образом вы получали жалованье?

— Я не получал никаких денег. Меня кормили, очень хорошо кормили, и я ел столько, сколько хотел. У меня есть своя комната с ванной и окном в сад, и мне сделали отдельную дверь. Мне подарили сперва радио, а потом телевизор, большой цветной телевизор с дистанционным управлением. Там еще есть будильник, чтобы будить меня по утрам.

— Да, да, я знаю, о чем вы говорите, — сказал мистер Франклин.

— Мне разрешили ходить на чердак и брать любой из костюмов Старика. Они на мне очень хорошо сидят. Вот посмотрите, — и Шанс показал на свой костюм. — Еще у меня есть пальто Старика, и туфли Старика, хотя они мне

немного малы, и рубашки Старика, хотя у них тугие воротнички, и галстуки Старика, и...

— Ясно, ясно, — сказал мистер Франклин.

— Удивительно, как современно вы одеты, — неожиданно вмешалась мисс Хэйс.

Шанс улыбнулся.

— Странно, насколько нынешняя мужская мода напоминает моду двадцатых годов, — пояснила она свою реплику.

— Ну, ну, — сказал мистер Франклин, пытаясь сохранить невозмутимый вид, — не хотите ли вы сказать, что мой гардероб несколько устарел?

Он повернулся к Шансу:

— Следовательно, у вас не было никакого договора о найме?

— Не думаю.

— Покойный никогда не предлагал вам жалованья или платы в какой угодно форме? — еще раз переспросил мистер Франклин.

— Нет. Мне никто ничего не предлагал. Я редко видел Старика. Он не спускался в сад с тех пор, как я посадил кусты на левой стороне, а они уже выросли мне по плечо. Тогда еще не было телевизора, только радио. Я помню, что работал в саду и слушал радио, а Луиза спустилась и сказала сделать радио потише, потому что Старик уснул. Он и тогда уже был очень болен и стар.

Мистер Франклин чуть не подскочил в своем кресле.

— Мистер Шанс, я думаю, что нам будет легче разобраться с этим делом, если вы предо-

ставите какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность и место жительства. Начнем с этого. Ну, скажем, чековую книжку, водительские права, медицинскую страховку — что угодно...

— У меня ничего этого нет, — сказал Шанс.

— Любую бумагу, удостоверяющую ваше имя, адрес и дату рождения.

Шанс молчал.

— Свидетельство о рождении? — заботливо подсказала мисс Хэйс.

— У меня нет никаких документов.

— Нам необходимо доказательство того, что вы действительно проживали здесь, — твердо сказал мистер Франклин.

— Но у вас есть я, — сказал Шанс, — какие вам нужны доказательства? Я здесь.

— Может, вы когда-нибудь болели — я хочу сказать, обращались к врачу или были госпитализированы? Поймите же, — прибавил он устало, — все, что нам нужно, это доказательство того, что вы действительно работали и проживали в этом доме.

— Я не болел, — сказал Шанс. — Ни разу.

Мистер Франклин заметил, с каким восхищением мисс Хэйс посмотрела на садовника.

— Ясно, — сказал он, — ну тогда хотя бы имя вашего дантиста.

— Я никогда не был у дантиста. Я никогда не выходил из дому, и ко мне никому не разрешали приходить. Луиза иногда куда-то ходила, а я — никогда.

— Буду с нами откровенен, — сказал мистер Франклин в явном отчаянии, — у нас нет ни одного документа о том, что вы проживали здесь, или получали какое-либо вознаграждение, или были застрахованы покойным. — Он немного помолчал. — А налоги вы платили?

— Нет, — сказал Шанс.

— А в армии служили?

— Нет. Но я видел солдат по телевизору

— Вы приходились покойному родственником?

— Не думаю.

— Предположим, все, что вы говорите, правда, — сказал Франклин, подводя черту. — Итак, наследство покойного. Есть ли у вас претензии?

Шанс не совсем понимал, о чем его спрашивают.

— Я в полном порядке, сэр, — ответил он осторожно. — Все отлично. Сад в прекрасном состоянии. Дождевальные установки совсем новые.

— Скажите мне, — вмешалась мисс Хэйс, встав с места, — что вы теперь собираетесь делать? Вы хотите устроиться на другую работу?

Шанс поправил черные очки на переносице. Он не знал, что ответить. Почему он должен искать другую работу?

— Я хочу остаться здесь и работать в моем саду, — сказал он спокойно.

Мистер Франклин порылся в разложенных на столе бумагах и взял листок, на котором было что-то красиво напечатано.

— Это всего лишь формальность, — сказал он, протягивая бумагу Шансу. — Будьте любезны, прочитайте это сейчас и, если у вас нет возражений, подпишите там, где галочка.

Шанс взял бумагу в обе руки и внимательно посмотрел на нее. Он попытался прикинуть, сколько времени положено читать одну страницу. У людей в телевизоре на то, чтобы прочесть юридический документ, уходило всегда разное время. Шанс знал, что если не умеешь читать и писать, то в этом нельзя ни в коем случае признаваться. В телевизоре над людьми, которые не умеют читать и писать, часто издевались. Шанс изобразил на лице сосредоточенность, нахмурил лоб и ухватился за подбородок большим и указательным пальцами.

— Я не подпишу, — сказал он, возвращая бумагу юристу. — Я не могу это подписать.

— Ясно, — сказал мистер Франклин. — Означает ли это, что вы собираетесь предъявить иск?

— Нет, я просто не могу подписать, — ответил Шанс.

— Как вам будет угодно, — сказал мистер Франклин, начиная собирать свои бумаги. — Я должен известить вас, мистер Шанс, что эти помещения будут закрыты для доступа завтра в полдень: все двери и калитка будут опечатаны. Если вы действительно тут проживали, вам необходимо до этого времени освободить вашу комнату и вынести свое личное имущество. — С этими словами он извлек из кармана визитную карточку и протянул ее Шансу. — Здесь мое имя и телефон нашей фирмы.

Шанс взял визитную карточку и положил в карман. Он знал, что ему пора к себе в комнату. В это время по телевизору шла программа, которую Шанс никогда не пропускал. Он встал, попрощался и вышел из кабинета. На лестнице он выбросил карточку мистера Франклина.

3

Рано утром во вторник Шанс снес тяжелый кожаный чемодан с чердака к себе в комнату, по пути в последний раз бросив взгляд на висевшие на стенах портреты. Он сложил свои вещи, вышел из дома и уже взялся было за ручку калитки, как ему пришло и голову, что он может на время спрятаться в саду и его никто не заметит. Он поставил чемодан на землю и вернулся в сад. Там царил покой. Цветы покачивались на высоких тонких стеблях. Электрическая дождевальная установка расстелила над клумбами бесформенное облако водяных брызг. Шанс потрогал руками колючие ветки сосны и молодые побеги терновника. Они будто тянулись к нему.

Некоторое время Шанс простоял в саду под лучами утреннего солнца, неторопливо разглядывая все вокруг. Затем он выключил дождевальную установку и вернулся к себе в комнату. Там он включил телевизор, сел на край кровати и несколько раз пробежался по каналам. Деревенские домики, небоскребы, новые жи-

лые дома и церкви промелькнули на экране. Шанс выключил телевизор. Изображение погасло; только маленькая голубая точка светилась в центре кинескопа, как забытый осколок исчезнувшего мира, но затем и она погасла. Экран стал серым, как простой булыжник.

Шанс снова встал, по пути к калитке снял с гвоздя на стене старый ключ, которым много лет уже никто не пользовался, открыл им калитку и вышел, оставив ключ с внутренней стороны. Теперь он уже не мог вернуться назад.

Он был на улице. Яркий солнечный свет ослепил его. Мимо по тротуарам шли прохожие, солнце играло на крышах автомобилей.

Шанс был потрясен: все это — людей, дома, автомобили — он уже видел по телевизору. Правда, на улице они казались большими, даже громоздкими и двигались не так быстро.

Шанс отправился в путь. Пройдя полквартала, он ощутил тяжесть своего чемодана и к тому же вспотел, потому что оказался на солнечной стороне улицы. Найдя между машинами узкий проход, он собрался было перейти на другую сторону, но тут внезапно на него задним ходом начала наезжать машина. Он попытался отскочить, но помешал тяжелый чемодан, и задний бампер прижал его к радиатору стоявшего автофургона. Шанс с трудом согнул одно колено, второй же ногой он совсем не мог пошевелить — ее пронизывала острая боль. Шанс закричал и принялся колотить кулаком по крышке багажника. Лимузин резко

остановился. Шанс замер с правой ногой, задранной над бампером, и левой, зажатой между машинами. Пот градом катился у него по спине.

Из лимузина выскочил шофер — негр в ливрее и с фуражкой в руке. Он начал бормотать что-то в свое оправдание, но тут понял, что Шанс все еще зажат между двумя автомобилями. Перепутавшись, он кинулся обратно в машину и подал ее на несколько дюймов вперед. Как только Шанс смог извлечь ногу из ловушки, он попытался встать на нее, но сразу же упал. Внезапно задняя дверь лимузина открылась, и из машины вышла стройная женщина. Она склонилась над Шансом и сказала:

— Надеюсь, вы не очень пострадали?

Шанс посмотрел на женщину. В телевизоре он видел много женщин такого типа.

— Только нога, — сказал он слегка дрожащим голосом. — Боюсь, она немного раздавлена.

— О боже! — воскликнула женщина. — Не могли бы вы... пожалуйста, поднимите штанину — я посмотрю, что там.

Шанс поднял левую штанину. На лодыжке красовался большой кровоподтек.

— Надеюсь, кость не сломана, — сказала женщина. — Простите, простите нас, пожалуйста! У моего шофера это первый случай в жизни.

— Все в порядке, — отозвался Шанс. — Мне уже немного лучше.

— Мой муж тяжело болен, и поэтому у нас в доме живет доктор и несколько медсестер. Я думаю, вам лучше всего отправиться на машине к нам, разумеется, если вы не предпочитаете обратиться к своему врачу.

— Я не знаю, что делать, — сказал Шанс.

— Значит, вы ничего не имеете против нашего доктора?

— Я против него ничего не имею, — сказал Шанс.

— Тогда поедemте, и если доктор сочтет это необходимым, мы отвезем вас прямо в больницу.

Шанс оперся о руку женщины и забрался в лимузин. Женщина села рядом. Шофер погрузил чемодан Шанса в багажник, и машина мягко скользнула в поток транспорта.

Женщина представилась:

— Я жена Бенджамина Ренда, миссис Ренд, но для друзей я — Йе-Йе. Это потому, что мое имя — Ева Елизавета.

— Йе-Йе, — невозмутимо повторил Шанс.

— Йе-Йе, — с удивлением подтвердила миссис Ренд.

Шанс вспомнил, что в подобных ситуациях люди в телевизоре называли в ответ свое имя.

— Меня зовут Шанс, — слегка запинаясь, пробормотал он.

И подумав, прибавил:

— Садовник.

— Шэнси Сэдовник, — повторила за ним миссис Ренд. Шанс заметил, что она несколько

изменила его имя. Он догадался, что теперь, как у людей в телевизоре, у него будет новое имя.

— У нас с мужем есть старые друзья Бэзил и Пердита Сэдовник, — продолжала женщина. — Вы им не родственник, мистер Сэдовник?

— Нет, — ответил Шанс.

— Может быть, хотите немного виски или лучше коньяка?

Шанс колебался. Старик не пил сам и не разрешал пить прислуге. Но чернокожая Луиза иногда тайком пропускала на кухне стаканчик-другой, и несколько раз Шанс, уступая ее просьбам, пил вместе с ней.

— Благодарю вас, немного коньяку, — сказал он, внезапно снова ощутив боль в ноге.

— Вам больно, — участливо сказала женщина. Она открыла бар, встроенный в спинку переднего сиденья, и извлекла из него серебряную фляжку и хрустальный бокал с монограммой. Из фляжки в бокал потекла темная жидкость.

— Выпейте залпом, — посоветовала женщина. — Вам это сейчас необходимо.

Шанс хлебнул из бокала и поперхнулся. Миссис Ренд улыбнулась:

— Отлично. Скоро мы будем дома, и там вам помогут. Осталось чуть-чуть потерпеть.

Шанс еще раз глотнул из бокала. Коньяк был крепким. Он заметил, что над дверкой бара установлен маленький автомобильный телевизор. Шанс отпил еще. Лимузин лавировал в уличных пробках.

— Этот телевизор работает? — спросил Шанс.

— Да, разумеется.
— Нельзя ли его включить? Пожалуйста.
— Конечно. Это поможет вам отвлечься от боли.

Миссис Ренд нажала кнопку, и на экране появилось изображение.

— Какой канал вы предпочитаете? — спросила она.

— Любой, — ответил Шанс.

Маленький экран заслонил собой шумные улицы. Но тут шофер резко затормозил, отчего боль в ноге стала нестерпимой, и все поплыло в голове у Шанса. Затем его сознание погасло, как телевизор, который выключили из сети.

Он очнулся в залитой солнечным светом комнате и понял, что лежит на огромной кровати, а Йе-Йе стоит у ее изголовья.

— Мистер Сэдовник, — сказала она, — вы потеряли сознание. Но мы уже дома.

В дверь постучались, и в комнату вошел человек в белом халате. На носу у него были темные очки в черной оправе, а в руке он нес пухлый саквояж.

— Я — ваш доктор, а вы, очевидно, мистер Сэдовник, задавленный и похищенный нашей прелестной хозяйкой, — сказал он.

Шанс кивнул. Доктор продолжал шутить:

— Очень симпатичная жертва. Сейчас мы посмотрим, что с ней, так что вам лучше оставить нас, миссис Ренд.

Прежде чем Йе-Йе ушла, доктор сказал ей, что мистер Ренд заснул и его лучше пока не тревожить.

Прикосновения к ноге были болезненными; огромный кровоподтек покрывал уже почти всю лодыжку.

Доктор достал из кармана шприц и сказал: — Боюсь, мне придется сделать укол, иначе я не смогу осмотреть ногу, не причиняя вам боли.

Пока он наполнял шприц жидкостью, Шанс вспомнил, что в телевизоре людям, которым делали уколы, было больно. Он стал думать, как объяснить доктору, что ему страшно.

Доктор, очевидно, заметил волнение Шанса и сказал:

— Спокойно, спокойно. У вас всего лишь небольшой шок, сэр, не думаю, чтобы была сломана кость. Сейчас посмотрим.

Укол оказался на удивление безболезненным.

После недолгого осмотра доктор сообщил, что кость цела.

— Вам необходимо оставаться в постели только до вечера, — сказал он. — Вечером можно будет встать и поужинать. Главное, не нагружайте больную ногу. Я поручу медсестре делать вам уколы каждые три часа, и принимайте за едой эти таблетки. На всякий случай сделаем завтра рентген. А теперь желаю вам хорошо отдохнуть, сэр.

И доктор ушел.

Шанс устал, ему хотелось спать. Но тут вошла Йе-Йе, и пришлось снова открыть глаза.

Главное, чтобы другие люди видели тебя и общались с тобой. Пока они это делают — ты

в безопасности. Любой твой поступок будет истолкован в том же ключе, в котором ты толкуешь поступки других людей. Никто не в силах узнать о тебе больше того, что ты знаешь о других.

— Миссис Ренд, — сказал Шанс, — я уже почти спал.

— Простите, что тревожу вас, но я сейчас беседовала с доктором. Он сказал мне, что вам нужен покой. Но, мистер Сэдовник, — с этими словами миссис Ренд присела на стул у изголовья кровати, — я просто обязана еще раз извиниться перед вами за это происшествие. Надеюсь, оно не доставит вам слишком много страданий.

— Ради бога, не беспокойтесь, — ответил Шанс. — Я очень признателен вам за помощь. Я не... я совсем не...

— Это самое малое, что мы могли для вас сделать. Хотите известить кого-нибудь о том, где вы находитесь? Жену? Близких?

— У меня нет ни жены, ни близких.

— Может, ваших партнеров по бизнесу? Пользуйтесь нашим телефоном и телексом, не стесняйтесь. Может быть, вам прислать секретаршу? Мой муж так давно болен, что его служащие все равно почти без работы...

— Нет, спасибо. Мне ничего не нужно.

— Но ведь вам наверняка хочется с кем-нибудь поговорить?.. Надеюсь, вы не...

— Я ни с кем не хочу говорить.

— Тогда, мистер Сэдовник, — и, прошу вас, не считайте это пустой любезностью, — если

у вас нет срочных дел, вы можете оставаться в нашем доме до полного выздоровления. Было бы бесчеловечно не позаботиться о вас в таком состоянии. У нас много свободных комнат и медицинский персонал лучше, чем в любой больнице. Надеюсь, вы не откажетесь от моего предложения.

Шанс кивнул в знак согласия. Йе-Йе горячо поблагодарила его. Засыпая, он слышал, как миссис Ренд говорит слугам:

— Распакуйте чемодан мистера Сэдовника.

Шанс проснулся от луча яркого света, пробившегося в щель между плотными гардинами. Близился вечер. Голова у Шанса слегка кружилась, нога ныла, и он не вполне понимал, где находится. Затем он вспомнил все, что с ним случилось: уличное происшествие, женщину, салон лимузина и доктора с пухлым саквояжем. Рядом с кроватью, на расстоянии протянутой руки, стоял телевизор. Шанс включил его и стал смотреть на мелькающие картинки. Привычное занятие успокоило его, и он совсем уже было собрался встать и раздвинуть шторы, как зазвонил телефон. Звонила Йе-Йе. Она спросила Шанса, как поживает его нога, и сказала, что сейчас принесут чай и бутерброды. А также попросила разрешения навестить больного.

Вошла горничная с подносом и поставила его на кровать. Медленно и аккуратно Шанс съел бутерброды с деликатесами. Такую еду он уже видел в телевизоре.

Откинувшись на подушки, Шанс смотрел телевизор, когда пришла Йе-Йе и села в кресло у изголовья кровати. Шанс нехотя оторвался от телевизора и выключил его. Миссис Ренд начала расспрашивать о состоянии ноги. Шанс сказал, что нога болит не так сильно. Тогда миссис Ренд позвонила доктору и сообщила, что пациент чувствует себя лучше.

Она также рассказала Шансу, что мистер Ренд намного старше ее и что ему уже далеко за семьдесят. До болезни он был очень крепким мужчиной для своих лет и даже сейчас, тяжело больной, руководит своим делом и принимает важные решения. К ее огромному сожалению, у них с мистером Рендом нет детей, а с первой женой и взрослым сыном от первого брака мистер Ренд разорвал всякие отношения. Йе-Йе сказала, что чувствует себя виноватой в этом разрыве, потому что мистер Ренд расстался с первой семьей для того, чтобы жениться на ней.

Шанс почувствовал, что обязан проявить интерес к рассказу Йе-Йе, и стал повторять за ней, как эхо, ее собственные слова. Он видел, что так делают люди в телевизоре. Это воодушевило Йе-Йе. Стоило Шансу повторить что-нибудь вслед за Йе-Йе, ее лицо светлело и она продолжала свой рассказ в еще более доверительном тоне. Она даже время от времени трогала Шанса то за руку, то за плечо. Слова плыли у Шанса в голове, и он смотрел на Йе-Йе с тем же вниманием, как обычно на экран теле-

визора. Но тут в дверь постучали, и Йе-Йе пришлось прервать свой рассказ на полуслове.

Пришла медсестра, чтобы сделать укол. Йе-Йе пригласила Шанса поужинать с ней и мистером Рендом, которому стало лучше, и ушла.

Шанс стал думать, не выгонит ли его мистер Ренд из дому. Впрочем, эти размышления нельзя было назвать печальными. Шанс знал: даже если его выгонят, будет следующая серия с другими актерами. В телевизоре ничего не кончается навсегда. Все, что от тебя требуется, — сидеть и ждать продолжения.

Он снова включил телевизор. Пришел чернокожий лакей и принес почищенный и отглаженный костюм Шанса.

Улыбка негра напомнила Шансу беззаботную улыбку старой Луизы.

Йе-Йе позвонила вновь и пригласила Шанса вниз выпить с ней и мистером Рендом перед ужином. У последней ступеньки лестницы Шанса встретил слуга и проводил в гостиную. Там уже находились Йе-Йе и очень старый мужчина. Шанс подумал, что муж Йе-Йе почти так же стар, как его Старик. Шанс пожал руку мистеру Ренду: рука была сухой и горячей. Видно было, что мистеру Ренду с трудом дается даже рукопожатие. Ренд посмотрел на ногу Шанса.

— Не нагружайте ее, — сказал он.

У него был медленный красивый голос.

— Как вы себя чувствуете? Йе-Йе мне обо всем поведала. Какой кошмар! Это совершенно непростительно с нашей стороны!

Шанс колебался, не зная, что ответить, и наконец сказал:

— Пустяки, сэр. Я уже почти в порядке. Я первый раз в жизни попал под машину.

Слуга разлил шампанское. Шанс едва успел пригубить свой бокал, как позвали к столу. Мужчины последовали за Йе-Йе в столовую, где был сервирован ужин для троих. Шанс с интересом посмотрел на столовое серебро и мраморные статуи по углам.

Шанс понял, что сейчас он должен себя вести как один молодой бизнесмен в телевизионном сериале, часто обедавший со своим боссом и его дочерью.

— Вы, очевидно, очень крепкий человек, мистер Сэдовник, — сказал мистер Ренд. — Это хорошо. Но не повредит ли травма вашим делам?

— Я уже говорил, мистер Ренд, — неторопливо начал объяснять Шанс, не прекращая есть, — мой дом опечатали, и у меня теперь нет никаких срочных дел. Я ожидал, что случится нечто вроде того, что случилось.

Мистер Ренд снял очки, подышал на стекла и протер их. Затем он водрузил очки на нос и нетерпеливо посмотрел на Шанса. Тот понял, что его ответ не вполне удовлетворил мистера Ренда. Йе-Йе тоже чего-то ждала.

— Это нелегко, сэр, — наконец промолвил он, — найти свой сад и возделывать его без помех. Не часто подворачивается такая удача. В телевизоре... — Тут Шанс слегка призадумался, но потом его осенило: — В телевизоре я не

видел ни одного сада. Леса, джунгли, пара-другая деревьев — но ни одного сада, такого, как мой. Я сажал в нем цветы и смотрел, как они растут...

Тут Шанс расстроился и замолчал.

Мистер Ренд наклонился к Шансу и похлопал его по плечу.

— Отлично сказано, мистер Сэдовник, позвольте мне звать вас просто Шэнси. Садовник! Отличное сравнение — именно на садовника похож настоящий предприниматель! Он находит участок тощей земли и, не щадя собственных рук, в поте лица своего взращивает на нем ценности во имя своей семьи и всей нации! Да, Шэнси, это блестящая метафора. Предприниматель, занятый созиданием, подобен хозяину виноградника!

Живость, с которой мистер Ренд отреагировал на его слова, приободрила Шанса.

— Спасибо, сэр, — тихо сказал он.

— О нет, прошу вас, зовите меня просто Бен.

— Спасибо, Бен, — повторил Шанс. — Сад, который я покинул, был так прекрасен, что я вряд ли найду другой такой. Я создал его сам. Я сеял, я поливал ростки, я смотрел, как они растут. Но все кончено — все, что мне осталось, это местечко там, наверху.

И с этими словами Шанс показал на потолок.

Ренд посмотрел на Шанса с неподдельным сочувствием:

— Вы так молоды, Шэнси, стоит ли говорить о «местечке наверху»? Это я туда скоро отправлюсь, а вам еще рановато. Да вы годитесь

мне в сынонья. Вы с Йе-Йе — такие красивые, такие молодые.

— Бен, милый, — попыталась перебить мужа Йе-Йе.

— Знаю, знаю, — остановил он ее движением руки. — Я знаю, что ты не любишь разговоров о нашей разнице в возрасте. Но что делаешь, если это правда? Местечко наверху — вот все, что меня ждет.

Шанс слегка недоумевал: как это Бен собирается поселиться в его комнате, если там все еще лежат его вещи, но не подал вида.

Они ели в молчании. Шанс аккуратно пережевывал пищу и старался пить поменьше вина. В телевизоре люди, выпив вина, теряли над собой контроль.

— Но если ваши дела обстоят так, как вы сказали, что будет с вашей семьей? — спросил внезапно Ренд.

— У меня нет семьи.

Лицо Ренда омрачилось.

— Не понимаю! Такой симпатичный молодой человек — и холост? Как так получилось?

— У меня не было времени, — ответил Шанс.

Ренд в удивлении покачал головой:

— Отдавали всего себя работе?

— Бен, милый, — вмешалась в разговор Йе-Йе.

— О, надеюсь, я не обидел Шэнси своим вопросом! Не так ли, Шэнси?

Шанс кивнул.

— Но неужели вам никогда не хотелось завести семью?

— Я не знаю, что это такое.

Ренд сказал вполголоса:

— Значит, вы один, совсем один?

Воцарилось молчание. Пришли слуги с новой переменной блюд. Ренд снова посмотрел на Шанса.

— Знаете, — сказал он, — а вы мне нравитесь. Я уже стар и могу позволить себе быть откровенным. Вы человек прямой — понимаете с полуслова и выкладываете всё начистоту. Вам, конечно же, известно, — продолжал Ренд, — что я являюсь председателем правления Первой американской финансовой корпорации. Мы приступаем сейчас к развертыванию программы помощи американским предпринимателям, страдающим от инфляции, чрезмерного налогообложения, социальных конфликтов и подобных напастей. Мы хотим протянуть руку помощи достойным — пользуюсь вашим словом — «садовникам» делового сообщества. В конце концов, они — последний барьер на пути безудержного разрастания супермонополий, загрязняющих наши воды и земли и угрожающих благосостоянию среднего класса, без чего невозможно существование демократических свобод. Мы еще вернемся к этой теме. Когда вы поправитесь, я, пожалуй, сведу вас с другими членами правления — они подробнее объяснят вам наши цели и методы.

Шанс очень обрадовался, когда Ренд завершил эту тираду словами:

— О да, я уверен, вы не из тех, кто склонен к опрометчивым решениям. Но примите во вни-

мание мои слова: я ведь уже очень стар и болен и, не ровен час...

Йе-Йе попыталась возразить, но Ренд продолжал:

— Да, я стар и устал. Я чувствую себя как дерево, корни которого засохли...

Но Шанс уже не слушал. Он думал о своем саде — в саду за домом Старика не было деревьев с засохшими корнями. Там росли только молодые, хорошо ухоженные деревья. Но, поскольку Ренд с женой смотрели на него и чего-то ждали, он сказал:

— Я подумаю о ваших словах, Бен. Сейчас у меня очень болит нога и мне трудно решать.

— Отлично! — воскликнул Ренд. — Ценю вашу осмотрительность, Шэнси!

С этими словами он похлопал Шанса по плечу. Затем все трое встали и перешли в библиотеку.

4

На следующее утро, в среду, Шанс одевался после сна, когда зазвонил телефон. Звонил Ренд.

— Доброе утро, Шэнси. Миссис Ренд просила меня передать вам от нее привет. Ее самой нет дома — ей пришлось рано утром улететь в Денвер. Но не в этом дело. Сегодня состоится ежегодное собрание Финансового института, на котором должен выступить президент страны. Он уже вылетел в Нью-Йорк и телефонировал мне с борта самолета. Он знает, что из-за

болезни я не смогу председательствовать на сегодняшнем собрании. Но чувствую я себя немного получше, и президент решил навестить меня перед ланчем. Правда, это очень любезно с его стороны? Из аэропорта имени Кеннеди он направится в Манхэттен вертолетом и примерно через час будет у нас. — Ренд сделал паузу; Шанс слышал его тяжелое дыхание. — Я хотел бы, чтобы вы повстречались с президентом, Шэнси. Вам он понравится. Он — личность, яркая личность. Думаю, вы ему тоже понравитесь. Значит, так: скоро подъедут агенты спецслужб — им нужно осмотреть дом перед визитом. Простая формальность, они всегда так делают. С вашего позволения, моя секретарша сообщит вам, когда эти люди приедут.

— Отлично, Бен. Благодарю вас.

— Ах да, вот еще что, Шэнси. Тут ничего не поделаешь... они вас обыщут. В наше время к президенту не подпускают с колющими предметами, так что спрячьте от них подальше свое остроумие, не то они его у вас отберут! До встречи, мой друг! — и Ренд положил трубку.

Колющих предметов не должно быть. Шанс вынул из галстука булавку, а из кармана расческу и положил их на стол. Но что это такое — «остроумие»? Шанс посмотрел на себя в зеркало. Ему понравилось то, что он там увидел: гладко расчесанные волосы блестят, на щеках здоровый румянец, свежеевыглаженный костюм сидит как влитой. Довольный собой, Шанс включил телевизор.

Вскоре позвонила секретарша мистера Ренда и сказала, что люди президента вот-вот появятся. Тут в комнату вошло четверо улыбчивых мужчин. Беспреданно болтая между собой, они начали обследовать комнату при помощи разных сложных приборов.

Шанс сидел и смотрел телевизор. Переключая каналы, он внезапно увидел, как большой вертолет приземляется в Центральном парке. Диктор объяснил, что «в эту минуту президент прибывает в самое сердце Нью-Йорка».

Люди из спецслужб бросили работу и стали тоже смотреть на экран.

— Ну что ж, босс приехал, — сказал один из них. — Надо спешить, здесь еще полно комнат.

И они покинули комнату Шанса. Но вскоре одиночество Шанса нарушил звонок телефона — секретарша мистера Ренда сообщила, что президент подъезжает к дому.

— Благодарю вас, — чуть запинаясь от волнения, сказал Шанс. — Пожалуй, мне пора спуститься вниз, не так ли?

— Самое время, сэр, — отозвалась секретарша.

Шанс спустился по лестнице. Люди из спецслужб сновали по коридорам, залам и даже обшарили лифт. Они были везде — в кабинете, в столовой, в библиотеке. Один агент поспешно обыскал Шанса, извинился и распахнул перед ним дверь.

Подошел Ренд и похлопал Шанса по плечу:

— Я ужасно рад, что вам представилась возможность встретиться с главой исполнитель-

ной власти. Президент — прекрасный человек, обладающий врожденным чувством справедливости в рамках закона. Он знает, как завладеть сердцем и кошельком избирателя. Я уверен, что президент тщательно обдумал поездку к нам еще перед тем, как мне позвонил. Вы разделяете мое мнение?

Шанс был того же мнения.

— Какая жалость, что с нами сегодня нет Йе-Йе! Она горячая поклонница президента и считает его весьма обаятельным мужчиной. Знаете, она звонила из Денвера.

Шанс сказал, что знает.

— И вы с ней не поговорили? Ну ничего, она еще позвонит; ей наверняка будет интересно, какое впечатление произвел на вас президент и как прошла встреча... Если я уже буду спать, поговорите с ней за меня, прошу вас, Шэнси, и расскажите ей всё.

— С удовольствием, Бен. Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо, сэр? Выглядите вы лучше.

Бен слегка смутился.

— Это все грим, Шэнси, обычный грим. Я попросил ночную сиделку, чтобы она меня слегка подмарафетила, а то президент испугается, что я помру прямо у него на глазах. Никто не любит умирающих, Шэнси, потому что живые ничего не знают о смерти. Известно только, что ее следует бояться. Вы, Шэнси, редкий случай. Вы не боитесь смерти, я это вижу. Вы удивительно уравновешенный человек. Именно это привлекает в вас меня и Йе-Йе. Вам

не свойственно метаться от отчаяния к надежде — вы всегда так спокойны! Не спорьте со мной, я вас намного старше. Я прожил долгую жизнь и видел мало людей, которые помнят о том, что нагими мы приходим в сей мир и нагими уйдем и что небесная аудиторская проверка найдет в жизни любого из нас какой-нибудь изъян.

Ренд внезапно побледнел. Он достал из кармана пилюли, судорожно проглотил одну и запил водой. Зазвонил телефон. Ренд схватил трубку и отрывисто сказал:

— Мы с мистером Сэдовником готовы к встрече. Проводите президента в библиотеку.

Он положил трубку на рычаг, а затем взял стакан воды со стола, спрятал его у себя за спиной на книжной полке и сказал:

— Президент здесь, Шэнси. Он идет к нам.

Шэнси вспомнил, что недавно видел президента в телевизоре. Там показывали военный парад. На небе не было ни облачка. Президент стоял на небольшом возвышении, окруженный военными в мундирах, сверкающих орденами, и штатскими в черных очках. Мимо них маршировали бесконечные шеренги солдат, отдавая честь президенту, который в ответ махал им рукой. Глаза президента были затуманены глубокими раздумьями. Он смотрел на тысячи граждан своей страны в солдатской форме, которые на экране телевизора выглядели словно осенние листья, несомые по земле ветром. И тут в небе появились звенья самолетов, летящих

в безупречном строю. Штатские и военные рядом с президентом едва успели задрать голову в небо, как самолеты, подобно серебристым молниям, пронесли над трибуной с громовым звуком. Лицо президента снова заполнило экран. С мягкой улыбкой он смотрел на удаляющиеся самолеты.

— Рад вас видеть, мистер президент, — сказал Ренд, вставая с кресла, чтобы пожать руку улыбающемуся мужчине среднего роста. — Как это гуманно с вашей стороны — навестить умирающего.

Президент обнял Ренда и усадил его обратно в кресло:

— Не говорите глупости, Бенджамин. Садитесь, я на вас посмотрю.

Президент уселся на диван и только тут заметил Шанса.

— Мистер президент, — сказал Ренд, снова привстав, — хочу представить вам моего хорошего друга, мистера Шэнси Сэдовника. Мистер Сэдовник — президент Соединенных Штатов Америки.

Ренд опустил без сил обратно в кресло, а президент встал и протянул Шансу руку.

Шанс вспомнил, что на телевизионных пресс-конференциях президент всегда смотрел собеседнику прямо в глаза, и посмотрел на президента таким же образом.

— Очень рад познакомиться, мистер Сэдовник, — сказал президент, усаживаясь на свое место. — Я много о вас слышал.

Шанс стал думать, откуда президент мог о нем слышать.

— Садитесь, мистер Сэдовник, — сказал президент, — и давайте вместе пожурим нашего друга Бена за то, что он добровольно заточил себя в этом доме. Бен... — и президент наклонился к старику, — страна нуждается в вас, и я как глава исполнительной власти не могу удовлетворить вашу просьбу об отставке.

— Я готовлюсь к вечному покою, мистер президент, — тихо ответил Ренд, — но я не сетую; Ренд прощается с миром, мир прощается с Рендом — честная сделка, не правда ли? Безмятежность, спокойствие и заслуженный отдых — не к этому ли я стремился всю жизнь?

— Давайте серьезно, Бен, — сказал президент, отмахнувшись от этих слов рукой, — я знаю, вы большой философ, но в первую очередь вы — деловой, энергичный человек! Зачем говорить о смерти, поговорим лучше о жизни! — Он зажег сигарету. — Мне сказали, что вы не сможете выступить сегодня на собрании Финансового института?

— Не смогу, мистер президент, — сказал Ренд. — Доктора непреклонны. И не только они. Непреклонна моя боль.

— Ну что ж... да... в конце концов, это всего лишь собрание. Душой вы будете с нами, я уверен. Институт остается всецело вашим детищем, отпечаток вашей личности лежит на всей его деятельности.

Мужчины ушли с головой в беседу. Шанс не понимал почти ничего из того, что они гово-

рили, хотя они часто бросали на него взгляды, словно приглашая принять участие в разговоре. Шанс решил, что они нарочно говорят на другом языке, чтобы он ничего не понял, но тут президент обратился прямо к нему:

— А вы, мистер Сэдовник, какого мнения по поводу плохой погоды на Уолл-стрит?

У Шанса по спине пробежали мурашки. Он почувствовал, что все его мысли выдраны, словно корешки, из уютной влажной почвы и бес- сильно болтаются в воздухе. Он посмотрел на ковер и наконец ответил:

— В саду, — сказал он, — периоды роста непостоянны. За весной и летом приходят осень и зима. А потом опять весна и лето. Пока не повреждены корни, все в порядке.

Шанс поднял глаза; Ренд одобрительно смотрел на него, президент, похоже, тоже был доволен.

— Должен сказать, мистер Сэдовник, — воскликнул президент, — что более оптимистического заявления я не слышал ни от кого уже давным-давно!

Президент встал и начал прохаживаться перед камином.

— Многие забывают, что природа и общество — это, в сущности, одно и то же. Хотя мы и считаем себя хозяевами природы, мы по-прежнему остаемся ее частью. Как и природа, наша экономическая система в долгосрочной перспективе остается стабильной и эффективной, вот почему мы не должны бояться ее временных капризов.

Президент немного помолчал, а затем продолжил, обращаясь к Ренду:

— Мы радуемся неизбежной смене времен года, но нас пугают экономические циклы! Как это глупо!

Он улыбнулся в сторону Шанса:

— Я завидую здравомыслию мистера Сэдовника. Это как раз то качество, которого часто недостает господам в Капитолии.

Президент посмотрел на свои часы, затем жестом остановил Ренда, который хотел было встать:

— Нет, нет, Бен, вам нужен покой! Надеюсь, мы еще увидимся. Когда вам станет лучше, приезжайте с Йе-Йе в гости к нам в Вашингтон. И вы, мистер Сэдовник, тоже окажете мне честь, навестив меня и мою семью. Мы будем вас ждать.

Он обнял Ренда, обменялся рукопожатием с Шансом и быстро вышел за дверь.

Ренд поспешно схватил спрятанный стакан с водой, судорожно проглотил новую таблетку и, обессиленный, упал обратно в кресло.

— Парень что надо этот президент, правда? — обратился он к Шансу.

— Да, — сказал Шанс, — но в телевизоре он гораздо больше.

— Это верно! — ухмыльнулся Ренд. — Что поделать, он — существо политическое, его обязанность — на всякий случай поливать все растения на своем пути, независимо от того, что он о них думает. Кстати, Шэнси, вы согласны

с моими воззрениями на проблему краткосрочных кредитов, которые я изложил президенту?

— Я не уверен, что понял все правильно. Поэтому я молчал.

— Нет, Шэнси, вы поняли, да еще как поняли, и президенту очень понравились и ваши слова, и ваш тон. Экономический анализ в моем стиле он слышит каждый день, но в вашем, к великому сожалению, редко, да что там — никогда.

Зазвонил телефон. Ренд снял трубку и сообщил Шансу, что президент и его свита уехали, а ему пора делать укол. Он извинился и обнял Шанса на прощание. Шанс поднялся к себе. Он включил телевизор и увидел, как президентский кортеж движется по Пятой авеню. Люди стояли на тротуарах, президент махал им рукой из окна лимузина. Шанс не был до конца уверен, та ли это самая рука, которую он пожимал совсем недавно.

Ежегодное собрание Финансового института открылось в напряженной атмосфере: утром поступили сообщения, что уровень безработицы в стране достиг рекордной отметки. Чиновники администрации на вопросы о том, какие меры собирается принять правительство для борьбы с экономической стагнацией, не могли ответить ничего внятного. Все средства массовой информации с напряженным вниманием следили за тем, что скажет сам президент.

Президент в своей речи заверил собравшихся, что с его стороны будут приняты самые ре-

шительные меры, невзирая на продолжающийся спад объемов производства.

— До сих пор мы наслаждались весенним теплом и летней жарой, — заявил он, — но, к сожалению, экономика, как и любой сад земной, встречается с осенними дождями и зимними морозами.

Далее президент подчеркнул, что, если семена промышленности дремлют в почве нации, древо экономики рано или поздно расцветет пышным цветом.

В последовавшем кратком и непринужденном обмене вопросами и ответами президент пояснил, что он провел «многоуровневые консультации с членами кабинета, палаты представителей и сената, а также с ключевыми фигурами деловой общественности». Здесь он высказал особую благодарность Бенджамину Тернбуллу Ренду, руководителю Финансового института, отсутствующему в связи с болезнью; перед собранием президент посетил мистера Ренда у него дома, где имел плодотворную беседу с ним и мистером Сэдовником о благотворном воздействии инфляции на экономическую ситуацию: «Инфляция, по словам последнего, срежет мертвые ветви сбережений, оживив тем самым плодоносящее древо промышленных инвестиций». Так, из речи президента, средства массовой информации впервые узнали о существовании Шанса.

Во второй половине дня секретарша мистера Ренда сказала Шансу:

— У меня на проводе мистер Том Кортни из «Нью-Йорк таймс». Не могли бы вы немного поговорить с ним, сэр? Я думаю, он хотел бы уточнить с вами кое-какие факты.

— Я буду говорить с ним, — сказал Шанс. Секретарша соединила с Кортни.

— Извините, что отрываю от дел, мистер Сэдовник; я ни за что не посмел бы, если бы прежде не переговорил с мистером Рендом.

Кортни для большего эффекта замолчал, произнеся это имя.

— Мистер Ренд очень болен, — сказал Шанс.

— Да, конечно... Тем не менее он сказал, что ваши личные качества соответствуют требованиям, предъявляемым к членам правления Первой американской финансовой корпорации. Последуют ли комментарии с вашей стороны?

— Нет, — ответил Шанс. — Не сейчас.

Снова повисло молчание.

— В нашей газете выходит подробный отчет о речи президента и его визите в Нью-Йорк. Мы хотели бы избежать неточностей. Могли бы вы сказать нам что-нибудь о характере беседы, состоявшейся между вами, мистером Рендом и президентом?

— Мне понравилось.

— Хорошо, сэр. Президент, кажется, тоже остался доволен. Но, мистер Сэдовник, — продолжал Кортни с деланной непринужденностью, — «Нью-Йорк таймс» хотела бы дать свежую информацию, касающуюся вас лично, если вы понимаете, что я имею в виду... — Он

нервно засмеялся. — Например, в чем пересекаются ваши деловые интересы и интересы Первой американской финансовой корпорации?

— Я думаю, об этом вам лучше спросить у мистера Ренда, — сказал Шанс.

— Да, разумеется. Но, поскольку он нездоров, я взял на себя смелость спросить у вас лично.

Шанс молчал. Кортни терпеливо ждал ответа.

— Мне нечего добавить к сказанному, — сказал Шанс и положил трубку.

Кортни откинулся в рабочем кресле и зевнул. Было уже поздно. Он созвал сотрудников, пытаясь, как обычно, выглядеть непринужденно.

— Ну что ж, господа, начнем с визита президента и его речи. Я беседовал с Рендом. Упомянутый президентом мистер Сэдовник, по его словам, деловой человек, как я понял, финансист и основной кандидат на вакантное место в правлении Первой американской финансовой корпорации.

Он посмотрел на коллег — те явно ожидали услышать больше.

— Я также говорил с Сэдовником. Он... — Кортни замялся, — он очень лаконичен и сух. Так или иначе, у нас уже нет времени собрать о нем более подробную информацию, поэтому закрутите все вокруг его отношений с Рендом, его кандидатуры в состав правления, советов, данных им президенту, и так далее.

Шанс сидел в своей комнате и смотрел телевизор. Речь президента на собрании в Финансовом институте передавалась сразу по несколь-

ким каналам; по остальным в это время были только семейные игры и приключенческие фильмы для детей. Шанс обедал у себя в комнате и чуть не задремал у телевизора, когда позвонила секретарша Ренда.

— У меня на проводе редактор телепередачи «Сегодня вечером», — выпалила она возбужденно, — они хотят, чтобы вы выступили у них прямо сейчас. Они приносят свои извинения за то, что известили вас так поздно, но только несколько минут назад выяснилось, что вице-президент не сможет принять участие в обсуждении речи президента. Мистер Ренд из-за болезни тоже, разумеется, не может, но он предложил, чтобы финансист, который произвел такое благоприятное впечатление на президента, — то есть вы, мистер Сэдовник, — выступил вместо него.

Шанс слабо представлял себе, как его засунут в телевизор, но ему очень туда хотелось.

Секретарша ждала ответа.

— Я согласен, — сказал Шанс. — А что мне надо будет делать?

— Ничего, сэр, — обрадовалась секретарша. — Продюсер сам заедет за вами и привезет к началу передачи. Она идет в прямом эфире, так что вам нужно быть там за полчаса до начала. Вы будете гвоздем сегодняшнего выпуска. Я сейчас же сообщу о вашем согласии — они будут в восторге!

Шанс снова включил телевизор и стал думать о том, меняется ли человек после того, как

побывает внутри. А если меняется — то навсегда или на время? Не станет ли он меньше после того, как программа закончится? Не получится ли из него два Шанса — один внутри телевизора, другой снаружи?

Вечером за Шансом явился продюсер передачи. Это был коротышка в черном костюме. Он сказал, что речь президента обострила интерес к экономическому положению страны, «и, поскольку вице-президент не сможет принять сегодня участие в нашей передаче, — продолжал он, — мы будем признательны, если вы объясните нашим зрителям, что, собственно говоря, происходит с экономикой. Вы — лицо, особо приближенное к президенту, и потому идеально подходите для того, чтобы прокомментировать его речь. В нашей передаче можно излагать свои мысли не стесняясь временем; ведущий не станет вас перебивать, но если ему потребуется вставить вопрос от себя или пояснить ваши слова, он будет прикладывать указательный палец левой руки к левому глазу».

— Я понял, — сказал Шанс.

— Ну что ж, раз вы готовы, едем; гример не отнимет у вас много времени. — Продюсер улыбнулся. — Кстати, наш ведущий хотел бы встретиться с вами до начала передачи.

В большом лимузине, принадлежавшем телеканалу, было два маленьких телевизора. Шанс попросил включить один из них, и, пока машина летела по Парк-авеню, они с продюсером молча смотрели на экран.

Студия была похожа на все телестудии, которые Шанс видел по телевизору. Его провели в примерную и предложили выпить, но Шанс отказался от спиртного и попросил вместо этого кофе. Пришел ведущий. Шанс сразу узнал его, потому что случайно видел несколько раз «Сегодня вечером» — обычно он не смотрел ток-шоу.

Пока ведущий говорил ему что-то, Шанс думал о том, что его ждет. Наконец ведущий замолк, и тогда продюсер передал его в руки гримера. Шанс уселся в кресло, и гример покрыл его лицо тонким слоем коричневатого порошка.

— Вы часто выступаете на телевидении? — спросил у Шанса гример.

— Нет, — ответил тот, — но я часто смотрю телевизор.

Гример и продюсер вежливо засмеялись.

— Готово, — сказал гример и захлопнул коробку с гримом. — Удачи вам, сэр, — добавил он и вышел из комнаты вместе с продюсером. Шанс остался один.

В одном из углов примерной стоял большой телевизор. Шанс увидел в нем, как появился ведущий и объявил начало передачи. Зрители зааплодировали, ведущий рассмеялся. Большие клювастые камеры плавно закружились вокруг эстрады. Грянул оркестр, и экран заполнило улыбающееся лицо дирижера.

Шанс был потрясен: телевидение могло показывать само себя, камеры передавали изоб-

ражение друг друга вместе с изображением студии и собравшихся в ней людей. Из всего, что существует на земле, — деревьев, травы, цветов, телефонов, радиоприемников и лифтов — только телевидение с его полупрозрачным лицом способно отражаться в себе самом, как в зеркале.

Внезапно пришел продюсер и сделал Шансу знак следовать за ним. Они прошли через дверь, занавешенную плотными шторами. Шанс услышал, как ведущий произнес его имя. Продюсер тут же отскочил в сторону, и яркий луч света упал на Шанса. Он увидел перед собой сидящих зрителей, но не смог рассмотреть отдельных лиц. В телевизоре лица зрителей в зале всегда были видны. Три большие камеры стояли на маленькой квадратной сцене; справа, за обитым кожей столиком, сидел ведущий. Он улыбнулся Шансу, розовея от важности момента, и представил его; зрители зааплодировали. Подражая людям, которых он видел в телевизоре, Шанс пододвинул к столику свободное кресло и сел. Операторы с камерами неслышно кружили вокруг столика. Ведущий наклонился к Шансу.

Завороженный пристальным вниманием камер и едва различимых зрителей, Шанс решил: будь что будет. В голове его было пусто, он был весь напряжен и в то же время безразличен к происходящему. Камеры втягивали в себя изображение его тела, фиксировали каждое его движение и бесшумно рассылали сигнал по миллионам телеприемников, рассеянных

по всему миру — по комнатам, салонам автомобилей и самолетов, каютам кораблей и номерам отелей. На Шанса смотрело сейчас больше людей, чем он встречал за всю свою жизнь, — людей, которые не были с ним даже знакомы. Люди, которые видели изображение Шанса на экране, не знали о нем ничего; откуда они могли знать, если он с ними никогда не встречался? В телевизоре отражалась только поверхность, камеры снимали изображение с владельца, как кожуру, а затем оно падало в бездну глаз телезрителя и безвозвратно исчезало. Объективы камер уставились на Шанса, как свинные рыла, равнодушно превращая его в картинку, доступную миллионам. Эти миллионы никогда не узнают, что Шанс — живой и настоящий, потому что телевизор не передает его мыслей. А он сам никогда не увидит своих зрителей и не узнает, о чем они думают, — они навсегда останутся для него только мыслью в голове.

До Шанса донеслись слова ведущего:

— Все мы, собравшиеся в студии, счастливы, что вы откликнулись на наше приглашение, мистер Сэдовник. Я уверен, не менее сорока миллионов американцев находятся сейчас у телеэкранов. Мы благодарим вас за то, что вы согласились заменить вице-президента, которому неотложные дела помешали, к сожалению, принять участие в нашей сегодняшней передаче. — Ведущий сделал паузу; в студии стояла абсолютная тишина.

Он сказал:

— Я буду с вами говорить напрямик, мистер Сэдовник. Вы согласны со взглядом нашего президента на положение дел в экономике?

— Каким взглядом? — переспросил Шанс. Ведущий понимающе улыбнулся.

— С тем взглядом, который президент изложил сегодня во второй половине дня в своей речи на годовом собрании американского Финансового института. Перед выступлением он консультировался в числе прочих своих советников также и с вами...

— Правда?.. — переспросил Шанс.

— Я имел в виду... — ведущий запнулся и посмотрел на свои заметки. — Вот, например... президент сравнил экономику страны с садом и сказал, что после долгой зимней спячки естественным образом наступит период весеннего роста...

— Никто не знает сада лучше меня, — уверенно сказал Шанс. — Я проработал в нем всю жизнь. Это хороший сад, здоровый сад — в нем растут здоровые деревья, и здоровые кустарники, и здоровые цветы, и они всегда будут такими, если не забывать их вовремя подстригать и поливать. За садом нужно постоянно ухаживать. Я согласен с президентом: все вырастет в свой срок. И в саду хватает места и для новых деревьев, и для новых цветов.

Половина зрителей начала аплодировать, другая половина — свистеть и улюлюкать. Бросив взгляд на стоявший рядом монитор, Шанс впервые увидел свое лицо, заполнившее весь

экран. Затем камера показала несколько лиц в зале: одни были, казалось, довольны тем, что услышали, другие возмущались. Лицо ведущего вновь появилось на экране, и Шанс, оторвавшись от монитора, повернулся к своему собеседнику.

— Мистер Сэдовник, — сказал ведущий, — это золотые слова, и они взбодрят всех тех, кто не любит ныть и сетовать на жизнь, всех тех, кто не получает удовольствия от мрачных пророчеств. Я понял вас, мистер Сэдовник, так: замедление роста производства, кризис рынка ценных бумаг и рост безработицы, по вашему мнению, всего лишь одна из фаз или, пользуясь вашими же словами, времен года в саду нашей экономики?

— В саду деревья растут... но они должны терять свои листья, чтобы появлялись новые зеленые и крепкие почки. Иногда дерево умирает, но от его корней пробиваются молодые побеги. Сад нуждается в тщательном уходе. Если вы любите свой сад, вы не будете стоять сложа руки и смотреть. Вы возьметесь за работу, и тогда с приходом весны сад расцветет.

Последние слова Шанса потонули в восхищенном реве зрителей. За спиной оркестранты стучали по своим инструментам, кое-где раздавались крики «Браво!». Шанс повернулся к монитору и увидел собственное лицо с глазами, скошенными в сторону. Ведущий поднял руку, чтобы успокоить зрителей, но аплодисменты продолжались, и только изредка кто-то свистел

и улюлюкал. Тогда ведущий встал и отвел Шанса на авансцену, где торжественно заключил в объятия. В этот момент аплодисменты переросли в овацию. Шанс стоял, не зная, что делать дальше. Когда шум немного утих, ведущий взял Шанса за руку и сказал:

— Спасибо, спасибо, мистер Сэдовник. Именно в таком свежем взгляде, как ваш, нуждается наша страна. Будем надеяться, что ваша энергия приблизит наступление экономической весны. Еще раз благодарю вас от имени всех зрителей! Мистер Сэдовник — финансист, советник президента и новое лицо в политике!

С этими словами он проводил Шанса за кулисы. Там его ждал продюсер, который схватил Шанса за руку и воскликнул:

— Вы выглядели потрясающе, сэр, просто потрясающе! Я почти три года продюсирую это шоу и не помню ничего подобного! Скажу вам по секрету — босс в восторге! Потрясающе, просто потрясающе!

Продюсер провел Шанса за сцену. По дороге некоторые телевизионщики радостно приветствовали его, тогда как другие демонстративно отворачивались.

Пообедав с женой и детьми, Томас Франклин удалился в кабинет. Времени в офисе ему не хватало, чтобы справиться со всеми делами, особенно теперь, когда его помощница Хэйс была в отпуске.

Он работал, пока хватило сил, а затем отправился в спальню. Жена уже была в постели;

она смотрела телевизор. Там шла передача, посвященная сегодняшней речи президента. Готовясь ко сну, Франклин изредка посматривал на экран. За последние два года стоимость принадлежавших ему акций упала на треть, все сбережения обратились в ничто, а недавно сократились и его дивиденды в фирме, где он работал. Речь президента не произвела на него особого впечатления, и сейчас он надеялся, что, может, хотя бы этот парень, который вместо вице-президента, — как его, ах да, Сэдовник — развеет его мрачные предчувствия. Он кое-как стянул брюки и бросил их на пол, вместо того чтобы поместить в автоматическую гладилку для брюк, подаренную женой. Сев на край кровати, он приготовился смотреть «Сегодня вечером» — передача только-только началась.

Ведущий представил Шэнси Сэдовника, и тот появился на экране. Картинка была четкой и цвета яркими, но еще до того, как лицо гостя полностью материализовалось на экране, Томас Франклин почувствовал, что этого человека он уже где-то видел. Может, по телевизору, в каком-нибудь из подобных интервью, когда камеры показывают интервьюируемого со всех сторон, так что тот прочно впечатывается в память зрителя? А может, он встречал Сэдовника лично? Так или иначе, этот парень был знаком Франклину, особенно его необычная одежда.

Он начал рыться в памяти и из-за этого прослушал, что, собственно, говорил человек

на экране. Зал внезапно взорвался аплодисментами, и Франклин вышел из оцепенения.

— Что он сказал, дорогуша? — спросил Франклин у жены.

— И ты не слышал! — воскликнула та. — Он сказал, что с экономикой все в порядке! Просто экономика — это вроде как сад: что-то растёт, что-то вянет. Мистер Сэдовник считает, что скоро все наладится.

Миссис Франклин окинула мужа взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Я же говорила тебе, что мы зря отказались выплачивать взносы за домик в Вермонте. И от круиза тоже зря отказались. Всё из-за тебя — вечно ты впадаешь в панику! Ха! Что я тебе говорила — это просто заморозки в саду и ничего больше!

Франклин снова уставился в телевизор. Черт побери, где же ему попадался раньше этот тип?

— Сэдовник — незаурядная личность, — рассуждала вслух жена. — Мужественный, хорошо воспитанный, с красивым голосом — что-то среднее между Тедом Кеннеди и Кэри Грантом. Он не такой, как все эти идеалисты с мозгами набекрень или жуткие технократы, у которых вместо сердца компьютер от «Ай-би-эм».

Франклин протянул руку за снотворным. Было поздно, и он очень устал за день. Зря он пошел в юристы. Бизнес... финансовый мир... Уолл-стрит — вот чем надо было заниматься.

Но в сорок уже поздно что-либо менять. Он завидовал Сэдовнику — завидовал его ясной голове, его успеху, его вере в себя. «Как сад», — пробормотал он, засыпая. Еще бы. В это стоит верить.

По пути домой, глядя на маленький экран в салоне лимузина, Шанс увидел следующего гостя передачи. Это была известная актриса — чувственная дама, просвечивающая сквозь полупрозрачное платье. Он услышал, что ведущий и актриса несколько раз произнесли его имя; актриса часто улыбалась и сказала, что нашла Шанса очень симпатичным и мужественным.

В доме Рендов один из слуг стремглав бросился открывать Шансу двери.

— Ваша речь была просто замечательной, — сказал он, провожая Шанса к лифту.

Другой слуга открыл дверь лифта.

— Огромное вам спасибо, мистер Сэдовник! — воскликнул он. — Примите эти слова благодарности от простого человека, который всякого навидался в жизни.

В лифте Шанс стал смотреть маленький переносной телевизор, вмонтированный в одну из панелей. Все еще шло «Сегодня вечером». Ведущий беседовал с новым гостем: это был певец с лицом, густо заросшим волосами. Он тоже не раз упомянул Шанса в своих ответах.

Наверху Шанса поджидала секретарша мистера Ренда.

— Вы выступили просто блестяще, сэр, — сказала она. — Я никогда не встречала никого, кто бы вел себя так непринужденно и при этом оставался самим собой! Слава богу, что в нашей стране еще есть такие люди, как вы! Да, кстати, мистер Ренд видел ваше выступление и, хотя он плохо себя чувствует, просил, чтобы вы к нему обязательно зашли.

Шанс вошел в спальню Ренда.

— Шэнси, — сказал Ренд, с трудом приподнимаясь в своей огромной постели, — позвольте от всей души вас поздравить! Ваша речь была просто блистательна. Думаю, на вас смотрела вся страна.

Он поправил одеяло.

— У вас замечательный дар — вы умеете держаться естественно, а это — свойство лидера. Вы вели себя смело и уверенно и при этом совершенно не впадали в морализаторство. Каждое слово било прямо в цель.

Ренд замолчал и посмотрел на Шанса. Тот ответил ему взглядом.

— Шэнси, мой дорогой друг, — продолжал Ренд очень серьезно и не скрывая своего восхищения, — вам будет, наверное, интересно узнать, что Йе-Йе — президент Комитета по организации приемов при ООН. По должности она обязана присутствовать на завтрашнем банкете. Я не в состоянии ее сопроводить и хотел бы попросить вас это сделать. Ваша речь запала людям в самое сердце. Мне кажется, многие были бы не прочь с вами познакомиться. Вы пойдете, правда?

— Разумеется, Бен. Мне будет приятно пойти с Йе-Йе.

На мгновение лицо Ренда свела судорога, как будто его заморозили изнутри. Затем он облизнул губы и обвел комнату потерянным взглядом. Наконец, собравшись с силами, Ренд снова посмотрел на Шанса и сказал:

— Спасибо, Шэнси. Знаете... если со мной что-нибудь случится, позаботьтесь о Йе-Йе. Ей будет тяжело одной, ей нужен кто-то... вроде вас.

В салоне самолета, летевшего из Денвера в Нью-Йорк, Йе-Йе постоянно возвращалась мыслями к Сэдовнику. Она пыталась подобрать ключ к событиям последних дней. Ей вспомнилось, что, когда она впервые увидела Шанса, тот не был даже удивлен; его лицо было бесстрастным, манеры — безупречными и сдержанными. Казалось, он все это предчувствовал заранее — автомобиль, боль и даже встречу с Йе-Йе.

Прошло уже два дня, а она так и не знала, кто он такой и откуда взялся. На все расспросы о себе он отвечал уклончиво. Вчера, пока слуги обедали, она поднялась в комнату к спавшему Шансу и тщательно осмотрела все его личные вещи. Она не нашла ничего — ни документов, ни денег, ни чеков, ни кредитных карточек. Даже использованного театрального билета и того не нашлось. Она удивилась, что Шанс путешествовал без всего этого. Возможно, его дела вел какой-нибудь банк, с которым он находил-

ся в постоянном контакте. Ведь по всему было видно, что Шанс принадлежит к преуспевающим слоям общества. Его костюмы были сшиты портным из материала высшего качества, его рубашки — ручной работы, из тончайшего шелка, его ботинки — из дорогой кожи. И чемодан был совсем новый, хотя и старомодного образца.

При каждом удобном случае Йе-Йе старалась задавать Шансу вопросы о его прошлом, но тот ограничивался общими словами, используя какое-нибудь из своих излюбленных сравнений, почерпнутых из телевизионных программ или из жизни природы. Йе-Йе догадывалась, что такая скрытность может быть вызвана крахом фирмы — возможно, даже банкротством, столь обычным в последнее время, — или же от него ушла любимая женщина. Возможно, он сам ушел под влиянием момента, а теперь мучается и пытается понять, стоит ли ему возвращаться обратно. Где-то в этой стране был город, где он жил, дом, в котором остались его вещи, дело, которым он занимался. Где-то скрывалось его прошлое.

Шанс никогда не упоминал других людей, не вспоминал о каких-либо событиях и связанных с ними местах. Йе-Йе в жизни не встречала человека, который бы так всецело полагался на самого себя. Уже одно это говорило о том, что Сэдовник имеет состояние и вес в обществе.

Она не могла понять, как он относится к ней, но в его присутствии сердце Йе-Йе начинало биться быстрее и ей становилось очень трудно

говорить спокойно и сдержанно. Она часто думала о Шансе; она хотела знать о нем всё, и не из пустого любопытства. С самого начала она заметила, что ответы Шанса всегда предельно обтекаемы, и догадалась, что это для того, чтобы никто не смог понять его истинного отношения к тому или иному человеку или предмету.

Но в отличие от всех других мужчин, которых она близко знала, Сэдовник не пытался ни завладеть ею, ни оттолкнуть ее. Желание соблазнить его, заставить сбросить маску равнодушия странно возбуждало молодую женщину. Чем холоднее держал себя Шанс, тем больше хотела Йе-Йе, чтобы он посмотрел в ее сторону, угадал ее мысли, распознал в ней жаждущую любовницу. Закрыв глаза, она представила, что занимается с ним любовью — занимается отчаянно, безоглядно, страстно, беззастенчиво.

Поздно вечером Йе-Йе добралась до дому и позвонила Шансу. Она спросила, можно ли навестить его прямо сейчас. Шанс не возражал.

У Йе-Йе был усталый вид.

— Какая досада, что мне пришлось уехать! Я пропустила ваше выступление по телевидению, и я... скучала без вас, — прошептала она смущенно.

Затем она села на край постели. Шанс двинулся, чтобы освободить ей место.

Йе-Йе откинула волосы со лба, внимательно посмотрела на Шанса и взяла его за руку.

— Ради бога... не убегайте от меня! Пожалуйста! — и с этими словами положила голову Шансу на плечо.

Шанс был в замешательстве — убежать было явно некуда. Он порылся в своей памяти, вспоминая ситуации в телевизоре, когда женщина приближалась к мужчине в постели, на диване или в салоне автомобиля. Обычно они вскоре оказывались частично раздетыми, а затем начинали обниматься и целоваться. Но что происходило дальше, по телевизору никогда не показывали — на экране появлялся новый кадр, совершенно не связанный с предыдущим, и в нем уже не было и следа этих мужчины и женщины. И все же Шансу было известно, что этим дело не ограничивается и что подобная близость обычно сопровождается еще рядом действий. Шанс смутно вспомнил, как много лет назад Старик вызвал мастера починить мусоросжигатель. Время от времени мастер отрывался от работы и выходил в сад выпить пива. Однажды он показал Шансу маленькие фотокарточки с совершенно голыми мужчиной и женщиной. На одной из этих фотокарточек женщина держала неестественно длинный и толстый орган мужчины в руке, а на другой — прятала его у себя между ног.

Пока мастер что-то рассказывал про свои фотокарточки, Шанс тщательно их изучал. Увиденное слегка взволновало его: в телевизоре он никогда не видел таких неестественно увеличенных мужских и женских органов, обычно скрытых под одеждой. В телевизоре пары никогда не принимали таких странных поз. Когда мастер уехал, Шанс разделся и осмотрел

собственное тело. При осмотре он обнаружил, что его орган невелик и мягок. Он совсем не торчал — не как у мужчины с фотокарточек. Мастер утверждал, что в этом органе спрятаны семена, которые выбрасываются наружу, и при этом мужчина получает удовольствие. Шанс слегка помял и помассировал свой орган, но не испытал ровным счетом никакого удовольствия. Даже по утрам, когда Шанс просыпался и ощущал свой орган слегка увеличившимся в размерах, он все равно не становился твердым и удовольствия не приносил.

Позднее Шанс неоднократно пытался установить, существует ли связь между органами, которые женщина прячет под одеждой, и рождением детей. В некоторых телевизионных передачах Шанс видел кадры, посвященные тайне рождения. Люди в телевизоре говорили о докторах, операциях и больницах, затем показывали мучения роженицы, радость отца и розовое влажное тельце новорожденного. Однако из этих передач совершенно невозможно было понять, почему одни женщины имеют детей, а другие — нет. Пару раз Шанс задавал вопросы на эту тему Луизе, но та отказывалась на них отвечать. Некоторое время Шанс внимательнее обычного смотрел телевизор, пытаясь разгадать загадку, но потом забыл о ней и успокоился.

Йе-Йе начала гладить его по рубашке. У нее были очень теплые руки. Затем она прикоснулась к его подбородку. Шанс оставался неподвижным.

— Я уверена... — прошептала Йе-Йе, — ты чувствуешь... я хочу, чтобы мы... чтобы мы стали близки...

Внезапно она заплакала, тихо, как ребенок. Всклипывая, она достала носовой платок и стала вытирать им глаза и нос, продолжая при этом плакать.

Шансу показалось, что он некоторым образом является причиной этих слез, но он не понимал почему. Он обнял Йе-Йе. Она словно только этого и ждала: навалившись всем весом, опрокинула Шанса на кровать и сама упала на него. Волосы Йе-Йе щекотали Шансу лицо, в то время как губы скользили по его груди, щекам, лбу, глазам и даже ушам. Шанс был уже весь мокрый от ее слез, он вдыхал ее запах и недоумевал, что же он должен делать. Затем рука Йе-Йе скользнула сперва на его живот, а затем еще ниже, словно ища что-то. Через некоторое время рука вернулась назад, и тут Шанс заметил, что Йе-Йе перестала плакать. Она лежала рядом с ним, спокойная и расслабленная.

— Шэнси, как я тебе благодарна! — сказала она. — Ты — самый волевой мужчина из всех, какого я встречала. Ты знаешь, что достаточно одного твоего прикосновения и я стану твоей. Но ты не хочешь пользоваться чужой слабостью.

Йе-Йе на миг о чем-то задумалась.

— В каком-то смысле ты совсем не американец. Знаешь, ты ведешь себя как европейский мужчина.

Она улыбнулась.

— Я имею в виду, что ты в отличие от всех мужчин, которых я знала, не прибегаешь ко всем этим американским штучкам, всем этим глупым пощипываниям, поглаживаниям, покусываниям. Ты не идешь окольным путем к цели, которая одновременно манит и пугает.

Она ненадолго замолчала и продолжила:

— Ты очень умный, ты любишь мозгом. Шэнси, ты знаешь, как завоевать женщину: нужно просто дать ей возможность переполниться любовью и желанием.

Шанс был неприятно удивлен тем, что он — совсем не американец. Почему Йе-Йе это сказала? В телевизоре он часто видел грязных, волосатых и шумных мужчин и женщин, которые громко заявляли о том, что они — антиамериканцы, или же это говорили о них представители полиции, хорошо одетые чиновники и бизнесмены, короче говоря — люди, которые называли себя американцами. В телевизоре столкновения между первыми и вторыми часто выливались в кровопролитие, насилие и приносили смерть.

Йе-Йе встала и поправила одежду. Она посмотрела на Шанса без всякой враждебности.

— Я должна признаться тебе, Шэнси, — сказала она, — я люблю тебя и хочу тебя. И я знаю, что ты знаешь об этом, и я признательна тебе, что ты решил ждать, пока... пока...

Она не смогла найти нужное слово. Когда Йе-Йе вышла из комнаты, Шанс встал, пригладил волосы и включил телевизор. На экране тут же появилось изображение.

Проснувшись в четверг, Шанс сразу же включил телевизор и позвонил на кухню.

Горничная принесла на подносе красиво сервированный завтрак. Она сказала, что у мистера Ренда прошедшей ночью снова был приступ и пришлось вызвать еще двух врачей, которые дежурили у постели больного до самого утра. Она также принесла Шансу свежие газеты и напечатанное на машинке письмо. От кого письмо, Шанс, разумеется, прочитать не мог.

Он уже доедал завтрак, когда позвонила Йе-Йе.

— Шэнси, милый, ты получил мое письмо? Ты видел, что пишут в утренних газетах? — спросила она. — Похоже, тебя считают главным вдохновителем речи президента. А твои комментарии во время телепередачи напечатаны прямо под этой речью! О Шэнси, какой же ты молодец! Даже президент от тебя без ума!

— Мне нравится президент, — сказал Шанс.

— Мне сказали, что по телевизору ты выглядел просто блестяще! Все мои подруги мечтают с тобой познакомиться. Шэнси, ты не передумал идти на прием в ООН сегодня вечером?

— Нет, я буду очень рад.

— Ты — прелесть! Надеюсь, ты не заскучаешь. Там, конечно, шумно, но мы не станем долго задерживаться. После приема мы можем, если хочешь, пойти в гости к моим друзьям. У них как раз намечается вечеринка.

— Мне будет очень приятно пойти с тобой на вечеринку

— О, я так счастлива! — воскликнула Йе-Йе. Затем она спросила дрогнувшим голосом: — Можно зайти к тебе? Я так соскучилась...

— Да, Йе-Йе, ко мне можно зайти.

Йе-Йе вошла в комнату. Смущаясь и краснея, она сказала:

— Мне нужно, чтобы ты знал нечто очень для меня важное, и я хочу сказать это глядя тебе прямо в глаза. — Тут Йе-Йе перевела дух: было видно, что она мучительно подыскивает слова: — Шэнси, останься, пожалуйста, с нами еще на некоторое время. Это не только мое желание — Бен тоже просит... — И, не дожидаясь ответа, она продолжила: — Ты только подумай! Ты можешь жить вместе с нами в этом доме! Шэнси, прошу тебя, не возражай! Бенджамин так болен; он говорит, что ему гораздо спокойнее, когда ты рядом.

Она порывисто обняла Шанса и прижалась к нему.

— Шэнси, милый, ты должен, должен! — прошептала она. Голос ее дрожал, и она даже не пыталась это скрыть.

Шанс согласился остаться.

Йе-Йе еще раз обняла его и поцеловала в щеку, затем встала и принялась кружить по комнате.

— Я знаю! Тебе нужно завести секретаря! Теперь, когда ты в центре общественного внимания, потребуется человек, который мог бы

помогать тебе с делами, сортировать звонки, ограждать тебя от людей, с которыми ты не хочешь встречаться и говорить. Может быть, у тебя уже кто-нибудь есть на примете? Кто-нибудь, кто работал с тобой в прошлом?

— Нет, — ответил Шанс, — у меня никого нет.

— Тогда я кого-нибудь подберу, — с готовностью воскликнула Йе-Йе.

Перед обедом, когда Шанс смотрел телевизор, снова позвонила Йе-Йе.

— Шэнси, надеюсь, я тебе не помешала? — сказала она. — Я хочу познакомить тебя с миссис Обри. Она здесь, со мной, в библиотеке. Она согласна временно поработать твоим секретарем, пока мы кого-нибудь не найдем. Можешь спуститься к нам прямо сейчас?

— Да, могу, — сказал Шанс.

Когда Шанс вошел в библиотеку, он увидел седую женщину, сидевшую рядом с Йе-Йе на диване.

Йе-Йе представила Шанса и секретаршу друг другу.

Пожав ей руку, Шанс сел. Миссис Обри смотрела на него так пристально, что Шанс от волнения начал барабанить пальцами по столу.

— Миссис Обри долгие годы была доверенным секретарем мистера Ренда в Первой американской финансовой корпорации, — воскликнула Йе-Йе.

— Я понимаю, — сказал Шанс.

— Миссис Обри не хочет уходить на покой — это не по ней.

Шанс не знал, что он должен сказать. Он потер щеку пальцем. Йе-Йе поправила часы на руке.

— Если хочешь, Шэнси, — продолжала Йе-Йе, — миссис Обри может приступить к работе немедленно...

— Хорошо, — промолвил наконец Шанс. — Надеюсь, миссис Обри понравится работать здесь. Это очень хороший дом.

Йе-Йе бросила на него быстрый взгляд через стол.

— Тогда, — сказала она, — можно считать, что мы договорились. Я спешу — мне нужно одеться для приема. С тобой, Шэнси, я поговорю позже.

Шанс посмотрел на миссис Обри, которая сидела с задумчивым видом, склонив голову набок. Она была очень похожа на одинокий одуванчик.

Миссис Обри понравилась Шансу. Он не знал, что сказать, и поэтому ждал, чтобы миссис Обри заговорила первой. Наконец та заметила обращенный на нее взгляд и осторожно предложила:

— Может быть, начнем? Расскажите, пожалуйста, об общем направлении вашей деловой и общественной деятельности...

— Об этом вы можете спросить у миссис Ренд, — сказал Шанс, поднимаясь с места.

Миссис Обри тоже поспешно встала.

— Мне кажется, я понимаю, — сказала она. — В любом случае, я всегда в вашем распоряже-

нии, сэр. Мой кабинет рядом с кабинетом личного секретаря мистера Ренда.

Шанс еще раз поблагодарил миссис Обри и вышел из библиотеки.

На приеме в ООН Шанса и Йе-Йе встречали члены Комитета по организации приемов. Они провели их к одному из самых почетных столов. Затем появился генеральный секретарь ООН. Он поцеловал руку Йе-Йе и поинтересовался, как здоровье мистера Ренда. Шанс не мог припомнить, чтобы этого человека показывали по телевизору.

— А это, — сказала Йе-Йе генеральному секретарю, — мистер Шэнси Сэдовник, близкий друг Бенджамина.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Я знаю этого джентльмена, — сказал с улыбкой генеральный секретарь. — Мне необычайно понравилось вчерашнее телевизионное выступление мистера Сэдовника. Вы оказываете нам честь своим присутствием здесь, сэр.

Все уселись за стол. Официанты принесли канapé с икрой, лососиной и яйцами и бокалы с шампанским. Фотографы кружили у стола и снимали всех подряд. Высокий мужчина цветущей наружности приблизился к столу; завидев его, генеральный секретарь стремительно вскочил с места.

— Господин посол, — воскликнул он, — как я рад вас видеть!

Повернувшись к Йе-Йе, генеральный секретарь сказал:

— Позвольте представить вам его превосходительство Владимира Скрапинова, полномочного представителя Союза Советских Социалистических Республик.

— Мы с господином послом уже имели удовольствие встречаться, не правда ли? — улыбнулась Йе-Йе. — Я до сих пор помню теплую встречу и обмен мнениями между мистером Рендом и господином послом два года назад в Вашингтоне, — и, немного помолчав, добавила: — К сожалению, мистер Ренд в настоящее время болен и не может разделить со мной радость нашей встречи.

Советский представитель вежливо поклонился, присел рядом и начал оживленно беседовать с Йе-Йе и генеральным секретарем. Шанс молча разглядывал толпу. Через некоторое время генеральный секретарь встал из-за стола, еще раз выразил признательность Шансу за его приход и откланялся. Йе-Йе увидела своего старого приятеля, представителя Венесуэлы, извинилась и направилась к нему.

Советский представитель пододвинул свой стул поближе к стулу Шанса. Кругом засверкали вспышки фотоаппаратов.

— Очень жаль, что мы не были знакомы раньше, — сказал представитель. — Я видел вас в «Сегодня вечером» и, должен признаться, с огромным интересом слушал ваши рассуждения. Они поразили меня своей земной простотой. Неудивительно, что президент с такой оперативностью воспользовался вашими

идеями. — Пододвинув стул еще ближе, советский представитель продолжал: — Скажите, мистер Сэдовник, как поживает наш общий друг мистер Бенджамин Ренд? Я слышал, что его болезнь очень серьезна? Мне не хотелось досаждать миссис Ренд расспросами...

— Бен болен, — сказал Шанс. — Бен совсем плох.

— Так я и думал, именно так мне говорили, — сказал Скрапинов, внимательно глядя на Шанса. — Мистер Сэдовник, я хочу быть откровенным. С учетом тяжелого экономического положения вашей страны представляется совершенно очевидным, что вы вскоре займете ответственный пост в администрации. Я заметил, что вам свойственна некоторая... ммм... уклончивость в политических вопросах. Но, мистер Сэдовник, в конце концов... мы — дипломаты, вы — бизнесмены, нам есть о чем поговорить! Мы должны встречаться как можно чаще — ведь мы не так уж и далеки друг от друга.

Шанс задумался и ответил:

— Нет, это не так. Наши стулья стоят почти рядом.

Скрапинов громко расхохотался. Фотографы отозвались на это новой бурей вспышек.

— Bravo, отменно! — воскликнул русский. — Наши стулья действительно стоят почти рядом. И мы оба хотели бы усидеть на них, не так ли? Ни одному из нас не хотелось бы, чтобы из-под него выдернули стул, верно? Ведь верно? Отлично! Великолепно! Если один стул рухнет,

рухнет и другой, и мы оба — бум! — грохнемся на землю, а никому неохота падать раньше, чем выйдет срок, а?

Шанс улыбнулся, и Скрапинов снова громко захохотал.

Внезапно русский наклонился к Шансу и тихо сказал:

— Скажите, мистер Сэдовник, не любите ли вы часом басен Крылова? Я спрашиваю вас потому, что вы афористичны совсем по-крыловски.

Шанс посмотрел по сторонам и увидел, что их снимает телевидение.

— По-крыловски? Неужели? — сказал он и улыбнулся.

— Я знал, я знал! — вскричал Скрапинов. — Вы знакомы с Крыловым!

Внезапно советский представитель быстро заговорил на другом языке. Слова звучали очень мягко, а лицо у Скрапинова стало хитрым, как у зверя. С Шансом никто никогда не разговаривал на иностранном языке. От удивления он поднял брови, а потом засмеялся. Скрапинов был потрясен:

— Что? Я угадал, верно? Вы читали Крылова по-русски? Мистер Сэдовник, должен признаться, я с самого начала об этом догадывался! Образованного человека видно издалека.

Шанс попытался было возразить, но русский хитро подмигнул ему:

— Не скромничайте, мой друг, не скромничайте.

Затем он снова заговорил по-русски, но на этот раз Шанс никак не отреагировал.

В этот момент возле стола вновь появилась Йе-Йе в сопровождении двух дипломатов, которых она представила как месье Гофриди, député* из Парижа, и его сиятельство графа фон Брокбург-Шулендорфа из Западной Германии.

— Мы с Бенджамином, — пояснила она, — в свое время гостили у графа в его старинном замке под Мюнхеном...

Мужчины сели, и фотографы снова защелкали своими аппаратами. Фон Брокбург-Шулендорф улыбнулся, уступая слово русскому, но тот только улыбнулся в ответ. Гофриди переводил взгляд с Йе-Йе на Шанса.

— Мы с мистером Сэдовником, — начал наконец Скрапинов, — только что признались друг другу в любви к русским басням. Оказалось, что мистер Сэдовник — большой знаток и любитель нашей поэзии, которую он предпочитает читать в оригинале.

Немец придвинул свой стул поближе к Шансу.

— Позвольте, мистер Сэдовник, выразить мое восхищение трезвым подходом к экономике, который вы продемонстрировали в вашем телевизионном выступлении. Разумеется, теперь, когда я знаю, каковы ваши литературные вкусы, мне будет легче оценить всю тонкость ваших рассуждений.

Он бросил взгляд на русского, который сделал вид, что рассматривает потолок.

* Посланник (*франц.*).

— Русская литература, — сказал немец как бы невзначай, — вдохновляла величайшие умы нашей эпохи.

— А что говорить о немецкой! — воскликнул Скрапинов. — Дорогой граф, достаточно вспомнить, какой трепет всю жизнь испытывал Пушкин перед вашей литературой. А когда он перевел на русский «Фауста», сам Гёте прислал ему в подарок свое перо! Не говоря уж о Тургеневе, который просто жил в Германии, о любви, которую Толстой и Достоевский питали к Шиллеру...

Фон Брокбург-Шулендорф кивнул:

— Все это так, однако прошу вас не забывать, какое воздействие русские мастера оказали на Гауптмана, Ницше и Томаса Манна. А Рильке? Как часто тот повторял, что английский навечно останется для него чужбиной, в то время как в русском он чувствует свою древнюю отчизну!

Гофриди торопливо опрокинул бокал шампанского. Его лицо покраснелось. Он наклонился через стол к Скрапинову.

— Когда мы впервые встретились на войне, — сказал он, — на нас была солдатская форма. Мы вместе сражались с общим врагом, самым жестоким врагом, какого только помнит история. Кровь сближает сильнее, чем литературные вкусы.

Скрапинов натужно улыбнулся.

— Но, месье Гофриди, — сказал он, — вы говорите о военном времени. Это было страшно давно, можно сказать, в другую эпоху. Сегодня

наши мундиры и ордена выставлены в музеях. Сегодня мы... все мы — солдаты мира.

Как только Скрапинов произнес эти слова, фон Брокбург-Шулендорф резко встал, извинился, отодвинул свой стул, поцеловал руку Йе-Йе, обменялся рукопожатиями с Шансом и Скрапиновым, холодно кивнул французу и удалился. Вместе с ним упорхнула и стая фотографов.

Йе-Йе поменялась местами с французом, чтобы тот сидел рядом с Шансом.

— Мистер Сэдовник, — начал *deputé* как ни в чем не бывало, — я слышал речь президента. Он упомянул, что консультировался с вами по ряду вопросов. Я много читал о вас и видел вас по телевизору.

Француз аккуратно вставил длинную сигарету в мундштук и зажег ее.

— Из слов господина Скрапинова я понял, что, кроме всего прочего, вы еще и начитанный человек.

Он пристально посмотрел на Шанса.

— Мой дорогой мистер Сэдовник, только веря в басни, можно иногда сделать шаг вперед на пути мира и порядка...

Шанс взял в руку бокал.

— Я не удивлю вас, сказав, — продолжал Гофриди, — что многие наши промышленники, финансисты и даже члены правительства внимательно следят за делами Первой американской финансовой корпорации. С тех пор как наш общий друг Бенджамин заболел, планы корпорации на будущее потеряли свою, скажем так, отчетливость... — Тут он помедлил, но

Шанс ничего не сказал. — Мы узнали, что, если Бенджамин так и не поправится, вы возьмете на себя руководство корпорацией, и это нас радует...

— Бенджамин поправится, — сказал Шанс. — Президент сказал, что ему станет лучше.

— Будем надеяться, — сказал Гофриди, — будем надеяться. Но никто не знает таких вещей наверняка — даже президент. Смерть всегда ходит рядом и ждет...

Гофриди вынужден был прервать беседу, чтобы попрощаться с советским представителем. Все встали, а Скрапинов подошел к Шансу и сказал:

— Мне было очень интересно беседовать с вами, мистер Сэдовник. И очень полезно. Если вы когда-нибудь захотите посетить нашу страну, я гарантирую вам прием на правительственном уровне.

Он пожал Шансу руку. Снова застрекотали камеры и засверкали вспышки фотоаппаратов.

После того как Скрапинов ушел, Гофриди вернулся за стол, где сидели Шанс и Йе-Йе.

— Шэнси, — сказала Йе-Йе, — вы произвели неизгладимое впечатление на нашего сурового русского друга! Какая жалость, что с нами не было Бенджамина, — он обожает разговоры о политике!

Наклонившись к Шансу, она добавила полупшепотом:

— Все знают, что ты беседовал со Скрапиновым по-русски. Я и вообразить не могла, что ты знаешь этот язык! Это невероятно!

Гофриди недовольно прошипел:

— В наши дни многие смекнули, что знать русский выгодно. А владеете ли вы другими языками, мистер Сэдовник?

— Мистер Сэдовник — очень скромный человек, — поспешила Йе-Йе на выручку. — Он не рекламирует свои способности! Он держит их при себе!

Какой-то высокий джентльмен подошел, чтобы засвидетельствовать почтение Йе-Йе. Это оказался глава Би-би-си лорд Боклерк. Увидев Шанса, он сказал ему:

— Я восхищен прямотой, с которой вы выступили по телевидению! Именно так и надо говорить с этими идиотами, которые пьются в ящик. В конце концов, это именно то, чего они хотят. Как сказано: «Карать их Богу, а не людям». Верно?

У выхода их окружила толпа людей с кино- и телекамерами и портативными магнитофонами. Йе-Йе одного за другим представила их Шансу. Какой-то репортер из молодых вышел вперед и спросил, не согласится ли Шанс ответить на несколько вопросов.

Йе-Йе закрыла Шанса собой и сказала:

— Давайте договоримся с порога — вы не будете слишком долго мучить мистера Сэдовника. Он спешит в другое место. Идет?

Репортер задал вопрос:

— Что вы думаете о передовице в «Нью-Йорк таймс», посвященной речи президента?

Шанс посмотрел на Йе-Йе, но по ее взгляду понял, что ей тоже интересно знать его мнение. Нужно было что-то отвечать.

— Я не читал ее, — сказал Шанс.

— Вы не читали передовицы «Таймс», посвященной речи президента?

— Нет, — подтвердил Шанс.

Некоторые журналисты переглянулись. Йе-Йе посмотрела на Шанса с легким изумлением, которое быстро сменилось растущим восхищением.

— Но, сэр, — с холодным упрямством настаивал один из репортеров, — вы наверняка ее хотя бы просмотрели?

— Я не читал «Таймс», — повторил Шанс.

— В «Пост» было написано, что вы «оптимист с необычным складом ума», — сказал другой журналист. — Вы читали это?

— Нет. Этого я тоже не читал.

— Хорошо, — не отступался репортер, — но что вы скажете по поводу этого определения?

— Я не знаю, что это значит, — ответил Шанс.

Йе-Йе гордо выступила вперед:

— У мистер Сэдовника много дел, особенно теперь, когда мистер Ренд болен. Он узнает новости из брифингов, подготовленных его сотрудниками.

Репортер постарше выступил из толпы и сказал:

— Прошу прощения за назойливость, мистер Сэдовник, но мне все-таки хочется знать, какие газеты вы читаете, хотя бы в виде цитат в брифингах.

— Я не читаю газет, — сказал Шанс. — Я смотрю телевизор.

Журналисты застыли в немом оцепенении.

— Не хотите ли вы сказать, — наконец решился заговорить один из них, — что телевидение освещает события более объективно, чем газеты?

— Я смотрю телевизор, — пояснил Шанс.

Пожилой репортер сказал, обращаясь в том числе и к коллегам:

— Большое спасибо вам, мистер Сэдовник, — это, возможно, самое откровенное заявление, какое мне доводилось слышать от общественных деятелей в последние годы. Мало кто из деловых людей не читает газет. И уж точно ни один не решится признаться в этом публично!

Когда Йе-Йе и Шанс уже собирались уйти, к ним подбежала молодая женщина-фотокорреспондент.

— Извините меня, мистер Сэдовник, за настойчивость, — сказала она запыхавшись, — но я хотела бы снять вас еще раз. Знаете, вы — такой фотогеничный!

Шанс вежливо улыбнулся, но Йе-Йе резко потянула его за собой. Шанс удивился. Он не понял, что так сильно ее разгневало.

Президент бегло просматривал обзор прессы за прошедший день. Все крупнейшие газеты воспроизвели его речь в американском Финансовом институте вместе со ссылками на Бенджамина Ренда и Шэнси Сэдовника. Президент

подумал, что следовало бы разузнать побольше о Сэдовнике.

Он вызвал свою личную секретаршу и попросил ее собрать всю доступную информацию об этом человеке. Через некоторое время, когда у президента выдался перерыв между двумя посетителями, он снова пригласил к себе секретаршу.

Взяв поданную ему папку, президент открыл ее, извлек полное досье на Ренда, которое тут же отложил в сторону, короткое сообщение водителя Ренда о происшествии с Сэдовником и машинописную расшифровку выступления Сэдовника в передаче «Сегодня вечером».

— Вроде бы это всё, — неуверенно сказала женщина, поймав недоуменный взгляд президента.

— Мне нужно стандартное досье по образцу тех, которые мне составляют на всех посетителей Белого дома. Всего-то навсего.

Видно было, что секретарша мнется. Наконец она сказала:

— Я запросила все обычные источники, господин президент, но они не располагают никакой информацией о Шэнси Сэдовнике.

Президент нахмурил брови и произнес ледяным тоном:

— Осмелюсь предположить, что, как и все мы, мистер Сэдовник родился в определенный день и в определенном месте и, как и все мы, платил и платит налоги, внося тем самым свой вклад в благосостояние Америки. То же самое,

разумеется, можно сказать и о любом члене его семьи. Мне нужны факты.

Секретарша повторила с обреченным видом:

— Простите, господин президент, но я не смогла найти ничего, кроме того, что вы держите в руках. Как я уже говорила, я обратилась ко всем нашим обычным источникам.

— Не хотите ли вы сказать, — мрачно буркнул президент, тыча пальцем в папку, — что это все, чем они располагают?

— Именно так, сэр.

— Не собираетесь ли вы меня убедить, что ни одно из наших ведомств не знает ничего о человеке, с которым я провел полчаса лицом к лицу и которого я процитировал в своей речи? А может, просто стоит заглянуть в «Ху'з ху»? Или, на худой конец, в телефонную книгу Манхэттена?

Секретарша нервно рассмеялась:

— Я попробую, сэр!

— Буду вам премного благодарен.

Когда секретарша вышла из комнаты, президент придвинул к себе перекидной календарь и написал на листке: «Сэдовник?»

Вернувшись с ооновского приема, Скрапинов тут же уселся строчить секретный отчет о встрече с Сэдовником. По мнению Скрапинова, Шэнси Сэдовник умен и хорошо образован. Особо Скрапинов подчеркнул прекрасное знание русского языка и литературы.

«В Сэдовнике, — писал он, — мы видим представителя тех американских деловых кругов, которые в ситуации, когда усиливается экономическая депрессия и растет опасность гражданских беспорядков, пытаются сохранить свой пошатнувшийся status quo даже ценой уступок советскому блоку».

Из представительства Скрапинов связался с посольством в Вашингтоне и имел беседу с начальником Особого отдела. Он срочно запросил всю имеющуюся информацию о Сэдовнике: семья, образование, друзья и сотрудники, отношения с Рендом. Скрапинов хотел понять, почему из всех многочисленных экономических советников президент выделил именно Сэдовника. Начальник Особого отдела пообещал представить досье на следующее утро.

После этого разговора Скрапинов проследил лично за подготовкой двух небольших посылок для Сэдовника и Ренда — в каждый ящик были аккуратно уложены несколько фунтов белужьей икры и бутылка отборной русской водки. В посылку для Сэдовника, кроме того, легло редчайшее первое издание басен Крылова с собственноручными пометами автора на полях. Книга попала к Скрапинову из частной библиотеки одного недавно арестованного ленинградского академика-еврея.

Позднее, бреясь, советский представитель решил рискнуть и упомянуть Сэдовника в речи, которую собирался произнести вечером на Международном конгрессе торгового союза в Филадельфии.

дельфии. Согласованный и утвержденный начальством в Москве, этот пассаж звучал так: «Мы приветствуем появление в Соединенных Штатах ряда здравомыслящих политиков — назовем среди них в первую очередь господина Шэнси Сэдовника, — которые ясно отдают себе отчет в том, что, как бы близко ни сдвигали свои стулья лидеры противоборствующих систем, эти стулья в любой момент могут быть выбиты из-под них в результате неконтролируемых политических и социальных конфликтов».

Речь Скрапинова имела потрясающий успех. Ссылка на Сэдовника была отмечена всеми средствами массовой информации. В полночь по телевизору Скрапинов услышал в новостях отрывки из своей речи и увидел показанного крупным планом Сэдовника — «человека, которого в течение двух последних дней процитировали как президент США, так и советский представитель при ООН».

На фронтисписе томика Крылова Скрапинов написал: «Сказать я мог бы и ясней, да не хочу дразнить гусей (Крылов) — мистеру Шэнси Сэдовнику с восхищением и надеждой на будущие встречи. Ваш Скрапинов».

Из ООН Йе-Йе доставила Шанса к своим друзьям. Шанс очутился в огромной комнате высотой этажа в три. Под потолком ее обегала галерея с балюстрадой. В комнате стояло множество статуй и стеклянных ящиков с блестящими вещицами внутри. Люстра, свисавшая

с потолка на золотой цепи, напоминала дерево, листья которого превратились в мерцающие свечи.

Гости, собравшиеся кучками, стояли в разных концах комнаты, а официанты сновали между ними с подносами в руках. Хозяйка, толстая дама в зеленом платье, с ожерельем из крупного жемчуга на обнаженной груди, кинулась к Йе-Йе с распростертыми объятиями. Обменявшись с ней поцелуями, Йе-Йе представила Шанса. Женщина протянула ему руку и воскликнула:

— Наконец-то! Сам знаменитый Шэнси Сэдовник! Йе-Йе говорила мне, что больше всего на свете вы любите оставаться в тени... — Она замолчала, подыскивая достойное завершение фразы и рассматривая Шанса с головы до пят, и вдруг ее осенило: — Но теперь, увидев, какой вы интересный мужчина, я готова подозревать, что это Йе-Йе любит оставаться в тени — в вашей тени!

— Софи, милочка, что ты говоришь! — деланно возмутилась Йе-Йе.

— Ну ладно, ладно. В конце концов, нет ничего зазорного быть в такой тени, — хозяйка рассмеялась и, положив руку Шансу на плечо, весело продолжала: — Ради бога, простите меня, мистер Сэдовник! Мы с Йе-Йе постоянно друг над другом подшучиваем. Вы действительно в жизни выглядите даже лучше, чем на фотографиях, и я согласна с «Уимен'с вэа дейли» — вы несомненно один из самых элегантных современных бизнесменов! Разумеется, с вашим

ростом, широкими плечами, узкими бедрами, длинными ногами и...

— Софи, милочка! — взмолилась Йе-Йе, зардевшись.

— Всё, всё, всё — молчу! Пойдемте со мной, я познакомлю вас с интересными людьми. Тут все горят желанием побеседовать с вами, мистер Сэдовник!

Шанса представили чуть ли не каждому из гостей. Он жал руки, смотрел в глаза мужчинам и женщинам, называл свое имя, даже не пытаясь запоминать чужие. Низенький лысый человечек припер его к какому-то шкафу, очень колючему и неуютному

— Я — Рональд Стиглер, издательство «Эйдолон букс». Рад познакомиться с вами, сэр. Мы следили за вашим выступлением по телевидению с огромным интересом, — сказал человечек, протягивая руку. — А по дороге сюда, в машине, я услышал по радио, что советский представитель при ООН процитировал вас в своей речи в Филадельфии...

— По радио? — переспросил Шанс. — А у вас в машине нет телевизора?

Стиглер сделал удивленное лицо:

— Да я и радио едва успеваю слушать! На улицах такой бардак, что только за дорогой и следишь.

Он подозвал официанта и заказал коктейль — martini и водку на льду с апельсиновым соком.

— Мне пришла в голову мысль, — сказал Стиглер, прислоняясь к стене, — которую разделяют мои коллеги: а неплохо было бы вам

написать для нас книгу! Что-нибудь по вашему профилю. Ведь из Белого дома взгляд на вещи совсем другой. И читать вас будут с бóльшим интересом, чем рассуждения какого-нибудь яйцеголового или твердолобого субъекта. Что вы на это скажете?

Ожидая ответа, Стиглер в несколько приемов осушил свой martini и схватил с подноса у пробежавшего официанта еще один.

— Выпьете со мной? — предложил он Шансу и подмигнул.

— Нет, спасибо. Я не пью.

— Скажу вам честно, я полагаю, что ваша философия может принести стране большую пользу. «Эйдолон букс», со своей стороны, готово взяться за ее пропаганду. Я могу немедленно предложить вам шестизначный аванс в счет авторских, а после его погашения — высокий процент от продаж и отличные условия в случае повторных изданий. Мы можем подписать контракт в течение двух дней и готовы ждать от вас рукописи целый год или даже два.

— Я не умею писать, — сказал Шанс.

Стиглер понимающе улыбнулся:

— Естественно! Кто в наши дни умеет писать?! Никаких проблем! Мы дадим вам в помощь лучших редакторов и литературных секретарей. Я сам не смог бы написать даже открытки своим детям. Ну и что?

— Я и читать не умею, — прибавил Шанс.

— Конечно не умеете! — воскликнул Стиглер. — У кого есть время на книги? Никто не читает — все говорят, слушают, смотрят, глазают.

Мистер Сэдовник, это звучит кощунственно в устах редактора... но, признаюсь честно, издать книгу в наши дни — это не сад вырастить.

— Какой сад? — заинтересовался Шанс.

— Да любой. Мы, конечно, пытаемся расти вширь, но — увы! — в этом мире выходит слишком много книг! А тут еще стагнация, инфляция, безработица... Короче говоря, книги почти не продаются. Но, позволю заметить, такого мощного дерева, как вы, все это не касается. Мне легко представить, как Шэнси Сэдовник растет и зеленеет в саду нашего издательства! Я пришлю вам проект договора с примерными цифрами и наши пожелания. Вы пока у Рендов?

— Да, я у них.

Гостей пригласили к столу. За столиком Шанса оказалось десять человек, причем по обе руки от него уселись женщины. Разговор скоро перешел на политику. Очень пожилой мужчина, сидевший напротив Шанса, обратился к нему. Шанс сразу почувствовал себя не в своей тарелке.

— Мистер Сэдовник, когда, по вашему мнению, правительство перестанет считать ядами побочные продукты химического синтеза? Я лично участвовал в борьбе за запрещение ДДТ, поскольку верил, что химикам не составит особого труда разработать менее вредные инсектициды. Однако при переработке нефти все обстоит совершенно иначе: чтобы получить топливо, необходимо смириться с продуктами расщепления керосина!

Шанс безмолвно смотрел на старца.

— Я хочу сказать, что не может быть и речи о том, чтобы приравнять порошок от тараканов к золе от сгорания нефти! Это даже идиоту ясно!

— И порошок, и зола одинаково вредны для растений в саду. — промолвил Шанс.

— Слышите, что он говорит! — воскликнула женщина, сидевшая справа от Шанса. — Он просто гений... — прошептала она затем своему соседу так, чтобы все услышали. Потом, уже снова громко, прибавила: — Мистер Сэдовник обладает удивительным талантом говорить на сложнейшие темы простым человеческим языком. И это дает мне основания верить, — продолжала дама, — что мистер Сэдовник и его влиятельные друзья, и среди них сам президент, придают исключительное значение этим вопросам!

После этой тирады многие гости ухмыльнулись.

Важного вида мужчина в пенсне сказал, обращаясь к Шансу:

— Хорошо, мистер Сэдовник, я согласен, речь президента обнадежила нас. Однако факты — упрямая вещь! Безработица достигла угрожающих размеров, неслыханных в этой стране, рынок в кризисе почти как в 1929 году, ряд крупнейших компаний с безупречной репутацией обанкротились. Скажите мне, сэр, вы и вправду верите, что президент в состоянии переломить эту тенденцию?

— Мистер Ренд сказал, что президент знает, что делает, — взвешивая каждое слово, от-

ветил Шанс. — Я был с мистером Рендом, когда он говорил с президентом. Когда они поговорили, мистер Ренд сказал, что президент знает.

— А что вы думаете по поводу войны? — спросила, наклонясь к Шансу, молодая женщина, сидевшая слева.

— Войны? Какой войны? — переспросил Шанс. — Я видел много войн по телевизору.

— Увы! — вздохнула женщина. — В этой стране реальность — сон, а телевизор — сама реальность. Миллионы и миллионы считают войну просто еще одним телесериалом. А там, на фронте, умирают живые люди!

Шанс пил кофе, когда к нему приблизился один из гостей. Представившись, гость уселся рядом с Шансом и стал внимательно на него смотреть. Он был старше, чем Шанс, и походил на людей, которых Шанс часто видел по телевизору. Длинные шелковистые седые волосы спадали назад, большие глаза с необычайно длинными ресницами были очень выразительны. Человек этот говорил мягко и медленно, время от времени останавливаясь, чтобы рассмеяться коротким сухим смехом. Шанс не понимал, что говорит незнакомец и почему он смеется. Каждый раз, когда Шансу казалось, что человек ждет от него какого-то ответа, он отвечал утвердительно или же просто кивал головой. Внезапно человек наклонился к Шансу и что-то прошептал ему на ухо — похоже, на этот раз он хотел получить конкретный ответ.

Но Шанс вопроса не понял и не знал, что ответить. Тогда человек повторил свой вопрос, и снова Шанс промолчал. Придвинувшись вплотную к Шансу, человек снова твердо задал вопрос; видно, в лице Шанса было что-то такое, что заставляло его проявлять настойчивость.

— Хочешь, мы займемся этим прямо сейчас? Пойдем наверх и там займемся? — повторял полусшепотом незнакомец.

Шанс не знал, чем ему предлагают заняться. А вдруг он этого не умеет? Наконец Шанс сказал:

— Я бы хотел сначала посмотреть.

— Посмотреть? Ты хочешь сказать, посмотреть на меня? Как я делаю это сам с собой? — сказал человек, даже не пытаясь скрыть изумления.

— Да, — сказал Шанс. — Мне очень нравится смотреть. Незнакомец отвел глаза в сторону, а затем снова повернулся к Шансу.

— Если тебе это нравится, то мне тоже, — отважно заявил он.

Подали ликер. Незнакомец заглянул Шансу в глаза и, решительно взяв его под руку, неожиданно сильно прижал к себе.

— Пора, — шепнул он. — Пошли наверх.

Шанс засомневался, может ли он уйти, не сказав об этом Йе-Йе.

— Я должен сказать Йе-Йе, — пробормотал он.

Незнакомец уставился на Шанса диким взглядом.

— Йе-Йе?.. Понятно, — сказал он после некоторого молчания. — Не имеет значения, скажешь потом.

— Не сейчас?

— Ради бога, — сказал человек, — пойдем. В этой толпе она даже не заметит, что тебя нет. Мы поднимемся наверх на лифте для слуг. Пойдем, пожалуйста!

Они пересекли заполненный людьми зал. Шанс оглядывался по сторонам, но Йе-Йе нигде не было видно.

Стены тесного лифта были затянуты мягкой тканью лилового цвета. Внезапно незнакомец запустил свою руку Шансу в штаны. Шанс не знал, как это нужно воспринимать. Пока рука незнакомца копошилась у Шанса в паху, лицо его оставалось дружелюбным и выражало живой интерес. Шанс решил, что лучше всего будет никак не реагировать.

Лифт остановился. Незнакомец вышел первым и потянул Шанса за руку. Снаружи никого не было. Они вошли в спальню, и незнакомец попросил Шанса присесть. Затем он открыл маленький бар в стене и предложил Шансу выпить. Шанс испугался, что снова потеряет сознание, как это случилось у Йе-Йе в лимузине, и отказался. Он также отказался от большой курительной трубки, от которой странно пахло. Тогда человек налил себе полный стакан и выпил его залпом. Выпив, он прижался к Шансу и стал тереться о него бедрами. Шанс старался не шевелиться. Человек принялся цело-

вать Шанса в щеки и шею, обнюхивать и перебирать его волосы. Шанс терялся в догадках, чем он заслужил такое к себе отношение. Он пытался вспомнить, видел ли он нечто подобное по телевизору. Однажды там действительно один мужчина целовал другого, но зачем и почему — он так и не понял. На всякий случай Шанс решил не предпринимать никаких действий.

Впрочем, человек этого, казалось, даже не замечал. Глаза его были закрыты, он постоянно облизывал губы. Запустив руки под пиджак Шансу, долго шарил там. Затем встал, сделал шаг назад, посмотрел на Шанса и принялся раздеваться. Когда он разделся совсем, он отшвырнул в сторону туфли и улегся на кровать. И сделал знак Шансу, чтобы тот смотрел на него. Шанс стал смотреть на распростертое на кровати тело. К изумлению Шанса, незнакомец зажал свою плоть в кулак и начал мять ее, постанывая и извиваясь при этом.

По всему было видно, что незнакомец болел. Шанс не раз видел по телевизору припадки, и это было очень похоже на то, что он видел сейчас. Он подошел к человеку и наклонился, однако тот внезапно вцепился в него так, что Шанс чуть не упал на обнаженное тело. Схватив Шанса за ногу, человек прижал подошву его туфли к своему напряженному органу.

Шанс увидел, как орган напрягся еще больше и стал выступать вперед так, как это было на фотографиях, принесенных в дом Старика

мастером, который ремонтировал мусоросжигатель. Шансу стало не по себе, но он боялся убрать ногу, прижатую к плоти незнакомца. Он увидел, как незнакомец задрожал всем телом, как судорога пробежала по его ногам, а затем он захрипел, словно в агонии. Шанс увидел, как из-под туфли толчками брызгает белая жидкость. Лицо незнакомца побледнело, голова моталась из стороны в сторону. Судорога пробежала по его телу еще один раз, он прижался к туфле изо всех сил, а затем внезапно обмяк, словно у него сели батарейки. Шанс высвободил свою туфлю из ослабевших рук и спокойно вышел в дверь.

Он легко нашел лифт, спустился вниз и пошел по длинному коридору на звук голосов. Скоро он снова очутился среди гостей. Не успел он приступить к поискам Йе-Йе, как кто-то положил ему руку на плечо. Шанс обернулся — это была она.

— Я боялась, что тебе стало скучно и ты ушел, — сказала она. — Или какая-нибудь женщина похитила тебя. Знаешь, тут многие были бы не прочь.

Шанс не знал, зачем женщинам похищать его. Помолчав немного, он сказал:

— Я не был с женщиной. Я был с мужчиной. Мы пошли наверх, но там ему стало плохо, и я вернулся сюда.

— Наверх? Шэнси, с тобой все что-нибудь хотят обсудить! Не обращай внимания на этих зануд, просто расслабься и отдыхай.

— Ему стало плохо, — сказал Шанс. — Я по-
был с ним, пока ему не полегчало.

— Среди нынешних мужчин редко встреча-
ются здоровяки вроде тебя — они много пьют
и говорят, а потом им становится плохо, — за-
явила Йе-Йе. — Ты просто ангел, Шэнси. Слава
богу, милый, что еще остались такие мужчины,
как ты. С тобой я чувствую себя в безопасности.

Вернувшись с вечеринки, Шанс лег в по-
стель и стал смотреть телевизор. В комнате бы-
ло темно, если не считать светящегося экрана.
Внезапно открылась дверь, и вошла Йе-Йе в
ночном халате.

Она подошла к кровати, положила руку Шан-
су на плечо и сказала:

— Шэнси, мне не спится.

Шанс хотел было встать, чтобы выключить
телевизор и включить свет.

— Прощу тебя, не надо, — сказала Йе-Йе. —
Оставь все как есть.

Она села на постель рядом с ним и обхвати-
ла руками колени.

— Мне захотелось увидеть тебя, — прошеп-
тала она, — и я знала, что ты на меня не рас-
сердишься, если я приду. Ты ведь не рассердил-
ся, милый?

— Нет, — ответил Шанс.

Йе-Йе стала медленно наклоняться над Шан-
сом; ее длинные волосы щекотали ему лицо.
Внезапно она скинула халат, забралась под оде-
яло и прижалась к Шансу.

Он почувствовал, как пальцы Йе-Йе скользят по его груди и бедрам, сжимая и тиская его плоть и поглаживая кожу. Вытянув руки, он провел по ее шее, животу и груди. Он почувствовал, как она задрожала и вся подалась навстречу ему, но не знал, что нужно делать дальше, и убрал руки. Но Йе-Йе продолжала дрожать, впиваясь ртом в плоть Шанса, словно хотела его съесть. Внезапно она заплакала и начала издавать какие-то неразборчивые животные звуки. Затем она принялась снова целовать Шанса всего с головы до пят; при этом Йе-Йе то ли рыдала, то ли смеялась навзрыд. Ее язык скользил по безжизненной плоти Шанса, тело сотрясали конвульсии, бедра сжимались и разжимались. Наконец Йе-Йе вздрогнула в последний раз, и Шанс почувствовал влагу на ее бедрах.

Шансу хотелось объяснить Йе-Йе, что ему доставляет гораздо больше удовольствия просто смотреть на нее, потому что он может запоминать и овладевать только тем, что видит, и глаза его умеют больше, чем руки. Глаза видят все, а руки не могут быть одновременно в нескольких местах. Ему хочется трогать Йе-Йе не более, чем трогать телевизионный экран.

Шанс не шевелился. Йе-Йе внезапно ослабилась и положила голову к нему на грудь.

— Ты не хочешь меня, — сказала она. — Ты меня совсем не любишь.

Шанс легко отстранил ее и неловко сел на край кровати.

— Я знаю, знаю, — всхлипнула Йе-Йе, — я не возбуждаю тебя!

Шанс не знал, что она имеет в виду.

— Я права? Скажи мне, Шэнси, ну скажи! Шанс обернулся и посмотрел на Йе-Йе.

— Мне нравится смотреть на тебя, — сказал он.

Йе-Йе подняла брови:

— Смотреть на меня?

— Да. Мне нравится смотреть.

Было видно, что у Йе-Йе от удивления перехватило дыхание.

— Значит, вот почему... И ты этого хочешь? Смотреть на меня?

— Да. Мне нравится смотреть на тебя.

— Но ты не возбужден?

Она протянула руку и коснулась плоти Шанса. Шанс в ответ коснулся ее плоти — его пальцы провалились куда-то внутрь. Йе-Йе вскрикнула и в последней отчаянной попытке набросилась на него; заглотив его плоть, она ласкала ее языком, терзала зубами, отчаянно пытаясь вдохнуть в нее жизнь. Шанс терпеливо ждал, когда она устанет.

Йе-Йе горько зарыдала.

— Ты не любишь меня, — восклицала она сквозь слезы. — Ты так спокоен, когда я ласкаю тебя.

— Мне нравится смотреть на тебя, — повторил Шанс.

— Я не понимаю, что ты этим хочешь сказать, — всхлипнула Йе-Йе. — Я делаю все, что

умею, а ты не возбуждаешься. И что это значит — «нравится смотреть на тебя»? Смотреть на меня? Ты хочешь сказать... когда я сама с собой?..

— Да. Мне нравится смотреть на тебя.

В голубоватом свете экрана Шанс видел, как Йе-Йе отвела в сторону глаза и сказала:

— Ты хочешь видеть, как я кончу.

Шанс промолчал.

— Если я буду ласкать себя, ты возбудишься и сможешь заняться со мной любовью?

Шанс не понимал, о чем идет речь.

— Я хотел бы смотреть на тебя, — снова сказал он.

— Кажется, я все поняла! — воскликнула Йе-Йе. Встав, она принялась ходить взад и вперед по комнате, время от времени проходя перед телевизионным экраном. Какое-то слово слетало с ее губ, но Шанс не мог расслышать его.

Затем Йе-Йе вернулась к кровати. Она легла на спину и стала ощупывать тело руками; в истоме она развела ноги и позволила рукам сползти вниз по животу. Руки ее в полутьме были похожи на две белые лягушки. Тело Йе-Йе раскачивалось из стороны в сторону, и она так ерзала на спине, словно лежала на очень жесткой траве, которая ее колола. Пальцами Йе-Йе ласкала собственную грудь, живот, ягодицы. Затем ее руки и ноги быстро сплелись вокруг Шанса, словно ветви цепкого кустарника, и Йе-Йе сперва забилась в конвульсиях, а потом по ее телу пробежала мелкая дрожь. Когда дрожь стихла, Йе-Йе уже спала.

Шанс прикрыл ее одеялом. Затем он уменьшил звук в телевизоре и несколько раз переключил каналы. Йе-Йе спала рядом с Шансом, который смотрел телевизор и не решался даже пошевелиться.

Через некоторое время Йе-Йе проснулась и пробормотала:

— Милый, с тобой я чувствую себя такой свободной. До того как я познакомилась с тобой, ни один мужчина не уважал во мне личность. Я была для них просто сосудом, в который они могли войти и излиться, просто приспособлением для занятий любовью. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Шанс посмотрел на нее, но не промолвил ни слова.

— Любимый мой... Ты пробудил во мне желание, оно разрывает меня изнутри, а ты смотришь на меня, и страсть смиряется. Ты освободил меня. Я познала себя и очистилась.

Шанс по-прежнему молчал.

Йе-Йе потянулась, и на лице у нее появилась улыбка:

— Шэнси, милый мой, я хочу, чтобы ты знал: Бен просил тебя полететь со мной завтра в Вашингтон на бал в Капитолии. Я должна там присутствовать — ведь я председатель Комитета по сбору пожертвований. Ты же поедешь со мной, правда?

— Мне будет очень приятно поехать с тобой, — ответил Шанс.

Она свернулась в клубочек у него под боком и снова задремала. Шанс продолжал смотреть телевизор, пока не заснул сам.

6

Утром Шансу позвонила миссис Обри:

— Сэр, я только что просмотрела утренние газеты. Везде только вы! Прекрасные фотографии! Вы сняты вместе со Скрапиновым... с генеральным секретарем... и еще с этим немцем... фон Не-Помню-Как. «Дейли ньюс» отдала под вашу с миссис Ренд фотографию всю первую полосу! Даже «Виллидж войс»...

— Я не читаю газет, — сказал Шанс.

— Да, но и все ведущие телевизионные компании просят об эксклюзивном интервью. Далее: «Форчун», «Ньюсуик», «Лайф», «Лук», «Вог», «Дом и сад» наперебой предлагают сделать о вас репортаж. Звонили из «Айриш таймс», хотели пресс-конференцию, «Спектейтор», «Санди телеграф» и «Гардиан» — тоже. Лорд Боклерк просил передать, что Би-би-си приглашает вас в Лондон для съемок специальной передачи с вашим участием, — Би-би-си оплачивает все расходы, а жить лорд приглашает к себе в замок. Встретиться с вами хотят также нью-йоркские корреспонденты «Жур де Франс», «Шпигеля», «Оссерваторе романо», «Нойе цюрхер цайтунг» и «Правды». Князь фон Брокбург-Шулендорф только что звонил и сообщил, что «Штерн»

хочет поместить ваш портрет на обложку ближайшего номера и приобрести всемирные права на публикацию ваших телевизионных выступлений. Они просят сообщить ваши условия. Французский «Экспресс» приглашает вас на «круглый стол» по проблемам американской экономики; все расходы, разумеется, за их счет. Месье Гофриди дважды звонил и приглашал остановиться во Франции у него дома. Руководство Токийской фондовой биржи хотело бы продемонстрировать вам новый компьютер для обработки данных торгов...

— Я не хочу встречаться со всеми этими людьми, — перебил секретаршу Шанс.

— Разумеется, сэр. И последнее: «Уолл-стрит джорнэл» предсказывает, что вы вскоре войдете в правление Первой американской финансовой корпорации, и они ждут вашего заявления по этому поводу. По моему мнению, сэр, такое заявление могло бы благоприятно повлиять на курс акций...

— Я не буду делать никаких заявлений.

— Отлично, сэр. Далее, попечители Восточнорбережного университета приглашают вас на праздник начала занятий и дают вам почетного доктора. Но они хотят знать заранее, примете ли вы приглашение.

— Я здоров, мне не нужен доктор, — сказал Шанс.

— Хотите сами сказать это попечителям?

— Нет.

— Ясно. А как насчет газет?

- Я не люблю газет.
- Хотите увидеть зарубежных корреспондентов?
- Я видел их по телевизору.
- Замечательно, сэр. Ах да, миссис Ренд просила передать вам, что личный самолет Рендов вылетит в Вашингтон в четыре часа. И она также просила предупредить, что остановитесь вы у ее друзей.

Карпатов, начальник Особого отдела, прилетел в пятницу, чтобы встретиться со Скрапиновым. Встреча происходила прямо в кабинете у представителя.

— В досье на Сэдовника отсутствует специальная информация, — сказал он, положив толстую папку на стол.

Скрапинов отодвинул папку в сторону.

— Где все остальное? — спросил он недовольно.

— Ничего не удалось найти, товарищ Скрапинов.

— Карпатов, мне нужны факты!

Карпатов заговорил, осторожно подбирая слова:

— Товарищ посол, Белый дом активно пытается выяснить, что известно о Сэдовнике *нам*. У меня есть доказательства. Это означает, что речь идет о политической фигуре первой величины.

Скрапинов посмотрел на Карпатова, а затем встал и принялся рассказывать вдоль стола.

— Я хочу, — сказал он, — от вашего отдела только одного: фактов о Сэдовнике.

Карпатов потупил взор и начал:

— Товарищ посол, я вынужден признаться, что мы не смогли собрать даже самой элементарной информации об этом человеке. Такое впечатление, что он появился на свет несколько дней тому назад.

Скрапинов раздраженно махнул рукой и сшиб со стола маленькую статуэтку. Карпатов наклонился, подобрал ее и поставил обратно.

— Не воображайте, — прошипел Скрапинов, — что я поверю вашим бабушкиным сказкам! «Появился на свет» — скажите на милость! Вы хоть понимаете, что Сэдовник — одна из важнейших фигур в этой стране, а эта страна — не какая-нибудь Советская Грузия, а США, крупнейшее империалистическое государство! Такие, как Сэдовник, каждый день решают судьбу миллионов людей во всех концах света! «Появился на свет!» Да вы с ума спятили! Я его процитировал в своей речи!

Он перевел дыхание, а затем наклонился к Карпатову и тихо сказал:

— В отличие от работников вашего отдела я не верю в существование «мертвых душ» в двадцатом веке. И я не верю в пришельцев с других планет из американских телесериалов. Приказываю собрать всю информацию о Шэнси Сэдовнике и доставить ее мне лично не позже чем через четыре часа!

Пожимая плечами, Карпатов вышел из комнаты.

Прошло четыре часа, но от Карпатова не было ни слуху ни духу. Скрапинов решил преподать урок нерадивому особисту. Он вызвал к себе в кабинет Сулькина — в глазах непосвященных незаметного рядового работника представительства, на самом же деле одного из влиятельнейших людей в МИДе.

Скрапинов пожаловался Сулькину на беспотолковость Карпатова, особо подчеркнув при этом первостепенную важность любой информации, имеющей отношение к Сэдовнику, и попросил Сулькина выяснить прошлое этого человека.

После обеда Сулькин явился к Скрапинову для конфиденциальной беседы. Они прошли в помещение, снабженное специальной защитой против подслушивания. Шутники из представительства прозвали это место «погребом». Сулькин открыл свой «дипломат» и торжественно извлек из него чистый белый лист бумаги. Скрапинов ждал с очевидным нетерпением.

— Это, дорогой товарищ Скрапинов, — сказал Сулькин, — прошлое вашего Сэдовника!

Скрапинов взял лист в руки, еще раз убедился в том, что на нем ничего не написано, и положил его на стол.

— Я не понимаю, товарищ Сулькин, что это все означает, — сказал он. — Не хотите ли вы сказать, что мне не дают допуска к информации о Сэдовнике?

Сулькин сел, закурил и помахал в воздухе горячей спичкой.

— Попытки покопаться в прошлом этого вашего мистера оказались столь опасными, дорогой товарищ, что мы потеряли одного из лучших агентов нашего отдела. И даже такой ценой нам не удалось ничего узнать!

Сулькин замолчал, нервно затянувшись сигаретой.

— К счастью, в среду вечером мне пришла в голову идея послать в Москву запись выступления Сэдовника в программе «Сегодня вечером». Запись, если это вам интересно, была проанализирована группой экспертов в области психиатрии, психологии и лингвистики. При помощи компьютеров последнего поколения был изучен словарь, синтаксис и акцент мистера Сэдовника, а также характерные для него жесты и мимика. Результаты, скажу вам, дорогой Скрапинов, потрясающие! Речь мистера Сэдовника полностью лишена этнической и региональной специфики и не может быть однозначно отнесена ни к одной местности в Соединенных Штатах!

Скрапинов удивленно посмотрел на Сулькина.

Криво улыбаясь, Сулькин добавил:

— Кроме того, вам будет небезынтересно узнать, что Сэдовник с эмоциональной точки зрения — самый уравновешенный субъект на политическом небосклоне Америки за последние много лет. Но во всех остальных отношениях он, как я уже сказал, чистый лист.

— Чистый лист? — эхом отозвался Скрапинов.

— Чистый Лист. Именно такое конспиративное имя мы ему присвоили!

Скрапинов судорожно отпил воды из стакана.

— Простите меня, товарищ, — сказал он, — но когда в четверг я позволил себе сослаться на Сэдовника в моей речи в Филадельфии, я, разумеется, полагал, что он является одним из хорошо известных представителей элиты Уолл-стрит. В конце концов, его цитировал американский президент. Но если, как теперь выяснилось, он...

Сулькин протестующе поднял руку:

— Что выяснилось? Почему бы Шэнси Сэдовнику и не быть тем, за кого вы его принимаете?

Скрапинов пробормотал в ответ:

— Чистый лист... отсутствие фактов...

Но Сулькин вновь перебил Скрапинова.

— Товарищ посол, — сказал он, — я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы похвалить вас за вашу пронцательность. Я хочу сообщить вам, что мы твердо убеждены: Сэдовник — один из руководителей тайной организации американской элиты, которая последние несколько лет планирует *coup d'état**. Степень конспирации настолько высока, что организация уничтожила все следы прежней его биографии, перед тем как вывести его из подполья в этот вторник во второй половине дня.

— Вы сказали «*coup d'état*»? — переспросил Скрапинов.

* Государственный переворот (*франц.*).

— Да, — кивнул Сулькин. — А вы сомневаетесь?

— Почему же, даже Ленин говорил в свое время о чем-то подобном.

— Отлично, — воскликнул Сулькин, захлопывая свой «дипломат». — Интуиция не подвела вас. Ваше решение с самого начала обратить пристальное внимание на Сэдовника оказалось верным. Блестящая интуиция, товарищ Скрапинов, интуиция настоящего марксиста!

Сулькин встал, собираясь уходить.

— Вскоре мы пришлем вам специальную инструкцию о том, какую позицию следует занять в отношении Сэдовника.

Когда Сулькин ушел, Скрапинов подумал про себя: как все же удивительно — миллиарды рублей тратятся каждый год на чудеса японской техники, на супершпионов, подготовка и внедрение которых занимает долгие годы, на спутники космической разведки, на посольства, набитые людьми и начиненные аппаратурой, на торговые миссии, культурный обмен, на взятки и подарки — а в конце концов выясняется, что для успеха нужна просто марксистская интуиция! Скрапинов вспомнил Сэдовника и позавидовал его молодости, обаянию, его большому политическому будущему. *Чистый Лист, Чистый Лист* — конспиративное имя напомнило Скрапинову его партизанскую юность и суровые годы войны. Зря он пошел в дипломаты. Военная карьера была бы лучше... Но он уже стар.

Во второй половине дня в пятницу секретарша доложила президенту:

— Мне очень жаль, мистер президент, но все, что мне удалось найти нового со вчерашнего дня, взято из газет. Советский представитель упомянул Сэдовника в своей речи. Затем Сэдовник дал короткое интервью прессе на приеме в ООН...

Президент вскричал, не скрывая раздражения:

— Довольно! Вы спросили у Бенджамина Ренда, кто такой Сэдовник?

— Я звонила Рендам, сэр. К несчастью, у мистера Ренда снова тяжелый приступ, и ему ввели сильное обезболивающее. Он не может говорить, сэр.

— Тогда спросили бы у миссис Ренд!

— Я спросила, сэр. Она была рядом с больным. Она сказала только, что мистер Сэдовник не любит обсуждать свою частную жизнь, а она уважает желания мистера Сэдовника. Она также предчувствует — она так и сказала: *предчувствует*, — что сейчас, когда болезнь окончательно приковала мистера Ренда к постели, активность мистера Сэдовника заметно возрастет. Однако она так ничего и не сообщила ни о бизнесе, ни о семейном положении мистера Сэдовника.

— В «Таймс» и то больше написано! А что разведка? Вы беседовали со Стивенсом?

— Разумеется, мистер президент. Он ничего не нашел. Была произведена двойная про-

верка с участием всех ведомств, но результатов нет. Естественно, отпечатки пальцев изучили еще перед вашим визитом к Рендам, но они не значатся ни в одном банке данных. Увы, больше мне нечего добавить...

— Хорошо, хорошо. Позвоните Грунману. Расскажите ему все, что вы знаете, а вернее — не знаете, и пусть он мне позвонит, как только выяснит что-нибудь об этом Сэдовнике.

Вскоре позвонил Грунман:

— Господин президент, мы приложили все наши старания, но не нашли абсолютно ничего! Такое впечатление, словно этот человек появился на свет три дня назад в доме Рендов!

— Вы меня расстраиваете, сильно расстраиваете, — сказал президент. — Сделайте еще одну попытку. Продолжайте искать, ясно? Да, кстати, Уолтер, вы помните, есть какой-то телесериал, там обыкновенные американцы внезапно оказываются пришельцами с другой планеты? Так вот, Уолтер, я в пришельцев не верю! Я жду вас с большим досье на Сэдовника. Если досье не будет, я пошлю в ваше ведомство комиссию и дам ей поручение персонально наказывать тех, кто развалил безопасность нашей страны!

Грунман позвонил вновь.

— Господин президент, — сказал он упавшим голосом, — боюсь, что наши первоначальные опасения подтвердились. У нас нет ника-

ких сведений ни о дне и месте рождения этого человека, ни о том, кто были его родители. Мы с полной ответственностью можем заявить, что у него никогда не было никаких проблем юридического характера ни с одним частным лицом, фирмой, штатом, федеральными властями, корпорацией или ведомством. Он никогда не попадал ни в какие аварии или происшествия — не считая столкновения с автомобилем Рендов — ни как виновник, ни как пострадавший, ни как свидетель. Он ни разу не лежал в больнице, у него нет страховки и, вероятно, нет вообще никаких личных документов. Он не имеет ни водительских, ни летных прав, более того — ему никогда и нигде не выдавали вообще никаких удостоверений. У него нет ни чековой книжки, ни кредитной карты. Он не владеет недвижимостью в нашей стране... Мистер президент, мы прослушали его телефон у Рендов — он не говорит по нему ни о делах, ни о политике. Он весь день смотрит телевизор, который стоит у него в комнате, и единственное, что слышно, — это звук от телевизора...

— Что? — перебил президент. — Что вы хотите этим сказать, Уолтер?

— Он смотрит телевизор, сэр, все каналы подряд. С утра до вечера. Даже когда миссис Ренд... даже когда она у него в спальне, сэр...

Президент резко оборвал Грунмана:

— Это уж слишком, Уолтер, никто вам не позволял заходить так далеко, черт побери! Я и слышать ничего об этом не хочу! Кому какое дело, чем Сэдовник занимается у себя в спальне?

— Извините, господин президент, но мы просто уже не знали, что делать! — Грунман прокашлялся. — Мы отнеслись к заданию с полной ответственностью. Записали все, что он говорил на приеме в ООН, — но он почти ничего не сказал! Разумеется, сэр, у нас зародились подозрения, что он может быть агентом иностранной разведки, но эти люди, как известно из нашего опыта, обычно запасаются документами в избытке. Они американцы больше любого американца. Как шутит наш директор, просто странно, что никого из них до сих пор не выбрали в прези... — Грунман прикусил язык, но было уже поздно.

— Дурацкая шутка, Уолтер, — зло сказал президент.

— Простите, сэр. Я не хотел... я не имел в виду...

— Продолжайте докладывать.

— В общем, сэр, мы полагаем, что Сэдовник не является нелегалом. Мы в этом уверены — Советы тоже отчаянно пытаются раздобыть о нем информацию. Спешу вас обрадовать, сэр, у Советов вышло не больше нашего — все, что они знают, сводится к вырезкам из американских газет! Но в ходе операции они были вынуждены раскрыть одного из своих самых ценных агентов и потеряли его. И это еще не всё — восемь крупнейших держав дали своим разведслужбам задание собрать информацию о Сэдовнике. Мы продолжаем работать, сэр, мы работаем круглые сутки, и как только что-нибудь станет известно, я вас тотчас же извещу.

Президент поднялся наверх в свои апартаменты. Он устал. Невероятно, думал он, просто невероятно! На эти ведомства тратится не по одному миллиону долларов в год, а они не могут узнать элементарных вещей о человеке, который гостит сейчас в одном из лучших домов Нью-Йорка у известного бизнесмена. Может быть, в федеральном правительстве завелись саботажники? Да, но кто они? Президент вздохнул, включил телевизор и задремал в кресле.

7

Человек, сидевший на диване, пробежал взглядом по небольшой группе людей, собравшихся в гостиной.

— Джентльмены, — заговорил он, взвешивая каждое слово, — многие из вас уже, наверное, знают, что Дункан отказался баллотироваться вместе со мной. Мы остались без кандидата. Друзья мои, в кратчайшее время мы должны найти кандидата не хуже Дункана, к которому я продолжаю питать глубочайшее уважение, несмотря на печальные открытия о его прошлом, ставшие недавно достоянием общественности.

Заговорил Шнейдер:

— Даже с Дунканом было нелегко договориться, так что и не знаю, кого мы сможем найти. Не будем строить иллюзий — у нас осталось совсем немного времени. Шелман собирается

остаться у руля своей фирмы. О Франке не стоит даже говорить, учитывая жалкую репутацию, которую он заработал на посту ректора университета.

— А как насчет Джорджа? — спросил кто-то.

— У Джорджа снова операция — вторая за последние три месяца. Джордж не потянет по здоровью. Это очевидно.

В комнате воцарилось молчание. Затем заговорил О'Флаэрти.

— Кажется, у меня есть кандидатура, — промолвил он. — Что вы скажете насчет Шэнси Сэдовника?

Все взгляды обратились к человеку на диване.

Тот отхлебнул из чашечки кофе и сказал:

— Шэнси Сэдовник? Но мы же о нем ничего не знаем! Наши люди не смогли ни черта про него выяснить. И сам он о себе ни словом не обмолвился с тех пор, как въехал в дом к Рендам четыре дня назад...

— Отлично. Это только поднимает его шансы в моих глазах! — воскликнул О'Флаэрти.

— Почему? — раздалось сразу несколько изумленных голосов.

О'Флаэрти пояснил:

— В чем была беда с Дунканом? С Франком, и с Шелманом, и многими-многими другими, которых нам пришлось отвергнуть? Беда в том, черт побери, что у всех у них было прошлое, и еще какое! Прошлое губительно для политика, оно засасывает, как болото! — О'Флаэрти воз-

бужденно размахивал руками. — А посмотрите на Сэдовника! Повторю вслед за нашим уважаемым другом: у Сэдовника нет прошлого. Никто не сможет ничем его скомпрометировать. Он представительен, умеет говорить и телегеничен! И, судя по его высказываниям, разделяет наши убеждения! Вот в чем суть — не важно, кто он, важно, кем он не является. Шэнси Сэдовник — это наш шанс!

Шнейдер раздавил в пепельнице окурок сигары и задумчиво сказал:

— О'Флаэрти высказал умную мысль. Очень умную. Сэдовник... хм... в этом что-то есть...

Вошел официант с подносом горячего кофе, и дискуссия продолжилась.

Шанс пробивался к выходу через плотную толпу танцующих. В глазах у него до сих пор рябило от ярких люстр в зале, подносов с закусками в буфете, огромных букетов живых цветов, разноцветных бутылок и искрящихся хрустальных бокалов на столах. Он заметил где-то в толпе Йе-Йе, которую прижимал к себе высокий генерал, увешанный орденами. Фотографы обступили его со всех сторон, слепя вспышками, но Шанс прошел сквозь них, будто сквозь дым. Все вокруг было ненастоящим, совсем не таким, как в саду.

И сам себе Шанс казался ненастоящим, каким-то другим, незнакомым Шэнси Сэдовником, колеблющимся, как отражение в луже, по которой прохожий ударил тростью.

Шанс пересек наконец зал, подгоняемый потоком холодного воздуха из открытого окна, и толкнул тяжелую стеклянную дверь. Снаружи был сад. На гибких ветвях показались свежие ростки, тугие бутоны налились соками. Сад был спокоен — казалось, что он заснул. Ночные облака пролетали в небе комками ваты и стирали пыль с лунного диска. Шелестела листва, и капли дождевой воды срывались с ветвей на землю. Ветер играл мокрой листвой и умирал в ней. В голове у Шанса было пусто, а на сердце — легко.

ЧЕРТОВО ДЕРЕВО

Роман

Катерине и памяти моей матери

Часто мы не осознаем, что наше будущее уже живет в нас; мы принимаем за ложь те наши высказывания, которые на самом деле суть предсказания, неотвратимо становящиеся реальностью.

Марсель Пруст.

В поисках утраченного времени

Туземцы называют баобаб «чертово дерево». Они утверждают, что черт однажды запутался в его ветвях и в наказание перевернул баобаб вверх тормашками. Из-за этого, считают туземцы, корни баобаба стали ветвями, а ветви — корнями. Чтобы не выросло больше баобабов, черт уничтожил все молодые деревца. Вот почему, говорят туземцы, существуют только взрослые баобабы.

Он стоял и смотрел на набережную Ист-Ривер, прислонившись к стальной балюстраде. За спиной, на тротуаре, люди выгуливали собак, нежились в солнечных лучах. За рекой чередою взмывали ввысь серебристые самолеты; блеснув на миг солнечными зайчиками, исчезали, обронив сероватый комок выхлопа. У ближнего берега завис над водой, над красно-синим буксиром, вертолет; потом, набирая скорость, двинулся в сторону городских шпилей и небоскребов. Другой вертолет коснулся посадочной площадки и вздрогнул всем корпусом от замирания винта.

Он пошел в сторону гелипорта, туда, где рас-
селись на платформе три свежыкрашенных
бело-голубых вертолета. «ПОСМОТРИТЕ НА
МАНХЭТТЕН ИЗ ИЛЛЮМИНАТОРА ВЕРТО-
ЛЕТА. МИНУТА — ДОЛЛАР. ЭКЗЕКЬЮТИВ
ХЕЛИУЭЙЗ ИНК.». Он зашел в кассу.

— Я бы хотел полетать над Манхэттеном, —
сказал он кассиру.

Тот оглядел его с ног до головы, даже не улыб-
нувшись.

— Полетать над Манхэттеном? Пользуйтесь
подземкой, дешевле встанет.

— Из подземки не видно города.

— Ну, ездайте на автобусе.

— Сколько стоит полчаса полета?

Кассир наклонился к нему через барьер:

— Послушай, сынок, у меня на шутников
нет времени. Это «Экзекьютив Хелиуэйз», а не
детская железная дорога. Усек?

— Я не шучу, — он засунул руку в карман
и достал две хрустящих стодолларовых банкно-
ты. — Этого хватит? Я хочу летать полчаса.

Кассир посмотрел на деньги:

— Мне нужно посоветоваться с пилотом.

Он скрылся в служебном помещении и тут
же вернулся вместе с человеком в серой уни-
форме.

— Вот этот парень хочет прокатиться, —
сказал кассир.

— Послушай, сынок... — начал пилот.

— Я вам не сынок. Меня зовут Джонатан
Уэйлин, и у меня есть свой собственный отец.

Вот деньги. — он протянул две бумажки кассиру. — А теперь поехали.

Пилот и кассир переглянулись.

— Мистер Уэйлин, — сказал пилот, — я вынужден вас... — он замялся, — ну, вроде как обыскать перед посадкой.

— Вы обыскиваете всех пассажиров?

— Нет. Это, как говорится, на наше усмотрение.

— Это пилот решает, — перебил кассир. — Он здесь за хозяина. Не будете слушаться — не полетите.

— Ладно, — сказал Уэйлин. — Валяйте.

— Проще будет, если вы поднимете руки, — сказал пилот.

Уэйлин повиновался. Кассир быстро ощупал карманы его рубашки и кожаных штанов.

— Снимите ботинки, — потребовал он, и Уэйлин снова повиновался.

Пилот заглянул в каждый ботинок, затем вернул их.

— На посадку, — сказал он.

Они подошли к одному из вертолетов и сели в него.

Пилот обернулся и сказал Уэйлину:

— Послушай, мы облетим весь центр, посмотрим виды и вернемся обратно. И веди себя спокойно. Если начнешь дурить, сброшу прямо на голову Статуе Свободы. Усек?

Пилот потянул дроссель, мотор кашлянул, вертолет затрясло, и он по наклонной оторвал-

ся от земли. Они долетели до центра города, пересекли Центральный парк и двинулись вдоль Пятой авеню. С террасы здания Ар-Си-Эй блеснули стеклышки бинокля.

— Каждый раз, когда я летаю на вертолете, — сказал Уэйлин, — я вспоминаю модели с гироскопическим двигателем, которые мне дарили в детстве. Такое ощущение, будто тобой управляют при помощи дистанционного пульта.

— Ага, — сказал пилот. — Сейчас я тебе покажу, где хранятся все денежки.

Вертолет повернул на юг, в сторону Бэттери. Когда они подлетали к Уолл-стрит, Уэйлин показал пальцем на старомодный небоскреб справа от Фондовой биржи.

— Не могли бы вы пролететь над вон тем? — спросил он. — Я никогда не видел его сверху. Я всегда смотрел из его окон на все остальные здания, и отец говорил мне, как они называются.

Пилот подозрительно посмотрел на Уэйлина, но ничего не сказал. Вертолет пересек гавань, описал круг над Статуей Свободы и направился к Проливу, преследуя большой океанский лайнер.

— О'кей, — сказал пилот. — Конечная. На Кубу сегодня не полетим, дружок.

— Почему на Кубу?

— Да ты вроде как на этих самых смахиваешь.

Когда они приблизились к посадочной площадке, Уэйлин заметил, что там их уже ждала полицейская машина. Вертолет завис на секунду и тут же коснулся земли. Уэйлин вышел, не обращая внимания на вращающиеся над головой лопасти. Два полисмена вышли из патрульной машины и направились к нему.

— Вот этот парень, — сказал кассир.

— Руки вверх, парень. Мы хотим посмотреть, что ты имеешь при себе, — скомандовал один из них.

Он поставил Уэйлина напротив вертолетной двери и принялся его обыскивать. Вынул бумажник из заднего кармана и открыл его.

— Иисусе, — сказал он тихо своему напарнику, — у этого парня при себе больше двух штук. Он повернулся к Уэйлину:

— Откуда деньги?

— Из банка, — ответил тот. — Из того, над которым мы только что пролетели.

Полисмен уставился на кассира:

— Что он мелет?

— Я про деньги, — повторил Уэйлин. — Мне сегодня оплатили чек.

— Где ты живешь?

— Еще нигде, я только что прилетел. Все мои вещи в аэропорту.

Полисмен начал наливать краской.

— Слушай, — сказал он, — или ты мне будешь отвечать на вопросы, или проведешь эту

ночь в тюрьме. Почему у тебя нет при себе удостоверения личности?

— А разве это обязательно? — сказал Уэйлин. — В этой стране нет такого закона, чтобы носить при себе удостоверение.

— Слушай, детка, ты тут мне о правах не рассуждай. Где живут твои родные?

— Я сирота.

— Ну ладно, даю тебе последний шанс. Или ты мне скажешь, где взял деньги, или я задержу тебя за бродяжничество.

Уэйлин пожал плечами:

— Сегодня такой прекрасный день. Зачем нам портить себе настроение? Позвоните в мой банк мистеру Берли. Он объяснит вам, откуда эти деньги. «Нэйшнл мидленд». Мистер Джордж Берли.

Уэйлин и два полисмена прошли в контору. Один остался с Уэйлином у дверей, а второй зашел внутрь, чтобы позвонить. Он вернулся через несколько минут и вернул бумажник Уэйлину.

— Мистер Уэйлин, — сказал он. — Приношу вам мои извинения. — Нервный смешок. — Понимаете, здесь шатается куча уродов — мм, людей со странностями, — и если нас вызывают, мы обязаны все тщательно проверить. Формальность, я бы так это назвал. Я вижу, что вы вполне приличный молодой человек, но вид у вас... — Он попытался найти слово, но не нашел ничего подходящего. — Знаете, трудно ска-

зять заранее. — Он снова замялся. — Может, вас куда-нибудь подбросить?

— Нет, спасибо, — сказал Уэйлин. — Мне сейчас никуда особенно не нужно.

Он повернулся и прошел за конторку, где развалился в металлическом кресле пилот — пил кофе. Уэйлин подошел.

— Сколько вертолетов находится сейчас в небе над Нью-Йорком? — спросил он.

— Думаю, где-то двадцать пять.

— И сколько у них людей на борту?

— Человек, может быть, шестьдесят.

— Шестьдесят человек смотрят сверху на двенадцать миллионов, — сказал Уэйлин. — Это нечто. За тридцать долларов ты можешь полчаса смотреть сверху вниз на двенадцать миллионов людей.

— Ага, — сказал пилот. Он наклонился в сторону Уэйлина: — Послушай, скажи мне, если можно, конечно, чем парень вроде тебя зарабатывает себе на жизнь? Ну, то есть не все же носят в кармане такие деньжищи? В чем секрет-то?

— Деньги лежат в банке, — сказал Уэйлин. — Живу на проценты.

— Живешь на проценты? Славно. А что с самими деньгами?

— Станут моими по достижении определенного возраста.

— Без балды? — сказал пилот. — А когда ты его достигнешь, ну, этого возраста?

— На следующей неделе, — ответил Уэйлин.

* * *

Наступила ночь. Со всех сторон его окружали соплеменники, они говорили на его родном языке, они жили в этом городе. Он шел мимо молодых людей, которые обнимались прямо посередине тротуара или стояли, прислонившись к мотоциклам и запаркованным в два ряда машинам. Он смотрел на них как на инопланетян. Они разошлись с ним во времени. Он существовал теперь сам по себе.

Навстречу ему прошла девушка. На плечи накинута плащ; длинные загорелые ноги. Уэйлин посмотрел ей прямо в лицо, но она не заметила взгляда. Он подумал, не пойти ли за ней следом. Может быть, стоит? Может быть, может быть...

Он зашел в ресторан и, прокладывая дорогу через переполненный зал, направился к стойке бара. Зеркала отражали сверкание фальшивой хрустальной люстры, рассыпавшей трети угольнички световых пятен по всем углам и закулкам заведения.

* * *

Я купил самый маленький магнитофон, какой нашел в магазине. Он замаскирован под пачку американских сигарет и записывает все, что хочешь. Можно записать двухминутное сообщение, можно — четырехчасовой разговор. Запись ведется на тонкую металлическую проволоку в виде бесконечной петли, так что перематывать или переворачивать не нужно. Работает магнитофон от внутреннего аккумулято-

ра и имеет миниатюрный встроенный конденсаторный микрофон, который сам настраивается на расстояние до источника звука, так что можно записать, например, доклад на конференции. Я ношу магнитофон в кармане. Достаточно легкого движения большого пальца, чтобы в любой момент его включить.

* * *

Послушай, мужик, я просто помочь тебе хочу, вот и всё. Я стоял за тобой в очереди к окошечку в банке. Я видел, как ты что-то записал на клочке бумаги, было ведь дело? Ты дал бумажку кассиру, а он тебе вывалил все эти дорожные чеки. Целую кучу. Мужик, ну у тебя, видать, и связи в этом банке! Прямо как в сказке!

А ты знаешь, чем они втихую занимаются, а? Не знаешь. Они записывают имя и адрес каждой богатой старушки в этом городе, каждой беззащитной вдовы, каждого одинокого педика, каждого богатенького сукина сына, который приходит к ним с чековой книжкой или пачкой наличных. А потом продают этот список любопытным парням, которым хочется знать, у кого в этом городе водятся денюжки. Эти парни порой выкладывают до сотни зеленых за один адресок. Сотня баксов за один вишневый адресок!

Ясно дело, парни эти просто так деньгами не швыряются. Они наведываются к старой ведьме посреди ночи и забирают все ее побрякушки или вежливо разъясняют бедному одинокому гомику, что если ему хочется пожить

еще малехо на белом свете, то лучше поделить-ся с ними наличностью.

А чуваки, которые помогают избавляться от ненужных людей? Тоже круто, верно? Полезно иметь возможность расстаться без лишнего шума с липучей телкой из провинции. Всего-то нужно позвонить им по телефону, а они уж тебе скажут, куда приходить. Ты вешаешь телке лапшу на уши, что собираешься посмотреть новую квартиру и хочешь взять ее с собой. Через пару минут, как вы прибудете на место, нагрянет теплая компания. Сначала они пару раз навернут тебе в торец, чтобы твоей телке показалось, будто ты и вправду пытался за нее заступиться. Потом они сунут тебе сотню баксов в карман за твою цыпочку и вышвырнут за дверь.

А цыпочке с неделю жизнь сахаром не покажется, особенно если принципы не позволяют ей раздвигать ноги перед незнакомыми мужчинами или если она не в восторге от лесбиянок, с которыми не ходила вместе в воскресную школу. Но к концу недели она будет полностью в курсе, почему истинная любовь в Городе Оттяга, и это вправит ей мозги надолго. Впрочем, тебе уже будет по фигу, верно?

* * *

Я никак не могу уразуметь, что на самом деле коренится в моей душе — сила или немощь. Чем больше я постигаю себя, тем яснее вижу, насколько же я раздвоен. Мое самое интимное,

самое настоящее «я» так же опасно, как запертый в подвале буйный псих, который стучится снизу в пол гостиной, где обедают нормальные члены его семьи. Я не знаю, что делать с ним, с этим моим психом: убить его, держать в подвале взаперти или выпустить на свободу.

Покинув дом, я стал бродягой, отщепенцем, и это было единственным оправданием моего отказа от прошлого во имя настоящего. Но в целях самопознания я буду вынужден обнажить собственные противоречия и выдержать столкновение с памятью детства. Кэйрин как-то обмолвилась, что способна завидовать чужому прошлому. Впрочем, она не сказала, что завидует моему прошлому.

* * *

Когда ты родился, Джонатан Джеймс Уэйлин, луна уже вступила в свою последнюю четверть. Рожденные под этой фазой могут сомневаться в мыслях, но быть решительными в поступках. Поэтому ты страдаешь от недостаточной гибкости в вопросах принципиальных. Иногда ты сам провоцируешь спор. Ты плохо воспринимаешь критику и видишь порой смешное там, где его и быть не может. К тому, что думают о тебе другие, ты предпочитаешь не прислушиваться, заявляя, что сам себя всерьез не воспринимаешь.

Твоя планета — Сатурн. Сатурн означает отчуждение и одиночество. Вынужденная разлука с родными местами характерна для твоей

судьбы. Сатурн сильно усложняет твою жизнь. Ты слишком импульсивен и не умеешь быть привязчивым. Ты должен стать более терпеливым и уравновешенным. Относись бережно к своему умственному, физическому и финансовому потенциалу — не промотай его!

* * *

На окраине Бангкока был перекресток. Я любил стоять возле него и наблюдать, как крестьяне ехали с базара домой.

Погонщики, обкурившиеся опиумом, мирно дремали на телегах. Я выскакивал из кустов и разворачивал их осликов задом наперед. Погонщики продолжали как ни в чем не бывало спать. Однажды я развернул целых двадцать тележек за один только вечер.

* * *

Забавная это штука — опиум. Если ты его куришь, то знаешь, что бросить курить невозможно. Но каждый раз, когда твоя рука тянется за трубочкой, ты уверяешь себя, что это — в последний раз. А если рука не находит трубочки, ты чувствуешь себя так, словно тебя предали. Странная это вещь. Говорят, чтобы вырастить хороший мак, нужно знать много тонкостей. Не любит он снег, сухой воздух, не всякий ветер ему на пользу. То он сохнет, то он мокнет. А курить лучше, если свет приглушенный, ковры на полу, просторные кровати. Но уж коварный он, этот опиум! Никогда не знаешь, когда все

против тебя обернется. Другие люди вообще могут не существовать. Зачем они тебе? Если надо будет, ты их выдумаешь, а вот настоящие — в такой лом! Даже если доза все время одинаковая, эффект всегда разный. Чего только эта дрянь не делает с мужиком: зрачки сокращаются, сексуальные желания тают, но сердце начинает колотиться как бешеное. А женскую кровь она делает ленивой, но сладострастной. Покури сам, дай затянуться своей бабе, и она тебе такой класс покажет! Она тебя трахает, а ты лежишь себе спокойно, закрыв глаза, с пересохшим ртом. Ты в цепких объятиях странной любви, которая высасывает из тебя все соки. С каждой затяжкой ты видишь, как водопады превращаются в лед, лед — в камень и камень — в звук. Звук превращается в цвет, цвет, поблекнув, вновь становится водой.

* * *

Я познакомился с Барбарой в Рангуне. Она свела меня с некоторыми членами английской и американской колонии, в частности с миссис Ллевеллин, которая осталась в Бирме после того, как ее муж умер. Однажды она пригласила нас с Барбарой к себе домой на ланч. Дом ее стоял на высоком холме под большими деревьями, а окна выходили на Мартабанский залив. Она жила одна. Раз в неделю слуга-бирманец и его помощник приходили, чтобы вымыть полы, привести в порядок большой сад и почистить плавательный бассейн.

Во время ланча Барбара пожаловалась миссис Ллевеллин на гостиницу, в которой мы остановились. Старуха предложила мне и Барбаре пожить у нее, пока она погостит два-три дня у своей приятельницы. Мы с Барбарой с радостью согласились.

Я помог миссис Ллевеллин подготовить к путешествию машину, и на следующий день она уехала. Дом был очарователен. С террасы мы следили, как суда направляются в порт и белые яхты бороздят воды бухты. Стоило лайнеру войти в гавань, как его со всех сторон облепляли джонки.

В постели Барбара сказала:

— Как было бы хорошо, если бы у нас был свой такой дом. Мы жили бы в нем, курили опиум и никто бы нам не мешал.

— Если хочешь, я могу избавиться от миссис Ллевеллин, — сказал я.

— Что ты хочешь сказать?

Я пожал плечами:

— Ну, не знаю. Она одинока. Исчезнет — никто и не заметит, не так ли?

Барбара расхохоталась:

— Не глупи, мы не в Голливуде. Поспи лучше. Спокойной ночи.

Посреди ночи я попытался разбудить ее, чтобы заняться любовью, но она была как мертвая. Мы прождали старуху до полночи в тот день, когда она должна была вернуться. Когда был уже час ночи, а ее все еще не было, мы решили лечь спать. Через час нас разбудил шум

ее машины. Я встал и сказал Барбаре, что она может спать дальше, а я пойду помогу миссис Ллевеллин разгрузить багажник.

Барбара уже была на ногах и одета, когда разбудила меня наутро.

— Где миссис Ллевеллин? — спросила она.

— О чем ты? — сказал я.

— Мы слышали, как она приехала ночью, и ты даже пошел ей помочь. Ее нет у себя, и машины тоже нет на месте.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — перебил я ее. — Тебе это, наверно, приснилось. Ничего такого ночью не было.

Она начала злиться.

— Перестань меня разыгрывать. Где миссис Ллевеллин?

— Откуда я знаю где? Где-нибудь. Все где-нибудь. На твоём месте, Барбара, — заметил я, — я не стал бы так волноваться.

Барбара вылетела из дома, хлопнув дверью. Через окно я наблюдал, как она изучала мягкий песок аллеи в поисках следов шин. Когда она вернулась в комнату, на ее лице была заметна тревога.

— Что ты сделал с ней, Джонатан? — спросила она. — Где миссис Ллевеллин?

— Перестань, Барбара. Ты прекрасно знаешь, что мне нечего сказать. Пойдем искупнемся и развлечемся.

Барбара положила руки мне на плечи и пристально посмотрела в глаза.

— Что ты с ней сделал? — спросила она снова.

Я притянул ее к себе и поцеловал в ухо:

— Прощу тебя, Барбара, забудь об этом.

Она мягко подтолкнула меня к постели.

— Скажи мне, пожалуйста, что ты с ней сделал? Это... это произошло быстро? Что будет, если тело найдут?

— Мы не в Голливуде, Барбара.

— Если бы я знала, что ты серьезно, я бы никогда...

— Пойдем поплаваем, — сказал я.

Но и в бассейне я ощущал ее постоянную напряженность. Дважды сходила она проверить аллею и соседний парк. Каждый раз, вернувшись к бассейну, она смотрела на меня так, будто в первый раз видела. Я показал ей на беседку и сказал, что хотел бы заняться с ней любовью в этой беседке. Она, слова не сказав, пошла за мной, но, как только мы начали, спросила, что я сделал с машиной миссис Ллевеллин. Я ничего не ответил.

Барбара осознала, что теперь нам никто не помешает, и стала чувствовать себя в доме увереннее. Она начала курить наравне со мной. Только временами подползала ко мне, прижималась и спрашивала, очень ли миссис Ллевеллин мучилась перед тем, как я ее убил.

Однажды утром она припомнила историю, которую я сам рассказал ей еще до того, как мы познакомились с миссис Ллевеллин. Это была история о том, как я отправился в один бордель

на окраине города. Хозяйка заметила, что я рассматриваю одну дряхлую старуху, и предложила мне ее. Когда я отказался, хозяйка сказала, что за сто долларов я могу делать с ней все, что пожелаю. Если захочу, могу ее даже прикончить «вот этим», сказала она, указывая на мои чресла. Хозяйка объяснила, что старуха была проституткой всю свою жизнь, что теперь ей почти восемьдесят и все равно скоро помирать. У нее не было родственников, и если я соглашусь, будет, по крайней мере, чем заплатить за ее похороны. Когда Барбара спросила, убил ли я эту женщину, я ничего не ответил.

Ночью, когда Барбара была еще под кайфом, а я уже угас, она спровоцировала меня, и я ее побил. Утром она показала следы побоев и стала требовать, чтобы в качестве компенсации я рассказал ей, что я сделал с миссис Ллевеллин.

Всю следующую неделю мы выкуривали по несколько трубок в день. Под конец мне стало худо. Сердце трепыхалось, а пульс почти пропал. Лоб, ладони и ноги стали очень холодными и потными. Понос не выпускал меня из туалета, к тому же тошнило каждую минуту.

Как-то раз, когда я ввалился в спальню, совсем уже изможденный, Барбара лежала в большой кровати миссис Ллевеллин, курила и слушала радио. Она подарила мне холодный взгляд и заявила, что, если я не расскажу ей, что я сделал с миссис Ллевеллин, она не поможет мне. Она позволит мне сдохнуть. Я отказался. Она

лежала, взирая бесстрастно на непроизвольные судороги, пробежавшие по моему телу. Я рухнул рядом с ней и лежал в ознобе, пока не пришел спасительный сон.

На следующее утро мы услышали, как машина ползет по аллее. Вялая Барбара с трудом доплелась до окна, но тут же завизжала и стрелой слетела по лестнице. Там миссис Ллевеллин тцилась пропихнуть самый большой из своих чемоданов в недостаточно широкий дверной проем. Когда Барбара вернулась, она едва совладала со своим голосом:

— Почему ты мне не сказал?

— Чего не сказал? Того, что я дал этой старой кошелке денег съездить в Англию и обратно?

* * *

В самом начале я боялся, что почувствую себя беззащитным, что начну бормотать вслух то, что всегда боялся сказать. Но вышло совсем наоборот: при помощи опиума я понял, что могу говорить все, что мне вздумается, без ущерба для моей личности.

Однако мне не удалось легко обрести тот внутренний покой, которого я искал. Опиум просто показал мне, насколько сложно и переменчиво мое ощущение реальности. Я стал смотреть на мир более пристально, но так и не нашел ответов на свои вопросы. Каждое слово, каждый жест стали казаться значительными и многозначными, не позволяя интерпретировать себя просто как слово или жест.

«Я под кайфом, — сказал я сам себе. — Я знаю, что я под кайфом, и хочу использовать это состояние для того, чтобы обрести свободу. Есть вещи, которые я не рискну ни сказать, ни сделать в другом состоянии». Но я не рискнул и в этом. Опиум усилил мою предрасположенность к самоподавлению, а не к раскрепощению. Возможно, мне требовался наркотик, который усиливает восприятие других людей, а не восприятие собственной личности.

* * *

Белье и одежда Барбары валялись прямо на полу. Она неуклюже ухватила трусики и натянула их до колен. Лицо ее было красное и в слезах.

И тело ее было влажным. Там, где она прикасалась ко мне, оставались мокрые холодные пятна. При поцелуях ее язык казался мне слишком большим. Будто я целовал мокрый слепой рот пятилетней девочки.

На следующий день мы с Барбарой переехали в маленькую гостиницу. А еще через несколько дней, когда я все еще был болен, она от меня ушла.

Вернувшись после курса лечения в Рангун, я обнаружил ее в больнице, полумертвую, под серыми простынями, которые отделяли ее голову от почти несуществующего тела.

Она сказала, что хотела бы причаститься, лечь в постель и чтобы ее усыпили. Ей нрави-

лось думать о смерти; она говорила о длинной игле, которой можно проткнуть сердце, о прыжках с небоскреба.

Лицо ее отекло, а тело сморщилось. Тонкая шея не могла удержать головы, а закрытые веки еле подрагивали, словно были приклеены к главному яблоку.

* * *

Кэйрин позвонила мне из города. По голосу я понял, что она встревожена. Она сказала, что я был прав: нас действительно связывает нечто большее, чем простая физическая привычка.

Я вспомнил, как однажды она написала мне письмо. «С тобой, — писала она, — я чувствую нечто противоположное страху, который я обычно испытываю при общении с другими. Я не сомневаюсь, что ты поймешь то, что во мне сложно, но не знаю, как будет с тем, что во мне смехотворно просто».

Я сказал ей, что всегда хотел скрыть от людей обе стороны моей натуры: властного, злонамеренного взрослого с тягой к обману и разрушению и дитя, жаждущее всеобщей любви и понимания. Но теперь я понимаю, что скрывал-то я в основном дитя, делая ставку на взрослость, поскольку больше всего меня волновало то, чтобы никто не заметил, в чем я нуждаюсь. Я не выдавал своих желаний, не просил вещей, не кланчил денег.

Больше всего я боялся показаться беспомощным. Мне казалось, что если я буду вести себя по-детски, то обо мне снова начнут судить, оглядываясь на моих родителей.

* * *

Помню, весной того года, когда я уехал, я лежал на футбольном поле, задумчиво щипал рукой молодую траву и читал лежавшую передо мной книжку. Ветер осыпал крылатками клена страницы, трепал полы куртки и ерошил мне волосы. Кэйрин сидела рядом со мной. Внезапно она заявила, что собирается уехать к матери на несколько недель.

В последние дни перед ее отъездом я впал в депрессию. Каждый вечер мы часами катались в машине, и как-то раз на вершине плоской горы у нас кончился бензин. Я помню, как я спускался по крутому склону в сияющую огнями долину и как карабкался обратно с канистрой в одной руке и мятым мороженым в ватфельной трубочке — в другой.

В другой раз, уже днем, я бродил босиком по берегу озера и увидел ее. Она стояла в проеме двери, длинные волосы до плеч, загорелая кожа, блузка в бело-розовую полоску, застегнутая только до середины. Она спустилась с крыльца, села в машину и уехала. Я пошел дальше вдоль берега, желая исчезнуть с лица земли, раствориться в ветре и солнечных лучах.

«Следующий год будет для меня очень важным, — сказала она. — Он даст мне шанс стать

взрослее и хорошо развлечься. У нас хороший колледж, но делать мне здесь больше нечего. Я хочу наслаждаться жизнью, может быть, стать моделью. Провырнуться в Париж, когда захочется, отправиться на Рождество в Марокко, кататься на лыжах в Австрии и Швейцарии. Встречаться с немецкими, французскими и итальянскими мужчинами. Пить теплое пиво в пабах Дублина и приглашать друзей на вечеринку в моей римской квартире. Другого такого шанса мне не представится. Я не хочу терять попусту время, горюя о погибшей детской влюбленности».

* * *

Мальчиком я собирал ярлычки от сигар с корковыми мундштуками, которые курил мой отец, и подклеивал их в альбом. Мне казалось, что в них таятся недосказанные им слова, которые в один прекрасный день всё объяснят.

С тех пор я мало изменился. И сегодня я обшариваю свои воспоминания в надежде отыскать то, что скрывалось за моими поступками, и найти единое связующее звено между всеми моими действиями.

* * *

— Твоя мать очень боялась за тебя и поэтому старалась, чтобы ты оставался за границей как можно дольше. Она очень сильно переживала, Джонатан. — Доктор говорил, стараясь не смотреть Джонатану в глаза. — В ночных

кошмарах она видела, что тебя хоронят как неизвестного солдата, погибшего во Вьетнаме. Она не хотела, чтобы тебя призвали в армию. Пока она не знала твоего местонахождения, чтобы переслать повестку, ответственность перед законом, с юридической точки зрения, нес только ты. И все равно ей было очень горько оттого, что она не знала, где ты.

— Ездил с места на место.

— Разумеется, именно поэтому она и волновалась. Она представляла, как ты, обросший волосами и бородой, в камуфляжном армейском комбинезоне, с рюкзаком и побитой гитарой за плечами, пересекаешь автостопом Бирму, Индию или Африку. Мы никогда не знали, где ты. — Доктор почесал шею. — Когда ты заболел, людям из агентства Бернса понадобилось четыре месяца, чтобы тебя найти. До этого мы узнавали о твоих перемещениях только благодаря твоей привычке выписывать чеки на клочках бумаги и обналичивать их в ближайшем отделении какого-нибудь американского банка. Помню, последний чек на тридцать тысяч ты выписал в Анкаре. Или на тридцать пять. Перед тем ты жил несколько месяцев меньше чем на треть положенной тебе суммы. В любом случае, сумма превышала причитающиеся тебе по завещанию двадцать пять тысяч в месяц, но, к несчастью, опекуны позволили проплатить чек. Затем твой джип нашли брошенным на дороге, а тебя и след простыл. Ты мог оказаться где угодно. Ты мог погибнуть. Мать про-

сто с ума сходила. У нее не оставалось выхода. Я посоветовал ей обратиться в детективное агентство, и она так и сделала.

— Как они нашли меня? — спросил Уэйлин.

— Они нашли следы твоего пребывания среди американских хиппи в Катманду. В конце концов тебя отыскали в одной из калькуттских тюрем. Или бангкокских? Очевидно, ты осквернил храм: вошел в него голым или там взял и разделся. Они ухитрились добиться, чтобы тебя выпустили и доставили к дверям американского посольства. Ты был очень болен. Видимо, тяжело переживал ломку. Может быть, ты даже и не все помнишь про то время.

Доктор погасил сигарету.

— Тогда же твою мать несколько раз пришлось госпитализировать. Чтобы избежать нежелательной огласки, ее сиделка звонила нам каждый раз, когда возникала угроза приступа, и я лично отвозил ее в больницу. Твоя мать часто отказывалась от врачебной помощи, хотя было очевидно, что она чрезвычайно в ней нуждается. Иногда нам приходилось, — он сделал паузу, подыскивая слова, — применять транквилизаторы. Но вообще-то ей здесь нравилось. Если уж ее привозили, то ей просто не хотелось уезжать из Нью-Хейвена. Вот почему я да и весь персонал лечебницы знаем так много о тебе, Джонатан. Служащие банка и опекуны постоянно звонили мне. И мать очень часто про тебя рассказывала. У нее всегда на ночном столике была твоя фотография.

- Какая фотография?
- Твоя детская фотография. Ты стоишь рядом с отцом.
- Отчего умерла моя мать?
- С тех пор, как умер твой отец, мать постоянно болела.
- Она покончила с собой?
- Доктор немного помолчал.
- Это был просто несчастный случай. Она хранила все лекарства в маленьком холодильнике в спальне. Возможно, когда холодильник размораживали, пузырьки намокли и ярлычки отклеились. В ту ночь твоя мать приняла лекарство не из того пузырька. Вот и всё. Просто несчастный случай.
- Вскрытие делали?
- Нет. А зачем? Она была под врачебным надзором.
- Почему ей позволяли держать в спальне такие сильнодействующие лекарства?
- Когда умер твой отец, все чувства и заботы исчезли из ее жизни. Это было ужасно. Ее жизнь стала бесцельной.
- Но был я, — сказал Уэйлин.
- Ну да, был. Но тебя выгнали из колледжа, ты принимал наркотики, ты попал в историю с этой девицей...
- Кэйрин, — подсказал Уэйлин.
- Да, Кэйрин. Вот все и решили, что тебе будет лучше пожить за границей. И твоя мать, возможно впервые в жизни, осталась совсем одна.

Я вспоминаю званый ланч, который устроили родители девицы, проживавшей с Кэйрин в одной комнате. Мы явились прямо с занятий. После еды старшие отправились в клуб играть в гольф или карты, прочие пошли купаться, остались мы с Кэйрин; она стояла в дверном проеме, провожая взглядом отъезжающие автомобили. Я раздвинул пряди ее волос и поцеловал в шею. Кэйрин покраснела, но не шелохнулась и ничего не сказала. Я запустил ладони под блузку и положил их на ее груди. Она ненадолго закрыла глаза, отвела мою руку и повела в гостевую спальню. Мы разделись и ласкали друг друга. Я почувствовал ее желание и попытался проникнуть в нее, но она остановила меня. Я не принимаю пилюли, сказала она, боюсь побочных эффектов. К тому же, добавила она, мне хочется внутрь только спьяну или наширявшись. Я предложил ей выпить, но она отказалась. От выпивки меня тошнит, сказала она. Мы продолжили. Я чувствовал, как она возбуждена, но когда я спросил, можно ли войти, она сказала, что не хочет кончать. Она убеждала меня, что это отвратительно, то, как она кончает, все эти вопли и повизгивания. Я целовал ее глаза, волосы, рот и все говорил ей, все говорил, как мне хочется почувствовать ее изнутри. Но она все отказывала, утверждая, что может меня любить и без оргазма. Мои пальцы играли с ее плотью, я ее целовал, я в нее впивался. Ее тело содрогалось, ее тело извивалось,

она задышалась, она влажнела, но не кончала, никак не кончала. Оттолкнув меня, принялась рыдать. Я пытался успокоить ее, но она уткнулась лицом в подушку и ревела безудержно. Когда она приутихла, я обнял ее и спросил, почему же она не может кончить? Она сперва ничего не сказала, но потом призналась, что часенько запирается у себя в комнате и возбуждает себя фантазиями и журнальчиками. Потом ложится на живот и ласкает себя, пока не кончит. Я спросил, выходило ли у нее это с мужчинами. Она сказала, что пару дней назад приняла ЛСД с одним африканским студентом, который пробовал кислоту в первый раз. Они пошли к нему в комнату и, пока шел кайф, трахались. У него был маслянистый, кисленький, пахучий пот, и она отметила про себя, что он не обрезан. Когда он был сверху на ней, он казался ей блестящей черной зверушкой, полуящеркой, полубелкой, которая вгрызается в орех ее нутра. У нее не хватило силы вовремя оттолкнуть его, и он кончил-таки в нее. Как она перепугалась! Пошла в пункт «Скорой помощи», наврала, что ее изнасиловали, и выклянчила таблетку, ну эту, которая «поутру».

Я перевернулся на спину и силой уткнул ее носом в мой пах.

— Валяй, — приказал я ей. — Мне плевать, нравится ли это тебе, я просто хочу кончить.

Я сжал ее плечи, и она подчинилась, склонила голову и нежно заглотила меня. Я приказал ей не церемониться и не быть такой неж-

ной, обхватил ее голову и прижал к себе до упора. Она методически двигала головой, помогая себе языком и пальцами. Я почувствовал, что она снова возбуждается. Она старательно трудилась и при этом сама вышла из равновесия, но, когда почувствовала, что я почти готов, резко остановилась, бросила меня и вновь уткнулась лицом в подушку. Но на этот раз слез не последовало.

* * *

Я отдал Кэйрин все мои заметки и фотографии, сделанные в Бирме, Индии и Африке. Я сделал это, потому что мне хотелось показать ей нечто материальное, связанное с моим прошлым, чтобы она смогла лучше понять его. В то же время я гадал, значит ли для нее мое прошлое вообще что-нибудь. Я всегда опасаюсь, как бы какая-нибудь история из моего прошлого не испортила моих отношений с теми или иными людьми в настоящем. А поскольку нельзя предсказать, какая именно, я всегда старался держать язык за зубами. Я мастерски научился утаивать детали, переделывая свои воспоминания в угоду собеседнику. Обычно я старался скрыть самые отвратительные или мерзкие подробности. Но с Кэйрин я ничего не боялся. В разговорах с ней не было нужды скрывать то, что другому человеку показалось бы чудовищным или странным.

Это для меня существенная разница. С другими людьми мне приходится быть крайне

осторожным. Мои друзья не способны понять моего двойственного отношения к жизни. Они думают, что я избегаю трудных положений, чтобы уйти от самого себя или от моей семьи. Они не понимают, что я ищу экстремальных ситуаций для того, чтобы открыть в себе все мои многочисленные «я». Если я расскажу им лишнее, они приходят в ужас. Или, что еще хуже, «смирятся» со мной, решив, что мое отношение к жизни продиктовано врожденной эксцентричностью или психическим отклонением.

Только однажды мне удалось почувствовать себя так же свободно, как я чувствую себя с Кэйрин. Это было в то время, когда я жил в Африке вместе с Энн, хотя Энн все же никогда не была мне так близка, как Кэйрин. И в сексе она не возбуждала меня так, как Кэйрин. Для меня нет ничего лучше, чем ожидание близости с Кэйрин. Я чувствую с ней, что меня можно любить таким, какой я есть, а не за внешность или поступки. Все во мне становится приемлемым, все становится отражением моей сущности. Я уверен, что обладаю такими качествами, которые проявляются только тогда, когда меня любят по-настоящему.

Отдавая Кэйрин мои заметки, я сказал ей, что писал их для себя. Тогда я и сам верил в то, что сказал. Несомненно, мне становится неловко от мысли, что я написал все это исключительно ради собственного удовлетворения. Но все-таки я же знал, что обязательно дам

прочитать их Кэйрин. Я же знал, что придет день, когда она их увидит.

Мне всегда хочется вернуться туда, где опыт еще не оформился в слова. Я подозреваю, что, высказывая свои мысли или переводя подсознательные импульсы в слова, я предаю истину, которая остается скрытой. Вместо того чтобы выразить себя, я составляю упорядоченное высказывание о состоянии сознания какого-то вымышленного субъекта.

Пересматривая свои заметки, я понимаю, что им не хватает полноты. Что будет, если Кэйрин сочтет мое представление о ней неадекватным? Может, она высмеет меня за банальность и наивность моих мыслей? И тогда я жалею, что так раскрылся перед ней.

* * *

Внутри меня шла такая напряженная борьба, что я даже вспотел. Было такое ощущение, что две половины моего «я» вступили в физическое единоборство. Я то говорил своим обычным голосом, то хныкал, как малое дитя: «Как она могла такое сказать? Неужели вы не видите, что она творит?» Я хотел, чтобы другие почувствовали, какую боль причиняют мне ее слова, но никто ничего не замечал. Толстая женщина рассказывала мне что-то про свою яхту. Я видел, как шевелятся ее губы, но внутри меня звучал только голос Кэйрин: «Я решила, что нужно забыть тебя. Наши с тобой отношения — это единственное, о чем я не хотела бы никогда

вспоминать». Я присел на предложенную мне тахту и сосредоточился на стакане со скотчем.

В детстве я любил лежать на полу с закрытыми глазами в надежде на то, что люди пройдут мимо меня и не заметят. И тогда я пойму, что и вправду стал невидимкой. Но в то же время я помню, что, когда папин лакей Энтони действительно прошел мимо меня, не заметив, я испугался. Видно, мне все же хотелось, чтобы меня видели. А теперь я выяснил, что я не просто всегда был видимым — за мной еще и следили. Из-за моего отца, из-за Компании, из-за всех этих денег. Целая куча народу постоянно интересовалась моим существованием. И только отец делал вид, что меня не существует вовсе.

Мне ни разу не удалось потерять контроль над собой. Если одна половина моего «я» его теряла, то освободившееся место немедленно занимала другая. Однажды я сидел скрючившись в кресле и рассматривал свое отражение в большом зеркале на стене гостиной. Щеки покрывал густой румянец, и сам я выглядел как незащитный ребенок. Внезапно я расправил плечи, и выражение на моем лице резко переменялось. Оно стало замкнутым и жестким. Эта перемена была произвольной. Она просто произошла — и всё. В другой раз я спрятался за отцовским стеллажом для папок и заорал что было мочи. Я решил, что буду так кричать, пока кто-нибудь не найдет меня. «Кто-то кричит», — сказал мой отец; моя мать ответила:

«Да никто не кричит, успокойся. Мы опаздываем». Я открыл рот, чтобы снова закричать, но не смог.

Когда Кэйрин высмеивает или пытается оскорбить меня, она выпускает на волю скрывающегося во мне ребенка. От страха и одиночества бесконтрольные эмоции начинают рвать меня в клочья. Это похоже на какой-то приступ. Меня сковывает паралич, и я не могу ничего с этим поделать, пока все кусочки в калейдоскопе моего сознания снова не улягутся на свои места.

* * *

Я все еще страдаю от неприязни, которую испытывал ко мне отец, и безразличия, с которым смотрела на меня мать. Я знаю, что неправ, соглашаясь испытывать эту незаслуженную боль, и только сам виноват в том, что чувствую ее. Никто не может быть наказан лишь за то, что он таков, каков он есть.

* * *

Мы с Кэйрин поспорили насчет групповой терапии. Я сказал ей, что мне, если пытаться быть честным до конца, придется играть не одну, а несколько ролей. Когда я играю роль собственного отца, я говорю его голосом, тем голосом, который для меня связан с наказанием. Но этот же голос для меня связан и с утешением, когда он произносит: «Ты лучше других, не бойся ничего, потому что ты — мой сын».

Эти роли переплетены друг с другом, они неразделимы. Так одеяло согревает младенца, но под ним он может и задохнуться. Кэйрин сказала, что я просто лжец.

* * *

Ко мне постепенно возвращается былой страх перед насилием. Впервые я почувствовал его в раннем детстве, когда, лежа в постели, я услышал своего отца в припадке бешенства. Я думаю, что все, включая мою мать, боялись этих припадков не меньше, чем я. В тех редких случаях, когда я отваживался выразить свое несогласие с отцом, он жестоко избивал меня, не обращая внимания на присутствующую при этом няньку. Еще одной жертвой его гнева был наш пес Месаби. Как-то ночью, когда мы жили на Уотч-Хилл, я проснулся и услышал, что собака скулит где-то снаружи. Я накинул халат и вышел из дома. Отец стоял у кромки прибора, ухватив пса за ошейник, и молотил его кулаком по голове и бокам. Собака выла от боли. Я не стал вмешиваться. Я просто смотрел, раздираемый разными чувствами: состраданием к бедному животному, гневом на отца и сознанием собственного бессилия. Я спасался от страдания в мире фантазий, в которых я всегда оказывался победителем. Я играл в игры с оловянными солдатиками и острыми ножами. Я читал книги о великих вождях, которые стали для меня кумирами. Я был в восторге, если в биографии героя ничего не говори-

лось о его родителях. Создавалось ощущение, что у этих людей не было отцов; неудивительно, что они стали такими сильными и могучими, наказывающими кого угодно когда им заблагорассудится. Они просто родились отцами.

* * *

Мы открывали секс вместе — Кэйрин и я. Мы сообщили друг другу домашние прозвища, данные нашим гениталиям родителями. «Ватрушка» и «маленький гадкий петушок». Ей ужасно хотелось знать, куда девается мой «петушок», когда я езжу на велосипеде. Лежит ли он прямо на седле велосипеда или свисает сбоку от него? Не расплющивается ли он, когда я лежу на животе? Как-то мы вместе с другими детьми пошли в лес и там ставили опыты с палками. Кэйрин до сих пор помнит, как глубоко вошел в нее сучок и как она хотела, но боялась закричать. Одна из девочек проболталась матери Кэйрин о том, что было в лесу. Мать выпорола Кэйрин и отобрала у нее подаренные мной полдоллара, сказав, что это грязные деньги, которые мерзкие мальчишки дают девочкам, чтобы те делали всякие гадости.

Я помню, как Кэйрин щупала мой, как мы его окрестили, «червячок» и пыталась его открутить. Она заявила мне, что у женщин соски постоянно твердые. Я не мог в это поверить. Когда через много лет я впервые попал на стриптиз, больше всего мне хотелось увидеть соски. На вид они показались мне довольно твердыми.

Когда мы уже были намного старше, мы об-суждали, как она относится к стимуляции паль-цем. Кэйрин сказала, что, когда парень это де-лает девушке, а та сама не знает, как много го-това ему позволить, и от страха его динамит, это одно дело. Но иногда девушка нарочно на-страивается только на это и ни на что больше. Я спросил Кэйрин, больно ли это в первый раз. Она сказала, что вот когда трахают по-настоя-щему, тогда больно. Она сказала, что в ту ночь, когда мы запарковались возле пляжа, она бы-ла смущена и перепугана. Но как только почув-ствовала внутри себя мой палец, сразу успоко-илась, расслабилась, и было только приятно.

Предположим, что некая девушка не хочет трахаться с неким парнем. Должна ли она поз-волять запустить в нее палец?

— Почему бы и нет? — ответила Кэйрин. — Если девушка от этого оргазма не получит, то настоящий трах ей и вовсе ни к чему.

Я тогда еще про себя подумал, может ли де-вушка получить оргазм просто от пальца. Я в этом сильно сомневался.

* * *

Однажды Кэйрин выпила стакан неразбав-ленной водки и выдала после этого:

— Ты что-то скрываешь. — Она улыбну-лась. — Ты скрываешь мертвое тело. Твое соб-ственное.

На этом все кончилось. Я уехал за грани-цу, и больше мы не виделись. Почему она не

соблазнила меня? Я не знаю. Почему она оскорбила меня, а не разыграла гневную сцену или отчаяние, вместо того чтобы осыпать меня оскорблениями? Все, что она делала, внезапно показалось мне скучным и заранее отрепетированным. В ней не было спонтанности, не было воображения. Она существовала в каком-то своем вакууме и казалась непроницаемой. Она заразила меня своей омертвелостью, своим нежеланием ни на что реагировать.

Почему я всегда выбираю женщин, которые не могут всецело мне отдаться, которые понимают любовь как нечто, основанное на подавлении и неявном соревновании? Я рисую себе смехотворную картину: полночь, седовласый Джонатан Джеймс Уэйлин сидит в своей библиотеке. Днем он признался своему психоаналитику в том, что всегда одерживал верх над женщинами, всегда был в состоянии контролировать их поступки. И пока Уэйлин сидит за своим письменным столом в темноте, женщина его мечты лежит нежданная в его постели.

Мне необходимо веское доказательство того, что я нужен Кэйрин. До сих пор я получал его только методом от противного. Вчера, в гостях у нее, я беседовал с редакторшей одного из журналов мод.

Она сказала:

— Я не хочу подолгу стоять рядом с тобой, иначе могут подумать, что мы с тобой спим.

Часом позже она подошла ко мне в гостиной и сказала:

— Я бы хотела пригласить тебя к себе домой, но боюсь, что потом я тебя уже не выпущу.

Она меня совсем не привлекала, но мне нравилось, что я привлекаю ее. Как только я ее поцеловал, вошла Кэйрин.

Гости всё не расходились. В два часа ночи мы еще пили пиво и трепались. Кэйрин делала вид, что меня не замечает. Наконец, когда все разошлись, она повернулась ко мне и сказала: «Ну, иди, трахни эту суку-редакторшу! Давай, иди! Оставь меня!»

Мы пошли в постель. Я был уверен, что смогу переломить ее настроение, и принялся ее целовать. Она села на край постели и надавала мне пощечин.

— Не приставай ко мне, — закричала она, — или я из тебя душу вышибу! Не мешай мне спать.

Я был обижен, но желание мое от этого только усилилось.

На следующий день по телефону она сказала, что не может быть со мной, если я собираюсь быть еще с кем-то. Я сказал ей, что она права, и, по-моему, солгал. Она спросила меня, не влюбился ли я в эту бабу. Я сказал, что нет, однако в какой-то степени я к ней привязан, потому что не могу не быть привязан к женщине, которую трахаю. «Если я с женщиной, если я внутри нее, если я чувствую ее под собой...» — вот такую околесицу я нес. Тут Кэйрин извинилась передо мной, сказав, что надавала мне пощечин в истерике. Она вовсе не хотела этого

делать. Я сразу же вспомнил ту шлюху, которая ударила меня кошельком по лицу, когда я сказал ей, что она просит слишком много денег. Я сразу в нее влюбился. В этом долбаном мире только так женщина может взять власть над мной — жалобы и слезы бесполезны.

* * *

Перед самым моим отъездом из Америки вокруг Кэйрин вертелось много всяких других мужиков, в частности Дэйвид. То, что он был актером, сильно на нем сказалось: выпростай своего дурачка и загони его им всем под кожу в любой ситуации: на столе, прижав к стенке, на ковре, жми, соси, лижи, дави — в этом был весь Дэйвид. Однажды у меня на глазах Кэйрин ему дала. Сказала: «Я хотела бы трахаться, крошка, с тобой до тех пор, до тех пор, пока...» — и, схватив его за руку, затащила в ванную комнату и захлопнула дверь на защелку. Когда они вышли, она спросила у него: «Мы еще увидимся?» — на что он ответил: «Не знаю, это зависит от того, насколько сильно тебе этого захочется».

* * *

Чтобы помочь мне разобраться с моими делами, банк прислал ко мне секретаршу, худую робкую девушку в очках с толстыми стеклами и без косметики. Прогуливаясь по улицам города эти жарким душным днем, я обнаружил, что нахожусь в растерянности и не знаю, приглашать эту девицу ко мне домой или нет.

Интересно, испытывала ли Кэйрин такие же сомнения, когда изменяла мне?

Как-то раз, лежа в постели рядом со мной, Кэйрин сказала, что теперь, когда она раскрепостилась, она стала лучше понимать меня. Главные мои проколы, сказала она, в том, что я не умею действовать спонтанно, не способен потерять над собой контроль. Я ответил, что она вряд ли помогает мне расслабиться тем, что преспокойно почитывает книжку или дремлет, в то время как я мучаюсь от бессонницы. Тогда она запустила руку ко мне в пах и, не дождавшись от меня никакой реакции, сказала: «Спокойной ночи, ледышка! Смотри, не заморозь меня ночью!» А потом повернулась ко мне спиной. Словно она сама меня не обламывала точно так же сотни раз и словно она сама не была одной из самых зажатых женщин, какие мне только встречались. Я попытался сказать ей это, но она уже уснула. Ловко у нее это вышло.

* * *

Вероятно, тебе будет приятно узнать, Джонатан, что двое из твоих бывших опекунов только что заняли ответственные посты в Вашингтоне. Джеймс Эббот стал помощником государственного секретаря по европейским делам, а бывшего председателя совета директоров Чарльза Созерна президент назначил главой казначейства. Кое-что поменялось в жизни и у других членов правления. Ближайший помощник твоего отца Уолтер Уильям Хоумет

достиг пенсионного возраста. С его стороны было весьма любезно согласиться остаться в правлении в качестве почетного члена. Стенли Кеннет Клейвин, еще один член правления, ушел с поста исполнительного директора Компании. Мистер Клейвин сказал, что, поскольку почти все подразделения Компании ныне возглавляются представителями нового поколения, следует предоставить им возможность обрести нового руководителя, с которым они смогли бы работать в полном взаимопонимании.

* * *

Старый беззубый негр, явный наркоман, сидел напротив меня в вагоне подземки. Когда вошли два молодых полицейских, он подмигнул мне и пробормотал: «Мне тут так клево, сынок, так клево — у тебя под крыльшком». Он начал раскачиваться из стороны в сторону и тем привлек к себе внимание копов. Один из них подошел к нему и велел сойти на следующей станции. «Я к себе домой еду, — запротестовал негр, — к себе домой». Когда двери открылись, а негр не пошевелился, полицейские вышвырнули его из вагона. Это была моя станция, поэтому я вышел на платформу вслед за ними. Полицейские толкнули старика. Он упал на каменный пол и не смог больше встать. Тогда они поволокли его по платформе за руки. У негра с одной ноги слетел ботинок. Один из копов подцепил его концом своей дубинки-фонарика и сбросил на рельсы. Только тут полицейский

заметил, что я иду за ними следом, и спросил, чего мне нужно. «Что он вам такого сделал?» — спросил я. «Он угрожал мне своей тростью», — сказал один из них с ухмылкой. Не сказав ни слова, я отправился на другой конец платформы, чтобы найти еще одного свидетеля. Когда я вернулся, полицейские ушли. Старик лежал на спине, размазывая по лицу кровь и слезы.

Я помог ему встать и сказал, чтобы он шел домой, но тот даже не пошевелился. «Нет, — всхлипывал он. — Они это так не оставят. Они меня ждут за углом». Я поднялся по лестнице и на верхней площадке обернулся. Старик стоял на коленях и раскачивался из стороны в сторону, уставившись на кровь на своих ладонях.

* * *

Я должен сказать вам, мистер Уэйлин, что бывают весьма странные типы. Например, одна тут дала парню себя потешить прямо на кладбище. С тех пор как я здесь работаю, я всякого народу перевидал, самого разного. Но эта девка была просто отвратительна. Лет двадцать ей было, волосы такие длинные, светлые. А типчику, который с ней, годков двадцать пять, да и тех не было. Она не плакать сюда пришла, судя по тому, как она хихикала. Вскоре и парень этот вслед за ней принялся хихикать. А затем, ну может быть ярдах в двухстах от могилы вашего отца, он положил ей одну руку на сиськи, а другую запустил между ног. А девке-то, видно, все это нравилось, раз она

даже не пыталась отбиваться. Я прямо на месте встал как вкопанный, будто мне было приятно на них смотреть. Уж не знаю, что они в этом находили — заниматься гадостями прямо на кладбище, но меня, скажу честно, чуть не вывернуло.

* * *

Когда я жил в Калькутте, мой слуга делал за меня всё. Он отвечал на письма и заводил мою машину дождливым утром. Он готовил мне обеды и ходил за мной по пятам. Когда он уволился, я впал в панику, но вскоре успокоился и даже не стал нанимать другого слугу. Я испытываю сильную боль, когда из моей жизни уходят дорогие мне люди, но не умею печалиться слишком долго.

* * *

Я взялся за себя. За прошлую неделю мне удалось привести в порядок все внешние атрибуты моего существования. Я обедаю в лучших ресторанах, я посетил дантиста, я завел еженедельник, в котором отмечаю звонки и встречи, я тщательно выполняю все свои многочисленные обязанности.

Я побеседовал с юристами о моих доходах и моих налогах, я договорился с ними, кто отныне будет моим управляющим и на каких условиях банк теперь будет оплачивать мои счета. Мне показали, в каком из сейфов банка хранятся мои важнейшие финансовые доку-

менты. Я даже развесил свои рубашки в платяном шкафу гостиничного номера таким образом, чтобы они все были пуговицами в одну сторону.

Я думаю, что жить вместе с Кэйрин практически невозможно, потому что она требует слишком многого от себя и от других. Она продолжает работать, хотя, при моих-то доходах, могла бы этого и не делать. Она хочет, чтобы я относился к ней «по-отцовски», а я этого не хочу. Любит ли она Сьюзен или нет, но ей определенно нужен кто-то вроде Сьюзен — преданный, верный и полностью зависимый от нее. Я на эту роль не гожусь.

Энн была для меня тем же, чем Сьюзен для Кэйрин. Но с одной большой разницей: Энн много лет занималась психоанализом и прекрасно понимала все мои комплексы. Она чувствовала, когда я теряю над собой контроль, и подыгрывала мне, даже если я был жесток с ней. Она соперничала мне, понимала мои страхи, мою неуверенность в себе и мой гнев. Я пытался уничтожить ее, а она пыталась мне помочь.

Энн страдала, когда я начал встречаться с Марией, потому что ей было ясно, что она не выдерживает сравнения с ней. Она знала меня достаточно хорошо для того, чтобы понять, как сильно я привяжусь к Марии и что Мария сможет утешить меня так, как она никогда не сумеет. Но Энн не протестовала. Она страдала и мучилась абсолютно пассивно. Я солгал

Мэри насчет Энн. Я сказал, что мне нужно только разобраться в наших отношениях, а так я устал от Энн и скоро с ней расстанусь. На самом же деле я продолжал встречаться с Энн и после того, как якобы порвал с ней.

Прошлой ночью мне приснилось, что я, Кэйрин и Сьюзен оказались в огромном доме, наполненном людьми. Кэйрин хлопотала, пытаясь что-то организовать, а я чувствовал себя нелепым, бесполезным и ужасно одиноким. Кэйрин была в состоянии справиться сама со всеми делами по хозяйству, я же мог только стоять в углу и смотреть. Заметив это, Сьюзен просто расцвела.

Я обнаружил, что по-настоящему Кэйрин мне симпатична только тогда, когда она утомлена или плохо себя чувствует. Я устал оттого, что она все время оправдывается. Несколько раз она звонила мне, когда я был в банке, окруженный со всех сторон явно прислушивающимися к разговору людьми. В таких обстоятельствах я не мог свободно выразить свое негодование по телефону. Дважды перед этим я намеревался провести пару деньков с Кэйрин после тяжелой деловой недели, и оба раза она позвонила всего лишь за несколько часов до встречи, чтобы сказать, что не сможет прийти. Похоже, неорганизованность становится ее привычкой. Вероятно, другие дела и другие люди для нее важнее, чем я. Я опасаясь, что эти отмены означают только одно — она больше не любит меня и скоро нашим отношениям при-

дет конец. Конечно, если ей хочется по-настоящему отдохнуть, то лучше делать это без меня, но неужели наши встречи так утомительны, что перед ними обязательно нужно хорошо отдохнуть? И неужели мы можем отдыхать только по отдельности? Может, и вправду Кэйрин сильно устает, но тут скрывается что-то еще. Если бы она мне прямо сказала: «У меня нет настроения провести эти выходные с тобой», — мне стало бы намного легче. Вчера, когда она позвонила мне, я понял, что просто не могу подойти к телефону. Я знал, что это жестоко, что я поддался порыву гнева, но сомнение и недоверие постоянно омрачают мою жизнь своими тенями. Упрямство Кэйрин способно взорвать меня. Я становлюсь очень ранимым, а когда я не уверен в себе, инстинктивно заслоняюсь от мира сарказмом. Это как подводное плавание. Под поверхностью воды царит тишина и спокойствие. Ты скользишь и созерцаешь мир, который никогда раньше не видел. Ты боишься, что кончится кислород или что на тебя нападут акулы. Ты чувствуешь опасность, таящуюся в каждом коралловом гроте, и даже если убедишься, что в этом гроте никого нет, остается еще много других.

* * *

Мне пришлось побыть сиделкой при вашей матери один-единственный раз. Я отдыхал со своей семьей на юге Италии, но тут врач вашей матери позвонил мне из Нью-Хейвена и

спросил, не могу ли я прервать отпуск и немедленно отправиться к ней. Очевидно, у него был разговор с вашей матерью ночью и он знал, что припадка не миновать. Яхта была в двух днях пути от ближайшего аэропорта, да и мать ваша была слишком больна для любой поездки. Самолет забрал меня из местного аэропорта и доставил в Мадрид. Из Мадрида стараниями консула армейский вертолет переправил меня на яхту вашей матери в районе Форментеры.

Когда я приехал, ваша мать уже была в ужасном состоянии. Она взбеленилась, увидев меня, и потребовала, чтобы меня немедленно отправили обратно тем же вертолетом. Она пыталась приказать матросам запереть меня в каюте. Я показал капитану-испанцу врачебные предписания, лекарства и шприцы, которые привез с собой, но тот отказался содействовать. Перед самым моим приездом один из гостей вашей матери, господин средних лет, подсунул молодому матросу наркотик. Воспользовавшись состоянием этого подростка, гость изнасиловал его. Парнишку нашли в каюте, истекающего кровью и бредящего от наркотика. Капитан потребовал от вашей матери возместить парню моральный ущерб и постарался замять дело. Все это усилило дурное состояние вашей матери, и она безостановочно требовала, чтобы я покинул корабль. Хотя всем было ясно, что она не в своем уме, многие гости приняли ее сторону. Когда я сказал, что ни за что не уеду, ваша мать впала в истерику.

Она заперлась в каюте и никого не впускала. Через дверь было слышно, как она швыряет там вещи. Я пытался выманить ее, но она заперла дверь, а капитан отказался ее ломать. Тут еще шторм начался. Чтобы яхту не сорвало с якоря, мы снялись и вышли в открытое море, которое к тому времени уже разбушевалось. Наконец мне удалось убедить капитана взломать дверь каюты. Когда мы ворвались, ваша мать принялась кричать. Она не давалась мне, когда я хотел сделать ей инъекцию. Доктор мне рассказал про предыдущие подобные случаи, но тем не менее я даже не представлял, что мне может понадобиться помощь.

Когда я снова попытался к ней приблизиться, ваша мать взяла большой мраморный нож для бумаг и начала угрожать, что всадит его мне в брюхо. Она стала швыряться расческами, косметикой, брошками, кулонами, кольцами, всем, что попадалось ей под руку. Некоторые вещи вылетали через открытые иллюминаторы, другие падали на пол.

К тому времени как капитан задраил иллюминаторы, много ценных ювелирных изделий уже обрело покой на дне морском. Тут только до капитана дошло, насколько серьезно состояние вашей матери. Он сообразил, что все эти побрякушки стоят больших денег, а спросить могут с него и с команды.

Но тут ваша мать слегка успокоилась. Она побледнела, ее охватила слабость, тело было все в синяках — она падала, когда яхту хоть

немного качало. Ее начала бить дрожь и стало рвать. Она просила о помощи, как больная девочка, и, когда я подошел к ней, не стала сопротивляться. Пустой пузырек из-под прописанного ей лекарства лежал на столике рядом с початыми бутылками джина и водки. Капитан был в панике. Он дал радиограмму консулу. Вертолет, которым я прилетел, ожидал нас в порту. В Пальме я забрал вещи вашей матери — помню, что среди них была фотография: вы вместе с вашим отцом, — и посадил вашу мать на самолет. Мы полетели в Мадрид, где уже ждал заказанный чартерный рейс до Штатов. Во время полета вашей матери провели предварительный курс лечения и внутривенное питание. В аэропорту нас встретил лимузин и доставил в нью-хейвенский госпиталь. А еще через два дня я вернулся в Италию, чтобы продолжить прерванный отдых.

* * *

С ними ничуть не труднее управиться, чем с любой технической штуковиной. Что такое, в сущности, планер? Большая посуда из стеклопластика, упакованная всякими приборами. Втискиваешься в кабину и пристегиваешься к креслу, как автогонщик. Тебе показывают, для чего служит какой рычаг: вот это — элероны, это — сцепка с буксировщиком, это — шасси, а это — посадочный парашют. Еще там есть альтиметр, компас, кислородная маска и так далее. В общем, все не так сложно, как кажется.

Вначале, пока планер идет еще на буксире, скорость возрастает медленно. Ты чувствуешь себя грузной птицей, которая никак не может оторваться от земли. Затем, когда планер поднялся всего лишь на несколько футов, концы крыльев внезапно выгибаются наподобие лука и выталкивают фюзеляж вверх. И тогда уже можно расцепляться с буксировщиком и убирать шасси. Все, что ты слышишь, — это свист ветра в ушах, а вокруг тебя — облака, похожие на комки ваты.

Дух захватывает, когда летишь со скоростью сто сорок миль в час. Ты то взмываешь вверх, то ныряешь вниз, и потревоженные облака клубятся у тебя за хвостом. Весь корпус вибрирует. А потом тянешь на себя штурвал, и снова наступает спокойствие. И тем не менее все мы больше любим такую скорость, которая в любое мгновение может разнести тебя на куски.

* * *

Впервые я встретил его на гонках колесных буеров в Африке. Буера представляли собой хрупкие, изящные конструкции с яркими разноцветными парусами и тремя резиновыми колесиками. При сильном ветре паруса у них раздувались, и они летели вперед, как камни из пращи, проносились через многолюдный пляж и исчезали в песчаном пекле меркнущими цветными точками.

Гонки проходили на узкой полоске песка в Укунда-Бич, протянувшейся между морем

и джунглями. Когда буера достигали дальнего конца пляжа, они ложились в бейдевинд, косо срезая путь от джунглей к океану и разворачиваясь на самой кромке вод с одним колесом в воздухе и другим в пене прибоя. Затем они мчались в сторону джунглей, разворачивались, на этот раз касаясь колесом ветвей деревьев, и вновь устремлялись к океану. Перед самым финишем один из гонщиков потерял управление на крутом вираже. Его буер перевернулся и разбился. Одно колесо оторвалось и покатило в джунгли, стукнув по пути огромную змею, окольцевавшую ствол дерева. Тонкие деревянные прутья такелажа пронзили человеческое туловище, и кровь капала себе и капала на желтый песок и на желтый парус и тут же высыхала. Потревоженная змея подползла к обломкам и нежно обвилась вокруг мачты.

Гонщик из Европы согласился подкинуть меня до Лесото. Мы уселись в его старенькую «тойоту» и взяли курс на Дар-эс-Салам, а с наступлением сумерек свернули с шоссе на пляж. В накатившейся волной темноте фары джипа отражались в глазах вышедших на охоту диких кошек. На еще теплом песке мы расстелили свои одеяла возле машины и наполнили ночь звуками радио на страх хищникам.

Перед тем как улечься, гонщик зажег яркую ацетиленовую лампу, развязал маленький полиэтиленовый мешочек и достал из него склянку изопропилового спирта, хрупкую стеклян-

ную ампулу, крошечный одноразовый шприц и несколько ватных тампонов. Я смотрел, как он продезинфицировал левое запястье и наполнил шприц белой жидкостью из ампулы. Потом он аккуратно ввел под кожу короткую иглу и медленно произвел впрыскивание. Он объяснил, что инъекция служит против вируса, который поразил его зрительный нерв и может вызвать внезапную слепоту. Поскольку нет никакого лекарства, которое могло бы убить вирус и не повредить при этом сам глаз, он пользуется аутогенной вакциной, приготовленной из его собственного вируса. Вирус может оказаться смертельным, и поэтому никто не отвечает за исход лечения. Когда я спросил его, в чем состоит опасность, он объяснил, что если его организм не справится с ядом, содержащимся в вакцине, то смерть неизбежна. Он сказал также, что дозу нужно увеличивать каждую неделю в расчете на то, что если его организм научится справляться с вакциной, то глаз также приобретет способность сопротивляться возбудителю болезни.

— Сколько раз вы уже делали эту инъекцию? — спросил я его.

Он смотрел, как расплзается по руке красное пятно.

— Три раза. Но на этот раз я значительно увеличил дозу.

Я содрогнулся, представив себя в джунглях наедине с его трупом, в семидесяти милях от ближайшего человеческого жилья.

— Вам не кажется, — сказал я, — что не следовало бы делать это так далеко от больницы, здесь, где и врача-то обычного нет?

— Не кажется, — ответил он. — Это не имеет ни малейшего значения, потому что против этого вируса все равно нет противоядия. Будет похоже на укус ядовитой змеи. Несколько минут — и мои челюсти сведет судорога, глаза закроются, а легкие перестанут поглощать кислород.

Он посмотрел на часы.

— Пять минут, — сказал он, укладывая медицинские принадлежности обратно в мешочек, — а я все еще жив. На этой неделе, похоже, мне умереть не придется.

— Сколько недель вы должны вводить эту вакцину?

— Пятьдесят, если только не ослепну раньше, — ответил он. — Или если меня не укусит во сне какая-нибудь смертельно ядовитая змея. Спокойной ночи.

Он погасил лампу и заснул. Я лежал, прислушиваясь к голосам джунглей и вспоминая змею, обвившую мачту.

На следующий день, когда наша машина продиралась через густой подлесок, он показал мне пару местных ребятишек, далеко ушедших от своей деревни.

— Здесь часто похищают детей, — сказал он. — Извращенцы и всякие сволочи собираются со всей Европы и Африки, заказывают себе джип для сафари и колесят вдали от больших

дорог, пока не наткнутся на ничего не подозревающих африканских мальчишку или девчонку. Они насилуют ребенка в свое удовольствие, убивают и бросают тело в буш, где его пожирают гиены.

Позже я спросил его:

— Откуда вы так хорошо знаете эти джунгли?

— Люблю детей, — ответил он, посмеиваясь.

* * *

— Вы, вероятно, помните, что эти облигации перешли в вашу собственность после того, как вашу долю в «Тинплэйт» мы перепродали «Эс-Эф-Ай». Не хотели бы вы совершить с ними или их частью тендер и приобрести ликвидные акции? Доход будет ниже, чем с облигаций, но они более привлекательны с точки зрения роста котировок. Нам предлагают 3,2 акции «Эс-Эф-Ай» за облигацию номиналом сто долларов. Это дает нам при нынешнем курсе акций семьдесят пять долларов на облигацию, которую сейчас продают за шестьдесят восемь. В начале же года ее стоимость не превышала пятидесяти трех долларов. Разумеется, согласие других держателей облигаций зависит от их оптимизма касательно положения «Эс-Эф-Ай» на рынке. Как вам, скорее всего, известно, их бумаги весь этот год стабильно растут в цене, и поэтому держатели акций могут рассчитывать на хорошие дивиденды. Если бы удалось выставить на тендер все облигации, балансовый отчет «Эс-Эф-Ай» выглядел бы намного лучше

за счет меньшего дебета. Сдругой стороны, эмиссия при этом возрастет втрое, что приведет к снижению контроля над фондами, а следовательно, и к снижению привлекательности акций. Тут нужно взвесить все за и против...

— Когда я должен дать ответ? — спросил Уэйлин.

— Преимущество вашего положения в том, что на вас ничто не давит. Однако, поскольку вы являетесь держателем контрольного пакета акций, следовало бы определиться с...

— Я понял, — сказал Уэйлин. — Дайте мне подумать.

— Разумеется. Разумеется. Финансовый и юридический отделы окажут вам помощь в любое время. Позвоните мне в офис, и...

— Я бы хотел кое-что узнать.

— Да?

— Кто второй акционер в Компании?

— Мистер Хоумет. Одно время он был хорошим другом вашего отца и входил в число членов правления Компании. Позже они, правда, разошлись во мнениях по ряду вопросов. Недавно Хоумет покинул Компанию, вернее — ушел на пенсию. Но он продолжает следить за политикой Компании и, в качестве акционера, влияет на нее. Может быть, вы хотите встретиться с мистером Хоуметом?

— Я уже встречался с Хоуметами. Они — мои крестные.

* * *

Каждый раз, когда я стою возле окна на одном из верхних этажей небоскреба, меня мучает желание выброситься из него. Я прокручиваю в голове замедленную съемку того, что произойдет: стекло разбивается вдребезги и разлетается блестящими брызгами. Я вижу мою кровь на асфальте, осколки стекла на крышах машин, слышу крики прохожих.

* * *

Через два месяца после моего возвращения в Америку жену Джека поместили в психиатрическую лечебницу. Джек чувствовал себя ужасно одиноким, и ему было необходимо с кем-нибудь поговорить. Поэтому утром он пришел ко мне в отель. Я удивился, что ему захотелось излить душу именно мне.

Жена, рассказал мне Джек, постоянно страдала от сознания собственной ничтожности и ожидания того, что ее вот-вот отвергнут все кругом. Тогда я спросил Джека, как же, в таком случае, ей удалось преодолеть этот страх, когда она выходила за него замуж? Джек сказал, что ему пришлось надавить на нее, чтобы она за него вышла. Во время всей нашей беседы один невысказанный вопрос вертелся у меня в голове: почему Джеку не расхотелось жениться на этой женщине после того, как ему стали известны все ее страхи и комплексы? Я пришел к выводу, что он любил ее, несмотря

на ее презрение к самой себе, потому что составил собственное представление об этой женщине. Мне подумалось, что я никогда не смог бы любить так, как он, и не смог бы уважать никого, кто не разделяет со мной мое представление о самом себе. Я всегда подозревал, что все, кто любил меня, имели обо мне крайне неверное представление. Я презираю их за то, что мне удалось так легко обвести их вокруг пальца.

* * *

Пора готовиться к отступлению. В последние несколько дней я снова начал ненавидеть себя. Еще одно неконтролируемое покушение на мое спокойствие и стабильность. Я понимаю, что никогда не научусь легко относиться к жизни, а моя независимость, мое наследство, мои отношения с Кэйрин — все это постоянно требует от меня проявлений ответственности. Я по-прежнему прихожу в ужас от мысли, что когда-нибудь стану в чем бы то ни было по-настоящему нуждаться. Пока я не вернулся в Америку, одиночество было мне гарантировано. Но теперь все изменилось. Я уже не могу спрятаться ненадолго в Бирме или в Африке, хотя одна только мысль об этом сразу улучшает мое настроение.

* * *

Кэйрин однажды сказала, что психотерапия чем-то похожа на лечение неправильно

сросшегося перелома: чтобы кость срослась правильно, ее нужно сначала снова сломать.

Но психотерапевты не применяют анестезии, не могут сказать, сколько продлится лечение, не гарантируют успеха. Иногда ваша новая походка кажется хромотой вам и тем, кто хорошо вас знал прежде. Когда ломают кость во второй раз, это всегда больнее, поскольку вы уже испытывали эту боль и ждете ее. Но о психотерапии никогда нельзя сказать ничего заранее: неизвестно, будет ли больно, и если да, то как. Поэтому ваше воображение вольно рисовать вам самые ужасающие перспективы.

Однажды я посмотрел фильм, где людям стреляли прямо в лицо. Я увидел, как у одной женщины изо рта фонтаном брызнула кровь. В другой сцене того же фильма мужчина ударил женщину бичом, затем приложил рот к свежей ране. Когда он снова поднял голову, его губы были в крови. Хотя я знал, что это всего лишь красная краска, я вздрогнул. Я попытался заставить себя досмотреть фильм до конца, но не смог. Для меня с кровью слишком многое связано. А может быть, у меня просто повышенная чувствительность к красному цвету?

Прошлой ночью мне снилось, что я снова в Африке. Я знал, что моя мать больна, и надеялся, что мое путешествие станет для нее наказанием за то, что она родила сына, который не смог исполнить мечту своего отца.

По словам Ричарда, психически больных начали приучать к тому, что они должны скрывать симптомы своего безумия, чтобы не раздражать здоровых людей, всего лишь сто пятьдесят лет тому назад. Им стали объяснять, как выглядят со стороны их болезненные наклонности, и принуждать к тому, чтобы они скрывали или пытались подавить их в себе. Сумасшедший, считали врачи, способен до какой-то степени контролировать себя. Чтобы доказать этот тезис, психиатры выводили своих пациентов на прогулку в город или отправлялись с ними на богослужение в церковь, где больные должны были вести себя как нормальные люди. Безумие нельзя понять или вылечить, но его можно сделать общественно приемлемым.

И совсем по-другому обстоит дело сегодня, сказал Ричард. Наши психически больные и умственно отсталые исключены из всех программ национального здравоохранения, как будто они не относятся к категории лиц, имеющих инвалидность или страдающих хроническими заболеваниями. Миллионы людей, которые нуждаются в нашей заботе, остаются невидимками, запертыми на чердаках, посаженными на цепи в подвалах, изгоями, которых иногда выводят на свет и усаживают перед телевизором, чтобы показать соседям, забежавшим на чашечку кофе.

Ричард чувствует, что его психоаналитик обращается с ним как с одним из таких сумасшед-

ших, что все лечение направлено на то, чтобы облегчить жизнь другим, а не ему. Цель всех психотерапевтических методик, индивидуальных ли, групповых ли, — привести пациентов к общему знаменателю, вместо того чтобы научить их жить в ладу с собственными чувствами.

Прогуливаясь по супермаркету, Ричард заметил, что стойки с фруктами, овощами и свежей зеленью находятся рядом с большим стеллажом, заполненным инсектицидами и прочими вредными для здоровья препаратами. Ричард подошел к директору магазина и сказал, что кто-нибудь может опрыскать одним из этих аэрозолей фрукты так, что никто и не заметит. Старик еврей был весьма удивлен.

— Зачем ему таки прыскать на фрукты? — сказал он с сильным акцентом. — Чего ради?

— Потому что они рядом с ядами, вот почему, — ответил Ричард.

— У вас, должно быть, не все дома, — сказал старик, пятясь.

Ричард зажал его в угол и сказал:

— Вы — еврей. Миллионы ваших сородичей померли в газовой камере. Зачем таки было убивать евреев?

Ричард, у которого после Второй мировой войны выжило только несколько родственников (его семья приехала в Америку из Белоруссии), рассказал мне, что нацисты в ходе массовых казней расстреливали в первую очередь евреев, сумасшедших и инфекционных больных. Позднее они стали пользоваться газовыми камерами.

Я спросил Кэйрин, как она жила, пока меня не было.

— Все уикенды были похожи один на другой, — сказала она. — За обедом очередной мужчина накладывал себе в тарелку еду первым и разговаривал слишком громко. Затем он предлагал мне поехать к нему на яхту и выпить с ним немного шампанского. Я мило ему улыбалась и говорила: «С удовольствием, но спать я с тобой не буду». Ненавижу тех, кто хочет прослыть утонченным соблазнителем. В Ист-Хэмптоне я пила мятный чай со льдом, ела шербет и курила гашиш. В это время я встречалась с одним сукиным сыном, у которого зубы были что твой фарфор. Когда он улыбался, люди надевали солнечные очки. На обратной стороне подаренной мне фотокарточки он написал: «Шон, 27 лет: никакого грима, таким родился». Он вырос в жуткой развалюхе в штате Западная Виргиния. До восемнадцати лет он не знал, что такое теплый сортир. В девятнадцать лет ушел из дома и разбил отцовское сердце. Во Вьетнаме, когда ему исполнилось двадцать два, он спутался с сорокалетней медсестрой. Она любила заниматься сексом, к тому же кроме нее все равно ни одной бабы не было. Но потом она подыскала себе жениха, так что они перестали трахаться и стали друзьями. Он был без ума от своей старшей сестры. Однажды он провел с ней целую неделю, но потом ее муж вышвырнул его. По словам Шона, муж хотел с ним

переспать, но он отказался, потому что не хотел изменять своей сестре. Как-то раз он мне сказал: «Давай посмотрим правде в глаза. Может, я и не первый красавец, но член у меня больше, чем у среднестатистического американца, и нет лучше меня футбольного тренера по эту сторону Миссисипи. И трахаться лучше, чем я, тоже никто не умеет». — Тут Кэйрин наконец добралась до того, что она, собственно, и хотела мне рассказать. — Его прямота оказывала на меня сильное действие, — сказала она. — Я просто не могу устоять, когда мужчина ведет себя так, будто имеет полное право распорядиться мной, как ему вздумается. Некоторым женщинам не нравится, когда мужчины их уважают. Перед самым твоим возвращением у меня был один парень, который придерживался самых передовых идей. Он без устали говорил о том, как это печально, что мужчины отняли у женщин право быть личностью, превратили их в свои игрушки и тому подобное. Наконец я почувствовала, что больше не выдержу. Я сказала ему: «Не моя вина, если я тебя не возбуждаю. Просто скажи мне об этом. Но если я тебя хоть чуточку возбуждаю, не пори чужь, кончай трепаться. Затащи меня в койку и возьми. — Она сделала паузу. — Когда ты в первый раз уехал, Джонатан, я размышляла, буду ли я теперь трахаться вообще, и если буду, то как. Я знаю свою ранимость и поэтому всегда пытаюсь быть осторожной и рациональной. Я слыхала, что многие женщины устают

от секса без любви. После нескольких романов я начала избегать секса, потому что он меня иссушал. Я убедила себя в том, что источник моей фрустрации — не традиционная мораль, а слишком сильные эмоциональные потребности. Я боялась, как бы мне не пойти по рукам, пока не поняла, что это полностью исключено. Сколько мужчин может у меня быть за один год? Десять, пятнадцать, двадцать. Если у меня есть мужчина, с другими я уже не встречаюсь. При средней продолжительности романа в три-четыре месяца в год у меня может быть не более трех-четырёх любовников. И я сказала сама себе: «Он мне нравится, я хочу его, я легко представляю прикосновение его кожи, его плоти, слышу его дыхание и ощущаю, как он в меня входит». Это и есть желание в чистом виде, без претензий и без последствий. Кто может устоять перед его силой?

Когда Кэйрин заговорила снова, ее голос был низким и хриплым.

— Наше знакомство, Джонатан, могло иметь серьезные последствия, но для меня это было бы преждевременно, и я порвала с ним перед самым твоим возвращением. Всегда должно быть какое-то развитие. Если его нет, то нет ничего. Никто никого не бросал. Мы обещали друг другу быть вместе, только пока нам это нравится. Мне отвратительны мои подружки, которые берут в рот в машинах на стоянке только потому, что это модно. Секс не повод для моды.

Я спросил ее, часто ли она курила траву.

— Мне нравится трава и гашишное масло. Я часто накуривалась вместе со Сьюзен, — сказала она, — и вовсе не потому, что это меня раскрепощает, а потому, что это дает мне повод для депрессии после. Я так и не приучилась быть раскомплексованной. Помнишь того африканца в колледже? Для меня секс похож на прогулку в горах: стоит тебе забраться на одну вершину, как ты видишь сразу за ней следующую, стоит забраться на следующую, как за ней встает еще одна — и никогда не знаешь, будет ли этому конец.

Мне часто снятся кошмары. Я слышу мужской голос, который уговаривает меня и угрожает мне, я вся каменею и говорю этому мужчине: «Это нечестно. Ты пользуешься тем, что я слабее тебя». Я уже готова закричать, как вдруг меня останавливает мысль, что мне самой этого хочется. Я думаю, какого же черта я выкобениваюсь. И тем не менее я не могу кончить. Я знаю, это от избытка эмоций, но ничего не могу с собой поделат. Иногда мне очень приятно заниматься любовью, но окончательной разрядки так ни разу и не удавалось достигнуть.

С этими словами Кэйрин встала и заходила по комнате, продолжая говорить так, будто обращалась сама к себе.

— «Ты самая пылкая из всех, кого я знал», — говорит мне мужчина, а я в это время думаю,

как банально то, что у меня с ним было. Если он повторяет те же слова после, когда уже успокоился, мне уже не так страшно. «Твое тело создано для любви, и ты умеешь им пользоваться. Большинство женщин просто лежат как бревна. Скажи, неужели ни один парень не кончал сразу, как вставлял тебе?» «Разумеется, кончал», — отвечаю я. «Не удивительно, у тебя самая тугая дырочка в мире». Потом, на кухне, я готовлю коктейль и расспрашиваю его о том, каковы другие женщины. Он говорит: «Я хорошую бабу вижу с первого взгляда, и уж поверь мне — ты одна из лучших. С таким телом, как у тебя, тебе не придется гнить по восемь часов в день на службе». После того как мы позанимаемся любовью, мужчина говорит: «Мать твою, врать тебе не буду, хоть этого и нельзя говорить, но так, как с тобой, у меня ни с кем больше не было. Это ничего, что я тебе так говорю?» «Ничего? — переспрашиваю я. — Да мне только этого и хочется. Кому нужны сдержанные светские разговоры в постели?»

Кэйрин бросает на меня задумчивый взгляд и продолжает:

— Я не делаю глупости, что все это тебе рассказываю, Джонатан? Я знаю, что мне все равно, люблю я тебя или нет, но мне далеко не все равно, любишь ли меня ты, потому что, если ты меня разлюбишь, я утрачу всю власть над тобой. Я могу спать с человеком, которого не люблю, но не могу спать с человеком, который не любит меня. С другой стороны, я не хочу, что-

бы ты меня любил, потому что это усложнит мою жизнь, жизнь Сьюзен, твою жизнь, все что угодно. Но мне нужна твоя любовь. Я всегда боюсь, что меня не воспринимают всерьез.

Тем же вечером, но позднее она напомнила мне про письмо, которое я прислал ей из Кушадаси.

— Ты писал, что турок считают самыми лучшими мужчинами. Ты писал, что им удастся удовлетворять всех своих женщин, потому что они не позволяют себе в них растворяться. Ты писал, что турка больше всего возбуждает то, что он может как угодно манипулировать желанием женщины и ее телом. Зачем ты мне это все писал?

* * *

Мне хочется не столько говорить или писать, сколько рисовать для Кэйрин карикатуры на мои истинные страхи и сексуальные фантазии. Я неискренен, но и она тоже, поэтому у нас ничего не получается. Чтобы преодолеть ее уклончивость, я начинаю говорить правду. Я бы, конечно, предпочел отделяться туманными фразами, как и она, чтобы избегать решений, касающихся нашего будущего, пока не наступит кризис, после которого все образуется само собой. Но я постоянно боюсь, что если мы будем оба молчать, то оба и проиграем: победа никому не достанется, а мы разойдемся в стороны, и каждый останется при своих.

— Ведь правда, славная у меня попка, и титьки тоже ничего? — войдя в мою комнату, спросила она.

«Да пошла бы ты куда подальше», — подумал я про себя. Как сказал какой-то пьяный в гостиничном баре: «Лижи их с утра до вечера — вот все, что им надо». Целуя ее, я воображал, что ощущаю вкус и запах других мужчин, лежавших на ней. Когда она выскользнула из постели и исчезла, я сразу отрубился.

Утром, когда я проснулся, я понял, что мне не до встреч с налоговыми консультантами, что и на телефонные звонки мне отвечать не хочется. Я лежал и вспоминал все сказанное нами прошлой ночью. «Да почему тебе так важно, нравишься ли ты мне? Какое тебе дело до того, что думает шлюха?» Я сказал ей, что по сути она права, но я от природы амбициозен, и мне хочется производить на всех незабываемое впечатление. Мне становится не по себе от мысли, что я могу быть просто-напросто адекватным сексуальным партнером, объектом, который облизывается и обсасывается неопределенным числом анонимных остросисечных и круглопопочных тел.

— Анонимных? — чуть не закричала она. — Да ты понятия не имеешь, что такое анонимные тела. Знаешь ли ты, каково это — подстилаться под вонючего мужика, чтобы не потерять паршивое место манекенщицы? Если бы они с самого начала говорили: мы тебе платим

пятьсот пятьдесят в неделю, и ты нам сосешь, а на стороне можешь корчить из себя звезду сколько вздумается! Это можно было бы еще вынести. У женщины должно быть две дыры, одна для бизнеса, другая — для души. По крайней мере, в этом городе.

Мне говорить почему-то не хотелось, и она воспользовалась моим молчанием для того, чтобы поведать мне все свои печали, рассказать про то, как ее первый раз записали в соски. Личный менеджер одного телевизионного актера позвонил ей из Лос-Анджелеса и сказал, что он собирается прилететь в Нью-Йорк и встретиться с ней. На снимках она так дивно вышла, «что уж в жизни вы всех заткнете за пояс, — сказал он ей, — я-то вас беру, но вот мой босс...» Позже он позвонил ей и сказал, что актер сам прилетел в Нью-Йорк, ничего не попишешь. Может, сама звякнешь, пригласишь выпить? «Крошка, — сказал ей менеджер, — ты это обстряпаешь. За один вечер обстряпаешь». Так оно и было. Стоило подстелиться.

И потом, дальше, все то же и то же, ну, может, не всегда так в лоб. Сперва никакого секса. Стандартное начало: «Разденься, я должен тебя посмотреть. Я тебя не трону и упрашивать не стану». Затем стандартное продолжение: «Ты такая шикарная. Мне нравится твоя гладкая кожа — или же прекрасная фигура, или же длинные ноги, или же влажная промежность. Мне кажется, я кончу от одного прикосновения твоих губ — или только запустив руку в твою

шерстку». А другие еще и поучают: «Это все фактура языка. У других девочек так не выходит. Теперь прикуси чуток, поцелуй в ободок. А теперь возьми так глубоко, как только можешь. Я сказал — глубже, не заставляй меня просить дважды!»

И все эти мужики валялись на ней, под ней, перед ней, позади нее, на кушетке, на ковре, на кровати, на кресле, на унитазе, а она только и могла подумать — не выгляжу ли я дурой? Потом редела, вытирая слезы длинными локонами. Ненавидела себя за то, что она помнит этих мужиков, всех и каждого. Если ее не трахали, то унижали, но отказаться она не могла, и от этого ей еще хуже было. Она повторяла всем одни и те же слова, и это угнетало ее куда больше, чем необходимость трахаться с ними, сосать их грязные члены, вылизывать их грязные задницы. Никто не замечал того, что она повторяет сексуальные клише механически, манипулирует своим телом. Мужики глупы, они не видят разницы между хорошим и дерьмовым перепихоном. Она была не против того, чтобы ею пользовались, но почему ею пользовались так неумело и плохо? Зачем они делали это так, что им самим становилось тошно? «Ты что, не видишь моего потенциала? — спрашивала она. — Я же могла бы стать звездой, ты, жопа. Ты только на меня посмотри. Я хочу, чтобы ты воспользовался моей кожей, моими губами, моим языком, моей бархатной дырой, моей задницей, передом или

задом, верхом или низом — слушай только, что я тебе скажу. Неужели ты не понимаешь, что, покуда я делаю только то, что говоришь мне ты, нас будет друг от друга тошнить, и чем дальше, тем больше?»

Я спросил ее, почему она не завязала.

— А что бы я делала? В конторе сидеть? Я письма-то приличного написать не могу. У меня больше нет талантов. Я даже не умею достаточно долго притворяться, что мне нравится секс.

Я так хорошо помню тот самый первый раз. Я рассказала менеджеру о том, что меня заставил сделать актер. Я разыграла оскорбленную невинность. «Маури не трахается. Он любит штучки». Он сказал мне, что Маури рассказывает всем, что я взяла у него лучше, чем ему когда-либо доводилось с другими девками. «Это, — сказал менеджер, — зря. Ты только приступила, а уже растратила все сливки. Как насчет меня, лапочка? — сказал менеджер. — Ты мне тоже нравишься». Сперва мне даже прикоснуться к нему не хотелось, потому что я не успела подмыться; я себя неловко чувствовала, даже когда он мне титьки целовал. Но через двадцать минут или вроде того он меня все-таки достал, и мне и вправду захотелось с ним потрахаться, может быть, именно потому, что не понадобилось подмываться. Сперва у него не стоял, и мне пришлось выбирать: или я его подниму, или мне до конца жизни

придется сидеть за столиком в какой-нибудь конторе, снимать ужасную крошечную комнатушку и жить маленькой жалкой жизнью. Я решилась и добилась своего. Но тут он начал молотить всякую ахинею о превосходстве духовной любви над физической! Он поцеловал меня в губы и сказал: «Когда тебе шестьдесят девять, все чувства сосредоточиваются в области лица, и это так чудесно! Ведь там у нас глаза, а глазами мы все видим, а видеть — это самое главное в сексе». Он мог себе это позволить, грязный подонок, после того как я вылизывала его, зажмурившись и сдерживая тошноту.

— Я не могу подолгу быть одна, — сказала она. — Я начинаю скулить, ныть и бездельничать. Я проваливаюсь в какую-то пустоту. Я живу только для других, только для тех, кто хочет меня видеть, хочет меня видеть красивой и здоровой. Все, что я делаю, рассчитано на чью-нибудь реакцию. Меня знают — может быть, не и том качестве, в каком хотелось бы, но, по крайней мере, узнают в барах. Мужчины не могут вспомнить, где они меня видели — а видели они меня в порнографических журналах, — и тут же за мной увязываются. Иногда мне даже нравится, как я живу. Я люблю деньги, и мне наплевать, откуда они берутся. Может, я когда-нибудь и выйду замуж. Мадам, которая послала меня сюда, сказала, что ты богатенький, Уэйлин. Почему бы тебе не жениться на мне?

Как-то, беседуя в Мюнхене с американским психиатром, у которого я лечился от наркомании, я сказал, что, бросив опиум и Марию, отчего-то испытываю чувство вины. По мнению доктора, я просто привык жить с этим чувством, поэтому оно с неизбежностью возникает в любой ситуации. В разговоре с ним я понял, что переживаю так сильно не столько расставание с Марией, сколько разрыв с ее отцом. Я позволил судить и карать себя человеку, которого я уважаю и с которым чувствую странную близость. С тех пор как я приехал, я постоянно думаю, не следовало ли мне излить ему душу. Но никак не могу решиться. Он осудит меня за то, что я порвал с его дочерью. Он будет полностью на ее стороне.

Сегодня утром Кэйрин показала мне наши фотографии, которые были сняты перед самым моим отъездом. Я порадовался, увидев, что с годами моя внешность изменилась только в лучшую сторону. В детстве мне казалось, что все мои способности и таланты присущи мне, потому что я симпатичный — ведь именно в этом меня постоянно убеждали. Теперь же я презираю людей, которые связывают мою внешность с богатством и семейными связями, словно физическая привлекательность зависит исключительно от наличия дорогих рубашек и сшитых хорошим портным костюмов. Но даже сейчас мне трудно представить, как можно быть богатым и в то же время некрасивым. Я вос-

принимаю деньги и красоту как дарованные мне Богом привилегии.

— Знаешь ли ты хоть одну женщину, которая не боялась бы старости? — спросила меня Кэйрин. — Хоть одну, которая не потеряла бы с годами уверенности в своей привлекательности? В нашем обществе люди бегут от старости как от огня. Молодость — единственная ценность, которую не купишь ни за какие деньги, даже если ты разбогател к старости.

Я увидел фотографию Кэйрин на страницах старых журналов, которые я нашел у нее дома, и понял, что, пока меня не было, она работала фотомodelью. Кэйрин в купальнике, застывшая в эротических позах, вызывала у меня смешанные чувства. С одной стороны, я гордился ее телом так, как будто оно было моей собственностью, с другой — мне было неприятно, что оно так доступно постороннему взгляду. Я и раньше сталкивался с этим противоречием — на вечеринке в Ист-Хэмптоне, и еще раньше, в баре на Третьей авеню. Мне становится не по себе, когда мужчины начинают виться вокруг Кэйрин. В каком-то смысле я рад, что она так сильно привязана к Сьюзен, поскольку Сьюзен стоит между ней и другими мужчинами.

* * *

Когда я был еще мальчишкой, я представил моего отца каким-то своим дружкам следующим образом: «А это мой папа. Он зани-

мается бизнесом, он ужасно богатый, ему принадлежит полгорода». Тут же моя мать выругала меня за хвастовство. Из чего я сделал вывод, что это плохо, если твой отец богат и имеет власть, и, может быть, в этом случае любить его — тоже плохо.

* * *

Сегодня за ланчем Сьюзен принялась вспоминать про колледж. Это была школа для девочек, которая ставила своей задачей готовить хорошо воспитанных девушек с приятными манерами и правильной речью — одним словом, идеальных жен для докторов, юристов и бизнесменов. Сьюзен сказала, что, хотя средний студент колледжа легко мог смириться с тем, что его подружка уже не девушка, мысль о ее прежних любовниках все же не давала ему покоя. Обычно он успокаивал себя тем, что первый был ошибкой, а второй — просто пробой сил. И только теперь с ним, с третьим, его женщина достигла сексуальной зрелости, признала, что до него все было не так, и начала задумываться о серьезных отношениях.

Сьюзен сказала, что за ней один такой ухаживал два года подряд. Звали его Кристофер, он был красивый парень и блестящий студент. К концу второго года Сьюзен сказала ему, что у нее было очень много любовников. Он назвал ее шлюхой и сказал, что не желает иметь с ней больше ничего общего.

Год назад Сьюзен узнала, что Кристофер готовит к защите докторскую диссертацию о средневековых мираклях. Она решила помочь ему.

Она выяснила, что крупнейший авторитет в области средневекового театра преподает в одном из университетов Западного побережья. Она полетела туда, записалась на преддипломную практику, получила пропуск и как-то ночью пробралась в кабинет этого профессора. Профессор печатал обычно свои тезисы на библиотечных карточках, которые складывал в открытые ящички. Сьюзен сняла фотокопии со всех его заметок, в которых содержались оригинальные идеи и свежие теоретические концепции, а затем положила карточки обратно в ящички.

Дома она старательно переписала эти заметки на первые попавшиеся листы бумаги и обрывки конвертов. Затем она послала их своему бывшему любовнику со следующим письмом: «Дорогой Кристофер, я помню, что в колледже ты очень увлекался культурой средневековья. Если это тебе все еще интересно, то прочитай эти заметки, которые остались от моего дяди, умершего на прошлой неделе от рака легких. В последние годы своей жизни он занимался изучением мираклей. Я уверена, ему было бы приятно сознавать, что его труды не пропали даром и что они принесли хоть кому-нибудь пользу. С наилучшими пожеланиями, Джим». Она подписалась так, чтобы Кристофер подумал, что пакет ему послал

какой-нибудь из бывших соучеников, которого он уже не помнит.

После успешной защиты Кристофером диссертации ее копия, как обычно, поступила в университетскую библиотеку. Сьюзен посетила библиотеку и сравнила текст с копиями украденных ею материалов. Как она и ожидала, Кристофер включил в диссертацию большую часть посланных ему материалов.

Сьюзен позвонила профессору с Западного побережья и сообщила, что одна недавно защищенная докторская диссертация явно содержит материал, позаимствованный из его неопубликованных работ. Профессор ознакомился с диссертацией и потребовал от университета, где учился Кристофер, провести расследование. Кристофер не смог удовлетворительно объяснить, каким образом в его распоряжении оказались материалы профессора. Он даже не смог вспомнить имя друга, который прислал ему эти заметки. После исключения из университета его академической карьере пришел конец.

* * *

Я помню, Кэйрин утверждала, что Сьюзен очень оторвана от реальности. Когда они только-только подружились и стали жить вместе, Сьюзен сразу же начала перенимать все повадки Кэйрин и ее манеру говорить, так что, казалось, она нарочно передразнивает ее. Она одевалась, как Кэйрин, сделала такую же прическу, интересовалась тем же и даже заигрывала

с мужчинами Кэйрин. Это продолжалось до тех пор, пока они не стали совсем уж близкими подругами: только тогда Сьюзен смогла избавиться от наваждения и выработать свой собственный стиль.

Кэйрин предложила, чтобы мы поселились втроем — она, я и Сьюзен. Им это было бы очень удобно, а мне бы создало море проблем. Что бы подумали об этом посторонние? И кто окажется крайним, когда тройственный союз распадется, что, как я понимал, рано или поздно неизбежно произойдет? Если что-нибудь случится, униженным и оскорбленным обязательно окажусь я. Но подобные мысли просто не приходят в голову Кэйрин. Она не хочет признать, что зависит от Сьюзен, и злится, когда я пытаюсь ей это объяснить. И все же их связывает что-то, чего нет между мной и Кэйрин. Что? Является ли Сьюзен просто сосудом, в который Кэйрин может излить свои чувства, или ее роль намного сложнее? Кэйрин объяснила мне, что Сьюзен — просто замечательная хозяйка и верная подруга, терпеливая и умеющая прощать, но мне кажется, что это — не вся правда. Такие подруги обыкновенно приходят и уходят. Находят мужа, заводят семью и живут собственной жизнью. Но Сьюзен никого не ищет; для нее Кэйрин — это вся ее жизнь. Сьюзен делает уборку, готовит, содержит дом и ничего не требует взамен. Я мог бы обеспечить Кэйрин прочное материальное положение

и безопасность, но это не то, чего она хочет, да и я не хочу быть ни слугой Кэйрин, ни ее благодетелем. Иногда мне хочется защитить ее, окружить вниманием, но мы с ней для этого слишком взрослые. Кэйрин нужно заставить сделать выбор между мной и Сьюзен, потому что совместить эти отношения невозможно: они слишком разные.

Но я трепещу от страха перед тем, какой выбор сделает Кэйрин. Я не знаю, на каком месте стою в ее списке приоритетов. Важнее ли я, чем отношения с Сьюзен, чем ее работа, ее деловые поездки, ее светская жизнь, ее групповая терапия? Кэйрин готова слетать на день в Мексику для того, чтобы взять интервью у знаменитой балерины и опубликовать его в журнале. Полетела бы она в Мексику, чтобы встретиться со мной?

* * *

Нежелание Кэйрин поверить в себя и есть то, что воздвигло между нами непреодолимую преграду. Она не хочет признать, что все зависит только от нас самих, что ни судьба, ни время, ни прошлое, ни деньги не властны над нами. Как-то раз я шутливо обронил: «Красивые женщины сами устанавливают законы». Кэйрин посмотрела на меня и злобно выпалила: «Нет, это богатые мужики сами устанавливают законы!» Возможно. Но мы оба слишком долго сами устанавливали законы. И если

по этим законам мы проиграем, то винить придется только себя. Может быть, Кэйрин потому и не верит в себя, что боится, как бы я тоже не поверил в себя, не уехал бы снова из Америки, лишив ее той уверенности, которую она чувствует сейчас, закрытая с обеих сторон мной и Сьюзен. Еще она боится, что со мной уедут и мои деньги. А может, напротив, она боится потерять рядом со мной свою независимость. Она как-то сказала мне, что ей нужны непродолжительные отношения, которые не оставляют по себе осадка. Такие отношения создают иллюзию, что время стоит на месте, что конец одной любви означает всего лишь начало следующей, что замкнутый цикл непредсказуемых событий и неуправляемых эмоций никогда не будет разорван и она всегда может рассчитывать на новое приключение. Для Кэйрин каждый миг ее свободы — это победа над матерью и женой в себе: она никогда не хотела бы опуститься до этих скучных ролей. Для меня каждый миг — это потеря. Время для меня бесценно, но я не в силах объяснить это Кэйрин. И поэтому я начинаю скрывать-ся от нее.

* * *

Я пригласил сегодня на ланч Энтони, лакея моего отца. Он очень старый и вот-вот умрет. Я не хочу упустить возможность узнать об отце чуть-чуть больше.

За ланчем Энтони рассказал мне, почему мой отец уволил его после двадцати лет службы. Чтобы продемонстрировать свою веру в американскую промышленность, мой отец брился одним и тем же лезвием американского производства семь раз в неделю. В обязанности Энтони входило ухаживать за бритвенными принадлежностями моего отца. Долгие годы он давал ему одно и то же лезвие в течение недели. Однако как-то раз моя мать пожаловалась Энтони, что в конце недели ее муж выбрит хуже, чем в начале. После этого Энтони стал тайком от отца вставлять в бритву новое лезвие каждые два дня. И однажды утром мой отец сказал: «Позавчера я брился лезвием с небольшим дефектом справа. Несмотря на это, лезвие было отличным и могло послужить мне до конца недели. Где оно?» «Я поменял лезвие, мистер Уэйлин», — ответил Энтони. «Зачем?» — спросил отец. «Я подумал, что вам нужно новое». «Нет, не нужно, — сказал отец. — Принеси старое».

Тогда Энтони признался, что выбросил его и что он менял лезвия каждые два дня. Мой отец посмотрел на него и спокойно сказал: «Если таково твое мнение об американской стали, Энтони, то ты не можешь больше работать у меня, потому что не кто иной, как я, несет ответственность за качество этой стали. Секретарь подготовит расчет, а шофер отвезет тебя на вокзал». После этого он вернулся к прерван-

ному бритью и не сказал ни одного слова человеку, который прослужил ему двадцать лет как верный пес.

Энтони также рассказал мне, что, когда мой отец узнал, что «Дженерал моторс» собралась начать производство автомобиля «корвет» с корпусом из стеклопластика, он созвал экстренное собрание правления Компании. На нем он заявил, что судьба миллионов американцев зависит от стали, а не от стеклопластика и что Компания должна немедленно прекратить всякие отношения с «Дженерал моторс». Через несколько лет «Студебекер» объявил о разработке модели «аванти», также с корпусом из стеклопластика. Отец назвал это решение попыткой шантажа, разорвал все деловые связи Компании со «Студебекером» и поклялся, что тот дорого заплатит за ущерб, нанесенный стальной промышленности. По словам Энтони, «Студебекер» вскоре столкнулся с серьезными финансовыми трудностями. Наконец, оказавшись перед угрозой банкротства, эта компания полностью свернула производство автомобилей в Соединенных Штатах.

— Уже решил, чем будешь заниматься, Джонатан? — спросил меня Энтони. — По-моему, бизнес тебя не интересует. Ты еще так молод — жаль, если потратишь лучшие годы на безделье или, хуже того, на дурные дела. Спортом увлекаешься? Твой отец неплохо играл в гольф, лично плавал, и всему этому он научился сам.

А ты можешь позволить себе услуги лучших тренеров, так что перед тобой открыты большие возможности.

* * *

Я сказал сегодня Кэйрин, что она не способна к полному самовыражению. Сексуальный аспект жизни начисто отсутствует в ее интервью, стихах и даже в ее работах для модельного агентства. Она согласилась, сказав при этом, что боится показать свое истинное «я». Я предложил ей писать от третьего лица, проецируя свои чувства на выдуманного героя. Ей это никогда не приходило в голову. Она сказала, что всегда была уверена: все, кто читает то, что она пишет, будут критиковать ее со своей собственной колокольни — подобно тому, как я критикую ее отношения с Сьюзен и с другими мужчинами. Она еще сказала, что из-за меня окончательно уверилась в том, что ее страхи небезосновательны.

* * *

За ланчем Энтони назвал мой образ жизни в Нью-Йорке еще одной попыткой бегства. Мне не понравилось его замечание, и я, сменив тему, принялся рассказывать о моих путешествиях, о том, как многому я научился во время странствий. Я говорил так, словно пытался оправдать прожитую мной жизнь. На это он сказал, что мне просто очень повезло, что я родился свободным (он, конечно, имел в виду —

богатым). Я попытался объяснить ему, что та свобода, о которой я всегда мечтал, не имеет ничего общего с возможностью много путешествовать или откупаться деньгами от ответственности. Это прежде всего жизнь без страха, жизнь, в которой нет необходимости презирать себя, скрывать под маской свое «я» и подделываться в эмоциональном плане к другим людям, чтобы заслужить от них похвалу. Я понял, что ему все это неинтересно. Он снова принялся критиковать меня, и я разозлился. Когда он сказал мне, что я очень похож на моего отца, я чуть не хлопнул дверью. Но тут я понял, что Энтони вовсе не пытался учить меня жить. Он просто цинично и наивно высказывал то, что думал. Я начал рассказывать про мои отношения с европейскими женщинами и задавать ему при этом откровенные вопросы о его половой жизни. Я рассказывал ему все более и более пикантные истории. Вначале он смеялся вместе со мной, но потом, когда в моих рассказах начали все чаще встречаться непристойные и окрашенные насилием эпизоды, он заерзал на стуле и притих, потрясенный тем, что в жизни возможны такие невероятные ситуации. Я продолжал, пока не понял, что Энтони уже никогда больше не отважится рассуждать о моей жизни.

* * *

Кэйрин с восторгом говорит об Амстердаме. Она утверждает, что Амстердам — самый

цивилизированный город в мире: иностранцу в нем легко и просто, все говорят по-английски, можно отдыхать и ни о чем не заботиться. Видимо, таково же и ее отношение к Сьюзен: Сьюзен — привычная, удобная, ничего не просит, поэтому с ней Кэйрин может расслабиться и вести себя естественно. Они угадывают желания друг друга, даже когда такие желания появляются в самое неподходящее время. После того как мы однажды провели вместе целую неделю, Кэйрин спросила, возможна ли, по моему мнению, любовь без душевной щедрости. К этому времени наше противостояние стало чудовищным, и я знал, что попытка сделать первым шаг навстречу только усугубит ситуацию. Даже тогда она уже боялась, что я заставлю ее расстаться с Сьюзен. Я же так и не стал этого требовать в надежде на то, что смогу смириться с ее влиянием на Кэйрин, не впадая в ревность.

* * *

В полночь я позвонил в книжный магазин и заказал у них с доставкой на дом двадцать пять книг американской поэзии и двадцать пять — переводной, на их выбор. Через час заказ принесли мне прямо в номер. Этот город похож на сон; здесь можно достать все что угодно в любое время дня и ночи. Вскоре позвонила Кэйрин и сказала, что плохо себя чувствует. А может быть, она сказала, что у нее депрессия, так как Сьюзен только что уехала в Калифорнию. Вместо того чтобы пригласить Кэй-

рин к себе или отправиться к ней, я предложил ей прочесть по телефону по стихотворению из каждой из пятидесяти книг. Я еще не успел закончить первое, как она повесила трубку.

* * *

Я знаю, что есть люди, которым для того, чтобы чувствовать себя свободными, нужна полная независимость. Для таких людей даже просто реагировать на другого человека все равно что выполнять чужой приказ. Любое действие, которое не продиктовано их собственным хотением, есть насилие для них. Я так хорошо понимаю это стремление к одиночеству.

* * *

В ресторане на Первой авеню я спросил девушку, скучавшую у стойки, не желает ли она, чтобы я покатал ее на машине. Мы промчались через весь Манхэттен с ветерком, и радио орало поп-музыку. Я вел машину очень невнимательно и почти не смотрел на дорогу. Мне кажется, девушка сильно перепугалась. Я начал подумывать, не переспать ли мне с ней — отчасти с целью новых впечатлений, отчасти потому, что Кэйрин, по-моему, было бы интересно об этом послушать. В баре в центре города я заказал кувшин «Сангрии», и мы уселись рядышком за маленький столик. Девушка была крайне самоуверенной, и я чувствовал, что она бросает на меня взгляды только для того, чтобы оценить мое тело. Я начал размышлять о се-

бе самом как о предмете страсти. Я чувствовал, как она все берет на заметку: мои жесты, обтянувшие бедра брюки, движение самих бедер. Чем ярче я представлял себе, как она представляет меня, тем больше мне ее хотелось. Я попытался вообразить себя на ее месте. Я спросил ее, как она себя чувствует, когда спит с мужчиной, о котором ей совсем ничего не известно. Она сказала, что для женщины воспоминание о былых наслаждениях — один из самых сильных сексуальных возбудителей. Ей достаточно посмотреть на мужчину в другом углу комнаты — и уже кажется, что она была с ним близка.

Я сказал ей, что у меня есть номер в гостинице. Она рассмеялась и сказала, что с удовольствием бы туда заглянула; ну мы и пошли. Я понял, что мне хочется заняться с ней любовью, но что-то меня сдерживало; она стеснялась явно меньше, чем я. Мы проговорили о всякой ерунде с полчаса. Затем она сказала, что уже поздно и ей нужно идти. Тогда я сказал, что она может переночевать здесь, а утром я отвезу ее домой. Она согласилась.

Я хотел быть откровенным, я хотел сказать ей: «Раздевайся, и давай займемся любовью», — но вместо этого сказал: «Давай спать в одной постели. Места тут хватит для двоих». Она согласилась. Мы разделись и легли в кровать. Она оказалась в моих объятиях, и мы начали ласкать друг друга. В какой-то момент, лежа на ней и глядя ее волосы, я подумал: «Скоро

я тебе вставлю», — но тут что-то, может быть запах ее волос, напомнило мне о Кэйрин, и мне расхотелось. Я чувствовал себя измотанным и ужасно вспотевшим. Если бы я трахнул ее, я бы сделал это только для того, чтобы рассказать позже Кэйрин. Я отвернулся от женщины и заснул.

Утром, когда моя новая знакомая ушла, я позвонил Кэйрин. Та была в отвратительном настроении. Она сказала мне, что, когда у нее спрашивают, что она в настоящий момент делает, она с трудом подавляет желание ответить с деланным южным акцентом: «Я? Да вот болт сосу».

* * *

Пообедал с двумя моими бывшими опекунами. Во второй половине дня подписал кое-какие бумаги и провел совещание с юристами. Потом вспомнил про ту самую девушку. Она дала мне свой номер телефона. Я позвонил и поехал к ней. Ничего особенного не произошло, но я почувствовал, что у меня начинается очередной приступ депрессии, да такой, что даже сомафрен не помогает. Пока девушка была в ванной, я позвонил старым друзьям, имена и номера которых отыскал в ветхой записной книжке. Я не нашел никого: все куда-нибудь переехали за время моего отсутствия. Я вернулся домой и попытался заснуть, но не смог. Я позвонил Кэйрин — никого. Выпил немного спиртного и позвонил снова. На этот раз Кэй-

рин сняла трубку: судя по голосу, она тоже выпила. Я услышал и голос Сьюзен; Кэйрин и ее подружка хихикали и время от времени о чем-то шептались. Я представил себе, как они занимаются любовью, и стал мастурбировать, но не смог кончить. Тогда я выпил еще одну таблетку сомафрена и задремал. Мне приснилось, что у меня ампутированы ноги. Я проснулся посреди ночи от неудержимого желания увидеть кого-нибудь живого — гостиничного клерка, телефонного оператора, носильщика, — но взял себя в руки. Я услышал, как язвительный голос произнес у меня в голове: «Ну вот, ты сошел с ума. Интересненько, что будет дальше?» Голос доставал меня еще некоторое время, но тут я заснул. Я видел все один и тот же сон: я спускался по лестнице на станцию подземки. С обеих сторон лестницу окружали уродливые женщины с лицами, покрытыми болячками. Они тянули руки ко мне, а я бежал вниз по лестнице. Внезапно я увидел, что одна из этих женщин — моя мать. И тут место действия сменилось: я увидел спальню моей матери в доме на Уотч-Хилл, увидел, как она глотает красные пилюли, давится, пытается дотянуться до телефона, с трудом встает с кровати и кровь струится по ее ногам. Я проснулся весь в поту от страха, принял еще несколько таблеток снотворного, камнем рухнул обратно в постель и проспал до шести утра. Проснулся я совершенно разбитый.

* * *

Похороны моего отца как бы не имели никакого отношения к смерти. Я так и не увидел его тела. В зале при морге один оратор сменял другого, венок доставляли за венком; помню длинную вереницу автомобилей с включенными фарами, толпы людей на кладбище под проливным дождем, черные зонтики, фотографов, телекамеры и полицейский вертолет, зависший в приличествующем случае отдалении. Вот и всё. Наверное, именно поэтому мне постоянно видится смерть моей матери.

* * *

Мои приступы депрессии больше не обусловлены естественными причинами, как, например, половое влечение или голод. Они тщательно просчитаны. Например, вчера днем я без особых проблем мог бы найти себе другое занятие, но предпочел, выполняя привычный ритуал, одурманить свой мозг и впасть в забытие. Я знаю, что сейчас мое уныние не так глубоко, как раньше. Я просто играю в привычную игру, прервать которую могу в любое мгновение. Сегодня в четыре часа дня я отправился за спиртным и купил маленькую бутылку «Джека Дэниелса». Поднялся наверх, налил себе стакан и поставил музыку. К шести я выпил полбутылки и впал в депрессию, которая несколько смягчалась той мыслью, что я сам выбрал для себя это состояние. Я понял, что наконец полностью контролирую все свои эмоции.

Мы собрались ранним вечером в доме около пляжа. Нас было пятнадцать человек; мы сидели за длинным столом на стульях с высокими прямыми спинками. Самыми говорливыми были один черный парень, который сразу же заявил, что ненавидит меня, потому что знает, «кто я такой», холодная и слегка высокомерная ямайская девушка из Стони-Брук и преподавательница истории из Нью-йоркского университета. Последняя поначалу казалась скромной и милой особой, но потом выяснилось, что именно она — самый воинственный член нашей группы. Были там и другие, но они меня особенно не интересовали. Руководителю нашей группы ассистировала молоденькая монашенка из Бронкса, которая несколько смущала нас своей очевидной одинокостью. Вначале я чувствовал некоторое превосходство над остальными, поскольку полагал, что вряд ли кто-нибудь сможет что-то противопоставить впечатлениям, которых я набрался за границей. Что может знать этот психотерапевт из супермаркета о том, что я пережил в Рангуне или Мюнхене?

После первых контактов два-три участника группы сказали, что их пугает моя манера держаться. Человек из глубинки штата Нью-Йорк сказал, что завидует моему богатству и независимости. Еще кто-то сказал, что ему стало бы страшно, окажись у него столько денег, сколько у меня. Одна из девушек заявила, что

ни за что бы не согласилась стать моей подружкой. «Такой был бы геморрой!» — повторяла она беспрестанно. Позднее кто-то повесил на меня кличку Супермен и обвинил в том, что я пошел в психотерапевтическую группу, поскольку у меня сложился комплекс вины из-за того, что я — из такой богатой семьи.

Тут другая девушка, которая только что закончила колледж, зарыдала в истерике. Ее парень был негром и страдал шизофренией. Она постоянно разрывалась между реальностью и болезненными фантазиями своего парня. Она рассказала, как часто ей приходится выслушивать всякий бред, который он шепчет ей на ухо. Она пытается понять ужасный мир, в котором он живет. Иногда ей это удается, и тогда ей кажется, что она превратилась в белую негритянку и все кругом смотрят на нее.

Молодой негр сказал, что постоянно чувствует себя так, словно ему сдавили горло. Он считал, что не может выразить свои чувства, потому что недостаток образования мешает ему связно строить свою речь. Он все время повторял: «Вы меня не понимаете. Вы меня не понимаете». Когда мы принялись убеждать негра, что прекрасно понимаем его, он возразил: «А откуда вы знаете, что понимаете? Вы не жили так, как живу я. Вы же не знаете, что я хотел сказать». Мне было жалко негра, но все равно я так и не почувствовал себя частью нашей группы. Я знал, что стоит только другим

попробовать проанализировать меня, как я сразу же уйду в себя.

Кто-то сказал, что расходы по организации собрания группы нужно поровну разделить между всеми нами. Еще он сказал, что на такие деньги можно было бы организовать летний отдых для нескольких детей из гетто. Негр тут же согласился с этим человеком. Высокая блондинка обрушилась на них обоих: она сказала, что ей наплевать на деньги и наплевать на всех детей в мире, какого бы цвета кожи они ни были. Она здесь не для того, чтобы бороться с болезнями общества и решать проблемы угнетенных рас, а для того, чтобы взбодриться и вернуться к жизни самой. Она также обвинила негра, что он злится на белых просто потому, что они — белые, вместо того чтобы разобратся в истинных причинах своей озлобленности. Вспышка эмоций блондинки испугала меня. До этого момента у нас с ней образовалось нечто вроде союза: она поддерживала меня, а я отвечал ей тем же. Теперь я почувствовал, что меня предали. Когда я позднее сказал ей об этом, она возразила, что, верно, я подсознательно жду предательства от всех, особенно от женщин, которых совсем не понимаю. Я сказал, что меня удивляют ее рассуждения. По моему мнению, понимание может возникнуть между людьми только после долгих лет свободного общения и не ограниченного ничем самовыражения. Говорить о каком-то «понимании» раньше — просто смешно.

Весь день я нервничал и только и думал что о следующем собрании нашей группы. Я отметил утреннюю встречу с брокерами и лежал в постели, репетируя свои ответы на возможные вопросы. Но вечером я вошел в охотничий домик в штате Вермонт, и наш психоаналитик представил меня как «нового протагониста». Я признался собранию, что очень волнуюсь. Кто-то попросил меня пройтись по комнате, и я понял, что у меня подгибаются колени. Я решил, что продемонстрирую группе по крайней мере два своих «я». Одно будет ранимым, а другое — неуязвимым. Одна из девушек будет в роли моей матери, а другая — моей няни.

Первая сцена разыгрывалась в спальне моего дома. В одном углу мы поставили голубой шкафчик, в котором я обычно хранил свои игрушки, а в другом — детское кресло-качалку. Моей нянькой стала черная девушка. Она погладила меня по голове, расчесала мне волосы и сделал вид, что собирается стричь их. При этом она все время приговаривала: «Чего мне тут только не приходится делать! Просто не дом, а цирк какой-то!» Я долго смеялся, а затем она сказала: «Сейчас твой отец вернется!» Я испугался. Очевидно, это было заметно, потому что кто-то из группы выключил свет, чтобы помочь мне. Но и под прикрытием тьмы эмоции обуревали меня. Я решил, что нужно не поддаваться им, и вскоре овладел собой. После этого мне сразу стало легче.

Затем мы разыграли сцену, в которой мне сообщают, что мой отец умер. Я вспомнил, как, выходя из нашего летнего дома, я услышал за спиной телефонный звонок. Затем наружу вышла няня и сказала: «Джонатан, твой отец отправился на небо». Я побежал в комнату отца, уселся там в его рабочее кресло, открыл свою маленькую красную Библию с золотой тисненой надписью «Джонатан» и стал ее читать. В нашей инсценировке я заставил няню сказать: «Вроде бы твой отец помирает». Уж не знаю, почему я изменил слова.

В детстве мне казалось, что смерть — это нечто вроде зверя, который лежит внутри нас и однажды нас пожирает. И до сих пор, стоит мне только снова ощутить внутри себя эту тварь, я чувствую себя в точности так же, как тогда, в кресле отца с Библией в руках.

Затем мы перешли к диалогу с моей матерью. Помню, как-то утром, когда она собиралась в больницу на обследование, я пролил апельсиновый сок. Мать расстроилась. Позже, уже вернувшись из больницы, она сказала: «Я пыталась быть хорошей матерью, Джонатан, но все, что ты будешь обо мне помнить, — это как я рассердилась, когда ты пролил апельсиновый сок». Я начал разыгрывать роль моей матери и впервые понял, что она испытывала, когда ей казалось, что она сходит с ума. Она поняла, что никогда не узнает, кем стал ее единственный ребенок, и никогда не увидит его взрослым мужчиной.

Затем девушка, игравшая роль моей матери, села на стул в достаточном отдалении от меня. Я хотел расспросить ее о тех моментах жизни с отцом, которые были для нее самыми знаменательными, но подумал, не отнимаю ли я у других участников группы слишком много времени.

Внезапно кто-то закричал: «Да из-за тебя, Джонатан, вся сессия пошла коту под хвост!» Преподавательница истории сказала, что ей еще не приходилось встречать людей с таким самообладанием, как у меня. Только человек с моей родословной, сказала она, может, разыгрывая трагедию, через минуту скатиться до бурлеска. Она сказала, что мне никогда не удастся до конца расслабиться. Я всегда буду подавлять свои импульсы и держаться особняком от других людей.

* * *

Девушка из Стони-Брук сказала, что в нашей стране люди недостаточно много думают о сексе, чтобы поверить, будто все желания человека могут сводиться только к голому сексу. В Америке человек, который не скрывает своей сексуальной озабоченности, автоматически заносится в разряд извращенцев, алкашей, наркоманов, преступников и прочих отбросов общества. Мы полагаем, что в нем воплощено все социальное зло, и раз мы так полагаем, то находим и доказательства.

Прошлым летом, сказала она, у нее по соседству завелся один вуайерист, который выдавал себя за полицейского фотографа. Вуайерист ходил по округе и под предлогом фотографирования деревьев и цветочков подглядывал сквозь незадернутые шторы ванн и спальных комнат. Когда его попытались расспросить, чем это он занимается, он ответил, что он детектив и работает на бюро по борьбе с наркотиками. По иронии судьбы в то же самое время полиция обнаружила в районе, где происходило все это, несколько подпольных теплиц для выращивания марихуаны. Одна парочка вырастила около сотни кустов в чулане с использованием ультрафиолетовых ламп, инфракрасных нагревателей и алюминиевых отражателей, которые имитировали солнечный свет. Последовали многочисленные аресты, и соседи перестали сомневаться в искренности вуайериста. Но полиция прослышала о нем и начала за ним следить. Однажды, когда он ничего особенного и не делал, его арестовали за непристойное поведение. Полицейские избили его и сломали его камеру. С этого дня он запил. Его снова забрали, на этот раз за нарушение общественного порядка. Когда его выпустили, он перестал прикидываться полицейским. Вместо этого он стал одеваться как Супермен: в кеши, шнурованные ботинки и трико, на груди которого была вышита огромная буква S, составленная из молний и похо-

жая на знак доллара. Кто-то заметил, как он прыгал с крыши на крышу.

На этот раз его арестовали за вторжение в чужие владения и нарушение покоя детей. Когда он вышел из тюрьмы, он был страшно худ и больше не надевал своей излюбленной одежды. Вскоре он исчез. Несколько дней спустя старший по дому вскрыл его квартиру. На кухне, чтобы открыть дверцу холодильника, он был вынужден потянуть за ручку изо всех сил, но дверца все равно не открывалась. Тогда он послал за подмогой, и когда наконец холодильник взломали, внутри нашли Супермена в полном облачении. Очевидно, он съел пачку снотворного, а затем забрался в холодильник, чтобы спасти свое тело от разложения.

* * *

В нашей группе была одна толстая, некрасивая девушка. С самого начала я предположил, что я ей очень не нравлюсь, но однажды она подошла и заявила, что от меня исходят дурные вибрации. Со слезами на глазах она сказала, что, судя по всему, я чувствую себя ужасно обиженным жизнью. И поэтому при виде меня у нее пробуждается материнский инстинкт. Я смутился и закрыл лицо руками. На какое-то мгновение мне захотелось, чтобы эта девушка или какая-нибудь другая особа женского пола из нашей группы прижала меня к своей груди. Я сказал девушке, что растроган

ее словами, но если бы она действительно знала, что я собой представляю, то такого желания у нее бы не возникло. После этого до самого вечера я никак не мог отогнать от себя мысль, что в этой жизни меня прижимали к груди только мадемуазель Ирэн, моя няня, да шлюхи, которых я платил за любовь. Мадемуазель Ирэн теперь уже старушка, и вряд ли я рискну попросить ее об этом снова.

Ну вот и приехали, подумал я. Кучка великовозрастных детишек, запертых в пустой комнате и играющих друг с другом в наивные игры. Никто никого не понимает. Мы бродим по огромным темным пещерам, зажав в руках крошечные персональные свечки и надеясь на то, что однажды свет зальет все вокруг. Мне не хотелось бы думать, что я так же примитивен и беспомощен, как и все остальные, но если я сложнее и умнее, почему же я так хочу быть понятым ими?

Я вспомнил о Кэйрин и о ее скептическом отношении к групповой терапии. Теперь, когда я стал посещать группу, она больше не приходит. Она считает, что это чистое заблуждение. В определенном смысле я с ней согласен.

* * *

Я скучаю без Кэйрин. Я знаю, что ее боль — той же природы, что и моя, но вступить с ней в контакт на этом уровне я не могу. Ведь если я попытаюсь, она подумает, что я анализирую ее

с целью найти слабое место в ее обороне. Она ошибается. Я не играю в эти игры. Она верит окружающим еще меньше, чем я. А я им почти не верю, поэтому мне легко понять, как трудно будет войти во внутренний мир Кэйрин.

Всего лишь два дня назад мы собрались здесь, совершенно чужие, незнакомые друг другу люди. Мы аккуратно запарковали на соседней стоянке все наши «бури», «бунты», «ураганы», «ярости» и «демоны». Прошло два дня, а мы — такие же чужие друг другу, и каждый из нас только и мечтает о том, как бы вернуться к привычному существованию. Все пролитые нами на плече друг у друга слезы, все гневные обличения — все это кажется теперь надуманным и произошедшим не с нами. Идея, будто между незнакомыми людьми может внезапно возникнуть откровенность, — вот что больше всего раздражает меня в групповой терапии. Это жалкая попытка вызвать у людей хорошее настроение, создав у них иллюзию проникновения в чью-то душу. Но в конце иллюзия развеивается, и ты понимаешь, что ничего особенного не произошло и что ты узнал о себе и других не больше, чем на любой вечеринке с коктейлями.

* * *

Вчера я повстречал Кейта, которого не видел со времен Катманду. Он стал намного серьезнее с тех пор. По какой-то причине его сей-

час интересуется проблема размножения. Он рассказал мне, что тайна рождения всегда волновала человечество и что выдвигались разные теории, чтобы ее объяснить. Аристотель, например, думал, что утри самопроизвольно зарождаются из гниющих на солнце морских водорослей. Мы считаем, что сложнее нас на земле нет никого, сказал Кейт, но есть много видов, которые представляют не меньший интерес. Он объяснил, что медузы, например, существуют в двух совершенно различных формах. Первая форма размножается путем полового оплодотворения, но порожденная ею вторая форма бесполой и размножается почкованием, порождая снова первую, половую, форму.

По мнению Кейта, переменялся я — стал каким-то вялым и безразличным ко всему. Он сказал, что его собственная жизнь радикально изменилась после того, как он увлекся естествознанием, и тут же порекомендовал мне несколько книг из этой области. Но я с большим скепсисом отношусь ко всякому фанатизму, будь он религиозным, политическим, мистическим — да каким угодно. Когда я видел Кейта в последний раз, он был увлечен мировой революцией, а до того — проблемами семантики. Как и большинство людей на земле, Кейт постоянно ищет ярлык, который можно на себя наклеить. Он сказал, что объяснить его новое увлечение природой невозможно, потому что человеческий язык потерял способность

выражать спонтанное. А это мне пришлось не по душе, поскольку тем самым он поместил меня в разряд скучных и безнадежно предсказуемых типов, которых я и сам презираю. По-моему, у меня хорошо развита интуиция, и я не из тех, кто все понимает буквально. И все же Кейт абсолютно прав в одном: общаться при помощи языка практически невозможно. Никто не может дать мне ответы на мои вопросы, и уж тем более тот, кто полагает, что уже постиг смысл своей жизни.

* * *

Сьюзен любит делить людей на две категории: тех, кто пережил личную катастрофу, и тех, у кого ничего такого в жизни не было. Она оживилась, когда узнала, что моя жизнь — непрерывная цепь бедствий. Смерть родителей. Наркотики. Болезнь. Но при этом она не считает, что я разбираюсь в себе лучше, чем люди, жизнь которых лишена событий. Я однажды признался ей, что не могу ничего рассказать о себе без того, чтобы в определенный момент не вступить в противоречие со сказанным ранее; при этом я искренне верю, что оба моих утверждения истинны. А она говорит мне на это, что я просто не умею дать определение самому себе, что я не способен даже на простые утверждения типа: «Я всегда поступаю так и не поступаю этак» или «Я из тех, кто обычно делает вот это и не делает вон то». Сью-

зен откровенно рассказала, что думают обо мне друзья Кэйрин. Я и не подозревал, что они так много судачат на эту тему. Я заметно расстроился, узнав их мнения, так что Сьюзен поспешила сменить тему и принялась рассказывать о себе. «Большинство людей, — сказала она, — ищет себе в любви таких партнеров, с которыми у них совпадали бы основные интересы. А я вот ищу того, кто сможет заставить меня вывернуться наизнанку, обнажить мой страх и мою боль».

* * *

Сегодня в группе мы обсуждали предрассудки. Все были ужасно серьезны и напыщенны. Наконец я не выдержал и сказал: «Послушайте, всех нас волнует, и вполне законно, эта тема. Но, в конце концов, у нас в группе всего три негра, зато есть немало таких, кто является жертвами иных предрассудков. Почему мы совсем не говорим об их проблемах?» Внезапно всеобщее внимание сосредоточилось на мне. Кого я имею в виду? Неужели те, кто занимается моими деньгами, относятся ко мне с предубеждением? Неужели мне посмели хоть в чем-то отказать? Затем кто-то спросил, почему все обсуждают меня. Одна из женщин предположила: это потому, что я богат, образован и много поездил по свету. Меня дискриминируют из-за моего привилегированного положения. Кто-то другой предположил, что дело в

том, что мои домашние по-прежнему считают меня лапочкой. Затем уже все принялись анализировать меня. Кто-то сказал, что во мне чувствуется очевидная сила, другой заявил, что во мне чувствуется очевидная ранимость, а еще кто-то — что я «хотя и мужественный, но очень мягкий». Молодой негр сообщил, что я его пугаю, хотя непонятно почему. Я попросил их прекратить фантазировать и вернуться к реальности.

Во время этой дискуссии Анита, с которой я переспал прошлой ночью, молча злилась. Когда кто-то спросил ее про наши отношения, она ответила: «Я бы сама хотела знать; может, он мне как-нибудь объяснит». Затем она взорвалась и крикнула мне в лицо: «Разве ты можешь относиться к групповой терапии всерьез? Ты просто забавляешься, загоняя нас всех в роли, которые сам для нас придумал!» Я крикнул ей в ответ, что она — одна из тех, кто с готовностью эти роли принимает.

Негр сказал, что, хоть я его и пугаю, ему хочется защитить меня. «Такая куча денег, — сказал он, показывая на меня, — а счастья нет!» Все засмеялись. Затем он сказал, что ко мне клеится Анита и еще несколько девушек в группе. Такое внимание льстит мне, но в то же время я знаю, насколько оно поверхностно. Все эти люди видят только то, что хотят видеть, а хотят они увидеть испорченного богатого юнца, пресыщенного жизнью.

Кэйрин сказала, что я продолжаю играть важную, но не решающую роль в ее жизни. Благодаря тому, что ход ее жизни определяют множество мужчин, она избегает подавления ее личности кем-нибудь одним. Она требует к себе так много внимания, что один мужчина просто не в состоянии справиться с этой задачей. Она боится, что, если мужчина всего лишь ощутит масштаб ее потребностей, он испугается. Если верить Сьюзен, то Кэйрин всегда выбирает таких мужчин, которые достаточно сильны для того, чтобы ее разрушить. Если она не чувствует себя в постоянной опасности, то начинает скучать и разрывает отношения. Она никак не может решить, кто же она — охотник или жертва.

Кэйрин уверена, что, если бы я узнал про ее фантазии на темы группового секса со стариками, я бы испугался не меньше, чем если бы она призналась, что мечтает о нашей совместной жизни, о свадьбе, о том, как она нарожает детей и будет устраивать каждый вечер семейные чаепития. Она сказала, что мое «я» такое же хрупкое, как и ее: после каждого свидания оба мы уверены, что никогда не встретимся вновь. Кроме того, она призналась мне, что уже не раз воображала, как окончатся ее отношения с Сьюзен. «Я по-прежнему нуждаюсь в ее поддержке, — сказала Кэйрин, — но не в такой степени, как раньше. Я теперь уверена

в себе намного больше. Я даже могу представить себе, что мы с тобой проживем всю жизнь вместе».

* * *

Мне посчастливилось познакомиться с вашей матерью через два года после смерти вашего отца. Незадолго до этого несколько моих статей опубликовали в популярных журналах, и за мной закрепилась репутация известного археолога. По работе я познакомился с одним персидским торговцем, у которого ваша мать приобрела большую коллекцию произведений искусства. В ту весну ваша мать пригласила его к себе в Питсбург, и, поскольку торговец почти не говорил по-английски, он взял меня с собой в качестве переводчика. Прожив в ее доме неделю, мы уехали, а еще через две недели ваша мать пригласила меня пообедать с ней и после обеда попросила перевести каталог той самой коллекции. Она хотела заплатить мне, но я отказался. На следующий день я прислал ей несколько своих книг, специально подчеркнув в них пассажи, которые могли бы ее заинтересовать.

Ваша мать показалась мне очень привлекательной, мистер Уэйлин. Вы можете спросить, нашел ли бы я ее столь же привлекательной, будь она обыкновенной конторской служащей. Но вы же понимаете, она не была обыкновенной конторской служащей. Она была миссис Кэтрин Уэйлин, вдова Хорэйса Уэйлина. Так же

как конторская служащая неотделима от унылой обстановки офиса, так и ваша мать была неотделима от элегантного мира, в котором протекала ее жизнь.

Я еще что-то для нее перевел, а потом пригласил вашу мать на ужин в один из загородных ресторанов. Мы говорили обо всем: о картинных галереях, книгах, вавилонской культуре, о ее коллекции старинных миниатюр, моих проектах, ее браке.

Так все и началось. С тех пор мы стали встречаться дважды, а иногда и трижды в неделю. Мы ходили в кино — до знакомства со мной она ни разу в жизни не была в автокино, — в театры, музеи, посещали лекции и вернисажи. Мы встречались, только когда она хорошо себя чувствовала. И всегда, даже если приглашала ваша мать, за все платил я. Довольно долго между нами не было физической близости; мы просто наслаждались обществом друг друга.

Вы, наверное, помните, мистер Уэйлин, что я — человек небогатый. Мой отец был брокером, занимался недвижимостью, но не оставил никакого состояния. Я содержу свою мать, которая живет во Флориде. Когда я познакомился с миссис Уэйлин, у меня было тысяч семьдесят пять долларов в различных ценных бумагах. Это все, что мне удалось скопить за пятнадцать лет, в основном благодаря гоноарам за мои книги. До знакомства с вашей матерью вся моя жизнь была тщательно распланирована. Но во время наших встреч мне при-

ходило тратить за вечер больше, чем я обычно тратил за месяц. В конце концов пришлось выбрать, что для меня важнее: финансовая стабильность или общество самой великолепной женщины, которую я когда-либо знал или буду знать. Я выбрал вашу мать.

Мы стали любовниками. Ваша мать решила, что нельзя афишировать нашу связь. Она не собиралась замуж снова. Она не хотела, чтобы распространялись сплетни, которые могли бы бросить тень на Компанию и испортить жизнь вам.

Чтобы наши отношения были менее очевидными, мы с вашей матерью, когда бывали в местах, где ее хорошо знали, всегда брали с собой одну из ее старших приятельниц.

Поскольку нас объединял интерес к древностям, мы решили вместе посетить все археологические достопримечательности, которые никто из нас не видел раньше. В тот период вашу мать еще не мучила эта ужасная болезнь; она любила путешествовать, вкусно поесть и вообще была замечательной спутницей.

Она настояла на том, что будет оплачивать наши дорожные расходы, поскольку ей нравилось останавливаться в самых лучших отелях. Она заказывала самые большие номера и всегда требовала от администрации отеля обставлять их дополнительной мебелью по ее вкусу. Ваша мать никогда не имела при себе наличных. Даже чаевые для гостиничной при-

слуги она включала в счет, который оплачивался ее банком.

Нельзя сказать, чтобы вашу мать совершенно не интересовали денежные дела. Она внимательно следила за состоянием фондового рынка. Помню, как однажды мы были в Венеции и из разговора со служащим банка она узнала, что на бирже верх взяли «медведи» и что она потеряла кучу денег. Обедая на террасе с видом на Большой канал, я спросил, есть ли какие-нибудь новости из дома. Она сказала, что обвал биржи достиг, по ее словам, «просто кошмарного» масштаба. Еще она сказала, что за вчерашний день потеряла около шестидесяти двух миллионов долларов. «Разумеется, на бумаге!» — добавила она и засмеялась. После обеда она попросила свежие американские газеты и, когда управляющий отеля принес их, пошутила, что «Правда», наверное, предсказывает, что случится на бирже, точнее, чем «Уолл-стрит джорнэл». Услышав это, управляющий тут же спросил, не хочет ли она последний номер «Правды».

«Но где вы ее возьмете в Венеции?» — удивилась ваша мать. «Я получаю ее домой по почте, мадам, — ответил управляющий, — я ее выписываю». — «Но я не знаю русского». «Если хотите, я могу перевести любую статью, которая вас заинтересует», — предложил управляющий. Совсем уже изумившись, ваша мать спросила его, почему он читает «Правду». «Я — коммунист, — ответил управляющий. — Я изучал

историю капитализма в Советском Союзе». Ваша мать была потрясена — ведь это был один из самых любимых ее отелей. Тем не менее она согласилась, и управляющий прочел ей несколько статей, которые, как оказалось, действительно давали более ясную картину происходящего на бирже, чем «Нью-Йорк таймс».

Как я уже говорил, у вашей матери никогда не было при себе наличных, поэтому в тех местах, где нужно было давать чаевые, эту заботу брал на себя я. Вскоре я начал носить с собой чемоданчик, заполненный пачками одно-, пяти- и десятидолларовых купюр.

Насколько помню, я обычно давал по десять долларов носильщикам, столько же — метрдотелям, по пять — коридорным, двадцать пять — корабельному стюарду и эконому, пять — бою, тоже по пять — каждой горничной и лакею, сорок долларов — археологическому гиду, сто — управляющим отелей, двадцать пять — клерку в окошечке заказа театральных билетов, сорок — горничной-хозяйке; телефонистки, секретарши, шоферы, массажисты, визажисты и парикмахеры получали по двадцать пять. Кроме того, были еще рестораны и бары, такси, гаражи, корабли и поезда, аэропорты, постоянные дворы, водолечебницы. Все кругом, даже погонщики ослов и мулов, ждали от нас чаевых. В соответствии с нашим образом жизни мне постоянно приходилось обновлять свой гардероб. К концу второго года связи с вашей матерью у меня на счету оставалось только две тысячи

долларов, а моя книга о древней Тере еще была далека от завершения.

Я никогда не поднимал эту тему в разговорах с вашей матерью. Да и как я мог? Сказать, что я растратил все свои деньги на чаевые, значило признать свою полную зависимость от нее. Вместо этого я написал ей записку, что должен срочно завершить свою книгу и поэтому некоторое время не смогу с ней встречаться. Через неделю она отправилась в круиз. Больше я ее никогда не видел.

* * *

Когда мне было шесть лет, отец часто возил меня за город. Как только мы выезжали из Питсбурга, я садился рядом с ним. Он разрешал мне переключать скорости, в то время как сам занимался педалью сцепления. Как-то раз дорогу нам перебежали два человека в охотничьих кепках, кожаных куртках и с ружьями. Мы услышали выстрелы, и отец остановил машину. Вскоре показались охотники, которые волокли за собой мертвого оленя. Вид убитого животного и кровавый след на асфальте заворожили меня. Я тоже захотел стать охотником.

Я все еще мечтал об охоте, когда через много лет оказался в Африке. Вместо этого я почему-то очутился по пояс в грязной луже в Кении, в компании пузатого прусского торговца, с которым у нас на двоих был один бинокль, его альбиносистой фрау и американизированной дочери. Помню еще, как я лежал на крыше

принадлежавшего им «мерседеса-сафари» и разглядывал парочку бабуинов, совокуплявшихся на дереве.

* * *

Кейт позвонил мне и сказал, что его вспыльчивость плохо сказывается на отношениях с Патрицией. Он собирается снова полечиться.

Через час мне позвонила Кэйрин. «Мне нравится, когда у меня месячные, — сказала она, — мне нравится чувствовать, как из меня струится теплая кровь. Мне не нравятся противозачаточные таблетки, потому что от них выделение крови уменьшается. Я их больше не буду принимать». Она только что вернулась с собрания местного отделения «Нового женского общества», где они приняли постановление насчет дезодорантов, которые, по их мнению, для любви — то же самое, что цензура для средств массовой информации, поскольку дезодоранты подавляют истинный запах тела. Кэйрин возмущалась тем, что кто-нибудь может предпочесть синтетические запахи земляники, жасмина, флердоранжа и шампанского выделениям человеческих желез. «Нас заставляют принимать таблетки, — сказала Кэйрин, — нас заставляют выбривать волосы под мышками, к нам в мозги хотят влезать также свободно, как во влагалища». Она не сказала, кто заставляет, а я и не стал спрашивать.

У меня была очень странная неделя: мне кажется, что я впадаю в зимнюю спячку. Еще вче-

ра я лежал на крыше гостиницы в плавках под ярко-голубым небом, а сегодня уже возвращался домой по серым, холодным улицам, украшенным опрокинутыми мусорными баками, и ветер пытался спутать мне ноги страницами старых газет.

* * *

Сегодня утром я купил несколько журналов и газет, полностью посвященных сексу. В одной из них я нашел блестяще написанную редакционную статью, которая призывала поддерживать либерального кандидата в сенат штата и выражала яростный протест против геноцида во Вьетнаме. На соседних полосах красовались фотографии голых людей, вставляющих друг другу во все возможные места и лижущих друг друга. Заголовки кричали о новых приемах и стратегии трахания и доверительно сообщали, что большой твердый член — это еще не все для современной суперклиторической женщины, которой нужно нечто большее, чем большая палка и реки спермы.

Читая эти газеты, я понял, как долго я не был дома и как далеко от него я побывал.

* * *

Я начинаю привыкать к жизни в царстве автомобилей. На манхэттенской скоростной трассе возле моего офиса вечером в час пик машина сбила негра. Бесконечный поток автомобилей долго перекатывался через тело. Нако-

нец кто-то позвонил в полицию. Приехала полиция и извлекла из-под колес то, что когда-то было негром.

В Бронксе полицейский, вызванный на место массового столкновения, не заметил одну из пострадавших машин. Катастрофа произошла посреди лесопарка, машина перелетела через ограждение, и он просто не увидел ее в зарослях. Через некоторое время машину нашли, а в нескольких сотнях ярдов от нее нашли и ее пассажиров. После столкновения они жили еще достаточно долго для того, чтобы проползти это расстояние в напрасной попытке добраться до дорожного поста. Я даже и думать не хочу о том, что было бы, если бы им это все же удалось.

* * *

Кэйрин сообщила мне, что один из лучших известных ей рекламных копирайтеров покончил с собой. Он был военнопленным во Вьетнаме. Вьетконговцы отпустили его, и ему пришлось недавно давать показания в одном из следственных комитетов конгресса. В концентрационном лагере он занимался тем, что решал, кого из пленных американцев можно направлять на работы, а кого нет. Его обвинили в том, что он оказывал предпочтение тем из военнопленных, чьи политические взгляды были, так скажем, окрашены в коммунистические тона. Члены комитета хотели знать, почему в лагере выжили только те военнопленные, чьи убеждения противоречили американской

оборонной доктрине. Копирайтера обвинили в том, что он предал врагу всех лояльных правительству военнопленных.

Оправдываясь, он заявил членам комитета, что выжили попросту те из военнопленных, у которых в жизни существовали более важные ценности, чем Министерство обороны США. Естественно, конгрессмены не приняли такого объяснения.

* * *

Кэйрин была потрясена тем, что в «эмансипированных» газетах помещают статьи о мастурбации, снабженные диаграммами и детальными инструкциями. «Я всегда думала, что мастурбация инстинктивна, — сказала она, — и обучать ей никого не надо».

Потом она рассказала, что в шесть лет почувствовала приятное возбуждение, потершись о металлический столбик, который поддерживал перила. Несколько лет спустя, лежа в гамаке, она открыла, что может воспроизвести это ощущение, если потрется лобком о жесткое брезентовое днище гамака. Мастурбация всегда давалась ей без проблем. С течением времени, однако, она начала испытывать чувство вины. Она также призналась, что в постели никогда не может объяснить мужчине, чего она хочет. «Меня приучили, — сказала она, — удовлетворять мужчин и получать удовольствие оттого, что их удовлетворяешь. Я никогда не знаю, чего хочу я сама. Когда муж-

чина спрашивает меня, чего мне хочется, — а это случается не так уж и часто, — я никогда не могу ему ответить. Я научилась прикидываться, будто кончаю, но я презираю мужчин, которые верят в мое притворство».

Кэйрин сказала, что чувствует себя обязанной поступать в соответствии с желаниями мужчин, потому что взамен получает от них поддержку и одобрение. Она ненавидит себя за то, что спит с мужчинами, которые ей все это дают, потому что ее злит собственная готовность идти с ними на компромиссы. Но еще более ей ненавистна сама мысль о том, чтобы заняться любовью с человеком, с которым она могла бы полностью забыть о себе. Она боится, что тот мужчина, который узнает, какова она на самом деле, сразу ее бросит.

Одни знакомые Кэйрин, муж и жена, пригласили ее пойти с ними в кино. После сеанса они зашли к ней домой. На кухне жена призналась Кэйрин, что их брак под угрозой, потому что муж начал спать с другими женщинами без ее на то согласия.

После этого они покурили немного травы и спросили у Кэйрин, нельзя ли им позаниматься любовью у нее в спальне. Кэйрин сказала, что она тем временем сходит в магазин.

— Оставайся, — сказали они. — Почему бы тебе тоже не поучаствовать?

Так она и сделала.

Вначале они с трудом преодолевали смущение. Кэйрин и ее приятельница обсудили исто-

ки своей робости и боязни неадекватности. Все трое нашли, что поцелуи в грудь даются им легко, но никак не решались пойти дальше. Так и прошел вечер: они занимались друг с другом любовью и обсуждали свои ощущения. Кэйрин сказала, что приятнее всего было воображать, будто занимаешься с ними любовью, а затем заниматься ею на самом деле. Она утверждала, что в тот раз была более раскованной и пылкой, чем когда-либо.

* * *

Кэйрин рассказала мне про старуху, которая была последней уцелевшей обитательницей Отшельничьих островов. Она знала язык своего вымершего племени, но антропологи вовремя не сообразили, что она — последний носитель этого языка, и не записали ее речь. Когда старуха умерла, язык этот умер вместе с ней.

* * *

В сортире одного ресторанчика я прочитал надпись: «Знаешь ли ты, что каждый четвертый американец не вполне нормален? Посмотри на трех своих лучших друзей. Если они кажутся тебе нормальными, то это — ты». Трое лучших друзей! У меня один друг — любимая женщина, — и я ей в этом не могу признаться.

* * *

В последнее время Кэйрин в плохом настроении. Она припомнила, что перед моим

отъездом за границу я сказал ей, что рву отношения с женщинами, как только они мне надоедают. Ее испугала мысль о том, что она мне слишком легко досталась и от этого мой интерес к ней быстро угаснет. Она презирает обычные способы, которыми люди добиваются друг друга, то есть путем занудных вопросов и безликой физиологии. Она сказала, что ей тоже хотелось бы поехать за границу, бродить по миру в шелковой пижаме, спать со всеми подряд, с тремя-четырьмя одновременно, и вообще жить интересно.

* * *

Уэйлин зашел в бар и заказал выпивку. Двое стоявших рядом посетителей мельком посмотрели на него и продолжили свою беседу. Некоторые фразы прорывались сквозь гул музыкального автомата и бормотание телевизора и достигали слуха Уэйлина. Бармен протер стакан, наполнил его и толкнул по стойке к Уэйлину.

Уэйлин внимательно осмотрел бар. На высоком стуле сидела молодая негритянка, облокотившись локтем о стойку. Она была без спутника. Уэйлин выпил, заказал еще порцию и пошел к девушке.

— Меня зовут Джонатан. Вы не имеете ничего против, если я тут присяду? — сказал он и положил руку на стойку.

— Мне все равно, — ответила девушка.

— Может, вам хочется куда-нибудь сходить? Мы можем поехать за город...

— Зачем?

— Я хочу наведаться в один дом. Там никто не живет. Это примерно в часе езды отсюда. Прокатимся?

Девушка внимательно слушала, время от времени прикладываясь к стакану.

— А ты не объяснишь, с чего это я должна ехать смотреть какой-то долбаный сарай с каким-то белым чуваком, которого я знать не знаю и знать не хочу?

— Ну, так, интересное местечко. Куча комнат, старая мебель, картины. Там еще есть бассейн, парк и телескоп.

— А я-то тебе зачем там нужна? Затеял какую-нибудь пакость? — девушка вертела в руках пустой стакан.

— Да нет, — сказал Уэйлин. — Я просто жил в этом доме раньше. Уже много лет там никто не живет. Что-то мне захотелось пройтись с тобой по этим комнатам да пошарить по ящикам.

— Посреди ночи, здесь, в этом долбаном Шитсбурге, ты приглашаешь меня прогуляться по старому дому?

Девушка захохотала.

Уэйлин улыбнулся в ответ:

— Моя мать называла этот город точно так же...

* * *

По странному стечению обстоятельств перед самым моим отъездом из Питсбурга мне позвонил человек, который представился кол-

лекционером старых документов и писем. Он сказал, что у него есть много писем моего отца к моей матери. Я не поверил ему, но попросил принести письма ко мне в гостиницу, чтобы решить, буду я их покупать или нет. На конвертах стояли почтовые штампы самых различных штатов, а сами письма были написаны на почтовой бумаге с эмблемами разнообразнейших гостиниц и клубов. Очевидно, отец писал эти письма, находясь в деловых поездках.

Я спросил у коллекционера, как эти письма попали к нему. Он сказал, что по дому моей матери было разбросано много прелюбопытнейших вещей. Когда мать умерла, часть из них была украдена, пока дом еще стоял не опечатанный.

Когда он ушел, я попытался прочесть письма, но не смог разобрать отцовский почерк.

* * *

Культура этой страны стерильна. Никто не хочет говорить об увечьях и болезнях. Люди панически боятся уродства. Ни одна большая корпорация никогда не сделает ставку на горбуна. Фонды могут отказать в субсидии выдающемуся ученому, если у него физический дефект. И это не потому, что они осознанно ведут антиинвалидную политику. Нет, просто в нашей стране любое уродство приводит общество в ужас. Можете ли вы представить себе карлика, баллотирующегося в сенаторы?

Люди предпочитают не сталкиваться с уродством, а если и соглашаются на это, то далеко не с благими намерениями. Лилипут, например, сочетает в себе черты половозрелого и несовершеннолетнего, что может возбуждать субъектов с сексуальными отклонениями. В Америке полагается мчаться вместе со всеми по хайвэю, не сворачивая в сторону.

* * *

Когда я впервые увидел их в Африке, я подумал, что нет лучших летунов, чем эти птицы. Они часами летают, не шелохнув крылом, парят в воздушных потоках без видимых усилий. Приземляясь, они с размаху падают на свои неуклюжие ноги, тормозят животом, вытягивают шеи, пытаются погасить скорость. Иногда они зарываются клювом в песок, иногда сшибают все, что окажется у них на пути. Очень часто такая посадка заканчивается переломом крыла, или клюва, или позвоночника, и жертва остается навсегда в колючем кустарнике неподалеку от места посадки. Одни изувеченные птицы сидят там неподвижно, слепые, парализованные или в глубоком шоке, другие же ковыляют, волоча за собой крылья, похожие на сломанные зонтики, или прыгают на одной ноге. Интересно, завидуют ли они своим парящим высоко в небе собратьям или же счастливы тем, что прошли испытание и наконец обрели покой на земле.

— Как-то раз я видел половой акт двух кальмаров. Они подплыли друг к другу с вытянутыми головами и высоко поднятыми щупальцами. Затем самка легла на дно и подняла вверх шевелящийся лес своих бесчисленных рук. Самец опустился на нее словно парашют, переплел свои руки с руками самки, и они оба начали покачиваться взад-вперед. Когда самец почувствовал, что момент настал, он вложил щупальце, переполненное спермой, в камеру самки. Но путь в эту камеру лежит через дыхало, и если самка недостаточно возбуждена, она начинает задыхаться и пытается вырваться. В пылу схватки она часто отрывает руку самца. Самец уплывает прочь, а его щупальце продолжает жить внутри самки. Когда самка расслабляется, щупальце выходит наружу и уплывает.

— Оно все еще живое?

— Да. Долгое время биологи не могли понять, что так называемые морские змеи — это просто совокупительные щупальца гигантских кальмаров.

— Что, они никогда не видели безрукого самца?

— Нет. После того как совокупительное щупальце...

— Не могу слышать это слово!

— После того как у кальмара отрывает руку, у него вырастает новая. Вот почему никто долго не мог разобраться с морскими змеями.

Они не совокупаются с друг другом, и никто не мог понять, как они размножаются и какого они пола.

— А какого они пола?

— Среднего. Для кальмара морской змей — это сам воплощенный пол!

* * *

Выцветшие стены, почти пастельных тонов. Некоторые расписаны изящным орнаментом, на других висят гобелены, портреты или темные, неизвестно чьей работы пейзажи. Пыльные ковры, поцарапанный паркет. Уэйлин снял чехлы и посмотрел на стулья с ножками, покрытыми тонкой резьбой. Маленькие столики были предусмотрительно расставлены возле подоконников и пуфиков, чтобы дать уют чайным чашкам и стаканам с шерри. Мебель словно ждала, когда ей снова начнут пользоваться. С дерева слез лак, но мебель не потеряла желания служить людям.

* * *

Дверь в ванную его матери была полуоткрыта. За стеклом аптечки он видел ряды лекарств, многие — в еще не распечатанной фабричной упаковке, с не вынутыми из коробочек инструкциями и предписаниями, указывающими дозировку и описывающими побочные эффекты. Он открыл несколько коробочек и просмотрел инструкции: «снимает беспокойство

и напряжение», «подавляет психопатические реакции», «подавляет агрессивность и враждебность при хронической шизофрении, связанной с органическим поражением головного мозга», «рекомендуется только пациентам, находящимся под постоянным врачебным наблюдением», «снимает состояния глубокой апатии, возбуждения, психомоторной вялости», «передозировка может привести к ступору, коме, шоку, остановке дыхания и смерти».

* * *

Она села на кровать, подложила подушку под спину и закурила сигарету. Потом вдруг встала, не спеша направилась к двери и погасила верхний свет. Затем повернулась и подошла к стенному шкафу, включила в нем освещение и стала медленно раздеваться, аккуратно развешивая одежду на плечики. Повернувшись к нему лицом, она сняла чулки. Завела руки за спину и расстегнула бюстгальтер. Повесила его на ручку двери и вышла из трусиков. В тусклом свете он увидел, как она провела кончиком языка по губам, и влажные губы заблестели. Не говоря ни слова, она наклонилась над ним, положила его руку себе на грудь, а затем надавила на нее. Приложила к своему животу ладонь, глубоко вдохнула, а затем выдохнула. Ее плоть была сухой и теплой, ни капли пота. Она откинула назад голову и села на край кровати в ожидании.

* * *

Она привстала в нерешительности и медленно приблизилась к нему. Когда она отвернула лицо, он поцеловал ее в затылок. Затем опустился ниже и поцеловал в бедро. Губы у него пересохли, и поверхность ее кожи поэтому казалась шероховатой, как песок. Пульс забился быстрее. Однажды, занимаясь подводным плаванием, он спугнул большую морскую змею, лежавшую, свившись в клубок, на толстой ветке коралла. Змея поплыла вслед за ним, рассекая воду безо всяких видимых усилий и глядя на него немигающими глазами. Он вспомнил, как быстро тогда выдохся и как вынужден был сбавить темп, осознав свое поражение. Он ненавидел эту тварь, которая в одном своем длинном легком, казалось, запасала больше воздуха, чем было у него в двух кислородных баллонах. Он завидовал тому, как легко змее удается контролировать частоту сердцебиения даже в момент нападения.

* * *

Оба ночника горели, но она спала. Он видел морщинки у нее под глазами из-под неаккуратно наложенного грима. А над верхней губой грим расплылся от капелек пота. Он был зрителем, а она была на сцене. Он подошел к кровати и встал рядом. Ее голова покоилась на подушке на уровне его коленей. Он положил руку на одеяло, и тут его осенило, что она, воз-

можно, только притворяется спящей, а на самом деле ждет, когда он до нее дотронется. Он отдернул руку, вернулся обратно в кресло и продолжил наблюдение уже оттуда.

* * *

Уэйлин открыл папку и сразу же увидел бумагу со знакомым личным грифом своего отца.

«Дорогой Джонатан, в пятницу, 27 июля, я отправил в твой летний лагерь письмо, в котором сообщается, что ты возвращаешься домой поездом. К письму приложен чек на пятьдесят три доллара шестьдесят один цент. Администрация лагеря приобретет для тебя билет на поезд и выдаст пятнадцать долларов на еду и прочие дорожные расходы. Ты поедешь купированным вагоном, со всеми удобствами. Обед и ужин тебе подадут прямо в купе, так что все, что от тебя требуется, — это попросить проводника предупредить тебя заблаговременно, когда будет твоя станция. Дай проводнику пятьдесят центов чаевых, когда будешь выходить в Питсбурге, и столько же — официанту. Твоя поездка будет проходить следующим образом: в субботу, 18 августа, в 10 часов утра закрывается лагерь. Работники лагеря посадят тебя на поезд на станции Плимут, штат Индиана. Твой поезд называется «Форт Питт», отправление в 10.56, прибытие в Питсбург в 19.45. Скажи проводнику, что я встречу тебя на вокзале. Проводник наверняка знает, кто я такой. Надеюсь,

ты прекрасно проведешь оставшиеся дни в лагере и вернешься бодрым и свежим. Счастливого тебе доехать. Твой отец».

Он взял другое письмо, которое было аккуратно напечатано на бумаге с грифом Компании.

«Мой дорогой сын, я получил от тебя два письма. Они доставили мне большое удовольствие, потому что, как ты знаешь, я очень скучаю по тебе и надеюсь увидеть тебя через восемь-девять дней. Мы с мамой говорили о тебе каждый день. Поскольку она общается с твоими преподавателями чаще, чем я, она знает, как хорошо у тебя идут дела. Я, впрочем, ничего другого и не ожидал. Я рад, что у вас там хорошая погода, потому что здесь погода просто отвратительная. Сегодня опять весь день шел противный дождь. Я надеюсь, что ты играешь в теннис и купаешься каждый день. Для твоего здоровья это полезно. Будь прилежным и береги себя. Мы ждем тебя. Твой любящий отец».

В нижнем левом углу карандашом была сделана приписка, позднее стертая резинкой: «Продиктовано, но не прочитано».

Следующее письмо, от декана колледжа, было написано перед самым отъездом Уэйлина за границу.

«Комитет рассмотрел Вашу успеваемость за весенний семестр. Как Вам известно, Вы имеете неудовлетворительные оценки по англ-

лийскому языку, политическим наукам, истории и антропологии. В результате Ваш средний балл ниже, чем предусмотренный требованиями нашего колледжа. Поскольку нет никаких свидетельств в пользу Вашего дальнейшего пребывания в колледже, комитет принял решение о Вашем исключении. По некотором размышлении я согласился с рекомендацией комитета и проинформировал канцелярию о невнесении Вас в списки студентов, допущенных к следующему семестру. Я жалею о случившемся и желаю Вам всяческих успехов в будущем».

Уэйлин несколько удивился, когда обнаружил в папке письмо от мэра города, адресованное «Джонатану Джеймсу Уэйлину, эсквайру».

«Дорогой Джонатан, нет таких слов, которые могли бы выразить мою скорбь по поводу кончины Вашего отца, но я хочу, чтобы Вы знали, что я мысленно с Вами. Я буду вспоминать Вашего отца в моих молитвах. Что еще можем сделать мы, смертные? С теплым сердечным приветом, Джон Ли Оверхолт, мэр».

В той же самой папке Уэйлин нашел написанное от руки письмо своему отцу из Белого дома.

«Мой дражайший друг, во время нашей избирательной кампании меня больше всего поддерживало сознание того, что именно наши неоскудевающие фонды позволяют нам донести наше послание до каждого американца. Я даже не знаю, как отблагодарить тебя за то, что ты

взвалил на себя эту тяжкую ношу, но тебе обеспечена моя вечная признательность. Ты блестяще выполнил свой долг, дружеский долг и долг члена республиканской партии. Сейчас, когда мы приступаем к важнейшей задаче осуществления нашей предвыборной программы в интересах процветания нашей державы, я по-прежнему рассчитываю на твои советы и твою поддержку. Желаю всего самого наилучшего тебе, Кэтрин и Джонатану».

Письмо было подписано лично президентом.

Джонатан взял в руки папку с вырезками из газет и пролистал их.

«ХОРЭЙС САМНЕР УЭЙЛИН УТОНУЛ. СОЗДАТЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННОЙ ИМПЕРИИ — ЖЕРТВА МОРСКИХ ВОЛН. РУКОВОДИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА ОПЛАКИВАЮТ КОНЧИНУ УЭЙЛИНА. ХОРЭЙС САМНЕР УЭЙЛИН, ОДИН ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НАХОДИТ ГИБЕЛЬ В ШТОРМОВОМ МОРЕ НЕПОДАЛЕКУ ОТ СВОЕГО ДОМА В ШТАТЕ РОД-АЙЛЕНД».

Другие вырезки содержали фрагменты из биографии его отца.

«Родился в штате Колорадо, так и не получил начального образования». «В возрасте тринадцати лет был вынужден после смерти отца оставить школу и начать работать. Он устроился курьером в алюминиевую компанию с окладом четыре доллара восемьдесят пять центов в неделю. Вскоре, совершив стремительный

взлет по служебной лестнице, Уэйлин становится директором завода в возрасте двадцати трех лет. Через два года он основывает собственную компанию, которой с самого начала сопутствует успех. Очень скоро становится ясно, что Компании Уэйлина суждено великое будущее». «Внезапная смерть Хорэйса Самнера Уэйлина вписала последнюю главу в сагу строительства американской тяжелой индустрии, где речь идет и о тех героических личностях, которые возглавляли это строительство. Эндрю Карнеги, Генри Клей Фрик, Чарли Шваб, Б. Ф. Джонс, Генри Фиппс-младший и Хорэйс Уэйлин — вот их имена. Они были энергичными людьми в бизнесе, который требует энергии. Это их трудами мы стали энергичной нацией». «Хорэйс Самнер Уэйлин в своих ответах на вопросы журналистов не раз заявлял, что он начинает день всегда с одной и той же молитвы, что его любимый писатель — Диккенс и что он хотя бы раз в сутки слушает Токкату и фугу ре минор И.-С. Баха».

Джонатан нашел также программку торжественного обеда, данного Американским институтом тяжелой индустрии в честь его отца. Обложка программки была сделана из толстой алюминиевой фольги, на которой были выдавлены медальон с эмблемой института, бегущий бык и девиз института «Ради величия и роста страны». В программе содержалось обращение директора института и речь главнокоман-

дующего вооруженными силами США в Юго-Восточной Азии на тему «СЕАТО на службе мира и порядка». Меню состояло из лангустового супа с шерри и гренками, бёф а ля мод с картофельными крокетами, салата, замороженного суфле «Аляска», вишневого фламбе, пирожных и кофе по-парижски. Уэйлин живо представил, как его отец разворачивает салфетку, наслаждается едой и вежливо аплодирует очередному оратору.

* * *

В другом альбоме он отыскал вырезки, посвященные смерти его матери. Они выглядели более свежими и лежали между листами прозрачного пластика. «Миссис Кэтрин Ферстон Пек Уэйлин, вдова Хорэйса Самнера Уэйлина и одна из богатейших женщин Америки, скончалась прошлой ночью в своей зимней резиденции в Палм-Спрингс. Миссис Уэйлин носила мантию гранд-дамы американской промышленности с элегантной легкостью. Она была душой сорокакомнатного особняка в Питсбурге и, после смерти мужа, продолжала содержать семейные резиденции на Уотч-Хилл и в Палм-Спрингс, а также яхту на Лазурном берегу во Франции. Одни только ее драгоценности оценивались в...»

Уэйлин просмотрел еще несколько вырезок: «она посещала школу в...», «они вступили в брак...», «когда Хорэйс Самнер Уэйлин скон-

чался, наследство его вдовы составило более четверти миллиарда долларов в одних только муниципальных бондах», «миссис Уэйлин пребывала многие годы в печали о покойном супруге, несмотря на те утешения, которые предоставляли ей ее молодость и подрастающий ребенок», «следуя примеру покойного мужа, миссис Уэйлин оставила все свое состояние в наследство единственному сыну. Опекунство над этим, одним из самых значительных в стране, наследств было доверено „Нэйшнл мидленд“...», «Джонатан Уэйлин в настоящее время проживает за рубежом, где совмещает учебу с путешествиями...».

Еще в одной папке лежали неразрезанные листы почтовых марок с портретом отца. К одному из листов прилагалось письмо от Генерального почтмейстера: «Мы рады ознакомить Вас с первым официальным выпуском памятных почтовых марок, призванных достойно отметить важнейшую роль, которую Ваш супруг сыграл в развитии американской промышленности. Дополнительные листы могут быть предоставлены в распоряжение членов Вашей семьи, управляющих и прочих должностных лиц Вашей Компании и иных лиц по Вашему усмотрению».

Уэйлин не вспомнил, чтобы ему когда-нибудь доводилось отправлять письмо с такой маркой. Наверное, никто не удосужился сообщить ему об ее выпуске. В конце концов, в мире столько разных марок с портретами великих людей.

Уэйлину стало интересно, расстроился ли бы его отец, если узнал бы, что марку с его изображением выпустили таким номиналом, какой идет только на почтовые открытки?

* * *

Он всё помнил, но воспоминания не вызывали прежних эмоций. Он вспомнил, как вернулся домой из лагеря, как увидел длинную черную машину, которая ждала его перед вокзалом. Вспомнил, как сидел рядом с шофером и читал пролетавшие мимо дорожные знаки: «Кондитерская», «Кузнечные и слесарные работы», «Хаф-Мун-Айленд», «Мун-Ран-роуд», «Мунтур-Ран». Знакомые названия звучали странно. Он почти слышал голос отца, объяснявшего, что доменная печь Питера Тарра плавил чугун для ядер, которые Оливер Хазард Перри использовал в кампании 1812 года, и что Хоррэйс Самнер Уэйлин в настоящее время владеет огромными участками земли вокруг домы. Через много лет один из пьяных маминых гостей въехал на том самом лимузине в плавательный бассейн.

* * *

В том же ящике он нашел ежегодник Высшей школы для девочек Сэмюэла Тьюка. Он пролистал страницы, пока не наткнулся на фотографию матери. Она выглядела очень юной и хрупкой. У нее были неестественно длинные пальцы.

Под фотографией сообщалось, что она окончила годовой курс с отличием, выиграла первый приз на поэтическом состязании «Альфа Омега», а также принимала участие в работе обществ «Cum laude», «Хайуэй стафф» и была членом студенческого совета. Ее характеризовали как «обаятельную, смышленную и с большим будущим». Она играла в травяной хоккее, теннис, баскетбол и бадминтон, была президентом «Клуба любителей древностей», вице-президентом дискуссионного клуба, почетным президентом «Научной ярмарки» и представителем «Общества зарубежных путешествий». Далее курсивом следовали отзывы подружек: «Жизнерадостный характер Китти и замечательное чувство юмора сделали ее одной из самых популярных девушек в классе. Не удивительно, что парни приезжают толпами из самого Питсбурга, чтобы узнать, что таится за этой сияющей улыбкой! У Китти великолепные манеры, она — прекрасный партнер для игры в лото, а еще мы долго не забудем, как здорово она поет и аккомпанирует себе на гитаре. Также она отличная теннисистка и очень способна к языкам. А сколько великолепных прогулок совершили мы на ее белом «линкольне» с откидывающимся верхом! Те из нас, кто посетил чудесное родовое гнездо Китти в Пьер-Магнол-плантейшн, штат Южная Каролина, навсегда запомнят Китти в роли элегантной хозяйки великолепной усадьбы».

Под ежегодником Джонатан нашел эссе в кожаном переплете, за которое мать получила приз на выпускном конкурсе: «В поисках подмостков, на которых могла бы разыгаться драма свободной инициативы, американская промышленность создала архитектуру, занявшую свое уникальное место в истории человеческой цивилизации. Башни из стекла и металла стали символом *Homo Americanus*. Но, воздвигнув их, он не успокоился на достигнутом, а продолжал усердно трудиться, постоянно радуя нас творениями своих рук. И все же эти здания на сегодняшний день остаются крупнейшим вкладом Америки в историю искусства, памятником ее неукротимой энергии».

* * *

Уэйлин вернулся к ежегоднику и продолжил его перелистывать. На последней странице он наткнулся на рекламное объявление: «Доллары — доллары — доллары: всякий выпускник нуждается в деньгах. Экономьте даже на еде, если хотите удовлетворить свой финансовый аппетит. Откройте расчетный и сберегательный счет в одном из отделений Коммерческо-сберегательного банка Уэйлина. Не медлите!» Уэйлин и не подозревал, что его отец уже в те давние времена владел банком. Он нашел фотографию отца рядом с другим рекламным объявлением и подумал, что эту фотографию его мать могла видеть еще до того, как познакоми-

лась с отцом. Уэйлину пришла в голову красивая выдумка: возможно, мать впервые познакомилась с отцом, когда пошла открывать банковский счет. Но тут он сообразил, что отец вряд ли посещал все филиалы своего банка, включая тот, реклама которого была помещена в ежегоднике школы для девочек.

* * *

Уэйлин услышал шаги на лестнице и повернул голову к двери. Высокий молодой полисмен с пистолетом в руках показался в проеме. Уэйлин вскочил, но полисмен навел на него пистолет.

— Не дергайся, приятель. Руки вверх!

Полисмен пошевелил стволом пистолета, и Уэйлин медленно поднял руки вверх.

— Нашел второго! — прокричал полисмен куда-то за дверь.

— Сейчас приду! — отозвался голос снизу.

— Нас здесь двое, так что без глупостей, — сказал полисмен.

— А я и не собирался... — сказал Уэйлин.

Здоровенный шериф втолкнул в комнату негритянку. Она выглядела испуганной, но, заметив Уэйлина с поднятыми над головой руками, выдавила из себя улыбку.

— Обыщи его, — приказал шериф. Молодой полисмен положил пистолет в кобуру и сделал шаг в сторону Уэйлина. Уэйлин опустил руки.

— Я же тебе сказал не дергаться, козел, — рявкнул полисмен и с размаху ударил Уэйлина в лицо. Тот отшатнулся. Тогда полисмен развернул его лицом к стене и принялся выворачивать карманы. Он тщательно обыскал Уэйлина и даже понюхал пыль из карманных швов.

— А теперь вперед! — скомандовал шериф и махнул пистолетом в направлении двери.

Вся четверка медленно спустилась по лестнице. У входной двери шериф на секунду задержался и выключил за собой свет. Они вышли наружу и остановились возле машины Уэйлина.

— Ты оставил ключ в машине. Это против закона.

— Машина стоит в пределах частного владения. Так что это не против закона.

— Слушай, ты, хитрая задница, ты мне тут еще рассуждать будешь о законе! — он повернулся к полисмену. — Я отвезу этих двоих в участок. А ты пригони туда же машину.

Шериф затолкал Джонатана и девушку на заднее сиденье своей машины и взял в руки шпильку трубку коротковолновой рации. «Возвращаюсь с двумя подозреваемыми в попытке ограбления. Мужчина — белой расы, женщина — африканской». Затем он завел машину и поехал по длинной аллее к выезду из парка.

— Мы арестованы? — спросил Уэйлин.

— А ты как думаешь?

— Но за что?

— Это тебе скажут в понедельник утром. В ночь с субботы на воскресенье мы таких услуг не оказываем. Так что придется тебе с подружкой провести остаток выходных в нашем доме отдыха.

Они проехали через пустынный центр города. Уэйлин вспомнил, как он ехал с отцом по тем же самым улицам. «Гордый город гордых людей», — сказал однажды его отец, показывая на ряды новых домов, построенных для рабочих Компании.

Подъезжая к полицейскому участку, Уэйлин заметил, что его машина уже стоит у ворот. Молодой полисмен и дежурный по участку ждали их.

— Могу я поговорить с вами минутку один на один? — спросил Уэйлин шерифа.

— Сожалею, но исповедадьни уже закрыты, — ответил шериф. — Именно поэтому ты и оказался у нас. Так что говори прямо здесь.

Остальные полисмены громко захохотали.

— Мне кажется, вам будет интересно услышать то, что я хочу сказать. Но здесь я говорить не стану, — спокойно повторил Уэйлин.

Шериф погасил сигарету:

— Ладно, валяй, только не вздумай отколоть какой-нибудь номер.

Они зашли в маленькую комнатку.

— Ну, так в чем дело?

— Моя фамилия — Уэйлин. Вы же знаете, вы видели мои права.

— В этой стране Уэйлинов как собак нерезаных.

— Верно. Но моего отца звали Хорэйс Самнер Уэйлин.

Шериф достал из нагрудного кармана новую сигарету, сунул ее в рот и улыбнулся:

— Ясное дело. А твою мать звали Жаклин Кеннеди.

— Нет, вы послушайте, — настаивал Уэйлин. — Дом, в котором вы меня арестовали, принадлежит мне. И парк вокруг него — тоже. И земля, на которой построен этот город и заводы Компании. Ратуша — подарок моей матери городским властям. Там семейный портрет висит в вестибюле. Я на нем тоже есть, стою рядом с матерью. Сходите и посмотрите.

— Иногда этот город так и называют — Уэйлинбург. А если ты сын старого Уэйлина, почему же до сих пор об этом молчал?

— А вы мне и слова вымолвить не дали, — сказал Уэйлин.

Шериф медленно встал и погасил сигарету.

— Я имею право на телефонный звонок, верно? — продолжал Уэйлин. — Я хотел бы позвонить мэру и сказать ему, что я здесь. Ему будет очень интересно узнать, что случилось с моим лицом.

Шериф подошел к Уэйлину и встал перед ним:

— Я понимаю ваши чувства, мистер Уэйлин, — сказал он. — Вы имеете полное право сердиться. Я сожалею о случившемся. Я бы хотел...

— Что бы вы хотели?

— Я и мой помощник хотели бы принести вам свои извинения.

— Я не очень-то в них нуждаюсь. Только вот лицо у меня очень болит, — сказал Уэйлин.

— Мы вызовем врача. Или, может быть, вас отвезти прямо в больницу?

— В этом нет никакой необходимости. Просто исполните одну мою просьбу.

— Конечно, конечно, все, что вы попросите, мистер Уэйлин! Я хочу как-то рассчитаться с вами за причиненные неудобства.

— Отлично. Я хотел бы, чтобы вы оплатили своему помощнику той же монетой. И сделали это в присутствии меня, моей девушки и дежурного офицера.

— Что?

— Я думаю, так будет честно, шериф. Иначе мне все же придется позвонить мэру...

Не говоря ни слова, шериф загасил еще одну недокуренную сигарету и пошел обратно в большую комнату. Уэйлин двинулся следом.

Девушка сидела возле окна, полисмен стоял рядом с ней. Дежурный офицер читал газету. Шериф остановился посередине комнаты, оглянулся по сторонам и неуверенно обратился к своему помощнику:

— Эй, Боб, подойди-ка сюда на минутку!

Помощник подошел к шерифу и встал перед ним. Шериф еще немного подумал, а затем поднял кулак и изо всех сил ударил помощника

в лицо. Помощник покачнулся. Дежурный офицер вскочил из-за стола и подхватил коллегу. Ударенный полисмен едва стоял на ногах, из рассеченной губы на подбородок текла ярко-красная кровь.

— Вот и все дела, Боб, — сказал шериф. Он обернулся к дежурному офицеру и сказал: — Отпусти их, Майк. Я снимаю с них все обвинения.

* * *

— В своем письме мистер Хоумет выдвинул несколько предложений. Во-первых, он считает, что я должен покинуть гостиницу и переселиться в собственный дом. Это мог бы быть городской особняк в Питсбурге, достаточно большой для того, чтобы я мог принимать в нем своих друзей, живущих в других местах. В случае если я женюсь, он должен быть также достаточно большим для того, чтобы в нем могли жить моя жена и дети, а возможно, также и внуки. Он полагает, что загородный дом я должен или продать, или подарить Уэйлинбургу, чтобы упрочить связи между городом и Компанией. С другой стороны, мистер Хоумет полагает, что мне следует сохранить за собой дом в Уотч-Хилл для летнего отдыха и дом в Палм-Спрингс — для зимнего, но что я должен избавиться от яхты и от домов в Европе. Далее мистер Хоумет предполагает, что у меня возникнет желание провести некоторое время в офисах Компании в Питсбурге и Нью-Йорке для

того, чтобы ознакомиться, как он выразился, с делами, а также поступить на юридический факультет Йельского университета.

— Да, мистер Уэйлин, я знаком с этими рекомендациями. Опекуны огласили их во время нашей последней встречи.

— Тогда вам следует также знать, что я про все это думаю и чего хочу я. Яхту и дома в Европе следовало бы продать давным-давно. Я не хочу жить в Питсбурге, и я не собираюсь служить в Компании, потому что мне все равно не удастся разобраться в ее делах, разве что только поверхностно. Вряд ли вообще кому-нибудь до конца понятна деятельность всей Компании в целом. Далее, мистер Хоумет то ли не помнит, то ли не знает, что я уже учился в Йеле и что меня оттуда выгнали.

— Наверное, он полагает, что вы могли бы начать все сначала.

— Я слишком стар, чтобы исправлять уже сделанные ошибки. Я не хочу становиться частью какой-либо организации. Я хочу жить в Манхэттене, в маленькой квартире, трех- или четырехкомнатной, в доме на берегу Ист-Ривер, с окнами, выходящими на набережную и вертолетную площадку. Вот адрес. И постарайтесь, чтобы у меня была возможность швартовать катер.

— Катер?

— Да. Я уже заказал маленький, но быстрый двухместный катер.

— Простите, мистер Уэйлин, но разве рядом есть причал?

— Нет, но здание стоит прямо на берегу, и я легко могу спускаться к лодке по веревочной лестнице.

— Законом запрещено брать на борт и высаживать пассажиров на Ист-Ривер, за исключением специально предназначенных для этого мест.

— Очень плохо. Я буду держать катер в гавани в средней части города и найму человека, который будет перегонять его к набережной у моего дома. Он же будет отгонять его обратно в гавань. На борту лодки есть радиотелефон, так что я буду иметь постоянную связь с катером.

— Могу ли я поинтересоваться, зачем вам возможность в любую минуту вызвать катер?

— А почему бы и нет?

— Но полиция...

— Поговорите с копами, которые умудряются не замечать запаркованных в два ряда автомобилей на Парк-авеню.

— Сделаю все что смогу.

— Я хочу, чтобы для моей машины в гараже нашлось место прямо напротив выхода.

— Для вашей машины?

— Да. Это будет «форд». Но только установите двенадцатицилиндровый итальянский двигатель на место американского.

— Будет сделано, мистер Уэйлин.

— Меблируйте мою квартиру. В функциональном стиле. Еще мне понадобятся две горничные, повар и шофер. Которые будут жить в отдельной квартире этажом ниже.

— Разумеется, мистер Уэйлин. Я сделаю все, как вы сказали. Да, кстати, фирма «Экзекьютив Хелиуэйз инк.» перешла в собственность Компании.

— Отлично. У меня там работают пара знакомых.

* * *

Этот список взят из городского архива. В нем фамилии примерно двадцати двух тысяч лиц, владеющих недвижимостью или земель в нашем городе. Но имя собственника еще ничего не говорит. Иногда компания или частное лицо действительно владеют землей и постройками. Но очень часто они передают свою собственность какому-нибудь синдикату в долгосрочную аренду. Синдикат, в свою очередь, сдает ее в субаренду какой-нибудь компании, которой, опять-таки, владеет еще один синдикат. Нередко сам синдикат входит в состав финансово-промышленного конгломерата. Как видите, мистер Уэйлин, если исходить из того, что истинным собственником является тот, кто реально распоряжается недвижимостью в настоящий момент, то ответить на этот вопрос не всегда легко.

А теперь посмотрим на сводку налоговых платежей за прошлый год. В левом столбце —

названия всех дочерних компаний и фамилии частных лиц, которые владеют, арендуют или иным образом распоряжаются недвижимостью. В следующем столбце — регистровая стоимость земельного участка. И наконец, совокупная регистровая стоимость участка вместе со строением, с которой и исчисляется налог. При этом следует помнить, что во многих случаях регистровая стоимость составляет не более шестидесяти процентов от рыночной цены недвижимости. Поэтому в последнем столбце и указана рыночная цена.

Перед самой своей кончиной ваш отец осознал риск, связанный с владением недвижимостью, расположенной в городских районах с быстро ухудшающимся уровнем жизни. Вам, наверное, известно, что недвижимость, земельный налог с которой не уплачивается более четырех лет, переходит в собственность города. Поскольку у Компании отпала необходимость в приобретении новой недвижимости, ваш отец избавился от части старой, попросту позволив городу завладеть ею. Это было мудрое решение. Город попытался реализовать реквизируемую недвижимость с аукционов, но покупателей было слишком мало. Теперь расходы на содержание этой собственности легли на городскую казну. Во многих случаях городу пришлось даже обратиться к нам, чтобы мы за разумное вознаграждение взяли на себя заботу о содержании этих домов, в которых в основном проживают наименее обеспеченные слои населения.

Я очень доволен, что Кэйрин не живет со мной. Я бы постоянно опасался повернуться к ней спиной или закрыть глаза в ее присутствии. Я бы боялся проявить при ней эмоции, которые могли бы ее разозлить. Я должен все время умиротворять ее. Точно так же, как моего отца когда-то.

Я завидую легкости, с которой Кэйрин впадает в бешенство. Она никогда не бывает безразличной или отрешенной, она абсолютно непредсказуема. Я уже видел столько ее срывов и следующих за ними раскаяний, что, когда она обещает мне, что такое больше не повторится, я не могу ей поверить. Она попрекает меня своей тягой к наркотикам, забывая о том, что сама не может и часа прожить без порции водки со льдом. И что не может пропустить ни одного похода в солярий, как будто от загара зависит ее жизнь. Я все время жду от нее какой-нибудь выходки. Она знает это и еще больше теряет самообладание. Мой цинизм постоянно подрывает ее веру в способность справиться с собственными эмоциями.

Когда я знаю, что Кэйрин проводит время с Сьюзен, я чувствую себя так, словно меня используют. Но сегодня я пригласил на обед их обоих. Это случилось несколько часов назад, и сейчас я абсолютно спокоен.

Сам по себе наш обед представлял удручающее зрелище. Сьюзен и Кэйрин болтали без умолку друг с дружкой, а я сидел молча, жевал

и притворялся невидимкой. Но чувствовал себя так, словно наконец решился лицом к лицу столкнуться с тем, что меня так долго страшило. Моя неистовая злоба, смешанная с апатией, проходили прямо на глазах.

Они беседовали о сексе. Беседовали, словно в первый раз. Сьюзен сказала, что лишь очень немногие понимают толком даже самих себя, не говоря уже о других. Большинство людей, сказала Сьюзен, слушают только то, что ты говоришь, вместо того чтобы пытаться понять, о чем ты умалчиваешь. Они не следят ни за выражением глаз, ни за жестами. Они не замечают сексуальных сигналов. И тут, будто специально для меня, Сьюзен принялась читать лекцию о том, как устроена Кэйрин в чувственном смысле. Она сказала, что у Кэйрин очень развито физическое самосознание, намного больше, чем у нее самой, и что Кэйрин очень тонко понимает физические ощущения партнера. Она сказала, что не может определить словами, почему Кэйрин так привлекательна и почему все к ней тянутся. Кэйрин выслушала все это с крайне удивленным видом.

Еще Сьюзен сказала, что Кэйрин — сама женственность и что женщин и мужчин привлекает в ней в первую очередь ее таинственность, ощущение того, что под холодной оболочкой скрывается страсть.

Затем настала очередь Кэйрин. Она сказала, что, знакомясь с новой парой, в первую очередь пытается представить их в постели.

В отличие от нее большинство людей способно строить сексуальные фантазии только об отсутствующих.

И напоследок Сьюзен заметила, что в большинстве случаев отношения Кэйрин с мужчинами ей непонятны. Она объяснила, что, по ее мнению, отношения эти недолговечны потому, что между Кэйрин и ее партнерами нет постоянной энергетической связи. Она не представляет себе, каким образом им удастся удовлетворить Кэйрин. Она не назвала конкретно меня, но ясно было, в чей огород камень. «В большинстве случаев в любовных отношениях отсутствует признание собственной вины, — продолжала Сьюзен, глядя на меня. — Очень печально, — прибавила она, — что столь многим людям не удастся открыть себя в другом и самореализоваться с помощью иной личности».

Сегодня вечером Кэйрин рассказала, как она слоняется нагишом по квартире, поливая свои бледные засохшие цветочки, как она курит одну сигарету за другой, несмотря на больное горло, перемывает чистые ложки и тарелки и читает стихи. Она только что обнаружила, что в химчистке бесследно пропал поясочек от ее нового платья от Сен-Лорана.

* * *

В нашей группе есть одна блондинка, которая сказала, что ей отвратителен мой сарказм. Я попытался объяснить, что это просто способ

самозащиты: я саркастичен, потому что пытаюсь скрыть свою разочарованность жизнью, а вовсе не потому, что хочу кого-нибудь оттолкнуть или обидеть. Еще я сказал, что жить или не жить — это личное дело каждого, и я могу отказаться от жизни, если захочу. Каждый раз, взбираясь на гору в Катманду, я ожидал, что умру, — не сейчас, так на обратном пути. А если я еду куда-нибудь на машине, я никогда не уверен до конца, что доберусь до пункта назначения невредимым. Никто в группе меня не понял.

* * *

Джефри сказал, что он не понимает, как это люди умудряются сначала обозлиться друг на друга, а потом помириться. Для него первая же вспышка гнева означает, что отношениям пришел конец. Кейт спросил его, не хочет ли он поговорить со мной о нашем конфликте, но он отказался. Я сказал: «Это абсурд, Джефри сказал, что я ему абсолютно безразличен, а теперь вы рассуждаете о каком-то „конflikте“ между нами». Джефри пропустил мои слова мимо ушей и продолжал разглагольствовать о гнeве. Внезапно меня охватил гнев. Несколько минут я сидел, ненавидя его, на грани срыва, готовый набить ему морду. Затем мой гнев прошел, и мне стало худо. Я начал задыхаться, терять над собой контроль, мне хотелось бежать вон. Джоел что-то сказал мне, но я его

даже не услышал. Я уже готов был завывать, когда Кейт попросил меня подойти к нему. Я крикнул, что не подойду. Я слышал, как кто-то говорил: «Послушай, Джонатан, мы с тобой, мы тебе поможем», — и снова выкрикнул: «Нет, вы все врете!» Но при этом мне все время хотелось сказать: «Пожалуйста, выслушайте меня. Помогите мне, прошу вас».

Кейт присел рядом со мной, затем к нему присоединилась Элизабет и протянула мне сигарету. Я затаился и извинился перед ними. «Не будь смешным, — сказал кто-то. — За что тут извиняться?»

Посещения групповых занятий полезны хотя бы тем, что служат мне постоянным напоминанием: никто не владеет вполне своими эмоциями. Про меня нельзя сказать, что я ко всем отношусь враждебно или, наоборот, доброжелательно. Мое отношение к миру весьма переменчиво. Оно зависит всецело от моего окружения. Я могу быть агрессивным с тем, в ком вижу соперника, и доброжелательным с тем, кого жалею. Я или недостаточно хорош для кого-нибудь, или уж слишком хорош для всех. Занятия групповой терапией сделали меня невероятно возбудимым. Мне больше не нравится созерцать, я рвусь действовать. Но, боюсь, это временно. Это я так реагирую на чувство независимости от других, которое возникает в группе. С каждой встречей я все больше и больше понимаю, какие мы нечестные. Мы же прекрас-

но знаем, что жизнь — это хаос, и тем не менее настаиваем на том, что все происходит в соответствии с логически выверенным планом.

Подводя итог, скажем, что я не удовлетворен посещением группы. Я не открыл для себя ничего нового. Когда я сказал об этом Кэйрин, она обвинила меня в том, что я слишком много хочу от групповой терапии. Это и правда так. Однажды, когда Кэйрин появилась в группе, она, не сдерживаясь, упала на пол и зарыдала. Я попытался утешить ее. Она собралась с силами, встала и присоединилась к остальным, оставив меня в полном замешательстве. Хотя она и плакала навзрыд, у меня осталось ощущение, что это тоже все понарошку, что в глубине души она была спокойна. Я знал: она выдумала, что ее никто не понимает, только для того, чтобы легче жилось. Ее эмоции поверхностны, как поверхностен любой повседневный жест.

* * *

На вечеринке с коктейлями, которую организовали для меня Кэйрин и Сьюзен, я встретил преуспевающего мужчину лет под пятьдесят. Мы поговорили о наркотиках, и все время нашей беседы он упорно называл опиум морфием. В его представлении молодые американцы были все сплошь курителями гашиша и едоками опиума. Он пригласил меня на обед, и я принял приглашение. Мы отправились в китай-

ский ресторан. Подошел официант; мой новый знакомый вступил с ним в беседу на чистейшем пекинском диалекте. Когда я спросил его, где он этому научился, он отшутился, сказав, что не из меню в китайских ресторанах. Затем он принялся говорить о торговле наркотиками, явно давая понять, что имеет к ней самое непосредственное отношение. Он засыпал меня цифрами: полторы тысячи фунтов чистого неразбавленного героина — это примерно вес половины легкового автомобиля — стоят в «золотом треугольнике» на границе Бирмы, Лаоса, Таиланда и Камбоджи восемь миллионов долларов. Через четыре недели, когда груз достигнет американского рынка, он будет стоить триста миллионов. Доставка производится через американские военные базы в Индокитае — нужно только подкупить местных чиновников и командиров баз. Он гордился историей своего бизнеса и считал себя духовным потомком того англичанина, который в восемнадцатом веке вдохновил индийцев на разведение опийного мака. Опиум, под названием «черный рис», отправляли в Китай, где его обменивали на различные товары. Американцы тоже включились в торговлю, — англичане и французы не раз обвиняли их в том, что они орудовали с особенной беззастенчивостью.

Мой новый знакомый сказал, что ему жаль бизнесменов, которые трудятся в поте лица своего ради ничтожной прибыли. Он сказал, что

зарабатывает за год, не ударив пальцем о палец, больше денег, чем мой отец скопил за долгие годы протестантского прилежания. Моему отцу, сказал он, требовались дома, железные дороги, автострады, города, сотни тысяч рабочих. Ему приходилось вести переговоры с профсоюзами, продвигать преданных ему политиков, подлизываться к власти имущим. А мне, сказал он, достаточно заручиться поддержкой пары сержантов ВВС, десятка таможенников и нескольких агентов по борьбе с наркотиками.

Он знает, что у меня есть опыт жизни в Бирме и Индии, и он хотел бы, чтобы один из его сотрудииков побеседовал со мной.

* * *

Вы, наверное, читали в сегодняшних газетах, как полиция гордится тем, что захватила двести пятьдесят фунтов героина? По их словам, его можно было бы продать за сорок миллионов долларов. Конечно, полиция, как всегда, преувеличивает, чтобы создать о себе благоприятное мнение. Будем сдержанными в оценках и скажем, что груз стоил пятнадцать миллионов. Только представьте себе это: какой-то чемодан в багажнике «Форда» — и стоит пятнадцать миллионов.

Вы, должно быть, считаете, мистер Уэйлин, что торговля героином — грязное, преступное занятие, но ваш собственный бизнес ничем не лучше. Рыба, живущая возле стоков

одного из заводов вашего отца, непригодна для еды, потому что содержит много никеля. С рабочими в литейных и электролизных цехах, шахтерами в шахтах происходит то же самое, что и с рыбой: никель попадает в их организм, и у них разрушается печень, они начинают страдать от гипертонии, атеросклероза и артрита. Так что будем говорить о деле, а гуманизм оставим дохлой рыбе.

Итак, Уэйлин, это я виновен в том, что сотни тысяч людей отправляются на тот свет при помощи столовой ложки, фольги и медицинского шприца. Это я продаю им наркотик. Но я не заставляю их покупать его. Да вы и сами это знаете: давно ли завязали? Оставьте байки про мужчину в черном плаще, который раздаёт детишкам бесплатные образцы, для писак с Мэдисон-авеню. Вот еще, стану я раздавать героин бесплатно, если у меня его с руками отрывают за деньги?

* * *

Ваш отец всегда следил за новейшими достижениями технологий. Вам будет приятно узнать, мистер Уэйлин, что мы приобрели новейший высокоскоростной компьютер, известный как «1001 модель 40».

Для размещения системы необходимо отдельное здание. Компьютер способен хранить восемьсот миллионов бит информации. Это больше, чем в любой самой толстой книге.

«Модель 40» выполняет одну операцию за сто-миллиардную долю секунды и печатает две ты-сячи строк сложнейшей информации в мину-ту. Трудно себе такое даже представить, верно?

* * *

Впервые в жизни я позволил кому-то узнать меня по-настоящему близко. И вот результат: Кэйрин так же недоступна для меня в эмоцио-нальном плане, как была недоступна физиче-ски, пока я был за границей. Если я не вижу и не слышу ее несколько дней, мне начинает ка-заться, что наши отношения мне приснились.

Поскольку она отчасти об этом знает, я не могу рассматривать ее долгое молчание как преднамеренную попытку ослабить нашу связь. Я начинаю подозревать, что она привязалась не ко мне, а к моему выдуманному образу, ко-торый сложился у нее за время моего отсут-ствия. Она не хочет считаться с реальностью, а я не хочу носить маску, которую напялила на меня Кэйрин.

Вступая в связь с женщиной, я всегда на-деюсь, что она будет оберегать меня, но Кэй-рин не хочет брать на себя ответственность ни за меня, ни за наши отношения. Она не лю-бит, когда я являюсь без предупреждения или иным образом показываю, как я в ней нужда-юсь. Она не пускает меня в ту часть своей жиз-ни, которая не имеет ко мне непосредственно-го отношения. Она не разрешает мне читать ее

дневник и ее письма, встречаться с ее знакомыми. Я помню, раз она предупредила меня, чтобы я «не сжигал за собой все мосты». Какие мосты? Мосты куда? В Рангун, в Бомбей, в мюнхенскую клинику? Мне некуда возвращаться. Это не я, а она сохраняет пути к отступлению. Все мои силы уходят на то, чтобы не дать ей разрушить мою личность.

Кэйрин считает, что я все слишком упрощаю, что мы должны сохранять некоторую независимость друг от друга. Еще она говорит, что люди намного сложнее, чем даже самый изощренный камуфляж, который они носят.

* * *

В нашей группе все стало слишком предсказуемым. Ничего нового, ничего интересного, бесконечные рассказы о самих себе. Особенно это касается меня, поскольку мои выступления всегда тщательно отрепетированы и анекдотичны.

* * *

Вчера у меня была температура под сорок. Сейчас меня уже не лихорадит, но глаза все еще болят и ломит кости. Я пролежал в постели три дня: не мог ни двигаться, ни читать, ни даже думать.

У меня уже бывало прежде такое: один раз дома перед отъездом и еще один раз — в Индии, именно тогда, когда меня нашли нанятые мо-

ей матерью детективы. Сейчас приступ гораздо слабее. Раньше я в таких случаях паниковал, но теперь тело мое сопротивляется болезни. В среду было хуже всего. Сердце бешено колотилось, а пульс при этом едва прощупывался. Затем упало давление, и я едва дышал, но тут я внезапно успокоился. Врач мне так и не понадобился. Что-то во мне взбунтовалось и смотрело с удивлением на охвативший меня ужас.

Я хотел позвонить Кэйрин, но понял, что у меня на это не хватит сил. В голове снова стали мелькать мысли, не появлявшиеся уже несколько месяцев. Я вспомнил свои детские фантазии, в которых мой отец посещал дома своих рабочих и ужинал вместе с ними. И я говорил себе, что это просто замечательно — быть сыном такого выдающегося человека, пусть за это и надо платить: отец уделяет мне недостаточно много времени. Ведь ему приходится заботиться о целой толпе мужчин и женщин, поэтому у меня нет никаких оснований требовать, чтобы он оказывал своему домашнему очагу предпочтение перед любым другим из очагов Пенсильвании. Я и мысли допустить не мог, что отец не обращает на меня внимания просто потому, что я — ребенок.

Даже если бы мой отец был жив, он бы не знал обо мне ничего. Не думаю, что спроси вы его, какой у меня рост или чем я болел в детстве, вы получили бы ответ. Он, наверное, не

имел бы представления о моих вкусах, моих друзьях, моих идеях. А что он, человек, который отказывался посещать страны, не связанные деловыми отношениями с американской тяжелой промышленностью, мог бы сказать о годах, проведенных мною за границей?

Я хотел бы больше узнать про моего отца и мою семью, хотел бы поговорить с его бывшими партнерами, которые были связаны с ним почти всю свою жизнь. Надеюсь, это мое скромное желание не доставит неудобств ни им, ни руководству Компании.

В последние дни я несколько раз испытывал странное ощущение: я видел окружающий мир предельно отчетливо, но в то же время он казался мне ужасно далеким. Вещи дрожали и тянулись ко мне, но я не мог до них дотронуться. Это ощущение напоминало то, которое возникает, когда выходишь из фотолаборатории на яркий свет. Мне стало страшно. А вдруг это ощущение так никогда и не пройдет? И окажется, что я единственный в мире чувствую себя так и поэтому не смогу никому объяснить, что происходит со мной.

* * *

Вся культура тибетцев построена на идее смерти и следующих за ней различных состояний. Их символы, их язык позволяют объяснить, что чувствует умирающий и что чувствует покойник.

В Непале беженец из Тибета рассказал мне, что он уже неоднократно умирал, прежде чем возродиться в своей теперешней форме. Он сказал, что, когда приблизится очередная смерть, он выберет своих будущих родителей и место рождения и передаст эти сведения другим. После его телесной смерти начнутся поиски ребенка, в которого он перевоплотился. Ребенок, который опознает вещи, принадлежавшие ему в предыдущей жизни, и есть его новое воплощение.

В нашем языке нет слов, чтобы рассказать о таких странных вещах, как смерть или жизнь после смерти.

* * *

Он опустил окно, и резкий ветер ударил ему в лицо. Автомобиль раскачивался из стороны в сторону в такт с кронами вязов, росших по сторонам дороги. Впереди шоссе и деревья исчезали в темноте. Уэйлин остановил машину, вышел и пошел по направлению к лесу.

Он поплотнее укутался в плащ и вошел под сень деревьев. Тут стоял штиль, земля была сухой и песчаной, и только высоко над головой порывы ветра трепали кроны. Дождь не проникал сюда, и Уэйлин услышал, как в высокой траве стрекочут кузнечики.

Этот звук пленил его. Ему удалось найти в разгар бури единственное спокойное место на земле и услышать голос земли, зовущий его к себе.

* * *

В этих краях полным-полно патриотов, если просекаешь, на что я намекаю. Пару лет назад, когда американские машины продавались хреново, владельцам иномарок пришлось туго. Заезжаешь на заправку на ненашей тачке, а заправщик тебе тихонечко в бак спустит пару кубиков сахара — типа в подарок от детройтских работяг. Движку сахар не по вкусу: начинает тарыхтеть, стучать и вскоре глохнет. Водители не могут просечь, в чем дело, а механики тоже с движком ничего поделаться не могут, если сахаром нутро забило. Так что ты, приятель, не дурак, раз прикрыл твоего двенадцатицилиндрового макаронника капотом доброго старого «форда».

* * *

Я уже много лет наблюдаю за птицами. Европейская кукушка прилетает в Америку, занимает лучшее гнездо, но не хочет сама добывать себе пищу. Да, сэр, она такая лентяйка. Но она знает, что наши птицы никого не оставят в беде. Они начинают приносить ей пищу, хотя им самим, бывает, не хватает.

А теперь возьмем американских кукушек. Они не живут на пособие по бедности. Они и кормят себя сами, и гнезда себе строят. Это верно, что иногда они вынуждены селиться в чужих гнездах, что порой им приходится выкинуть оттуда пару-другую старых яиц, но уж если

они заняли гнездо, то, будьте уверены, они его приведут в порядок, вырастят в нем своих детей да еще и друзей жить позовут.

* * *

Лето близилось к концу. Листья еще не пожелтели, но в воздухе уже пахло увяданием. Слоистые серые облака низко висели над лесами, дорогами, домами, рекламными щитами. Туман на мгновение разрывался, обнажая шпили небоскребов, и снова смыкался вокруг них.

Уэйлин свернул на набережную, проехал мост и вокзал, запарковал машину на платной стоянке, вышел и пошел пешком. Он окинул взглядом реку, заметил что-то, видимое ему одному, спустился по лестнице к воде и стал ждать.

Много лет назад зимней ночью он и Питер, один из его друзей по школе, решили во время похода пересечь реку. Сквозь густой туман лишь изредка можно было разглядеть огни на другом берегу. Джонатан отвязал от пирса одну из старых бесхозных лодок; Питер спрыгнул в лодку и уселся на корме, вцепившись руками в два старых весла. Затем Джонатан по льду дошел до лодки и взобрался в нее. Быстрое течение подхватило задрожавшую всем корпусом лодку и понесло прочь от берега. Джонатан вытянул ноги, неуклюже опустил весла в воду и, навалившись на них всем своим весом, попытался направить лодку к другому берегу. Они все

время натыкались на плававшие повсюду глыбы льда размером с добрый валун. В темноте льдины царапали острыми краями борта лодки, которую несло стремительным током воды к устью. Вскоре они уже не видели огней ни справа, ни слева. До них дошло, что лодка миновала мол и их вот-вот вынесет в открытый океан.

В висках у Джонатана стучало, ветер холодил пот на лбу. Он знал, что уже не в силах совладать с лодкой, и впал от этого в какую-то эйфорию. В порыве безрассудной храбрости он выпустил весла из рук. Питер понял, что Джонатан сдался, и начал рыдать. Внезапно большая волна перехлестнула через борт и смыла Джонатана. Острые края льдин резали лицо и руки, и он ожидал, что с минуты на минуту одно из таких ледяных лезвий пере режет ему горло. Его быстро несло какое-то время, а затем с размаху ударило обо что-то твердое. Это была дамба. Джонатан выполз на сушу и оглянулся; Питер был позади в воде. Питер уже тонул; это Джонатан понял по тому, каким обмякшим было тело, когда он выволок его из воды. Питер рухнул без сознания на мокрые камни, и Джонатану пришлось тащить его на себе через поле и заросли кустарника до автострады. В двухстах ярдах от того места, где они вышли на дорогу, сквозь туман виднелась неоновая вывеска бензоколонки.

Когда Джонатан ввалился в помещение бензоколонки, служащий кинул на него беглый взгляд, кивнул и вновь погрузился в чтение га-

зеты. Джонатан положил Питера на пол, стянул с него обледеневшую куртку, рубашку, брюки и полные воды ботинки. Служащий бензоколонки понял, что нужно что-то делать, только когда увидел нагое тело Питера, лежащее на полу. В гараже он отыскал испачканный краской кусок брезента. Они завернули в него Питера и перенесли в офис. Затем служащий вызвал полицию.

* * *

Он завел мотор и поехал дальше. На заре он проезжал мимо лугов и прудов. Затем свернул с главной трассы и поехал по грунтовке вдоль леса. Восходящее солнце разгоняло туман. По обеим сторонам дороги он увидел дома и сараи, в большинстве своем давно заброшенные. Ставни отсутствовали вовсе или качались под ветром на единственной петле, крыша осела над покосившимися стенами, дымовые трубы возвышались над грудями битого кирпича. Колеса машины пробуксовывали в сыпучем песке на выезде на главную трассу. Кругом росли мелкие сосенки, колючие ветки которых создавали приятную полутьму и царапали зелеными иголками крышу автомобиля. Уэйлин за рулем почувствовал себя человеком-невидимкой.

* * *

— Допустим, у тебя автомобиль с задним приводом. Ты поднимаешь домкратом задний мост, включаешь самую высокую передачу и

раскручиваешь движок до скорости сто миль в час. Затем ты опускаешь одно колесо на землю, а второе оставляешь в воздухе. Что произойдет?

— Не знаю. Не имею ни малейшего представления.

— То-то и оно. Все, что вы, молодежь, знаете, — это жрать, спать и блудить. Но я все же тебе скажу. Если ты опустишь одно колесо на землю, то второе начнет вращаться со скоростью двести миль в час. А спидометр все равно будет показывать только половину этой скорости. Уразумел? Это знает всякий, кто хоть что-нибудь в этом деле понимает.

* * *

— Он сказал, что двигатель перегревается. Плохо работает на холостом ходу и медленно набирает обороты.

— Надо проверить радиатор. Если с ним все в порядке, тогда проверьте ремни и насос.

— Да я все это сделал. Даже надел новую муфту на заборный шланг. А он вернулся и говорит, что все снова как прежде.

Механик подошел к Уэйлину.

— Ну что же, — сказал он. — Тогда, значит, это затвор насоса. Иногда под капотом такая температура, что бензин в подающем трубопроводе вскипает. Все, что можно сделать в таком случае, это поставить насос мощней. Знаете, итальянские движки жутко

норовистые. Не для повседневной езды. Никогда с ними не возились?

— А зачем мне? Это ваша работа, а не моя. Я хочу только одного: чтобы вы мне починили машину и я поехал дальше.

— Ну что же, но быстро не получится. Мы должны заказать новый насос. Двигатель вроде вашего не часто встретишь, поэтому мы не держим для них запчастей.

— Но мне нужно срочно.

— Вряд ли выйдет.

— Должно выйти. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе за вас возьмутся мои юристы. И тогда уже вы перегреетесь и заглохнете.

* * *

— Джонатан, ты не понимаешь, как трудно найти надежных менеджеров. Если мы хотим сохранить наши лучшие кадры и избежать дорогостоящей внутренней ротации, мы должны обеспечить им работу с точно определенными функциями.

Вот, например, несколько фактов, касающихся кандидатов на один очень ответственный пост. Мы недавно многих проинтервьюировали. Восемьдесят процентов страдают заболеваниями мочепускающего и пищеварительного тракта, а также жалуются на сексуальные проблемы, начиная со слабой эрекции и кончая полной импотенцией. Более чем сорок процентов жалуется на тахикардию, высокое дав-

ление и головные боли. К тому же мы выяснили, что в девяноста процентах случаев эти, во всех остальных отношениях достойные бизнесмены страдают психосоматическими нарушениями, в том числе тревожными состояниями, бессонницей, депрессией, забывчивостью, повышенным потоотделением и язвой желудка. Мы получили эту информацию при помощи разработанных учеными сложных тестов, всестороннего психоанализа, а также благодаря конфиденциальной информации о здоровье, привычках и семейном положении каждого кандидата, собранных нашей службой безопасности. Твой отец никогда не брал на работу язвенников. Он намного опередил свое время, Джонатан.

— Тогда ему стоило бы брать на службу перуанских индейцев. У них никогда не бывает язвы желудка.

— У перуанских индейцев?

— Да. Но, к сожалению, они абсолютно не амбициозны, не стараются сделать карьеру и неспособны к целеустремленной деятельности.

— Ну, таких и здесь полно, Джонатан. Среди тех, кто живет на пособие.

* * *

Рядом с ним на углу улицы стоял толстяк, под мышкой у которого была зажата аккуратно сложенная газета. Толстяк, ожидая зеленого сигнала светофора, рассеянно стучал по тро-

туару кончиком большого черного зонта. Тут же стояла женщина в демисезонном пальто и гетрах. Она поставила на тротуар пакеты с покупками и рылась в своей сумке, очевидно разыскивая головной платок или складную полиэтиленовую накидку от дождя.

Зажегся зеленый свет. Все трое пересекли улицу, затем гуськом спустились в подземку, купили жетоны и прошли через турникет. Уэйлин очутился рядом с женщиной, которая, уже на платформе, опустила монетку в автомат, торгующий жевательной резинкой. Автомат проглотил монетку, но резинки не выдал. Тогда женщина опустила в щель еще одну монетку. Автомат проглотил и ее. Тогда женщина отказалась от мысли купить жвачку и начала рассматривать свое отражение в грязном зеркальце, висевшем над автоматом. Она была невысокого роста, поэтому ей пришлось привстать на цыпочки, чтобы увидеть свое лицо целиком. Она поправила пряди волос, затем направилась к скамейке, села на нее, расставив вокруг свои пакеты, и стала массировать лицо искореженными артритом пальцами. Послышался шум приближающегося поезда. Люди на платформе зашевелились: кто переступил с ноги на ногу, кто застегнул или, напротив, расстегнул пальто. Кто-то поправил волосы, кто-то посмотрел на часы, кто-то схватился за свои кульки, кто-то за зонтики. Уэйлин почувствовал горячий поток воздуха. Пыль, поднятая поездом,

полетела ему в лицо. Поезд остановился, зашипели, открываясь, двери.

Уэйлин вошел в вагон и поспешил к холодному сиденью из розового пластика. Поезд тронулся с места. Уэйлин откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. В желудке он ощущал противную пустоту, сердце сжали невидимые тиски. Он задержал дыхание и стал покачиваться в такт с вагоном, чтобы избавиться от тяжелого камня в груди. Поезд остановился на мгновение, затем снова двинулся дальше. Уэйлин сидел и считал станции.

* * *

Уэйлин пересек вестибюль гостиницы, роняя капли воды на ковер и потом на пол кабинки лифта. Зайдя в свой номер, он стянул с себя мокрую одежду и швырнул ее в ванну. Он переоделся в сухое, но по-прежнему зуб не попадал на зуб, так он промерз. Тогда он выпил стакан коньяка и спустился вниз, чтобы ощутить то, что Кэйрин называла «пульсом гостиничного холла».

Было уже поздно, и в холле почти никого не было. За окошком сидел кассир, какая-то женщина говорила по телефону, какой-то толстяк читал газету. Уэйлин уже направился было в бар, как вдруг понял, что это тот самый толстяк, который ехал с ним в подземке. Уэйлин снова посмотрел на него — толстяк спрятался

за газетой. Черный зонтик стоял прислоненный к креслу.

Уэйлин решил проверить, не слезка ли это. Он поднялся вверх. Когда он вернулся с плащом, перекинутым через плечо, толстяк по-прежнему сидел в кресле и читал газету. Уэйлин подошел к окошечку кассы, разменял пятьдесят долларов и с небрежным видом выскользнул на улицу. Швейцар услужливо подскочил к Уэйлину. Уэйлин попросил поймать такси. Когда за Уэйлином захлопнулась дверца машины, он посмотрел: толстяк сидел в кресле и читал газету. Такси тронулось, и Уэйлин оглянулся еще раз. Толстяк не пошевелился, но два больших седана, стоявших напротив отеля, тронулись с места и поехали следом. Уэйлин попросил водителя объехать квартал кругом. Такси повернуло, две машины повернули тоже. Тогда Уэйлин попросил водителя повернуть сперва направо, а затем налево. Машины не отставали.

Водитель начал нервничать; Уэйлин объяснил ему, что он побился об заклад со своими друзьями, что оторвется от них в такси, но водитель, похоже, не поверил. Уэйлин попросил высадить его в Йорквилле. Когда такси остановилось, Уэйлин быстро выскочил и попытался затеряться в толпе. Спрятавшись за стендом с газетами и журналами, он посмотрел, что делают преследователи. Обе машины остановились. Из каждой вышли по двое мужчин в плащах и разошлись в разные стороны. Когда один

из них проходил мимо стенда, Уэйлин явственно услышал, как в кармане у него трещит включенный уоки-токи. Уэйлин смешался с людьми, покупавшими газеты и сигареты. Он снова промок. Пришлось зайти в переполненный кафетерий и сесть за столик у окна спиной к улице.

Он сидел и размышлял, кто мог позволить себе такую дорогостоящую затею: шпик в метро, две машины, четыре агента с уоки-токи. Вряд ли это была полиция. У той могли бы возникнуть подозрения после встречи с наркоторговцем, но им не составляло труда обнаружить, что Уэйлин не принял сделанного ему предложения. А может, это люди наркоторговца? Он вспомнил газетные истории о похищении богатей с целью выкупа, но отмел эти мысли в сторону. Похитители действовали бы не так грубо.

Кофе, выпитый им в кафетерии, был очень жидким. Уэйлина охватила вялость. Он подумал было, не позвонить ли Кэйрин, но решил, что не стоит. Он знал, чем это кончится. В последнее время она говорила с ним по телефону холодным, ироничным и чужим голосом. Хватало и того, что его преследовали в Йорквилле дождь и сыщики. Услышать такую Кэйрин было бы уже чересчур.

* * *

Мы разговаривали с Кэйрин о сексе и злости. Она призналась, что для нее эти две вещи неразрывно связаны. Она чувствует, что, если

мужчина хочет ее, она должна по возможности осложнить ему жизнь. Вот почему у нее всегда длинные ногти, объяснила она, — чтобы царапаться.

Она вспоминает, как ругались ее родители. Однажды ее отец заорал что было мочи: «Да любая шлюха в Денвере лучше тебя в постели!» Мать парировала: «Рада слышать, что у тебя еще встает хоть на денверских шлюх!»

* * *

Она сказала, что хотела встать и позвонить ему прошлой ночью. Ей не давала уснуть смесь напряжения, неудовлетворенности и возбуждения. Если бы она нашла меня и занялась со мной любовью, ей удалось бы легко уснуть. Для Кэйрин секс — что-то вроде наркотика. Она постоянно твердит, что я скован в сексе, так что ей тоже приходится симулировать холодность, чтобы не испугать меня. Из-за этого она чувствует себя женщиной викторианской эпохи, которой приходилось скрывать свою страстность, чтобы не прослыть развратной. Она обвиняет меня в том, что я хочу, чтобы она была абсолютно пассивной, ни о чем не просила и при этом с готовностью отдавалась мне в любую минуту, когда мне этого захочется.

Она считала своей главной задачей заставить меня полностью отказаться от самоконтроля в жизни и в сексе. Она говорит, что я бесстрастен и сосредоточен только на себе, что я

не способен на подлинный гнев, радость или печаль. Наверное, я утратил эту способность за время жизни на чужбине, говорит она. Как будто эта способность была у меня раньше.

* * *

Снизу позвонил портье и сказал, что пришел посетитель.

— Он сказал, что вы его ждете, мистер Уэйлин.

— Да, я его жду.

Лысоватый, слегка сутулый мужчина лет сорока с лишним вошел в комнату и нерешительно протянул руку.

Уэйлин пожал ее.

— Я хочу, чтобы вы готовили для меня и для моих друзей, — сказал он.

— Понимаю, сэр.

Он посмотрел на Уэйлина:

— Хотите ознакомиться с моими рекомендательными письмами?

— Можете мне их оставить. Но если хотите, расскажите вкратце, где вы работали.

Повар улыбнулся:

— Много где, сэр. Я окончил гостиничное училище по специальности «Кулинарное искусство, сервировка и ресторанное дело». Три года проработал в отелях «Бо Риваж» в Лозанне и «Л'Этрие» в Кран. Затем стал шеф-поваром в «Принс-Ройяль-отель» в Бург-Леопольде, затем главным кулинаром «Отель Палас» в Мад-

риде. Потом служил в нью-йоркском «Лё Павийон», затем занимался закупкой продуктов для системы французских ресторанов в Америке. Затем вернулся во Францию, где преподавал на кулинарном факультете «Л'Эколь профессиональ дю Рон».

— Неплохо, — вставил Уэйлин.

Повар продолжал:

— Последние три года я работал для супруги мистера Роберта Элкотта Третьего. У меня есть рекомендательное письмо от нее. А до этого служил у миссис Шарлоты Нобб-Маккей, а еще раньше...

— Понятно, что еще? — спросил Уэйлин.

— Проще говоря, сэр... — французский акцент повара стал более явственным. — Проще говоря, нет ничего такого в области haute cuisine*, чем бы я не владел. Но, разумеется, — тут он замялся, — разумеется, то, что я могу приготовить в Париже или в Кран, нельзя сравнивать с тем, что я могу приготовить в Нью-Йорке. Здесь продукты замораживают, и от этого вся тонкость теряется.

Уэйлин перебил его:

— Вы холосты?

— Моя жена и дети живут в Париже.

— Отлично, — сказал Уэйлин. — Как уже, наверное, успели сказать мои юристы вашему агенту, я готов платить вам три тысячи дол-

* Высокое кулинарное искусство (*франц.*).

ларов в месяц. Вы будете свободны только, когда меня не будет в городе или когда я буду обедать не дома. Во всех других случаях вы должны всегда быть под рукой.

— Разумеется, сэр, — сказал повар. — Я буду жить у вас?

— Да, — ответил Уэйлин. — Я нанял двух горничных. Одна занимается посудой и кухней. Вторая будет убирать в квартире. Они обе швейцарки. Они вам понравятся.

— Спасибо, сэр, — сказал повар. Перед тем как уйти, он чуть-чуть помедлил и добавил: — Моя бывшая хозяйка, миссис Элкотт, часто говорила о ваших родителях, сэр. Она восхищалась ими.

— Они умерли, — сказал Уэйлин.

— Да, сэр, я знаю. Примите мои соболезнования.

* * *

В зеркале заднего вида он заметил идущую следом машину и нажал на педаль газа. Рванув, обошел два грузовика. На встречной полосе было пусто, и тогда он решил сделать разворот на сто восемьдесят градусов. Он резко вывернул рулевое колесо влево. Машина накренилась, и тогда он включил ручной тормоз, чтобы блокировать задние колеса. Машина пошла налево, приподнимаясь над землей, словно ее ухватили гигантским краном. И в это мгновение он перебросил руль направо и отпустил ручной тор-

моз, одновременно сбросив газ. Перед еще какое-то время швыряло из стороны в сторону, но наконец машина замерла. Он увидел, как преследователи, визжа покрышками, проскочили вперед, и понял, что они теперь вряд ли его догонят. Он проехал с той же скоростью еще милю, свернул на боковую дорогу, сделал милю и по ней и только тогда затормозил. Выехал на обочину, заглушил двигатель и стал прислушиваться к отдаленным звукам полицейской сирены.

* * *

Уэйлин походил по комнате, рассматривая современную живопись, и встал у окна. Он окинул взглядом улицы и дома Манхэттена, которые с этой высоты смотрелись как архитектурный макет.

— Помню, как я смотрел на город из окна отцовского офиса, когда был еще совсем маленьким. Я мог открыть окно и...

— Ах, да! — сказал Макоули. — Там были такие окна... старомодные. — Он приблизился к Уэйлину. — Офис твоего отца был на последнем этаже старого здания Монетного двора, верно? — С этими словами Макоули махнул рукой куда-то в сторону центра.

— Нет, не на последнем. На двадцать пятом.

Макоули вернулся к своему столу Это было огромное сооружение, оснащенное миниатюрными экранами, кнопками, ручками и мигаю-

щими сигнальными лампами. Заметив, что Уэйлин смотрит на стол, Макоули любовно похлопал ладонью по полированной столешнице и сказал:

— Вот, недавно установил. Орех. Ручная работа. Одновременный просмотр восьми каналов телевидения. Плюс внутренняя телевизионная сеть с монитором и видеомагнитфоном, так что я могу наблюдать со стороны, как я беседую с посетителями. Можно сделать стоп-кадр и распечатать собственный фотопортрет. — Макоули рассмеялся. — А это, — сказал он, показывая направо, — селекторный телефон с кнопочным набором номеров и совмещенным видеофоном, так что я вижу любого, с кем беседую, не выходя из офиса. А еще правее — калькулятор с двенадцатизначной памятью, связанный с центральным компьютером. Могу в какие-то доли секунды получить любую цифирь, связанную с нашим бизнесом, за последние двадцать пять лет. А здесь — моментальный расчет рабочего времени и износа любого прибора. Твоему отцу эта штукавина бы очень понравилась, Джонатан. — Уэйлин кивнул, и Макоули продолжил: — Вот здесь факсимильный аппарат, который за сорок пять секунд передаст документ или цветную фотографию — хоть на другой конец коридора в этом здании, хоть на другую сторону Атлантики или Тихого океана. Здесь мой персональный биржевой телетайп. Котировки наших акций или

акций дочерних компаний выделены ярко-желтым цветом. В центре стола — интерком, диктофоны, система пейджинга, система поиска данных...

— Как все, однако, сложно!

— Сложно, Джонатан. Но и бизнес у нас непростой. Когда твой отец руководил Компанией, он всегда ратовал за внедрение самых современных методов для повышения производительности. Мы пошли дальше — мы ускорили обмен деловой информацией. Без некоторых из наших продуктов нога человека вряд ли ступила бы на поверхность Луны. В настоящее время Компания представляет собой сложнейший конгломерат, состоящий из более чем сорока национальных и международных подразделений. Металлургия — некогда главный предмет интересов твоего отца — ныне занимает лишь четвертое место в списке наших интересов. Туда входит авиационно-космическая, фармацевтическая, компьютерная, пищевая промышленности, угольные шахты, добыча нефти на морском дне, газовые турбины, телевидение, полупроводники, страхование, издательское дело, строительство и еще добрый десяток различных отраслей — от простагландинов до сборных домиков. По объему продаж мы входим в первую десятку корпораций этой страны. — Он улыбнулся и снова показал на свой стол: — Твоему отцу, конечно, не понравилось бы, что все приборы сделаны за рубежом.

Но вот дерево он бы одобрил — настоящий американский орех. Присаживайся, Джонатан, и расскажи мне, что привело тебя сюда.

Уэйлин уселся и бросил взгляд на Макоули, который склонился над столом.

— За мной день напролет следят какие-то люди, — сказал Уэйлин. — Они имеют при себе уоки-токи и ходят за мной по пятам.

На лице Макоули не дрогнул ни один мускул.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он.

— Я их заметил. Один раз мне удалось от них оторваться. Но не надолго. Сейчас они, наверное, поджидают меня у входа.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Хотел узнать, в курсе ли ты.

Макоули внимательно посмотрел на Уэйлина.

— По-моему, настало время быть с тобой откровенным, Джонатан. За тобой следят, вернее, тебя охраняют по распоряжению Компании и ее акционеров. Держат под постоянным наблюдением с того момента, как ты вышел из самолета в нью-йоркском аэропорту. Все равно рано или поздно мне пришлось бы тебе об этом сказать...

— Но почему?

— Потому что ты — единственный наследник огромного состояния. Потому что ты — один из крупнейших акционеров. Потому что ты представляешь...

— Но я не просил охранять меня! — перебил его Уэйлин.

— Верно. Мы стали охранять тебя по требованию мистера Уолтера Хоумета, одного из ближайших друзей твоего отца и твоего бывшего опекуна. Как и ты, Хоумет является одним из крупнейших акционеров. Мистер Хоумет доволен нашей работой.

— Несколько дней назад я вступил во владение наследством. Хоумет уже не опекун и...

— Я все это прекрасно знаю, Джонатан. Однако совет директоров, сознавая, насколько ты уязвим, опасался, что твоя уязвимость может нанести ущерб всей Компании.

Уэйлин встал, подошел к окну и вернулся на свое место.

— Почему это я уязвим? — спросил он.

— Попытайся понять, Джонатан. В этом городе, — Макоули показал за окно, — существуют люди, которые убивают других людей за деньги. Которые могут убить человека только для того, чтобы завладеть его бумажником. Которые крадут велосипеды у подростков, предварительно выколов им глаза, чтобы их не смогли опознать. И ты посреди всего этого. Кандидат в жертвы. — Макоули открыл встроенный в стол бар и достал оттуда пару хрустальных стаканов с золотым ободком. — Выпьешь чего-нибудь? — Уэйлин отрицательно покачал головой. Тогда Макоули налил себе. — Я отвечаю за тебя перед моими партнерами, перед нашими клиентами здесь и за рубежом, перед нашими акционерами. Если с тобой что-нибудь случится — а оно случится, если тебя не охра-

нять, — это скажется на всех нас. Компания не может позволить себе так рисковать.

— Тогда почему бы вам просто не запереть меня в сейфе?

Макоули громко рассмеялся.

— Не ехидничай, Джонатан!

— Но почему же вы меня не спросили? Почему не предупредили заранее?

— Хороший вопрос. Это я так решил. Я не хотел пугать тебя. До твоего приезда мы мало знали о тебе, а то, что нам было известно...

— Что?

— Опекуны всегда отмечали, что твой образ жизни отличается — как бы это сказать — непредсказуемостью. Неоднократно ты оказывался на волосок от гибели...

— Мой отец купался в шторм. Он утонул. Моя мать, как мне рассказали...

— Так или иначе, тебя слишком долго не было дома. Мы решили, что поначалу тебе будет непросто ориентироваться и в Нью-Йорке, и в Питсбурге. У нас были причины опасаться за тебя. Представь себе, Компания взяла на себя все расходы по твоей охране.

— И во сколько это ей обошлось?

— У меня сейчас нет под рукой цифр. Но в любом случае эти расходы оправданны.

— Как акционер, я полагаю, что это — разбазаривание средств Компании. А за друзьями моими вы тоже следите? А мои телефонные разговоры — вы их записываете? И как я с подружками трахаюсь, снимаете на видео?

Макоули снова рассмеялся:

— Видно, что ты уже насмотрелся свежих гангстерских фильмов. Мы печемся только о твоей личной безопасности, Джонатан. До сих пор нам удавалось добиться, чтобы ничего из того, что происходит с тобой, не попадало в новости. Газетчики не знают, что ты вернулся в Америку. Никто не в курсе, каковы были условия опеки. Мы и далее будем обеспечивать твою безопасность.

— Я сам найму себе охрану. И сообщу вам, как только это сделаю.

— Хорошо. Коли ты полагаешь, что так будет лучше. Если могу чем-то помочь, звони мне, Джонатан.

— Спасибо, позвоню, — Уэйлин встал, и Макоули проводил его до дверей.

— Хоуметам не терпится тебя повидать, Джонатан, — сказал он, пожимая на прощание руку. — Как им удалось тебя найти?

— Мы встречаемся завтра, — сказал Уэйлин уже с порога.

В приемной его ждала женщина.

— Мистер Уэйлин? Я — секретарь мистера Макоули. Не хотите ли воспользоваться его личным лифтом?

* * *

— Для тех, кто знал и любил твою мать, ее смерть оказалась ужасным потрясением. Даже те из нас, кто не имел счастья быть ее близкими подругами — у нее их было не так много, ты

же знаешь, — будут всегда помнить... — миссис Хоумет остановилась, чтобы отпить чаю из кружки, и продолжила: — Этот блеск в глазах, эта улыбка, этот смех, эта утонченность! Твоя мать была глубоким, искренним человеком. У нас с ней было столько общих интересов! Это она научила меня ценить красоту в жизни. — Миссис Хоумет допила свой чай и позвонила в звонок.

— Миссис Хоумет... — начал было Уэйлин.

— Пожалуйста, зови меня просто Хелен! Я же носила тебя на руках еще ребенком! — просияла миссис Хоумет.

— Хорошо, Хелен. Вам доводилось видеть Бауэри?

— Бауэри? А что это такое?

— Район в центре Нью-Йорка. Не так уж далеко от Уолл-стрит.

— Нет, Джонатан. Мы же почти никогда не выезжаем в город.

— Там живут тысячи обездоленных. Они выпрашивают милостыню, спят на улицах, многие из них умирают, не получив предсмертного утешения. Может быть, Компания возьмет на себя заботу о них, построит для них больницу, организует благотворительный фонд?

Вошла служанка с чаем. Миссис Хоумет внимательно слушала.

— Продолжай, Джонатан! — сказала она.

— В конце концов, они обитатели того же города. Они живут буквально в нескольких шагах от нашего офиса.

— Но, Джонатан, Компания не может позволить себе такого бесцеремонного вмешательства в жизнь этих людей, — сказала миссис Хоумет. — Частный предприниматель не имеет права заставлять кого бы то ни было делать то, что ему не нравится.

— Эти люди не знают, что для них хорошо и что плохо, — сказал Уэйлин. — Даже их язвы никто не лечит. В Средние века их, по крайней мере, поместили бы в приют. А сейчас их оставляют подыхать на улице. Они голодают. Они болеют. Индейцы в Перу и то живут лучше, чем эти люди. А одна из наших дочерних фирм недавно за шесть месяцев потратила одиннадцать миллионов долларов на рекламу нового лосьона после бритья. Компания дает ежегодно сотни тысяч долларов и без того не бедным музеям и галереям. Буквально на днях мы выделили двести тысяч Обществу сбора доказательств существования человеческой души.

Миссис Хоумет наклонилась к Джонатану и ласково взяла его за руку.

— Я очень давно тебя не видела, Джонатан, но я всегда относилась к тебе как к сыну, раз уж Бог не дал нам с Уолтером собственного. Поэтому буду с тобой откровенна. Ты много путешествовал, много пережил и поэтому очень впечатлителен. Но помни — Компания не является нашей частной собственностью. Она принадлежит тысячам акционеров, честным

людям, которые работали всю свою жизнь, чтобы приобрести наши акции. Мы сочувствуем человеческим страданиям, но политикой нашей Компании, которую разделяли твой отец и мой муж, всегда было помогать тем, кто хочет помочь себе сам. Существование человеческой души — вопрос, жизненно важный для всего человечества. В музеях хранятся лучшие произведения этой души. Если же дать деньги обездоленным, это не принесет пользы никому, включая самих обездоленных. Они все равно будут спать на улицах и красть для удовлетворения своих извращенных потребностей. В этой стране живут миллионы людей, которые нуждаются в помощи нашей промышленности и которые могут помочь ей самой. Вот о них мы и должны думать в первую очередь.

— Но если дело только в акционерах, — перебил ее Джонатан, — и если мы с мистером Хоуметом обратимся...

— Ты рассуждаешь как ребенок, Джонатан. Жизнь — это не Голливуд. Что бы сказал твой отец, если бы услышал тебя сейчас? Или мой муж? — Она перешла на очень серьезный тон. — Даже и не пробуй обсуждать это с Уолтером. Он никогда не поступится принципами. Как потвоему: если бы оказание помощи этим несчастным было бы разумно, думаешь, мы бы не сделали этого много лет назад? Но ты заблуждаешься, Джонатан, глубоко заблуждаешься. Уж поверь мне...

— Но некоторые из них, те, кто посильнее, пытаются работать. Когда машина останавливается на красный свет, они подходят и протирают лобовое стекло...

— Ах, лобовое стекло! Образумься, наконец! А теперь выслушай меня внимательно, — миссис Хоумет встала, взяла Джонатана за руку и стала ходить с ним по комнате. Голос она понизила почти до шепота. — Уолтер будет говорить с тобой о вступлении в Орден, к которому принадлежит он и к которому принадлежал твой отец. Я хочу тебе только сказать, что это важно. Важно для тебя и для всех нас. — Миссис Хоумет сделала паузу, улыбнулась и продолжила: — Да, еще одна мелочь. По-моему, тебе следует постричься и прилично одеться. В конце концов, ты теперь уже не кочевник. — Она прислушалась к звукам, которые доносились из комнаты. — Похоже, Уолтер пришел. Он так хотел увидеть тебя и поговорить с тобой. Пожалуй, я оставлю вас наедине.

* * *

Я работаю телохранителем с тех пор, как мне стукнуло двадцать два. Я охранял бизнесменов, кинозвезд, звезд телевидения, политиков. Я спас жизнь по меньшей мере четырем моим клиентам. Была у меня и пара проколов. Одного убили в вестибюле театра в день открытия сезона, прямо посреди толпы в смокингах и вечерних платьях. Ему вкололи яд прямо

через одежду. Даже я сначала поверил, что это сердечный приступ. Второго застрелили на улице, когда он вышел из своего офиса и направлялся к машине. Выстрел произвели из медленно двигавшегося в утреннем транспортном потоке автомобиля. Когда он упал, я решил, что стреляли с крыши небоскреба, но теперь я знаю, что снайпер сидел в угнанной машине. Его сообщник был за рулем, а снайпер спрятался в багажнике. Они сделали в багажнике дырку, достаточно широкую, чтобы просунуть в нее ствол винтовки с глушителем.

Но это всё — крайние случаи. Обычно всё намного проще. Недавно я познакомился с одной симпатичной девочкой. Ну, конечно, пригласил ее к себе домой на ужин. Мы решили поужинать пораньше, чтобы потом поехать в мой домик на побережье и провести там выходные. Но тут позвонил один мой клиент и попросил о срочной встрече. Мне пришлось покинуть девочку.

Когда я вернулся через два часа, она уже ушла, оставив мне злобную записку. Но я все равно поехал к себе в домик как ни в чем не бывало и провел там выходные. Вернувшись в город, я ей позвонил и снова пригласил к себе в гости, как будто ничего и не произошло. Она вроде тоже все позабыла и все простила, так что согласилась приехать. Мы пропустили по паре стаканчиков, и я стал показывать ей альбом с фотографиями моделей, эскorterш, мас-

сажисток, девочек из ночных клубов, короче, всех, кого можно снять за деньги. На некоторых фото девушки были голые и в весьма откровенных позах. Я вручил ей альбом и сказал: «С чего ты взяла, что ты чем-то лучше всех этих девочек?» Она спокойно пролистала альбом, отложила его в сторону и молча направилась в ванную. Я включил телевизор и стал ждать, когда она выйдет. Но ее все не было и не было, и мне это показалось подозрительным. Я подошел к двери ванной и прислушался: тишина. Я позвал ее по имени, но ответа не последовало. Потянул за ручку, но дверь была заперта. Я крикнул, чтобы она открыла, но опять никто не ответил. Тогда я взломал замок отверткой. Она сидела голая на полу возле ванны, свесив внутрь обе руки. Ванна до краев наполнена горячей водой, а вода — красная от крови. Оба запястья она себе так глубоко распоролла, что в разрезах был виден слой бледно-желтого подкожного жира, словно тряпка какая-то. Лицо мертвенно-белое; я кричу, а она не слышит. Что бы вы стали делать в такой ситуации, мистер Уэйлин? Где бы нашли такого доктора, который доставит ее в больницу и не заявит ни в полицию, ни в газеты? И не позовет фотографов?

Ну, разумеется, вы же держатель контрольного пакета акций. У Компании много конкурентов, а еще больше врагов, внешних и внутренних. Например, в Компании ведутся разработки устройства, превращающего выхлопные

газы в воду и углекислый газ, верно? Компания надеется, что производители автомобилей в стране и за рубежом приобретут эти устройства в достаточном количестве, чтобы окупить расходы на исследования. Но многие держатели акции и сотрудники Компании знают, что ряд крупных моторостроительных фирм, включая автомобильные заводы в Детройте, уже в состоянии производить собственные очистные устройства, которые и дешевле, и лучше, чем ваши.

А что вы скажете насчет простагландинов? Это фантастическое лекарство, способное остановить развитие глаукомы, артрита, язвы двенадцатиперстной кишки, некоторых видов сердечной и почечной недостаточности. Кроме того, простагландины могут использоваться для контроля рождаемости. Вот уже двадцать лет все крупнейшие фармацевтические фирмы мира исследуют эти вещества. Вы вторглись на этот рынок всего лишь пять лет назад, вложили в исследования огромные средства и, кто знает, может, кое-что украли у конкурентов путем шпионажа. Неудивительно, что мистер Макоули проинформировал акционеров о намерении одной из крупнейших дочерних фирм приступить к маркетингу этого лекарства на мировых рынках по крайней мере на два года раньше конкурентов. Вы же понимаете, что для них это просто катастрофа. Думаю, не стоит вам объяснять, что вы уже на заметке у многих людей. Шантаж, покушение, скандал — возможно всё.

Маленькое замечание на тот случай, если вы наймете меня. Я знаю, что вы не собираетесь в будущем ходить на службу каждый день и вообще ведете неупорядоченную жизнь. Поэтому я ничего не смогу сделать, если мой рабочий день будет ограничен несколькими часами. Я должен иметь возможность находиться рядом с вами или неподалеку от вас в любое время дня, вечера и ночи так часто, как это потребуется в интересах вашей безопасности.

Никогда не платите мне вперед, мистер Уэйлин. Вот что я вам скажу: никто не будет знать про вас больше, чем буду знать я. Вот почему, понятное дело, в предательстве тоже первым делом заподозрят меня. Я вам это говорю, потому что рано или поздно что-нибудь в таком роде все равно случится. Если вам причинят ущерб, вашей первой мыслью будет, что это — моих рук дело. Если вас убьют, я буду первым в списке подозреваемых.

* * *

Еще когда я учился в колледже, я как-то показал матери фотографию, на которой стоял, прислонившись к живой изгороди, вместе с Кэйрин. Мать посмотрела на фото и сказала, что я очень красивый, а вот изгородь во дворе колледжа давно не подстригали. Уже тогда она всячески давала понять, что в упор не видит Кэйрин.

Я взял напрокат яхту, и мы с Кэйрин провели целый вечер, курсируя вокруг Манхэттена. Яхта казалась юрким волчком, прыгающим по гигантской водной сцене. В устье Гудзона мы проскочили между двух трансатлантических судов: одно направлялось в док, а другое — в открытое море. Пассажиры смотрели с палубы вниз, как мы накрываем себе ужин. Кэйрин рассказывала мне про свою групповую терапию и утверждала, что никто в группе не хочет идти на контакт с ней. На последнем занятии они разыграли одну любовную историю из ее жизни: Сьюзен была в роли молодого человека. Вначале Сьюзен боялась, что не сможет сыграть эту роль достаточно убедительно. Она говорила, что вообще не хочет принимать в этом участие, но потом все же согласилась из преданности Кэйрин.

После примерки мой портной спросил, нравятся ли мне порнографические фильмы. Я сказал, что иногда — да. Тогда он предложил мне покурить травки, а затем принялся рассказывать о звездах кино и телевидения, которых ему доводилось обшивать. Все в ателье ушли домой, остались только мы вдвоем. Он послал за дополнительными образцами тканей и предложил, пока мы ждем, посмотреть порнуху. Трава меня слегка вставила, и я согласился. Фильм почему-

то оказался вверх ногами, а портной не знал, как его перевернуть, не испортив, так что мы так и смотрели скандинавское крутое порно с перевернутым изображением. Затем он предложил мне заняться любовью. Это мне показалось даже любопытно. Я был слегка заинтересован, хотя и знал, что человек этот не совсем в себе, что он может просто подрочить на меня, а затем рассказывать всем друзьям, какой я крутой в постели. С одной стороны, я был не прочь, с другой — во всей этой истории было что-то неприятное. Я решил уйти и что-то пробормотал насчет деловой встречи. Он не стал спорить, записал в тетрадь мои мерки и рассказал напоследок пару сплетен об одном из известнейших в городе бизнесменов.

* * *

Компания с удовольствием воспользуется вашими услугами, мистер Уэйлин, в недавно открытом департаменте корпоративных и экономических исследований. Вы будете много путешествовать, вам представится возможность посетить самые отдаленные части света. Компания недавно провела ряд изысканий в Индонезии. Они дали отличные результаты, если говорить о перспективах разработки нефтяных месторождений. Возможно, на Дальнем Востоке, мистер Уэйлин, намного больше нефти, чем на Ближнем. Но тут будут проблемы только политического характера. Если нефть

там есть — а мы полагаем, что есть, — придется вести переговоры с местными правителями. И тогда характер отношений между нашей страной и Индонезией приобретет для нас жизненно важное значение. Знаете ли вы, что азиатский нефтяной рынок — самый быстрорастущий рынок в мире? К концу этого десятилетия одни только японцы будут потреблять свыше одиннадцати миллионов баррелей нефти в день. Примите также во внимание, что в прибрежном шельфе Юго-Восточной Азии достаточно нефти, чтобы удовлетворить эту потребность. Но в настоящий момент добыча там минимальна. Индонезия — крупнейший производитель нефти в Азии, но добыча при этом не превышает миллиона баррелей в день. Поэтому японцы всецело зависят от арабской нефти. Они, конечно, предпочли бы индонезийскую, поскольку та ближе и перевозить ее дешевле. Кроме того, эта нефть содержит мало серы, что снижает загрязнение окружающей среды при сжигании жидкого топлива. Вот по всем этим причинам Компания и развернула долговременную программу изысканий в прибрежном индонезийском шельфе, и мы очень надеемся на то, что политическая стабильность в Индонезии обеспечит нам свободный доступ к этим месторождениям.

Мы не можем говорить открыто о наших целях: это привело бы к нежелательным последствиям. Поэтому работать в этом направлении следует деликатно.

В зале наступила тишина. Погас свет, только один яркий луч прожектора освещал хрупкого человека, поднимавшегося на подиум. Аудитория, состоявшая из одних только мужчин, внимательно следила за ним. Он слегка оступился на мраморной ступеньке и чуть было не упал, но быстро поймал равновесие. Никто в зале даже не шелохнулся. Уэйлин ясно сознавал, что позволил вовлечь себя в события, ход которых необратим. Только теперь он до конца понял ту фразу, которую Сьюзен однажды бросила в адрес Кэйрин: «Из всех млекопитающих только человек способен сказать „нет“. Корова не может представить себя отдельно от стада. Вот почему все коровы похожи друг на друга. Сказать „да“ означает следовать за массами, делать лишь то, что все от тебя ожидают. Сказать „нет“ означает отделить себя от толпы и утвердиться как независимая личность».

Секретарь Ордена добрался наконец до кафедр, перевел дух и дрожащим голосом начал:

— Каждое объединение людей, преследующих общие цели, должно ставить перед собой задачи, которые члены его надеются реализовать при помощи связующей их силы взаимной симпатии и товарищеской поддержки. Мы торжественно заявляем, что задачами нашего Ордена являются воспитание в личности высоких идеалов мужественности и ответственности,

улучшение характера через развитие интеллекта и единение на основе взаимной преданности и товарищества.

В пылу нашей борьбы мы никогда не должны забывать, что личность в первую очередь оценивается по ее достоинствам, в числе которых — достойные амбиции, красноречивость, чистота помыслов и прямота.

Ты, Джонатан Джеймс Уэйлин, посвящаешься ныне в члены Ордена, задачи которого были только что перед тобою раскрыты. По мнению Братьев, ты достоин нашего доверия и потому принимаешь сегодня посвящение. Мы приглашаем тебя разделить с нами все наши права и привилегии, предлагаем тебе нашу верную дружбу и помощь во всех начинаниях. Мы уверены, что ты солидарен с целями Братства и полностью разделяешь их. Если мы заблуждаемся и если цели эти несовместимы с высшими идеалами, которым ты следуешь, ты обязан объявить нам об этом прямо здесь и сейчас.

Луч прожектора сполз со сцены и уткнулся в Уэйлина. Взгляды всех присутствующих обратились к нему. Уэйлин продолжал сидеть, не шелохнувшись и не промолвив ни слова. Секретарь продолжал:

— Джонатан Джеймс Уэйлин! Встань, обратись лицом к Братьям и произнеси присягу на верность нашим целям.

В зале стало светлее. Уэйлин встал и услышал, как его собственный голос произнес:

— Торжественно клянусь перед лицом Братьев сего Ордена, отсутствующих и присутствующих, соблюдать устав, чтить традиции и обычаи Ордена и преследовать любыми доступными мне путями цели, ради которых он существует. Да поможет мне Бог!

* * *

Я ищу работу, мистер Уэйлин, потому что устал. Живу я один. Моя жена умерла, дети выросли, и я не знаю, ни где они, ни с кем они живут. Последние пять лет я перегоняю маленькие самолеты с заводов к покупателям в Европе, Африке, Латинской Америке и Японии. Вам известно, что маленький самолет дешевле доставить собственным ходом, чем отправить морем? На заводе с самолета просто снимают все, что можно отправить отдельно, заполняют освободившееся место лишним баками с горючим и укрепляют шасси самолета, чтобы он мог приземляться с этим дополнительным весом. Таким образом оборудованный самолет в состоянии совершать перелеты на расстояния в два раза большие, чем его обычная полетная дальность, — и делать это приходится часто. А поскольку самолет, что называется, «прямо с конвейера», то в нем всегда имеется много мелких недоработок, и потому нужно свести к минимуму число взлетов и посадок, особенно если самолет перегружен. В этой стране около пятидесяти пилотов международного класса, летающих через океан на малых само-

летах, и каждый год один из десяти гибнет. Может быть, именно поэтому один из них и говорит сейчас: хватит!

* * *

Мы будем путешествовать без спешки, Уолтер, поэтому, пока мы здесь все вместе, я хотел бы узнать от тебя и от Хелен как можно больше про моего отца и про Компанию.

Я заказал чартерный рейс на реактивном самолете «Гольфстрим II». Он отвезет нас в Момбасу. Обычно этот лайнер рассчитан на тридцать пассажиров, но я приказал переделать его интерьер для трех персон. Я снял для нас виллу в Укунде. Это неподалеку от Момбасы. Рядом с виллой есть взлетно-посадочная полоса для нашего второго самолета, «Локхид Джет Стар». Он специально переоборудован для взлета и посадки в любых условиях. Мы будем совершать полеты в такие места, куда не забираются даже браконьеры.

В это время климат на побережье Индийского океана очень мягкий. Надеюсь, вы с Хелен примете мое приглашение. Мы можем вылететь на следующей неделе.

* * *

Завтрак был сервирован на террасе с видом на океан. Уэйлин передал Хоумету бинокль.

— А вот это — баобаб, — сказал он, махнув рукой в сторону сада. — Туземцы называют бао-

баб «чертово дерево». Они утверждают, что черт однажды запутался в его ветвях и в наказание перевернул баобабы вверх тормашками. Из-за этого, считают туземцы, корни баобабы стали ветвями, а ветви — корнями. Чтобы не выросло больше баобабов, черт уничтожил все молодые деревца. Вот почему, говорят туземцы, существуют только взрослые баобабы.

Уэйлин посмотрел в сторону океана.

— Посмотрите на риф, — сказал он. — Это естественный барьер, который защищает наш пляж от акул. Он протянулся вдоль берега на многие мили. Океан — это огромный аквариум. В Индийском океане можно увидеть морские анемоны и кораллы, здесь живут самые экзотические морские твари в мире.

— Как это мило с твоей стороны, Джонатан, — отозвался мистер Хоумет, не переставая сковыривать ножом скорлупу с вареного яйца. — Мы с Хелен сами бы сюда ни за что не выбрались. Правда, Хелен?

Хелен сказала с волнением в голосе:

— Я просто не могу в это поверить! Еще позавчера мы были в Вудбери, штат Коннектикут. А посмотри, где мы сейчас!

Она забрала бинокль у мужа и принялась разглядывать песчаную отмель.

После завтрака Уэйлин приказал слугам подготовить надувную лодку, комплект для подводного плавания, сэндвичи, напитки и фрукты. Он объяснил, что собирается провести день,

исследуя рифы вместе с гостями, и что пообедуют они на одной из песчаных банок рядом с рифом.

Он поднялся в комнату, чтобы свериться с таблицей отливов и приливов. Вскоре прилившая волна перекатится через риф и начнет заливать отмели. С балкона он увидел Хоуметов, направляющихся к пляжу. Уэйлин спустился и помог миссис Хоумет усесться в надувную лодку, в то время как чернокожий слуга удерживал посудину за борт. Затем Уэйлин и Хоумет принялись толкать лодку перед собой, пока не зашли по колено в воду. Когда Хоумет устал, Уэйлин помог ему забраться в лодку, затем уселся в нее сам и завел маленький подвесной моторчик. Лодка быстро заскользила по чистой воде. Хоуметы рассматривали море сквозь прозрачное днище, испуганно вскрикивая, когда какая-нибудь большая рыба внезапно кидалась в сторону лодки. Уэйлин держал курс прямо к рифу, и вскоре желтый песок пляжа уже нельзя было разглядеть. Хоумет расчехлил фотоаппарат и сфотографировал свою жену на фоне далеких серо-зеленых джунглей.

— Моя мать говорила мне, — сказал Уэйлин, — что мой отец делил всех своих знакомых на две категории: на сухих и мокрых. Он доверял только тем, кто потеет, потому что считал, что пот сразу выдаст такого человека, если он солжет. Тем, кто не потеет, он не доверял. А я смотрю, что вы, Уолтер, почти не потеете и при африканской жаре.

Они были очень далеко от берега. С другой стороны рифа грохотал прибой. Уэйлин выбрал для высадки одну из самых отдаленных песчаных банок. Он вытащил лодку на песок и помог своим спутникам выйти из нее. Хоумет достал из лодки припасы, а Уэйлин расстелил на песке большое пляжное покрывало. Тем временем миссис Хоумет в широкополой соломенной шляпе снимала на пленку, как большая морская звезда ползает в мелкой воде.

— Это сущий рай! — воскликнул Хоумет. — Райский островок посреди океана, далеко от берега, от твердой земли, от людей! Как тебе удалось отыскать такое место, Джонатан?

— Я здесь был только один раз, когда приезжал посмотреть гонки песчаных яхт на Бахати-Бич, — сказал Уэйлин. — Здесь я, кстати, научился управлять этими яхтами.

Он готовил свой акваланг к погружению, в то время как миссис Хоумет продолжала безостановочно фотографировать.

— Интересно, как давно существует этот остров? — спросила миссис Хоумет, показывая пальцем на песок у себя под ногами. — Он такой чистый, словно его регулярно моют. Никто не живет здесь, кроме морских звезд.

Уэйлин осмотрел горизонт в бинокль. Ни корабля, ни лодки, ни живой души. Мир вокруг был пуст.

— Я думаю, океан и правда порой прополаскивает его. В шторм, — сказал рассеянно

Уэйлин, прислушиваясь к нарастающему вдалеке шуму прибоя.

Затем миссис Хоумет сфотографировала, как Уолтер помогает Уэйлину надеть на спину кислородные баллоны. Когда все было готово, Уэйлин уселся на край песчаной банки и соскользнул в воду. Он нырнул к самому коралловому дну и заскользил вдоль банки, вспугивая по пути стайки пестрых рыбок. В одной из расщелин рифа он заметил голубую рыбу-собаку. Как только рыба надулась, Уэйлин взял ее в руки и выскочил из воды. Он появился на песке неожиданно для Хоуметов, которые отдыхали на покрывале. Их бледные, морщинистые лица были наполовину скрыты полями соломенных шляп. Рыба-собака так надулась, что, казалось, вот-вот взорвется. Миссис Хоумет сняла рыбу в руках Уэйлина на кинопленку, а Уолтер сфотографировал процесс съемки.

— Я вас ненадолго покину, — сказал Уэйлин. — Я думаю, тут водятся морские змеи. Хочу поймать одну.

— Береги себя, Джонатан! — сказал Хоумет. — Помни про Иону!

Видно было, что он не прочь, чтобы Джонатан оставил их одних. Миссис Хоумет помахала ему на прощанье рукой и улыбнулась. Затем оба супруга натянули шляпы на самый нос и улеглись обратно на покрывало, чтобы вздремнуть. Проходя мимо лодки, Уэйлин швырнул

рыбу-собаку обратно в море, взял буксировочный канат и забросил его в лодку. Уже под водой он снова ухватился за канат и слегка оттащил лодку в море — теперь ее днище уже не сидело прочно на песчаном дне. Ветер и начинающийся прилив довершат его дело — лодка будет медленно дрейфовать прочь от песчаной банки. Уэйлин начал свой долгий путь в сторону Укунды. Через несколько минут он всплыл на поверхность и обернулся назад. Хоуметы превратились в две черные точки посреди желтой полоски песка. Дрейфующая без руля и ветрил лодка была тоже хорошо видна, но Хоуметы ее еще не заметили. Уэйлин снова погрузился под воду и поплыл по мелководью в холодных потоках приливного течения, в вихрях поднятой им на дне песчаной бури. Когда Уэйлин снова всплыл и оглянулся, он увидел, что песчаная банка бесследно исчезла, словно водный лыжник, выпустивший канат из рук.

Уэйлин снял маску и поплыл по направлению к Укунде. В джунглях не колыхалась ни одна ветка, на небе не было ни облачка, море, казалось, застыло.

Добравшись до виллы, Уэйлин разбудил дремавших на веранде слуг и приказал завести двухмоторный катер. Он объяснил, что, пока он нырял с аквалангом, его гости исследовали риф в надувной лодке. Он потерял их и теперь хотел, чтобы слуги нашли их и привезли, а он пока приготовит все для слепопуденного чая.

Уэйлин чувствовал прилив энергии откуда-то извне, словно он долго голодал, а теперь насыщается из какого-то невидимого источника. Несколько раз посреди бела дня он чуть было не засыпал, но потом вдруг оживал. Внутри себя он слышал смех шаловливого ребенка, который испытывает ненасытную потребность в физическом движении.

Порой казалось, что ему никогда не удастся выразить переполнявшие его мысли и чувства. Он боролся с этим ощущением, которое окутывало его со всех сторон словно прозрачная мембрана, парализуя его волю и изолируя разум. Он боролся, но не мог ничего поделать. Он потерял над собой контроль, словно одержимый чужой волей.

Человек подошел к Уэйлину и пожал ему руку.
— Здравствуйте, мистер Уэйлин! Рад познакомиться. — Затем он снял плащ и подождал, пока Уэйлин сядет обратно на место.

— Я рад, что моим юристам удалось вас уговорить сюда приехать, — сказал Уэйлин. — Надеюсь, эта внезапная поездка не причинила вам слишком много неудобств?

— Что вы, совсем напротив. Я просто счастлив. Я так мечтал побывать в Нью-Йорке, да все не представлялось возможности, — чем длиннее были фразы, тем заметнее становился акцент собеседника.

Подошел официант с заказанными напитками. Уэйлин поднял стакан, его визави ответил тем же. Они молча выпили.

— Я вызвал вас на эту встречу, поскольку нуждаюсь в честном совете. Дело в том, что я хочу... — Уэйлин слегка замялся. — Я хочу стать хорошим спортсменом. За очень короткое время.

— Ясно. Юрист, который направил меня сюда, сказал то же самое.

— Он не сказал самого главного. Я никогда прежде не занимался спортом. Последний раз на лыжи я вставал еще маленьким мальчиком. Отец пытался научить меня плавать и играть в гольф — без толку. Очевидно, я не очень-то и хотел. Когда я учился в Йеле, я занимал последнее место во всех соревнованиях. У меня ничего не получилось с серфингом. Я не люблю фехтовать, боюсь лошадей и не играю в гандбол. — Уэйлин сделал паузу. — Вы — чемпион Олимпийских игр по горным лыжам. Скажите, вы сможете сделать так, чтобы я выиграл чемпионат мира по скоростному спуску?

— По скоростному спуску?

— Да. Вы уже в курсе, сколько я собираюсь платить за тренировки. Единственное, чего не сказал вам мой юрист, это что, если я выиграю, вы получите в пять раз больше.

— Один только вопрос, мистер Уэйлин. Почему горные лыжи? Почему не авиаспорт, не автоспорт или там теннис? Есть много опытных тренеров, которые...

— Потому что никто не сомневается, что я могу позволить себе самый быстрый и безопасный глассер, планер или гоночный автомобиль. А теннис отнимает слишком много времени.

— Ясно. Но почему все же скоростной спуск?

— Честный вид спорта. Никакого трюкачества.

— Сезон уже почти закончился... Вы действительно хотите выиграть чемпионат?

— Да. При этом я вовсе не привык выигрывать по жизни. Итак, что скажете?

Человек встал и принялся прохаживаться по комнате.

— Не хотелось бы расстраивать вас, мистер Уэйлин, — сказал наконец он, — но для таких безжалостных тренировок нам понадобится помощь ортопеда и специалиста по физической реабилитации. Ведь нам придется развивать мускулатуру ног и пресса за кратчайший срок. Мы начнем тренировки на Ле-Дьяблерет и на других высокогорных ледниках, до которых можно добраться вертолетом. При таком темпе тренировок вам придется таскать на себе специальные приспособления, которые предохранят вас от опасных падений. Портативный гироскоп с аккумуляторным питанием, размером не больше велосипедного колеса — его необходимо заказать прямо сейчас. Вы будете кататься с ним; он поможет вам на первых порах правильно выполнять повороты. На время тренировок необходимо нанять четырех

видеооператоров, которые сами были бы хорошими лыжниками. Они будут снимать каждый спуск с различных углов; это позволит нам сразу после спуска перемотать ленту и разобрать с помощью маленького видеомонитора все ваши ошибки. А вечером мы сможем просмотреть отснятые кассеты на большом экране.

* * *

Она расстегнула верхнюю пуговицу на блузке, одним движением скрестила руки у себя над головой и стянула ее. Он разглядывал ее белую кожу и колыхающуюся грудь, пока она расстегивала молнию на юбке. Затем, покачивая бедрами, она заставила юбку сползти на пол. Не сводя с него глаз, засунула большие пальцы под резинку черных трусиков и медленно опустила их на уровень лодыжек. Затем она расстегнула бюстгальтер и переступила через сваленную на полу груды одежды.

Затем она наклонила голову, легла на коврик и раскинула в стороны руки. Икры напряглись, когда она вытянула ступни. Сначала ее кожа показалась ему очень сухой и холодной, но вскоре он уже не мог понять, где начинается ее тело и где кончается его. Он посмотрел в висящее на стене зеркало и увидел, как движутся их тела. Тогда он стал проникать в нее еще глубже. Ее лицо блестело от пота, ноги были широко разведены, пальцы впивались ему в спину. В зеркале их изображения казались

раздутыми, в ярости сцепившимися и терзающими друг друга монстрами. Не спуская глаз с зеркала, Уэйлин резко поднялся с женщины и откинул волосы со лба.

Схватив за руку, он рывком заставил ее встать и усадил на подлокотник мягкого кресла. Затем поднял руку и с размаху ее ударил. Плоть женщины сначала побелела, а затем резко покраснела в месте удара. Уэйлин ударил снова, на этот раз сильнее. Женщина только чуть слышно простонала в ответ.

* * *

Она схватилась за перила и приоткрыла рот, как будто хотела заплакать. Волосы упали ей на глаза, и Уэйлин не мог разглядеть выражение ее лица. Она не шевелилась. Уэйлин ждал, что она станет делать. Затем, надеясь спровоцировать ее хоть на какую-нибудь реакцию, он пересек лестничную площадку, вошел в свою комнату и захлопнул за собой дверь.

* * *

На следующей неделе Уэйлин заболел. Врачи в клинике не сказали ему, что с ним, и не прописали никаких лекарств. Ему постелили на маленькой террасе рядом с его комнатой, и он лежал на кровати одетый, весь день напролет глядя в небо. Он не знал, отчего ему больно. Он просто лежал, надеясь, что придет забытие. Жизнь клиники и города была ему неинтересна. Когда медсестры заводили с ним беседу, он за-

ставлял себя болтать с ними и даже улыбаться, но это усилие вскоре истощало его. Он чувствовал наступление дня, даже если жалюзи были опущены, даже если он лежал с закрытыми глазами. Он вставал раньше, чем больничный персонал, и лежал, прислушиваясь к знакомым звукам: вот проехал мимо автобус, вот кто-то завел на озере лодочный мотор.

Ночью, когда везде было тихо, он прислушивался к чьим-то случайным шагам в пустом больничном коридоре. Звуки эти были ему привычны, они его не беспокоили. Под лучами утреннего солнца он лежал, равнодушный к волнам омывающего его теплого весеннего воздуха, словно камень на берегу озера. Какая-то тяжесть постоянно давила на грудь. Отделенные от тел голоса движущихся вокруг него людей превращались в абстракции. Он ощущал только поверхность вещей; формы превращались в пустотелые фигуры, лишённые веса. Он закрывал глаза, чтобы отогнать эти плоские тени, которые когда-то были объёмными и что-то значили в его жизни, и голоса, которые когда-то отзывались у него в сердце. Иногда ему хотелось, чтобы что-нибудь рядом с ним изменилось, и он догадывался, что это желание, возможно, является прелюдией к выздоровлению. Но даже отблеск надежды вскоре утомлял его сознание; тяжелый груз вновь ложился на грудь, и он падал в изнеможении на подушки. Ему хотелось просто выдержать эту пытку — и всё.

Однажды ночью его тело отказалось заснуть. Он встал, вышел из клиники и направился прямо к берегу озера. Вода была укутана в простыни тумана; не было видно ничего кроме берега. Воздух пах так, как пахнет мох. Он вдохнул в себя утреннюю росу, прислушался к плеску волн и почувствовал, как затылок покрывается гусиной кожей. Туман начал подниматься с воды. Он взгляделся в него и увидел на другом берегу мерцающие огоньки вилл и отелей Женевы.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка о мальчике, которому до поры до времени везло. <i>И. Кормильцев</i>	5
СТУПЕНИ. <i>Роман</i>	35
САДОВНИК. <i>Повесть</i>	199
ЧЕРТОВО ДЕРЕВО. <i>Роман</i>	315

Ежи Косински

**СТУПЕНИ. САДОВНИК.
ЧЕРТОВО ДЕРЕВО**

Ответственный редактор *Татьяна Уварова*
Художественный редактор *Егор Саламащенко*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Наталии Нагиной*

Подписано в печать 21.11.2003.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,72. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1293.

ИД № 02164 от 28.06.2000.
Торгово-издательский дом «Амфора».
197022, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, д. 23.
E-mail: amphora@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

издательство
амфора

Издательство «Амфора»
в Интернете

<http://amphora.ru>

Новости
Новинки
Полный каталог книг

Отрывки из неопубликованных романов
Эксклюзивные интервью с авторами
издательства
Информация для молодых писателей

Удобная система поиска
Возможность интерактивного заказа книг
для оптовых покупателей

<http://amphora.ru>

Издательство «Амфора» on-line 24 часа в сутки!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

представляет новую серию
**«РОМАНТИЧЕСКАЯ
КОМЕДИЯ»**

А
М
Ф
О
Р
А

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ —
это «Секс в большом городе» и «Дневник Бриджит Джонс».

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ — это нечто новое,
она отличается от привычных жанров тем, что:

В ней есть **занимательный сюжет**,
но, в отличие от *иронического детектива*,
никому не отрежут голову.

В ней есть **любовная линия**,
но, в отличие от *женского романа*, далеко не всегда
дело кончается свадьбой.

В ней присутствует **рискованный юмор**,
но, в отличие от *современной классики*, ни один из героев
не станет утверждать, что каннибализм —
это забавный жизненный опыт.

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ — это истории
не про бандитов и не про ангелов.

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ — это книги про обычных людей.

издательство
амфора

представляет книги,
вошедшие в новую серию
**«РОМАНТИЧЕСКАЯ
КОМЕДИЯ»**

Хелен Филдинг
Дневник Бриджит Джонс

Хелен Филдинг
**Бриджит Джонс:
границы разумного**

Хелен Филдинг
Причина успеха

Изабель Вульф
Стеклянная свадьба

Арабелла Вейр
Дневник Жаклин Пейн

Крис Манби
Клуб одиноких сердец

Мелисса Бэнк
**Руководство для девушек
по охоте и рыбной ловле**

Сара Харви
Лига чемпионок

Илдиго фон Кюрши
Тариф на лунный свет

Франческа Климентис
Большие девочки не плачут

Читайте смешные, жизнеутверждающие, увлекательные книги
знаменитых писательниц!

***По вопросам поставок
обращайтесь:***

ЗАО Торговый дом «Амфора»

115407, Москва,
ул. Судостроительная, д. 30, корп. 1, под. 3
(рядом с метро «Коломенская»)
Тел.: (095) 116-68-06
Тел./факс: (095) 116-77-49
E-mail: amphoratd@bk.ru

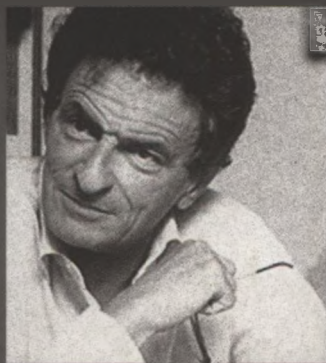
ЗАО Торгово-издательский дом «Амфора»

197022, Санкт-Петербург,
наб. реки Карповки, д. 23
Тел./факс: (812) 346-04-51, 346-22-71
E-mail: amphora_torg@mail.ru

Совершая самоубийство, человек становится частью истории в том смысле, что люди могут и даже обязаны говорить о нем «он был». Он перекладывает ношу своего прошлого на плечи мира, на плечи истории. Но даже в случае саморазрушения тень переживает тело. Актом самоубийства человек обязывает других вспоминать его и судить о нем, обсуждать, каким он был. Это способ жить после смерти.

Ежи Косински

Создав о себе миф, Косински, автор бестселлеров, лауреат престижных премий, президент американского ПЕН-клуба, добровольно ушел из жизни, предоставив нам возможность самим решать, где правда и где вымысел.

www.amphora.ru

9 785942 784249

ISBN 5-94278-424-8